Проф. В. В. БОЛОТОВЪ.

ЛЕКЦІИ
ПО ИСТОРІИ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

I.

Введеніе въ церковную исторію.

Посмертное изданіе подъ редакціей
проф. А. Брилліантова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.
1907.

Приложеніе къ „Христіанскому Чтенію“ за 1907 г.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ЦЕРКОВНУЮ ИСТОРІЮ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Предисловіе . . . . . I—IX

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ЦЕРКОВНУЮ ИСТОРІЮ.

I. Предварительныя понятія . . . . . 1—39

1. **Понятіе объ исторіи.**—Исторія, какъ наука honoris causa (1—5).—Смыслъ слова „исторія"; различіе между γνῶσις и εἴδησις и задача исторіи (6—8).
2. **Понятіе о церкви.**—Наименованія церкви отъ мѣста богослужебныхъ собраній (Kirche, церковь) (9—10).—Значеніе наименованій ἐκκλησία и ʼedta (10—14).
3. **Работа историка.**—а) Собраніе матеріала (14).—б) Критика низшая (14—18) и высшая (18—22). Примѣръ приложенія пріемовъ исторической критики къ извѣстіямъ о крещеніи Константина В. (22—26).—в) Установленіе связи событій (27—28).
4. **Объективность и конфессіонализмъ въ церковной исторіи.**—Требованіе любви къ истинѣ отъ историка (28—29).—Возраженіе противъ объективности церковной исторіи, какъ науки богословской (29—30).—Конфессіонализмъ въ церковной исторіи (30—32).—Отношеніе къ исторіи различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (32—38).—Вопросъ о пользѣ церковной исторіи (38—39).

II. Вспомогательныя науки для церковной исторіи . 39—105

Дипломатика (40—43).—**Сфрагистика.** (43—44).—**Эпиграфика** (44).—**Нумизматика** (44).—**Палеографія.** Матеріалъ для письма (44—46); задачи палеографіи: чтеніе рукописей (46—48) и опредѣленіе времени и мѣста написанія ихъ (48—52); значеніе палеографіи (52—54).—**Филологія** и ея значеніе (54—57).—**Географія.** Значеніе собственныхъ именъ географическихъ (57—58); пособія и первоисточники по исторической географіи древняго міра и по церковной географіи (58—60). Церковная **статистика** (60).—**Ономатологія** (просопографія). Пособія для опредѣленія собственныхъ именъ епископовъ и другихъ лицъ (61—64).—**Право.** Пособія для уясне-

СТР.

нія наименованій должностей (64—65).—**Метрологія** и метрологическія наименованія (65—66).—**Хронологія** матеріальная и формальная (66—67). Труды по 1) матеріальной хронологіи (67—69). 2) Формальная хронологія (69—71): а) техническая (71—73) и б) математическая (астрономическая) (73—76).—Свѣдѣнія о различныхъ эрахъ и способахъ лѣтосчисленія.—Римское лѣтосчисленіе по консуламъ (76—82); эра ab urbe condita и греческое счисленіе по олимпіадамъ (82).—Восточное (сирійское) лѣтосчисленіе: эра Селевкидовъ (83—84); антіохійская эра (84).—Египетское лѣтосчисленіе: эра Діоклетіана (84—85).—Лѣтосчисленіе отъ Р. Х. (эра Діонисія) (86—87); испанская эра (87). Вопросъ о времени рождества и смерти Христа (87—92).—Лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра: традиціонная дата (5500), счисленіе византійское и александрійское (эра Анніана) (92—95).—Таблица датъ по различнымъ эрамъ для времени отъ 44 г. до Р. Х. по 42 г. послѣ Р. Х. (96—98).—Лѣтосчисленія абиссинское, грузинское и армянское (98—100).—Мусульманское лѣтосчисленіе (101—102).—Византійское лѣтосчисленіе по индиктіонамъ (102—105).

III. Источники церковной исторіи . . . . 106—212

1. **Монументальные источники.** — Значеніе ихъ (107—108).—Написи на камнѣ (108—113).—Печати (113—114).—Монеты (114—117).

2. **Книжные источники общаго характера и ихъ фундаментальныя изданія.**—Творенія св. отцовъ и церковныхъ писателей.—Древніе сборники святоотеческихъ писаній (118).—Изданія Маи (118—119).—Патрологія Миня (119—121).—Изданія Питры (121—122).—Вѣнскій Corpus латинскихъ писателей (122—124) и Monumenta Germaniae historica (124—125).—Значеніе Патрологіи Миня для греческихъ писателей и неполнота ея (125—127).—[Примѣч. Берлинское изданіе греческихъ христіанскихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ (126—127).—Изданія восточныхъ писателей: Patrologia orientalis и Corpus scriptorum christianorum orientalium (127—128)].—Дѣянія соборовъ.—Изданія XVI—XVII вв. (127—131).—Изданія Гардуэна (131—132) и Манси (132—134).—Планъ для новаго изданія соборныхъ документовъ (134—136).—Агіографическіе памятники.—Acta Sanctorum болландистовъ (136—139).—Мученическіе акты (139).

3. **Спеціальные источники церковной исторіи.**

Греческая церковная исторіографія.

Евсевій кесарійскій.—Его личность (139—140) и сужденія о немъ, какъ богословѣ (140—141) и историкѣ (141—144).—а) Хроника Евсевія; утрата подлинника (144—145) и изданія переводовъ ея (145—146); изданіе Schöne (146—147) и указанія и коррективы къ нему Гутшмида (147—151).—б) Церковная исторія, ея происхож-

СТР.

деніе (151—152) и значеніе (152—154). Сказаніе о мученикахъ палестинскихъ (154—155). Изданія исторіи Евсевія (155—159). — в) Жизнь Константина (159—160).—Продолжатели Евсевія въ V и VI в.—Филосторгій, Исихій, Филиппъ сидскій (160—161).—Сократъ и его церковная исторія (161—165).—Созоменъ: вопросъ о его отношеніи къ Сократу и значеніе его труда (165—168). — Θеодоритъ, его церковная исторія и другія историческія сочиненія (168—171).—Θеодоръ Чтецъ, Іоаннъ Діакриноменъ и Василій киликійскій (172). — Евагрій и его церковная исторія (172—172). — Византійскіе гражданскіе историки и хронисты.—Гражданскіе историки въ собственномъ смыслѣ: Прокопій кесарійскій (173—175). —Хронисты (175—176).—Панодоръ и Анніанъ (176).—Іоаннъ Малала (176—177).—Пасхальная хроника (177—179).—Никифоръ константинопольскій (179—180).—Θеофанъ Исповѣдникъ (180—181). — Георгій Амартолъ и дальнѣйшіе хронисты (181—182).—Генесій (182—183).—Іоаннъ Скилица и Георгій Кедринъ (183).—Іоаннъ Зонара и позднѣйшіе писатели (184).—Церковная исторія Никифора Каллиста (184).

Латинская церковная исторіографія.

Переводы съ греческаго языка (185—186). — Оригинальные труды по церковной исторіи: Лактанцій, Руфинъ, Орозій, Сульпицій Северъ, Либератъ, Викторъ витскій, національныя исторіи (186—188). — Западные хронисты: Проспферъ, Идатій, Марцеллинъ, Викторъ туннунскій (188—190).—Трудъ Іеронима De viris illustribus (190).—Liber Pontificalis (190—192).

Церковная исторіографія на восточныхъ языкахъ.

Церковная исторіографія въ Сиріи. — Переводы съ греческаго языка (193—194). —Труды Маруты (194).—Хроника съ именемъ Іисуса Столпника (195).—Переводъ и продолженіе исторіи Захаріи митиленскаго (195—196).—Іоаннъ эфесскій и его церковная исторія (196—197).—Эдесская хроника (197—198).—Діонисій теллъ-махрскій (198).—Михаилъ Великій и его хроника (199—200).—Григорій Абу-ль-Фараджъ (Варъ-Эвройо) и его труды (200—201).—Несторіанскіе писатели: Эбедъ-Іешу и Θома маргскій (201); Маринбн-Сулейманъ и Амрубну-Матта (201 — 202). — Церковная исторіографія въ Египтѣ.—Коптская церковная письменность (202—203).—Труды на арабскомъ языкѣ: Севиръ ашмунайнскій, Евтихій александрійскій, Петръ ибн-ур-Рахибъ, Аль-Макинъ Аль-Макризи (203—205). — Эѳіопская исторіографія. — Переводная хроника Іоанна никіускаго (206—208); самостоятельныя хроники (208—209).—Армянская исторіографія.—Добуквенный періодъ: Агаѳангелъ Римлянинъ, Зиновій глакскій, Фавстъ Византіецъ (209—211).—Послѣбуквенный періодъ: Моисей Хоренскій. Егише, Коріунъ. Лазарь фарпскій, позднѣйшіе историки (211—212).

стр.

IV. Раздѣленіе церковной исторіи на періоды . . . 212—228

Значеніе дѣленія исторіи на періоды (212—213).—Раздѣленіе исторіи церкви на два періода: до реформаціи и послѣ реформаціи (213).—Раздѣленіе на три періода и вопросъ о рубежѣ между древнимъ и среднимъ временами: эпоха Константина В., позднѣйшіе моменты (213—214).—Дѣленіе на періоды по формамъ образованія христіанской жизни (214—216).—Попытка Вольффа (216—218).—Раздѣленіе церквей, какъ основаніе дѣленія церковной исторіи на періоды и сравнительное значеніе отдѣленія отъ восточной церкви монофиситства и западной церкви (218—219).—Отдѣленіе монофиситовъ и шестой вселенскій соборъ, какъ эпоха (219—221).—Раздѣленіе церквей при Фотіѣ и Михаилѣ Керулларіѣ (221—226).—Граница перваго полупериода (миланскій эдиктъ 313 г.) (226—227).—Апостольскій періодъ, какъ предметъ библейской исторіи (227—228).

Указатель именъ . . . . . 229—234

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Василій Васильевичъ Болотовъ, насколько извѣстно, высказывался вообще противъ посмертныхъ изданій того, что не было предназначено къ печати самимъ авторомъ при жизни. Самъ онъ при этомъ поставилъ для себя задачей учено-литературной дѣятельности давать всегда въ печати или что-либо совершенно новое и неизвѣстное доселѣ въ наукѣ, или по крайней мѣрѣ поправки къ старому, а не повторять лишь то, что было уже найдено и сказано другими раньше [1]). Очевидно, посмертное изданіе его академическихъ чтеній, въ которыхъ ему по необходимости приходилось не столько выступать въ качествѣ изслѣдователя, открывающаго новое, сколько сообщать имѣющіеся уже въ наукѣ результаты и знакомить слушателей съ современнымъ ея уровнемъ, не соотвѣтствовало бы его собственнымъ взглядамъ и намѣреніямъ. Независимо отъ этого, попытка возстановить послѣ его смерти полный, по возможности, курсъ его лекцій сама по себѣ можетъ показаться весьма рискованною въ виду тѣхъ особенностей, какія представляетъ имѣющійся для выполненія этой задачи матеріалъ.

Взглядъ самого В. В. Болотова на посмертныя изданія, поскольку онъ не нашелъ прямого выраженія въ рѣшительномъ заявленіи его воли относительно этого предмета, можно однако, повидимому, сохраняя полное уваженіе къ памяти покойнаго ученаго, не считать непреодолимымъ препятствіемъ къ появленію въ печати читаннаго имъ курса,

[1]) См. *А. Брилліантовъ*. Къ характеристикѣ ученой дѣятельности проф. В. В. Болотова, какъ церковнаго историка. Христ. Чтеніе 1901, I, 470 (отдѣльный оттискъ, 6).

коль скоро имѣются серьезные мотивы для этого. Желаніе видѣть этотъ курсъ въ печати давно уже высказывается почитателями В. В. и оно имѣетъ основанія для себя какъ въ замѣчаемой у насъ настоятельной потребности въ изданіяхъ подобнаго рода, такъ и въ общепризнанномъ ученомъ авторитетѣ В. В. и извѣстныхъ его слушателямъ достоинствахъ его чтеній.

В. В. Болотовъ могъ считать обязательною лично для себя высокую точку зрѣнія ученаго, предлагающаго въ своихъ печатныхъ трудахъ лишь одно новое, и не тратить силъ на изложеніе уже извѣстнаго. Но въ общей экономіи науки, помимо спеціальныхъ изслѣдованій съ новыми результатами, необходимы и такіе труды, въ которыхъ хотя бы и не давалось по существу чего-либо новаго, подводились бы итоги прежнихъ работъ. Такое значеніе и имѣютъ прежде всего общіе курсы. Русская литература по общей и въ частности древней церковной исторіи, между тѣмъ, если можетъ выставить рядъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, за то обиліемъ общихъ курсовъ, которыми такъ богата западная (именно нѣмецкая) литература, похвалиться не можетъ. „Исторія Христіанской Церкви“ проф. И. В. Чельцова (Спб. 1862) ограничивается лишь первою частью перваго періода. Если не считать давно уже сдѣлавшагося библіографическою рѣдкостью „Опыта руководства по церковной исторіи“ проф. Ф. А. Терновскаго и С. А. Терновскаго, первая часть котораго („Три первые вѣка христіанства“. Кіевъ 1878) составлена по Гизелеру и Гагенбаху, вторая („Грековосточная Церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“. Кіевъ 1885) въ общемъ болѣе или менѣе самостоятельно, то единственное оригинальное изложеніе исторіи древней церкви на русскомъ языкѣ, хотя и не обнимающее всѣхъ ея отдѣловъ, съ продолженіемъ исторіи грековосточной церкви до новѣйшаго времени, мы имѣемъ только въ извѣстныхъ трудахъ проф. А. П. Лебедева. Въ качествѣ переводнаго труда, кромѣ не вполнѣ пригодной для русскихъ читателей исторіи Гассе (переводъ И. Соколова, Казань 1869—1870) и не оконченной въ русскомъ переводѣ исторіи Геттэ (I—III, Спб. 1872—1875) можно указать лишь на переведенную А. П. Лопухинымъ исторію Робертсона съ продолженіемъ для среднихъ вѣковъ и новаго времени Герцога (Спб. 1890—1891). При такихъ условіяхъ

можно лишь привѣтствовать всякій вновь появляющійся научно изложенный курсъ, тѣмъ болѣе курсъ такого ученаго, какъ В. В. Болотовъ.

Высокія требованія, какія В. В. Болотовъ не только предъявлялъ къ себѣ, какъ къ ученому, но и осуществлялъ на дѣлѣ, заставляютъ ожидать, что и его академическія чтенія будутъ такъ или иначе отражать въ себѣ его научныя стремленія и результаты его ученой дѣятельности, какъ изслѣдователя. Въ дѣйствительности въ его лекціяхъ, на ряду съ изложеніемъ прежде извѣстнаго, можно находить и много новаго, въ видѣ ли прямого сообщенія добытыхъ имъ результатовъ, частію отмѣченныхъ уже въ его печатныхъ трудахъ, или въ видѣ болѣе или менѣе прикровенныхъ намековъ. Можно указать, напр., что въ его литографированныхъ чтеніяхъ 1886/7 г. (также 1888/9) былъ отмѣченъ въ непрямой формѣ и безъ цитатъ одинъ изъ главныхъ тезисовъ его предполагавшейся докторской диссертаціи о діаконѣ Рустикѣ, именно открытая имъ принадлежность Несторію одного письма въ ряду переведенныхъ Рустикомъ документовъ, составляющихъ такъ называемый Synodicon Lupi. Но въ трудахъ такого рода, какъ общіе курсы, новою всегда можетъ являться болѣе или менѣе уже самая форма изложенія, болѣе яснаго и совершеннаго въ сравненіи съ другими подобными трудами, независимо отъ особенностей въ содержаніи. Эта формальная сторона имѣетъ въ данномъ случаѣ особенную важность, поскольку назначеніе общихъ курсовъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы дать возможность оріентироваться въ подлежащей области вновь вступающимъ въ нее. В. В. Болотовъ, будучи изслѣдователемъ, всегда точно и ясно ставившимъ для себя самого подлежавшіе рѣшенію вопросы, обладалъ въ высокой степени и даромъ яснаго и въ то же время живаго и выразительнаго изложенія своего предмета. Въ его лекціяхъ эти качества и обнаруживаются съ полною наглядностію, тогда какъ его спеціальныя изслѣдованія, при крайне сжатомъ изложеніи, обычно слишкомъ бываютъ загромождены разными подробностями и цитатами и слишкомъ многое предполагаютъ извѣстнымъ читателю, чтобы быть легко доступными для непосвященныхъ.

Вообще, говорить много о цѣлесообразности и желательности появленія въ печати курса лекцій В. В. Болотова

было бы совершенно излишне, если бы не приходилось считаться съ его указаннымъ собственнымъ взглядомъ.

Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ вопросъ о возможности болѣе или менѣе успѣшнаго выполненія дѣла въ зависимости отъ состоянія сохранившагося матеріала и въ виду тѣхъ затрудненій, какими должна сопровождаться обработка его для печати. Матеріаломъ являются: 1) автографы В. В. Болотова, 2) авторизованныя имъ литографированныя лекціи, 3) неавторизованныя записи его слушателей.

1) Отъ первыхъ лѣтъ профессорской дѣятельности В. В. Болотова сохранились найденныя въ его бумагахъ въ разрозненномъ видѣ собственноручныя записки, по которымъ онъ велъ въ тѣ времена свои чтенія. Эти записки иногда представляютъ на значительномъ протяженіи связный текстъ, иногда переходятъ въ краткія отрывочныя замѣтки и выписки подлинныхъ мѣстъ изъ первоисточниковъ. Связное изложеніе въ нихъ нерѣдко сопровождается ученымъ аппаратомъ цитатъ, предназначеннымъ для употребленія самого автора. Въ позднѣйшіе годы основой для чтеній часто служили состоявшія почти изъ однихъ именъ и датъ замѣтки. Нѣкоторые отдѣлы курса, читанные въ первые годы, въ послѣдующее время, повидимому, не были повторяемы. Такъ въ 1882/3 г. читана была, кажется единственный разъ, исторія монашества. Къ сожалѣнію, довольно обширныя записки по этой исторіи не представляютъ изъ себя вполнѣ законченнаго и связнаго цѣлаго, превращаясь по мѣстамъ (въ концѣ) въ рядъ краткихъ замѣтокъ. Поскольку записки В. В. относятся къ самымъ первымъ годамъ его дѣятельности и въ то же время представляютъ матеріалъ не вполнѣ однородный и цѣльный, онѣ въ общемъ не могутъ быть положены въ основу изданія его курса; можно лишь дѣлать изъ нихъ большія или меньшія заимствованія въ отдѣльныхъ случаяхъ.

2) Наравнѣ съ этими записками могутъ быть поставлены, по своей, такъ сказать, автентичности, авторизованныя самимъ В. В. лекціи, изданныя для обращенія между его слушателями литографскимъ способомъ за его подписью, тщательно имъ исправленныя и иногда даже представляющія его автографъ. Первый такой исправленный самимъ В. В. курсъ былъ отлитографированъ въ 1884/5 г. по способу Алисова и содержалъ исторію гоненій на христіанъ въ первые три

вѣка, отдѣлы о гносисѣ, о расколахъ первыхъ трехъ вѣковъ (съ присоединеніемъ донатизма) и исторію развитія папства. Курсъ слѣдующаго 1885/6 г. содержалъ исторію догматическихъ споровъ на востокѣ въ эпоху вселенскихъ соборовъ до монофиситства включительно. Отъ дальнѣйшаго 1886/7 г. имѣется литографированное изложеніе исторіи споровъ монооѳелитскаго и иконоборческаго, причемъ значительная часть этого курса была написана для литографіи рукою самого В. В. Въ 1888/9 г. вся исторія догматическихъ споровъ была отлитографирована вмѣстѣ, при этомъ по мѣстамъ В. В. сдѣланы нѣкоторыя поправки; къ этому же курсу присоединенъ очеркъ исторіи распространенія христіанства, первыя двѣ страницы котораго писаны для литографіи самимъ В. В. Текстъ всѣхъ этихъ курсовъ, какъ провѣренный самимъ В. В., долженъ считаться основнымъ для тѣхъ отдѣловъ, которые ими обнимаются, если только не требуются въ немъ измѣненія по какимъ-либо особымъ причинамъ. Эти курсы В. В. иногда имѣлъ предъ собою при своихъ чтеніяхъ съ каѳедры; на экземплярахъ курсовъ 1884/5 и 1885/6 гг., оставшихся въ его библіотекѣ, встрѣчаются по мѣстамъ его замѣтки. Ихъ онъ находилъ возможнымъ давать лицамъ, интересовавшимся въ свое время его ученою дѣятельностью, напр. покойному профессору протоіерею П. Ѳ. Николаевскому.

3) Послѣ 1888/9 учебнаго года авторизованныя лекціи болѣе не появляются. Еще ранѣе этого, въ 1887/8 г., курсъ лекцій В. В., содержавшій введеніе въ церковную исторію, краткій очеркъ исторіи борьбы церкви съ язычествомъ и съ неправославными направленіями въ первые три вѣка ея существованія, отдѣлы о папствѣ, о развитіи строя церковнаго управленія въ эпоху вселенскихъ соборовъ, очеркъ объ отношеніи христіанства къ рабству, былъ литографированъ безъ его подписи. На экземплярѣ, находившемся въ библіотекѣ П. Ѳ. Николаевскаго, рукою самого В. В. отмѣчено: „NB. Исправлены довольно тщательно лишь страницы 64—70, 129—132, 146—180, 340—392; стр. 216—263—повторены по литографіи 1885 г.: стр. 1—63, 71—128, 133—145 просмотрѣны лишь очень бѣгло; остальное—по неисправленной записи студентовъ“. Исправленными оказываются страницы о хроникѣ Евсевія (64—70), о Liber pontificalis (129—132), объ арабской, эѳіопской и армянской церковной исторіографіи, о раз-

дѣленіи церковной исторіи на періоды, о значеніи мученичества (146—180), о развитіи папства (съ VI в.), о строѣ церковнаго управленія и объ отношеніи христіанства къ рабству (340—392). Бѣгло просмотрѣнныя страницы представляютъ вообще далеко неудовлетворительный текстъ. Причиною отказа В. В. исправить этотъ курсъ въ цѣломъ видѣ болѣе тщательно и издать его за своею подписью была, повидимому, главнымъ образомъ неудовлетворительность представленныхъ ему въ указанномъ году студенческихъ записей, заставившая его ограничиться исправленіемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстъ. Между тѣмъ, этотъ курсъ содержалъ единственныя по своей подробности чтенія его о церковной исторіографіи греческой и латинской и не повторявшіяся потомъ чтенія по исторіографіи восточной, также подробныя чтенія о хронологіи (въ литографированный курсъ они вошли лишь незначительной частью). Въ 1889 г. литографированіе исправленныхъ профессорами лекцій отмѣнено было Совѣтомъ Академіи [1]). Студенты, однако, продолжали и послѣ этого изданіе своихъ записей, обычно съ болѣе или менѣе значительными заимствованіями изъ прежнихъ курсовъ. Иногда эти записи были просматриваемы и исправляемы В. В., но въ общемъ нерегулярно и довольно бѣгло. Для дальнѣйшихъ лѣтъ, кромѣ 1891/2 г., и имѣется рядъ подобныхъ неавторизованныхъ курсовъ. Достоинство изданныхъ такимъ образомъ записей, за весьма немногими исключеніями—не стенографическихъ, неодинаково. На ряду съ сравнительно исправнымъ текстомъ часто можно встрѣчать мѣста очевидно непонятыя записчиками и совсѣмъ неудобочитаемыя. Особенно сильно страдаютъ записанныя по наслышкѣ собственныя имена и хронологическія даты. Въ цѣломъ эти записи, чтобы быть вполнѣ годными для употребленія, требовали бы самой основательной ревизіи. Иначе постоянно встрѣчающіяся въ нихъ ошибки и недомолвки неизбѣжно должны вселять въ читателѣ недовѣріе и къ тому, что на дѣлѣ можетъ являться вѣрною передачею мыслей В. В. Между тѣмъ въ этихъ именно курсахъ отразилось то понима-

[1]). Взглядъ В. В. на этотъ предметъ изложенъ въ его запискѣ, представленной въ Совѣтъ Академіи въ 1888 г. См. *И. А. Чистовичъ*, Памяти профессора Спб. Духовной Академіи В. В. Болотова. Христ. Чтеніе, 1903, I, 845—848 (отдѣльный оттискъ, 25—28).

ніе В. В. церковной исторіи, какое сложилось у него въ позднѣйшій періодъ его ученой дѣятельности.

Такимъ образомъ, приходится имѣть дѣло, съ одной стороны, съ автографами и авторизованными лекціями, въ которыхъ не только содержаніе, но и форма принадлежитъ В. В., но за то содержаніе выражаетъ его взгляды лишь за первые годы его дѣятельности; съ другой—съ неисправленными въ цѣломъ записями его слушателей, которыя должны по содержанію соотвѣтствовать его взглядамъ за послѣдніе годы, но передаютъ ихъ въ весьма несовершенной формѣ. Ограничиться изданіемъ лишь авторизованныхъ лекцій представлялось недостаточнымъ, коль скоро извѣстны въ томъ или другомъ видѣ измѣненія и дополненія къ нимъ отъ послѣдующаго времени. Кромѣ того, въ такомъ случаѣ пришлось бы отказаться отъ изданія напр. всего введенія, за исключеніемъ развѣ немногихъ страницъ, и нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ, которыхъ нѣтъ въ авторизованныхъ курсахъ.

Единственнымъ исходомъ въ настоящемъ положеніи казалась попытка объединить такъ или иначе съ основнымъ текстомъ авторизованныхъ изданій текстъ позднѣйшихъ сравнительно лучшихъ записей, исправивъ предварительно послѣдній, насколько это возможно. Такое объединеніе, представляющее весьма много затрудненій на практикѣ, само по себѣ является возможнымъ, поскольку въ позднѣйшихъ курсахъ дѣло идетъ почти всюду не столько объ измѣненіи прежняго содержанія по существу, сколько о дополненіяхъ и о болѣе ясномъ освѣщеніи прежде изложенныхъ фактовъ. Что касается провѣрки и исправленія позднѣйшихъ записей, то предпринимая это исправленіе, приходилось отправляться изъ предположенія, что онѣ передаютъ по крайней мѣрѣ общія мысли В. В. въ большей части случаевъ вѣрно и воспроизводятъ при этомъ болѣе или менѣе самыя его выраженія. Во всякомъ случаѣ, поправки самого В. В. и отдѣльныя мѣста въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ курсовъ, ведущія начало отъ самого В. В. (напр., таблица датъ для времени отъ 44 г. до Р. Х. по 42 г. послѣ Р. Х. по различнымъ эрамъ съ примѣчаніями въ отдѣлѣ о хронологіи въ курсѣ 1898/9 г., также изложеніе вопроса о годѣ смерти св. Поликарпа, являются, несомнѣнно, копіей съ писаннаго самимъ В. В. оригинала) должны придавать имъ извѣстную

цѣнность. Неисправимо искаженныя мѣста приходилось, разумѣется, опускать. И вообще, объединить всѣ безъ исключенія подробности изъ цѣлаго ряда курсовъ въ одинъ цѣльный текстъ не представлялось возможнымъ; неизбѣжно было иногда останавливаться на какомъ-либо одномъ изъ имѣющихся изложеній. Печатать дополненія изъ позднѣйшихъ курсовъ въ видѣ лишь примѣчаній къ авторизованному тексту, или хотя бы отмѣчать ихъ какъ либо, вводя въ текстъ, значило бы безъ особой нужды дѣлать изданіе неудобнымъ съ внѣшней стороны. Нужно имѣть въ виду и то, что естественно было вообще предпочитать позднѣйшій порядокъ изложенія болѣе раннему и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ это казалось нужнымъ, дѣлать соотвѣтственныя перестановки въ авторизованномъ текстѣ.

Общій планъ всего курса опредѣляется печатною программою В. В., составленною въ силу указа св. Синода отъ 10 апрѣля 1895 г. о представленіи наставниками академій программъ по своимъ предметамъ (въ представленной отъ С.-Петербургской Академіи программѣ по общей церковной исторіи схема, относящаяся ко времени послѣ IX вѣка, принадлежитъ проф. И. Е. Троицкому). Частнѣйшія рубрики иногда заимствуются изъ различныхъ конспектовъ В. В., иногда намѣчаются соотвѣтственно самому содержанію лекцій.

Принятый способъ изданія лекцій В. В. чрезъ привлеченіе къ дѣлу неавторизованныхъ записей, вообще значительно осложняя выполненіе задачи, особыя затрудненія вызываетъ по отношенію къ введенію, для котораго нѣтъ провѣреннаго самимъ В. В. для литографіи въ цѣломъ видѣ текста. Оно издается главнымъ образомъ по курсамъ 1898/9 и затѣмъ 1887/8 и 1890/1 гг. По самому свойству предмета, здѣсь именно чаще всего встрѣчаются собственныя имена, цифры, заглавія сочиненій; ихъ приходилось провѣрять и возстановлять иногда по книгамъ изъ библіотеки В. В. Необходимыя особенно въ этомъ отдѣлѣ болѣе важныя дополненія библіографическаго характера къ чтеніямъ В. В. отмѣчаются квадратными скобками или относятся въ примѣчанія. Но главною задачею было всюду прежде всего возстановленіе, насколько возможно, содержанія лекцій самого В. В., на основаніи крайне иногда неблагодарнаго матеріала.

Недочеты, какіе будутъ встрѣчаться въ предпринимаемомъ изданіи, должны быть относимы на счетъ состоянія

источниковъ и ихъ настоящей обработки. Но можно думать, что появленіе академическихъ чтеній В. В. даже въ настоящемъ несовершенномъ видѣ не умалитъ его ученой славы, а сдѣлаетъ лишь результаты его ученой дѣятельности доступными для болѣе широкаго круга читателей, нежели какой можно предполагать для его спеціальныхъ трудовъ.

А. Брилліантовъ.

Введеніе въ церковную исторію.

I. Предварительныя понятія.

1. Понятіе объ исторіи.

Наука въ ея величайшемъ напряженіи способна давать иногда результаты, на первый взглядъ очень странные. Для поясненія беру примѣръ изъ области наукъ физико-математическихъ, тѣмъ болѣе что математика (греч. μάθημα) есть наука по преимуществу. Въ 1895 г. два профессора, англійскій Ченей (Chaney) и русскій Менделѣевъ, производили сличеніе двухъ мѣръ: русской полусажени и англійскаго ярда. Для ума простого работа эта покажется несложной и неважной: однако знаменитые ученые работали цѣлыхъ 3 дня, и неудивительно: они произвели 22 серіи сличеній, или 880 микрометрическихъ измѣреній и 132 отчета термометровъ. Подобная работа требовала огромнаго труда. Надо сказать, что линейныя мѣры измѣряются съ ужасающею точностью, измѣряются микроны и даже части микроновъ (микронъ—тысячная часть миллиметра).

Но я хочу обратить вниманіе не на процессъ труда, а на финалъ его. Въ заключеніе труда составленъ былъ протоколъ, послѣднія слова котораго гласили слѣдующее: «такъ какъ вопросъ о тождественности нормальной температуры 62°F и 16°667C по стоградусной шкалѣ водороднаго термометра въ настоящее время не можетъ быть разсматриваемъ, какъ окончательно рѣшенный, то въ этомъ отношеніи предстоящій отчетъ мы считаемъ не безусловно точнымъ, а провизорнымъ (we consider this report so far provisional)». Съ точки зрѣнія элементарной физики подобный вопросъ о тождествѣ указан-

ныхъ температуръ является несомнѣннымъ; но съ точки зрѣнія первоклассныхъ ученыхъ мы видимъ здѣсь нѣчто недоказуемое.

Такимъ образомъ, на высшей степени науки результатъ научныхъ работъ первоклассныхъ ученыхъ является въ формѣ высоконаучнаго «мы не знаемъ». Но это «ignoramus» гораздо цѣннѣе заурядно научнаго «мы знаемъ», «какъ всѣмъ хорошо извѣстно». На подобныя ignoramus наука можетъ смотрѣть, какъ на свою гордость, свое украшеніе. Они показываютъ, какъ высоки тѣ требованія, которыя предъявляетъ себѣ самой подобная наука, не терпящая ничего недоказаннаго.

Но можетъ-ли предъявить себѣ столь же высокія требованія, наложить на себя столь же полное отреченіе отъ всего недоказаннаго, *исторія*, все равно: церковная или гражданская? Конечно, всякій пойметъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. А слѣдовательно исторія не есть наука, и если называется наукой, то если можно такъ выразиться—только honoris causa, или выражаясь словами приведеннаго выше протокола—только провизорнымъ образомъ. Къ этому результату я пришелъ—на взглядъ можетъ быть многихъ изъ васъ—слишкомъ суммарнымъ образомъ. Но онъ выдержитъ пробу и болѣе подробнаго и обстоятельнаго разсужденія.

Исторія не принадлежитъ къ числу наукъ дедуктивныхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ форма аналитическаго сужденія. Наоборотъ, синтетическое сужденіе въ исторіи господствуетъ вездѣ и всюду, такъ какъ она питается матеріаломъ объективно даннымъ, заимствованнымъ изъ внѣшней для нашей души и сознанія сферы. Такія науки, если онѣ достигли въ своемъ развитіи стадіи истинно научной, должны допускать математическую обработку своего содержанія. Другими словами: онѣ должны открыть законы явленій и изслѣдовать ходъ ихъ развитія. Но развѣ исторія знаетъ законы изучаемыхъ ею явленій? Правда, можно найти книги, написанныя по ученому, въ которыхъ много рѣчи о законахъ историческаго развитія. Но если присмотрѣться повнимательнѣе, то увидимъ, что цѣна имъ не велика: всѣ открываемые въ нихъ законы—скорѣе громкія фразы, чѣмъ что либо реальное. Повидимому нельзя оспаривать того, что существуютъ законы историческаго развитія. Извѣстно, что каждый народъ растетъ, старѣется и умираетъ. Можно ли оспаривать фактъ дознанной истины? Но я подъ закономъ разумѣю положеніе, которое имѣетъ цѣнность.

Если бы кто съ каѳедры возвѣстилъ безспорную истину, что всѣ смертны, то никто не далъ бы ему за нее мѣднаго гроша. Истина безспорна, но практически не приложима. Вотъ если бы кто предложилъ формулу вычисленій, сколько кому осталось жить, то такому сообщенію придали бы большое значеніе. Если бы физика на основаніи закона притяженія проповѣдывала, что всякое тѣло, летящее надъ землею, на нее падаетъ, но не въ состояніи была бы сказать, что скорѣе падетъ, выпущенная ли пуля, или балка, лежащая на подгнившихъ подпоркахъ, то за такую физику дали бы немного. Предполагаемое заключеніе изъ указаннаго положенія формально столь широко, что практически совершенно не пригодно. Я уже не настаиваю, что можно спорить противъ широкой формулировки положенія, что народы смертны. Въ самомъ дѣлѣ, что такое народъ? Понятіе это очень неопредѣленно. Желающихъ познакомиться съ тѣмъ, какъ трудно установить это понятіе, я отсылаю къ книгѣ Дебольскаго «О высшемъ благѣ» (Спб. 1886). Если изберемъ признакомъ единство языка, то можно повидимому сказать, что умерли свевы, вандалы. Но почему мы можемъ утверждать, что они не живутъ въ современныхъ испанцахъ? Намъ скажутъ, что это романское племя, но какъ же мы будемъ судить тогда о французахъ? Такимъ образомъ вопросъ, въ чемъ состоитъ смерть народа, вопросъ нерѣшенный.

Въ исторіи дѣйствуютъ законы, но только одна возможность предсказывать заранѣе событія показываетъ, что дѣйствительно извѣстны эти законы. Физика знаетъ нѣкоторые изъ своихъ законовъ. Физикъ, зная уголъ паденія, можетъ опредѣлить уголъ отраженія. Астрономъ, зная законы движенія небесныхъ тѣлъ, предсказываетъ солнечныя и лунныя затменія. Противъ нихъ спорить не приходится. Но исторія находится не въ такомъ положеніи. Какой мудрецъ могъ бы предсказать, что 25 марта 1898 года будетъ присоединеніе сиро-халдейцевъ, или предсказать результаты испано-американской войны? Не зная законовъ исторической жизни, исторія не можетъ похвалиться способностію предсказывать будущее. Если бы исторія знала свои законы, то она могла бы возстановить недостающія свѣдѣнія и о прошедшемъ путемъ вычисленій; предсказать явленіе въ будущемъ и разсчитать явленіе въ прошедшемъ—для математики совершенно то же самое.

Это факты, но не упреки. Легко говорить о законахъ физическихъ и химическихъ явленій, въ которыхъ дѣйствуютъ вели-

чины несложныя. Но въ исторіи дѣйствуетъ самъ человѣкъ, психическая жизнь котораго такъ сложна, что для изученія даже отдѣльныхъ явленій человѣческой души психологія дѣлаетъ чрезвычайныя напряженія. Что же сказать о суммированіи, синтезѣ отдѣльныхъ личностей? Въ исторіи же дѣйствуютъ не отдѣльныя личности, а цѣлые народы. Даже астрономія, хотя долгіе годы наблюдаетъ за явленіями, не можетъ похвалиться точностью въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ множествомъ причинъ: до сихъ поръ не удалось еще написать точной таблицы движеній луны. Повидимому, астрономъ овладѣлъ задачей, достигъ совершенства въ своей наукѣ и вполнѣ закончилъ свою работу; но пройдетъ десятокъ лѣтъ—и его таблица уже не совпадаетъ съ дѣйствительностью, приходится въ ней дѣлать поправки (въ настоящее время такихъ, такъ называемыхъ аргументовъ луны насчитываютъ до 200 и, слѣдовательно, 200 разъ происходитъ поправка таблицъ). Если же въ астрономіи безусловно точныя предсказанія не удаются, то тѣмъ болѣе нельзя ихъ ожидать отъ историка. Въ каждомъ индивидуумѣ, въ каждомъ обществѣ кроется такая масса причинъ, что выяснить ихъ сполна не удается историку.

Такимъ образомъ, по самому предмету своего изученія исторія стоитъ не на такой ступени, на какой стоятъ упомянутыя болѣе счастливыя науки. Подобно многимъ другимъ такъ называемымъ наукамъ, исторія находится въ эмпирическомъ состояніи; она еще не знаетъ внутренней связи событій, а имѣетъ только эмпирическія данныя. Въ такомъ положеніи находится, напр., медицина, которая не всегда знаетъ, какіе химическіе элементы лекарства (напр. хины) производятъ цѣлебное дѣйствіе на организмъ. Врачъ руководится лишь эмпирическими данными, что во многихъ случаяхъ такой-то пріемъ производитъ такое-то дѣйствіе, а почему и какъ—врачъ этого не знаетъ. Такого рода науки скорѣе суть искусства, чѣмъ науки. Онѣ еще не имѣютъ опредѣленныхъ законовъ и прагматическія построенія ихъ зависятъ отъ субъективнаго настроенія лица или цѣлой эпохи. Историкъ въ своей работѣ выступаетъ не какъ архитекторъ, а скорѣе какъ ремесленникъ, умѣющій выводить арки, опирающіяся на пилястрахъ, которыми являются въ данномъ случаѣ факты, засвидѣтельствованные исторіей. Постройка, при этомъ, тѣмъ прочнѣе, чѣмъ прочнѣе устои—факты и чѣмъ тѣснѣе связь между ближайшими событіями.

Вопросъ о томъ, достигнетъ ли когда либо исторія той высоты, на какой стоятъ науки въ точномъ смыслѣ слова,—вопросъ спорный. Дѣло въ томъ, что возможность предсказывать будущее, напр. въ астрономіи, основывается на изученіи цикловъ явленій. Зная извѣстный циклъ явленій, повторяющійся черезъ извѣстный промежутокъ времени, можно предсказать съ несомнѣнностію извѣстныя явленія. Поэтому астрономы и могутъ установить законы движенія луны, земли, весь циклъ фазисовъ которыхъ проходитъ предъ глазами каждаго наблюдателя. Но и астрономы иногда ничего не могутъ сказать о кометахъ — этихъ беззаконныхъ свѣтилахъ, которыя, появляясь предъ наблюдателемъ на нѣкоторое время, опять исчезаютъ, быть можетъ, на цѣлую вѣчность. Между тѣмъ относительно исторіи нельзя сказать опредѣленно, сколько прошло цикловъ отъ начала міра, или же вся міровая исторія представляетъ только одинъ циклъ. Если послѣднее справедливо, то, очевидно, исторія никогда не будетъ настоящей наукой. Но это не значитъ впрочемъ, что нѣтъ никакой надежды на усовершенствованіе историческихъ знаній. Кромѣ наблюденія цикловъ—самаго твердаго основанія для изслѣдованія событій.—возможенъ другой путь. Научное упованіе исторіи въ этомъ случаѣ можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Ариѳметика учитъ о десятичныхъ дробяхъ, что всякая дробь или конечна или безконечна: если же безконечна, то непремѣнно періодическая. Для примѣра возьмемъ періодическую дробь 0,142857142857... До тѣхъ поръ, пока дробь не выразится въ повтореніи цифръ, можно находиться въ затрудненіи. Эта дробь періодическая и представляетъ изъ себя рядъ изъ шести цифръ. Пока человѣкъ не прошелъ этотъ рядъ цифръ, онъ не знаетъ, въ чемъ дѣло. Но когда цифры повторяются, онъ понимаетъ, что періодъ ограниченъ. Но и прежде у него есть нѣкоторая возможность предсказыванія начиная съ третьей цифры. Первыя двѣ цифры представляетъ число 14; слѣдующія двѣ удвояютъ 14 и даютъ 28; далѣе опять удвояются слѣдующія затѣмъ числа. Если бы при наступленіи 28 математику удалось угадать смыслъ и связь цифръ, тогда предсказаніе становится возможнымъ. Нѣчто подобное можно представить и по отношенію къ исторіи. Аналогія на лицо: метеорологія,—наука новая и молодая,—хотя и не успѣла прослѣдить опредѣленныхъ цикловъ, однако, основываясь на нѣкоторыхъ элементарныхъ законахъ, не безъ успѣха предсказываетъ перемѣны температуры.

Само по себѣ отнятіе права на названіе исторіи наукой нисколько, однако, не оскорбительно для нея, въ виду ея первоначальнаго подлиннаго значенія. Исторія—слово греческое и показываетъ, что греки не выдавали ее за науку. Ἱστορία отъ существительнаго ἵστωρ, происходящаго отъ корня Fιδ въ οἶδα—знаю. Замѣчательное явленіе, что въ арійско-иранской вѣтви различаются два рода познаній. Нашему выраженію: «онъ знаетъ» (по-нѣмецки — er kennt, по-англійски—know), соотвѣтствуетъ санскритское ganati, джанати. Но у насъ есть и другое понятіе: «онъ вѣсть» (по-нѣмецки er weiss)—по-санскритски vetti—корень vid. Такимъ образомъ различаются два понятія—знанія и вѣдѣнія. Въ греческомъ языкѣ эти понятія выражаются глаголами — «γιγνώσκω» и «οἶδα»; въ латинскомъ языкѣ понятіе «вѣдѣнія» утрачено (video—вижу), но понятіе «знанія» сохранилось въ формѣ глагола novi, ignovi (прич. notus, ignotus).

Въ чемъ же заключается принципіальное различіе этихъ двухъ формъ знанія? Человѣкъ, какъ разумное существо, хочетъ знать, но еще болѣе хочетъ «вѣдѣти». Знаніе есть знаніе научное, а вѣдѣніе есть знаніе, въ которомъ примѣшанъ сильный эстетическій или волевой моментъ; вѣдѣніе это—импульсъ человѣческой жизни. Человѣкъ хочетъ быть при самомъ событіи, чтобы все видѣть своими глазами. Γνώστης не есть ἵστωρ; ἵστωρ тотъ, кто самъ былъ при событіи, онъ самъ видѣлъ что-либо, и хотя бы онъ ничего не понялъ, но онъ ἵστωρ. Греческое ἱστορία по первоначальному значенію вовсе не повѣствованіе о событіяхъ, а только означаетъ моментъ наблюденія. Ἱστορίας χάριν древніе греки путешествовали, а первые христіане паломничали. Ап. Павелъ ходилъ въ Іерусалимъ—ἱστορῆσαι τὸν Πέτρον (Гал. I, 18)—видѣть своими глазами. Ἱστορίας χάριν—человѣкъ можетъ цѣлый день смотрѣть на небо, тогда какъ астрономъ то же явленіе наблюдаетъ чрезъ рефлекторъ, обратившись спиною къ небесному своду — и является γνώστης—омъ. По тому же стремленію «вѣдѣти» человѣкъ записываетъ видѣнныя имъ явленія—это и составляетъ исторію. Въ понятіи «вѣдѣніе» заключенъ моментъ субъективный, а въ понятіи «знаніе» — объективный. Вѣдѣніе не заключаетъ въ себѣ глубокаго понятія о предметѣ: оно есть внутреннее состояніе субъекта въ его познаніи предмета; кто его имѣетъ, тотъ не сомнѣвается, оно ему очевидно. Въ него еще не входитъ объективный элементъ: оно можетъ быть и глубоко, и

поверхностно. Напротивъ, знаніе (γνῶσις) прямо направляется на предметъ (объектъ); оно предполагаетъ со стороны субъекта выходъ изъ себя къ объекту. Мы, напр., знаемъ, что люди всѣ должны дышать, чтобы жить; это очевидно изъ наблюденія. Ученый физіологъ также знаетъ это; но между знаніемъ нашимъ и знаніемъ послѣдняго по содержанію цѣлая бездна. Наше знаніе есть непосредственное вѣдѣніе, а знаніе ученаго—въ собственномъ смыслѣ знаніе; для насъ—wissen, а для него—kennen. Характерное указаніе на взаимоотношеніе этихъ двухъ терминовъ представляетъ бесѣда ап. Петра съ Христомъ по воскресеніи. Какъ извѣстно, Іисусъ Христосъ, какъ будто, набрасываетъ тѣнь на искренность вѣры ап. Петра въ своей съ нимъ бесѣдѣ; апостолъ завѣряетъ Христа, что онъ Его любитъ. Послѣднее его слово: «Господи! Ты вся вѣси: Ты вѣси, яко люблю Тя»—по-гречески: «Κύριε, Σὺ πάντα οἶδας; Σὺ γινώσκεις, ὅτι φιλῶ Σε» (Іоан. XXI. 17). Апостолъ заявляетъ Господу, что Ему все извѣстно, все ясно представляется Его сознанію; но онъ предлагаетъ Ему Свое вниманіе сосредоточить на одномъ опредѣленномъ пунктѣ: «Σὺ γινώσκεις». Это сосредоточеніе на одномъ опредѣленномъ предметѣ представляетъ не вѣдѣніе, а знаніе.

Вотъ какое вѣдѣніе лежитъ въ понятіи «исторіи». Ἱστωρ—человѣкъ, который подчиняется влеченію своей природы—все знать, стремится удовлетворить жаждѣ знанія. Человѣкъ хочетъ, чтобы извѣстныя вещи наполнили его сознаніе и были очевидны для него. Человѣкъ хочетъ знать, какъ знаетъ свидѣтель; это заставляетъ его вращаться во внѣ и даже предпринимать далекія путешествія. Но здѣсь научное знаніе (цѣль γνώστης'α) отсутствуетъ. Пускающійся въ путешествіе не думаетъ еще пріобрѣтать знанія научнаго въ объективномъ смыслѣ. Если у него преобладаетъ склонность къ самоуглубленію, если онъ будетъ переработывать внутренно свои впечатлѣнія, то онъ будетъ философъ, но и эта «φιλοσοφία» не будетъ еще γνῶσις. Это полагаетъ начало только исторіи. Стремленіе удовлетворить внутреннему влеченію къ видѣнію и даетъ понятіе исторіи. Исторія есть разспрашиваніе, разузнаваніе человѣкомъ чего-либо совершившагося, — и самое стремленіе быть свидѣтелемъ событій. Въ этомъ значеніи слово «исторія» въ греческомъ языкѣ удерживалось до позднѣйшихъ временъ.

Итакъ, въ понятіи исторіи дано стремленіе къ вѣдѣнію, получаемому чрезъ непосредственное созерцаніе. Но исторія-

ческое знаніе есть какъ бы прямая противоположность такому понятію объ исторіи. Эта противоположность вызвана необходимостію: люди, жившіе послѣ тѣхъ или иныхъ событій, не имѣли возможности быть ихъ свидѣтелями, видѣть своими собственными глазами. Но узнать о нихъ они могли только отъ очевидцевъ. Такимъ образомъ въ понятіи исторіи дано указаніе на то, что она должна почерпать свои свѣдѣнія изъ такихъ источниковъ, которые въ концѣ концовъ подводили бы къ непосредственнымъ очевидцамъ, должна восходить до послѣднихъ, самыхъ первоначальныхъ основаній, далѣе которыхъ идти нельзя,—должна опираться на «исторію» въ первоначальномъ смыслѣ этого слова.—Такимъ образомъ исторія не ставитъ для себя обширныхъ задачъ, не выдаетъ себя за митрополію философіи, хотя и является ея первою ступенью,—не имѣетъ и дидактическихъ стремленій. Скромная въ первоначальномъ опредѣленіи, она остается таковою и до настоящаго времени.

Въ 1872 году академикъ-профессоръ Бестужевъ-Рюминъ началъ свою русскую исторію слѣдующими словами: «Исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ, учили насъ въ гимназіи; исторія есть народное самосознаніе, учили насъ въ университетѣ. Между этими двумя опредѣленіями лежитъ цѣлая бездна». Ясно, что исторіи, какъ она задумана греками, ближе всего соотвѣтствуетъ первое опредѣленіе. Она, дѣйствительно, есть скорѣе повѣствованіе объ интересныхъ событіяхъ. Второе опредѣленіе отзывается дѣломъ человѣка, заботящагося «о мнозѣ службѣ»; оно является неосуществимымъ съ практической стороны. Въ ряду особенно цѣнныхъ товаровъ видное мѣсто занимаютъ пружины для хронометровъ. Замѣчательно, что вѣсъ ихъ не великъ, количество и стоимость матеріала ничтожны; между тѣмъ за нихъ берутся огромныя цѣны, благодаря именно труду человѣка. То же самое нужно сказать и по отношенію къ исторіи, которая понимается въ смыслѣ народнаго самосознанія. Ученый, который истолковалъ бы исторію, какъ народное самосознаніе, оказалъ бы величайшія заслуги; но истолковать такимъ образомъ исторію такъ же просто, какъ источить воду изъ камня. Поэтому должно имѣть силу и простѣйшее опредѣленіе исторіи, какъ повѣствованія о замѣчательныхъ событіяхъ, замѣчательныхъ уже тѣмъ, что люди ихъ замѣтили.

2 Понятіе о церкви.

Объектомъ изученія *церковной* исторіи является церковь. Понятіе церкви въ его глубинѣ едва ли можетъ быть исчерпано краткимъ опредѣленіемъ. Самое лучшее опредѣленіе, принадлежащее митр. Филарету, не можетъ быть названо отвѣчающимъ своей задачѣ, ибо представляетъ только отвлеченіе чертъ церкви, какою она является въ исторіи, тогда какъ нужно опредѣлить церковь даже въ моментъ ея доисторическаго существованія, въ самомъ началѣ ея обнаруженія. Естественнѣе и проще всего искать указаній для этого въ наименованіи церкви у различныхъ народностей.

Древне-славянское слово «цръкы» и нѣмецкое «Kirche» (англійское church) стоятъ на одной линіи и происходятъ отъ одного и того же корня, отъ греческаго τὸ κυριακόν; этимъ словомъ греки IV и V вв. обозначали церковь какъ зданіе, храмъ. Среди германскихъ племенъ гегемонія на востокѣ принадлежала готамъ, а на западѣ—нѣмцамъ. Въ древнемъ верхненѣмецкомъ языкѣ слово церковь имѣло два начертанія: chirihha и kiricha. Для ученыхъ, занимающихся филологіей, конечное ch заключаетъ въ себѣ вѣрнѣйшій признакъ, что оно существовато раньше верхне-нѣмецкой стадіи; слѣдовательно оно не принадлежитъ нѣмцамъ, а заимствовано у готовъ. Географическія названія съ словомъ kirche встрѣчаются въ началѣ VIII вѣка. Къ сожалѣнію, это слово въ готской письменности не встрѣчается, а вмѣсто него находимъ лишь слово aikklêsjô εκκλεσье. Тѣмъ не менѣе западно-германскія племена должны были заимствовать это слово изъ греческаго языка именно чрезъ посредство готовъ и нужно предполагать у готовъ соотвѣтствующее верхне-нѣмецкому chirihha слово kyreiko кирейко, которое было точнымъ воспроизведеніемъ греческаго κυριακόν. Хотя такого слова въ готской литературѣ не встрѣчается, но если мы припомнимъ, въ какомъ количествѣ остались памятники готской письменности, то мы не удивимся этому. Оно могло существовать въ готскомъ языкѣ съ IV вѣка.

Что касается древне-славянскаго слова—цръкы, то несомнѣнно оно готскаго происхожденія, а не нѣмецкаго: если бы оно было заимствовано изъ нѣмецкаго, то оно произносилось бы какъ церховь (припомнимъ параллель между готскимъ словомъ hrugg—стягъ и русскимъ—хоругвь); была бы буква х, а не к.

Такимъ образомъ, слово церковь воспринято чрезъ готское посредство и гораздо раньше, чѣмъ возникло русское государство, чѣмъ распространилось у насъ христіанство. Въ ту эпоху для нашихъ предковъ ки (ки) звучало чѣмъ-то въ родѣ ку (доказательство: изъ словъ κύριε ἐλέησον произошло куралесить; Чурило Пленковичъ образовалось изъ Κύριλλος). Наше «церковь» походитъ на готское кирейко, въ которомъ к перешло въ ц. Наше же ц произошло не изъ еврейскаго ץ (оно слишкомъ кудряво), но изъ армянской 15-й буквы к, которая образовалась изъ греческой буквы κ въ курсивномъ написаніи. Какъ рано греческое κ стало произноситься какъ латинское c, мнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ: въ 1016 году болгарскій князь велъ войну съ Василіемъ II Болгаробойцей, который сдѣлалъ однажды на него внезапное нападеніе; побѣжденные болгары кричали: бѣгите отъ цесаря. Какъ произносили свв. Кириллъ и Меѳодій букву к, затруднительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ славянскомъ говорѣ звукъ к имѣлъ довольно своеобразное произношеніе, напр., какъ оно слышится въ словахъ: пророкъ—во пророцѣхъ; рѣка—на рѣцѣ [1]).

Для насъ безспорно, что слово церковь, какъ и Kirche, греческаго происхожденія и обозначаетъ зданіе каѳедральнаго собора. Подобное же значеніе имѣетъ и въ Румыніи названіе biserica, очевидно образовавшееся изъ basilica. У мадьяръ слово egyháza церковь, означаетъ домъ, зданіе. Польское kos'ciol, отъ латинскаго castellum крѣпость, стѣны, указываетъ на архитектуру церкви. Такимъ образомъ весьма значительная часть новыхъ народовъ понимаютъ церковь внѣшнимъ образомъ, заимствуя названіе ея отъ мѣста богослуженія; такое названіе, очевидно, не можетъ дать намъ точнаго понятія о церкви. Эѳіопы также стоятъ на поверхностномъ пониманіи церкви, какъ дома христіанъ (béta krıstiyân, бета крыстіян).

Другіе европейскіе народы, кромѣ насъ славянъ и германцевъ, именно народы романскіе (за исключеніемъ румынъ), усвоили отъ латинянъ оставленное въ латинскомъ языкѣ безъ перевода греческое названіе церкви ἐκκλησία (ecclesia, итал. chiesa, франц. église, исп. iglesia). Это же слово заимствовали у грековъ и двѣ старыя христіанскія народности: армянская (экегеци) и грузинская (экклесіа). Ему соотвѣтствуетъ сирій-

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ.* Изъ исторіи церкви сиро-персидской. Христ. Чт. 1899, II, 796 примѣч. (отд. оттискъ, 75).

ское עדתא ʿedta (этта, ʿidta). Арабское kanisatun заимствовано отъ сирійскаго kᵉnaš—собралъ, и употребляется для означенія соборовъ; у евреевъ כְּנֶסֶת кенесет означало синагогу. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло, какъ съ единственно важными, съ греческимъ ἐκκλησία и семитскимъ эдта.

Греческое слово не нуждается въ опредѣленіи, подобно тому, какъ хлѣбъ не опредѣляютъ, а предлагаютъ. Ἐκκλησία—антитезъ βουλή. У грековъ высшій классъ—архонты—участвовалъ въ βουλή; вообще первые три класса пользовались правомъ пассивнаго избранія; четвертый же классъ, самый бѣдный—οἱ θῆτες—пользовался правомъ участія въ ἐκκλησία, которое предоставлено было ему Солономъ. Древнегреческія государственныя единицы представляли собою союзъ свободныхъ гражданъ, какъ полноправныхъ членовъ. Для совмѣстнаго обсужденія дѣлъ, когда βουλή, совѣтъ старцевъ, признавалъ дѣло выходящимъ за предѣлы своей власти, посылался κήρυξ—герольдъ, который приглашалъ народъ собраться. Такимъ образомъ высшая инстанція государственной власти состояла въ томъ, что «дѣлали церковь»—ἐκκλησίαν ἐποίησαν (лат. concire concionem). Слово ἐκκλησία такимъ образомъ происходитъ отъ глагола ἐκκαλεῖν, такъ какъ у грековъ члены ἐκκλησίας вызывались герольдами. Этотъ смыслъ слова ἐκκλησία далъ поводъ къ къ созданію особой терминологіи въ новомъ завѣтѣ. Для названія христіанъ стало употребляться слово κλητός—званный. Ап. Павелъ обращается къ христіанамъ, какъ «κλητὸς ἀπόστολος κλητοῖς ἁγίοις» (Рим. I, 1. 7). Для обозначенія состоянія въ христіанствѣ вырабатывается понятіе κλῆσις званіе. «Молю васъ ходить достойно званія, въ которое вы призваны» (Ефес. IV, 1). Слова κλητός, κλῆσις и ἐκκλησία употребляются въ посланіяхъ очень часто. Въ Евангеліи же слово церковь встрѣчается только три раза: 1) «Созижду церковь Мою», 2) «повѣжди церкви», 3) «аще церковь преслушаетъ» (Мѳ. XVI, 18; XVIII, 17). Всѣ три раза оно встрѣчается, какъ произносимое Самимъ Христомъ, и всѣ три раза въ Евангеліи Матѳея, т. е. въ томъ, которое было написано первоначально на арамейскомъ языкѣ и подлинникъ котораго утраченъ.

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что Христосъ говорившій по-сирійски или по-арамейски, употребилъ слово עדתא ἐκκλησία. Отсюда вопросъ, выражаетъ ли ἐκκλησία вполнѣ Христово эдта? Строго говоря, всякій переводъ есть подлогъ, такъ какъ въ двухъ различныхъ языкахъ немного находится словъ

тожественныхъ по значенію. Въ данномъ случаѣ 1) внѣшнимъ благопріятнымъ признакомъ соотвѣтствія слова эдта слову ἐκκλησία служитъ то, что послѣднее употреблялъ ап. Павелъ, человѣкъ образованный по гречески и по сирійски. 2) Эдта, сирійское слово въ эмфатической формѣ, соотвѣтствуетъ еврейскому עֵדָה эда, status constr. עֲדַת адат.

Обыкновенно, вся совокупность еврейскаго народа называлась עֲדַת יִשְׂרָאֵל, общество Израиля. Весь еврейскій народъ составлялъ эда, къ нему не причислялись пришельцы גֵּרִים герим. Самое обыкновенное въ этомъ обществѣ было собираться подъ предсѣдательствомъ старѣйшинъ у воротъ города для обсужденія вопросовъ политическихъ, судебныхъ и общественныхъ. Эти собранія долгое время являлись высшею инстанціею во всѣхъ дѣлахъ; здѣсь же возвѣщались всѣ повелѣнія Божіи. Они обладали опредѣленнымъ авторитетомъ въ народѣ. Собранія имѣли опредѣленныя установленныя времена (מוֹעֵד моэд, по-гречески ἑορτή—праздникъ). Участники этихъ «эда», каждый въ отдѣльности, являлись законоумѣрными носителями правъ своего общества; они должны были быть свидѣтелями и принимали рѣшенія собраній. На обычай евреевъ дѣлать собранія у городскихъ воротъ можно находить указанія, напр., въ исторіи Руѳи (IV, 1, 11). Въ описаніи дѣятельной жены въ книгѣ Притчей говорится, что мужъ ея всегда хорошо одѣтъ, что его хорошо знаютъ въ воротахъ (XXXI, 23). Въ этихъ понятіяхъ вращалась человѣческая мысль Христа, когда Онъ говорилъ о церкви, неодолѣваемой адомъ, тѣмъ болѣе, что Онъ употребилъ выраженіе «врата адова». Церковь и адъ представляются политическими обществами; вопросъ въ томъ, чья политика возьметъ верхъ. Иначе выраженіе объ одолѣніи вратами не можетъ быть объяснимо.

Насколько понятіе эда (адат) соотвѣтствуетъ понятію ἐκκλησία, видно изъ того, что глаголъ יָעַד, отъ котораго оно происходитъ, соотвѣтствуетъ арабскому «ваада», что значитъ устанавливать, обѣщать. Но если выяснить различные оттѣнки этого значенія, то получится—обѣщать, заявлять твердо, назначить мѣсто и время, высказывать съ угрозою требованіе явиться въ извѣстное мѣсто въ назначенное время. Принимая во вниманіе различіе культуръ арабской и греческой, на основаніи сказаннаго можно заключать, что эда, или по сирійски эдта, соотвѣтствуетъ ἐκκλησία.

То обстоятельство, что Христосъ назвалъ основанное имъ общество словомъ эдта—ἐκκλησία, имѣетъ особенное полемическое значеніе противъ протестантовъ. Протестанты носятся съ невидимою церковію. Но въ понятіи ἐκκλησία заключается сильный моментъ видимости. Поэтому въ выраженіи «невидимая церковь» заключается contradictio in adjecto. Никакой невидимой церкви быть не можетъ. Въ невидимомъ можно участвовать только духовно, въ ἐκκλησία не иначе какъ и тѣломъ. Въ практикѣ аѳинскаго народа имѣется достаточно данныхъ для такого пониманія слова ἐκκλησία: на непришедшаго въ собраніе налагался штрафъ. Участіе въ невидимой церкви походило бы на невидимое участіе въ воинской повинности.

Въ объемѣ понятій ἐκκλησία — эдта—эда мыслится весь народъ. Кто не участникъ ἐκκλησία, тотъ не πολίτης, кто не участникъ въ эда, тотъ не израильтянинъ. Христіане, какъ участники церкви, «сограждане святымъ» (Еф. II, 19). Въ основанной Христомъ церкви заключается характеръ всеобщности; въ ней нѣтъ аристократическаго момента, какъ было въ аѳинскомъ βουλή.

Въ обыкновенной жизни ἐκκλησία собирается рѣдко и при распущеніи собранія она какъ будто бы исчезаетъ. Но здѣсь можно провести аналогію съ римской государственной жизнью. Римскій народъ въ своей совокупности назывался Populus Romanus Quiritum (κλητός=quires). Квиритомъ римлянинъ назывался только тогда, когда онъ исполнялъ политическія обязанности; въ противномъ случаѣ онъ разсматривался какъ простой гражданинъ (примѣръ Цинцинната). Христосъ же основалъ общество никогда нерасходящееся и κλητός всегда долженъ исполнять свои обязанности.

Возможны и другія выраженія для обозначенія христіанскаго общества: «языкъ святъ» ἔθνος ἅγιον (1 Петр. II, 9), «царство Божіе». Царство Божіе Христосъ проповѣдывалъ, но основалъ на землѣ церковь. Церковь Христова состоитъ изъ «званныхъ» (κλητός). Моментъ актуальности, самодѣятельности выражается здѣсь съ достаточной силой. По рожденію мы принадлежимъ къ народу; но для того, чтобы стать членомъ народнаго собранія, должно туда явиться, хотя можно и не являться—подъ угрозою штрафа. То же самое и въ церкви. Церковь не тожественна съ царствомъ Божіимъ, царствомъ небеснымъ. Членъ ея долженъ лишь всячески стремиться осуществить идеалъ своего общества, т. е., царство Божіе.

Такимъ образомъ, изъ анализа основныхъ терминовъ получается понятіе, не богатое по своему содержанію, но опредѣленное. Церковная исторія могла бы избрать это понятіе точкою своего отправленія, разумѣя подъ церковью такую общину, гдѣ каждый членъ призывается къ закономѣрному участію въ жизни общей, совмѣстной. Она должна заниматься тѣмъ, въ чемъ выразилась жизнь новозавѣтнаго общества Господня, которое явилось преемникомъ ветхозавѣтнаго общества Господня, должна изучить какъ явленія его жизни, такъ и идеи и желанія и цѣли, къ которымъ оно стремилось.

Въ церковь входитъ весь народъ: въ ἐκκλησία заключается весь δῆμος. Каждый вноситъ свое въ содержаніе жизни церкви. Ergo церковная исторія не должна сводиться къ исторіи отдѣльныхъ лицъ, она должна быть исторіей всего народа; и если приходится ограничиваться первымъ, то причина въ условіяхъ нашего познанія.

3. Работа историка.

Обязанности историка сводятся къ тому, чтобы а) собрать возможно полный рядъ свидѣтельствъ о прошедшемъ, б) устранить то, что въ собранномъ матеріалѣ не имѣетъ признаковъ достовѣрности, и в) цѣлесообразно изложить достовѣрныя свѣдѣнія о прошедшемъ.

а) Какъ было ранѣе сказано, исторія не принадлежитъ къ числу наукъ дедуктивныхъ. Весь объемъ ея заимствуется изъ источниковъ, т. е., матеріала, который можетъ быть жертвой всякихъ случайностей. Мы имѣемъ нѣсколько книгъ уцѣлѣвшихъ, но увеличить ихъ число не можемъ. Только счастливая случайность можетъ извлечь еще что-нибудь изъ мрака неизвѣстности. Въ этомъ отношеніи ничего систематическаго предпринять невозможно. И потому вся предварительная работа историка сводится къ выясненію объема источниковъ и къ группировкѣ ихъ.

б) Выяснивъ объемъ источниковъ, историкъ долженъ предпринять работу, имѣющую сократительное значеніе: выдѣлить изъ нихъ наиболѣе достовѣрные. Эта задача противоположна первой. Тамъ мы стараемся увеличить количество данныхъ, здѣсь—уменьшить, отбрасывая все, неудовлетворяющее историческимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, собравши данныя, мы должны приступить къ критикѣ ихъ. Первоначальною обра-

боткою историческихъ источниковъ занимается такъ называемая низшая критика. Пріемы для принципіальнаго рѣшенія вопроса о достовѣрности содержанія документовъ извѣстны подъ названіемъ высшей исторической критики.

1) Сокращеніе собраннаго матеріала во второй стадіи работы историка начинается съ того, что устанавливается первоначальный текстъ каждаго документа по рукописямъ, какія можно находить въ разныхъ библіотекахъ. Всѣ эти рукописи нужно свести воедино и возстановить, по возможности, текстъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ писателя, потомучто, какъ извѣстно, переписчики и читатели по своему разумѣнію поправляютъ самого писателя. И подобная выборка матеріала представляетъ уже весьма много неразрѣшимыхъ трудностей.

Въ этомъ отношеніи прежде всего должно считать устарѣлымъ то воззрѣніе, по которому рукописи болѣе древней всегда отдается предпочтеніе предъ новѣйшей. На дѣлѣ бываетъ, что и древнѣйшая рукопись не можетъ поручиться за правильность передаваемаго ею текста, и потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно отдавать предпочтеніе новѣйшимъ рукописямъ. Въ настоящее время это суевѣрное уваженіе къ древнѣйшимъ рукописямъ поколеблено въ принципѣ. Древность рукописи часто оказывается недостаточнымъ ручательствомъ ея близости къ подлиннику. Предположимъ, что какая-нибудь обветшавшая славянская рукопись скопирована въ недавнее время какимъ-нибудь ученымъ, и что она же была въ XVII в. списана какимъ-нибудь безграмотнымъ подъячимъ, и затѣмъ самая рукопись была затеряна. Какая же рукопись должна быть признана болѣе драгоцѣнной изъ этихъ двухъ? Не смотря на то, что послѣдняя болѣе древняя, первая заслуживаетъ большаго вниманія, ибо въ то время, какъ безграмотный переписчикъ мало обращаетъ вниманіе на точность копированія, первый обращаетъ вниманіе даже на незначительныя особенности написанія.

Но здѣсь возможно еще и слѣдующее явленіе. Извѣстная рукопись можетъ быть скопирована превосходно, такъ что тщательность ея будетъ бросаться въ глаза каждому филологу. Подлѣ нея является рукопись, небрежно переписанная со множествомъ погрѣшностей. Однако, возможно, что первый писецъ копируетъ плохую рукопись, а второй хорошую. Приходится взвѣшивать, какая изъ двухъ рукописей ближе стоитъ къ подлиннику. И часто рукопись, списанная небрежно, но съ удо-

влетворительнаго текста, имѣетъ преимущественное значеніе. Слѣдовательно, труднымъ является прежде всего опредѣленіе достоинства рукописей.

Когда же это сдѣлано, тогда текстъ можетъ быть возстановленъ, если не такъ, какъ онъ вышелъ отъ самого автора, то, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ онъ вращался въ ближайшее къ нему время. Однако, здѣсь можетъ случиться еще то, что вопросъ все-таки останется спорнымъ, такъ какъ самое сочиненіе можетъ быть уже утраченнымъ въ его подлинномъ видѣ. Какой-нибудь писатель для себя дѣлаетъ выдержки изъ какого-нибудь автора; затѣмъ, въ немъ возбуждается интересъ къ сочиненію, и вотъ онъ въ концѣ дѣлаетъ полную копію подлинника. Подлинникъ утрачивается, а полуподлинная рукопись распространяется и въ такомъ видѣ доходитъ до настоящаго времени; ею намъ и приходится удовольствоваться. Такъ сочиненіе Діона Кассія дошло до насъ почти только въ выдержкахъ Іоанна Зонары и Іоанна Ксифилина. Такова судьба и хроники Іоанна Малалы.

Затѣмъ является другая задача—доказать подлинность, т. е., принадлежность извѣстнаго сочиненія извѣстному автору. Здѣсь приходится руководствоваться всевозможными соображеніями. Подлиннымъ сочиненіе признается, когда существуетъ много рукописей, которыя и самымъ текстомъ и самыми погрѣшностями показываютъ, что онѣ списаны не съ одной рукописи, и когда при этомъ онѣ указываютъ на одного автора. То же самое, когда этотъ авторъ говоритъ о своемъ сочиненіи въ другихъ своихъ произведеніяхъ и самъ свидѣтельствуетъ о немъ. Затѣмъ имѣютъ значеніе свидѣтельства современниковъ, друзей и противниковъ автора, когда они упоминаютъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ дѣйствительно они имѣютъ побужденіе сказать правду. Наоборотъ, подлинность признается спорною, когда современники молчатъ объ этомъ сочиненіи, хотя бы и были побужденія къ тому, чтобы они упомянули о немъ, или когда при упоминаніи выражаютъ сомнѣніе или же разногласятъ. Вопросъ объ авторѣ можетъ оказаться труднымъ до неразрѣшимости, если рукописи совсѣмъ умалчиваютъ о немъ, или дошли безъ заглавнаго листа, и если современники также молчатъ. Здѣсь усилія ученыхъ достигаютъ результатовъ только вѣроятныхъ, если только въ какомъ-нибудь сочиненіи не найдется цитата изъ этого сочиненія съ указаніемъ его автора. Тогда измѣняется все положеніе дѣла.

Когда же и это требованіе удовлетворено, т. е., установленъ вопросъ о принадлежности того или другого сочиненія автору, то возникаетъ новая работа, это—опредѣленіе источниковъ, которыми пользовался авторъ. Въ общемъ, если древніе авторы историческихъ сочиненій претендовали на признательность со стороны потомства за достоинства своихъ твореній, то они горько ошиблись, ибо, какъ показали изслѣдованія ученыхъ, эти авторы, не будучи геніальными писателями, оставляли обычно сочиненія очень невысокой пробы въ научномъ отношеніи, которыя въ настоящее время приходится лишь терпѣть, а не преклоняться предъ ними, какъ это было раньше. Иногда приходится даже жалѣть, что до насъ дошли бѣловыя рукописи этихъ авторовъ, а не черняки ихъ: лучше было бы, если бы они доставляли матеріалы для сочиненій, чѣмъ сами писали эти сочиненія при неумѣломъ обращеніи съ источниками. Вотъ почему ученымъ настоящаго времени приходится употреблять большія усилія, чтобы разобраться съ источниками, указываемыми древними авторами, и отыскать среди нихъ первоисточники путемъ критическаго анализа. Вопросъ о критикѣ источниковъ—это, можно сказать, вопросъ XIX-го столѣтія, ибо никогда такъ много не сдѣлано было по разработкѣ его и въ области гражданской и церковной исторіи, какъ именно въ это время. Особенно извѣстны въ этомъ отношеніи изысканія фонъ-Гутшмида.

Задача критики источниковъ въ высокой степени важна, но и въ высшей степени трудна и, къ сожалѣнію, работы по ней въ прежнее время велись безъ необходимыхъ при этомъ предосторожностей, между тѣмъ какъ произвести критику источниковъ—это самое важное для критики событій. Возьмемъ для примѣра показанія древнихъ историковъ объ обращеніи въ христіанство Грузіи и Эоіопіи. Прежде съ апломбомъ могли выставлять имена 4 извѣстныхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, передающихъ объ этомъ событіи. Между тѣмъ, по изслѣдованіямъ ученыхъ настоящаго времени оказалось, что три изъ нихъ, Сократъ, Созоменъ и Ѳеодоритъ, были ни болѣе ни менѣе, какъ копіистами Руфина, такъ что всѣ 4 свидѣтельства сводятся, собственно, къ одному свидѣтельству послѣдняго. Этотъ фактъ уже значительно расчищаетъ почву для дальнѣйшихъ историческихъ изслѣдованій. Въ данномъ случаѣ критика облегчается тѣмъ, что эти три автора не говорятъ болѣе чѣмъ Руфинъ, и тѣмъ ясно обнаруживаютъ, что у нихъ

не было посторонних источниковъ, кромѣ его сочиненія. Но не всегда при подобныхъ обстоятельствахъ удается разложить сочиненіе на первоисточники, ибо рѣдко авторы оставляютъ слѣды своихъ заимствованій. И вопросъ о заимствованіи изъ другихъ источниковъ можетъ быть спорнымъ даже тогда, когда авторы не говорятъ ничего новаго сравнительно съ другими источниками. Результаты критическихъ работъ могутъ быть прочны, когда ихъ можно обосновать не на одномъ какомъ-нибудь обстоятельствѣ, а на цѣломъ рядѣ обстоятельствъ.

Вообще же говоря, нужно знать экономію критическаго изслѣдованія, чтобы высказывать мнѣніе относительно научной цѣнности тѣхъ или другихъ источниковъ. Большею частію приходится сравнивать древнѣйшія свидѣтельства съ позднѣйшими, при чемъ первыя предпочитаются послѣднимъ. Это пріемъ общеизвѣстный, и въ германской критической литературѣ только тѣмъ и занимаются, что все сводятъ къ первоисточникамъ. Но фонъ-Гутшмидъ сдѣлалъ предостереженія отъ этого излюбленнаго пріема. Онъ заявилъ, что до сихъ поръ результаты далеко не соотвѣтствуютъ массѣ затраченнаго на эту работу труда и совсѣмъ не убѣдительны. Старые профессора чрезъ «выслушиваніе, какъ трава растетъ» (т. е., въ своемъ стремленіи къ выдѣленію первоисточниковъ), теряютъ вкусъ къ распознаванію истины. Студентамъ даютъ работы,—доказать, напр., зависимость писателя болѣе ранняго отъ позднѣйшаго, что они и выполняютъ блистательно! Настолько тонки и неуловимы признаки сравнительной древности извѣстій. Фонъ-Гутшмидъ говоритъ, что съ несомнѣнностію мы можемъ возстановить древній памятникъ лишь только тогда, когда заимствованія изъ него болѣе или менѣе полны. А если они встрѣчаются на 20-й, потомъ 50, 80 страницѣ сочиненія, то нѣтъ основаній для несомнѣннаго заключенія.

2.) Если мы достигнемъ того, что разложимъ сочиненіе на первоисточники, то все-таки нужно помнить, что мы еще далеки отъ настоящей исторической задачи. Задача каждаго достовѣрнаго изслѣдованія историческихъ источниковъ состоитъ въ отысканіи «и с т о р а», т. е., лица, непосредственно знакомаго съ ходомъ событій, отъ котораго идутъ разные послѣдующіе источники. Но въ высшей степени трудно и весьма рѣдко съ успѣхомъ выполняется это дѣло. Обыкновенный пріемъ тотъ, что отыскиваютъ исторовъ у авторовъ болѣе древнихъ, предпочитая ихъ позднѣйшимъ. Но пріемъ этотъ собственно по-

коится на той же иллюзіи, которая лежитъ въ основѣ предпочтенія древнихъ рукописей новѣйшимъ. На дѣлѣ очень часто случается, что авторъ безвѣстный и поздній пользуется какимъ-либо источникомъ очень старымъ, которымъ уже не пользуются другіе, считая его устарѣвшимъ для современнаго состоянія науки. Такая узость кругозора автора—даръ Божій для историка: будь авторъ проницательнѣе, онъ не воспользовался бы этимъ источникомъ. Такъ, писавшій во время Праклія авторъ Пасхальной хроники пользовался аріанскими источниками, будучи самъ православнымъ. Будь онъ проницательнѣе, знай онъ лучше событія и лица, онъ подыскалъ бы для своего труда источники болѣе соотвѣтствующіе. Но онъ этого не сдѣлалъ и тѣмъ сохранилъ для науки источники, которыми пользовался. Такимъ образомъ, на обязанности исторической критики лежитъ—привлекать къ дѣлу *всѣ* памятники, не дѣлая предпочтенія древнѣйшихъ новѣйшимъ.

Но если такимъ путемъ и будетъ найденъ историкъ, задача исторической критики этимъ не можетъ закончиться. Приходится опредѣлить п р а в д и в о с т ь сказанія историка. Равнымъ образомъ и въ томъ случаѣ, когда найти историка невозможно и приходится пользоваться ближайшими къ нему по времени свидѣтелями, предварительно слѣдуетъ рѣшить, можно имъ вѣрить или нѣтъ. Здѣсь, въ вопросѣ о достовѣрности описываемыхъ историкомъ событій, критика идетъ по двумъ направленіямъ: субъективному и объективному.

Для того, чтобы судить о достоинствѣ сообщенія въ с у б ъ е к т и в н о м ъ смыслѣ, критикъ долженъ поставить и рѣшить слѣдующіе вопросы: могъ ли авторъ знать событіе и имѣлъ ли побужденія сообщить о немъ правду. При этомъ вообще очень трудно получить въ результатѣ что-либо непреложное. Мы очень далеко стоимъ отъ древнихъ авторовъ, чтобы судить о томъ, насколько вѣрно они могли знать описываемое событіе, и о томъ, были ли у нихъ какія-либо побужденія не говорить правды объ этомъ событіи или нѣтъ. Слишкомъ рѣдки случаи, когда ученый прямо могъ бы сказать объ авторѣ: «нѣтъ, онъ не могъ этого знать, или имѣлъ личныя побужденія не сказать правды и не сказалъ ее». Онъ могъ имѣть побужденія не сказать правды, но могъ и сказать ее вслѣдствіе прирожденной человѣку честности. Ошибки же, встрѣчающіяся у него, могли и не принадлежать лично ему, а могли быть унаслѣдованы имъ отъ другихъ. Иногда мы не знаемъ объ

авторѣ ничего, или знаемъ только то, что онъ благоволилъ открыть о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ: а этого далеко недостаточно для того, чтобы судить о томъ, могъ ли знать и хотѣлъ ли разсказать исторъ истинный ходъ событій. Принимая въ соображеніе новѣйшіе примѣры, можно убѣдиться, что случай и тутъ играетъ важную роль. Человѣкъ, удаленный отъ современныхъ событій, случайно встрѣчаетъ лицо, которому хорошо знакомы эти событія, и со словъ этого послѣдняго записываетъ его разсказъ. Но, зная его удаленность, мы можемъ не повѣрить его повѣствованію. Еще труднѣе рѣшить вопросъ: хотѣлъ ли сообщить авторъ правду? Хитрость людская бываетъ такъ утонченна, что нерѣдко находитъ для себя выгоднымъ открыть истину тамъ, гдѣ умолчаніе ея казалось бы болѣе естественнымъ.

Такимъ образомъ оба указанныя требованія высшей критики терпятъ крушеніе. Въ этомъ затруднительномъ положеніи выходъ однако возможенъ, если вспомнимъ, что *исторія есть наука въ высшей степени консервативная*. Соотвѣтственно этому всѣ историческіе документы съ точки зрѣнія консервативной науки должны пользоваться полными правами. Мы должны предполагать, что авторъ *зналъ и хотѣлъ* разсказать истину, а не ставить скептически съ перваго же слова вопросъ о возможности и желаніи автора сообщить истину. Этотъ вопросъ умѣстенъ въ томъ случаѣ, когда въ самомъ документѣ есть для него основаніе.

То же можно сказать и относительно о б ъ е к т и в н о й стороны въ критическомъ изслѣдованіи. Здѣсь является вопросъ: могло ли совершиться извѣстное событіе, или не могло? Истину здѣсь приходится понимать, какъ согласіе событія съ совокупностію нашихъ собственныхъ представленій. Если историкъ даетъ много такихъ деталей, которыхъ онъ не могъ извлечь путемъ дедуктивнымъ, если эти детали выдерживаютъ критику съ технической стороны, съ точки зрѣнія всѣхъ археологическихъ знаній, то мы естественно склоняемся признать извѣстное событіе за достовѣрное. Болѣе трудное положеніе бываетъ тогда, когда мы наталкиваемся на такое событіе, которое нарушаетъ гармонію нашихъ представленій. Наши знанія, конечно, бываютъ неполны и несовершенны, а потому несогласіе какого-либо событія съ нашими представленіями о немъ не служитъ еще доказательствомъ того, что оно и на самомъ дѣлѣ не совершилось въ дѣйствительности. Доказать не-

возможность какого-либо событія очень трудно. Много есть такого, что не отвѣчаетъ наличному положенію вещей, но что можетъ имѣть мѣсто при измѣнившейся точкѣ зрѣнія.

Такимъ образомъ, исторія въ своемъ отношеніи къ источникамъ — наука консервативная. О каждомъ писателѣ мы должны предполагать, что онъ честный и знающій человѣкъ. Поэтому, если при чтеніи какого-либо историка у насъ наростаетъ возраженіе за возраженіемъ, и если въ концѣ концовъ у насъ составится убѣжденіе, что мы имѣемъ дѣло съ историкомъ бездарнымъ, ненадежнымъ, противорѣчащимъ самому себѣ, повѣствующимъ о событіяхъ, съ которыми связаны интересы его партіи, то и тогда мы не можемъ устранить его повѣствованіе изъ своего критическаго аппарата, пока не найдемъ истиннаго источника, который выяснилъ бы намъ ложь перваго. До тѣхъ же поръ остается предположить, что, если авторъ невѣрно написалъ въ одномъ случаѣ, то въ другомъ случаѣ онъ могъ сказать правду. Было бы ущербомъ для исторической науки, если бы мы на томъ основаніи, что извѣстное свѣдѣніе ненадежно, не стали пользоваться всѣми свѣдѣніями автора. Если бы этотъ принципъ проводить строго, то пришлось бы закрыть книги по многимъ историческимъ отдѣламъ. Историкъ долженъ соблюдать чувство мѣры или обладать особеннымъ тактомъ. Такимъ образомъ здѣсь дѣло сводится не къ знанію, а къ такту. Часто историки, отличающіеся остроуміемъ, свидѣтельствующіе о глубокомъ фондѣ своихъ историческихъ знаній, даютъ фальшивые результаты въ своихъ изслѣдованіяхъ. Подобнаго рода критическія работы порождаютъ только колебанія и сомнѣнія. Обычно смотря по тому, какъ преднастроены историкъ и его эпоха, сокращается и объемъ того, что считается въ исторіи достовѣрнымъ. Поэтому на «историческую критику» нужно смотрѣть не столько какъ на науку, сколько какъ на искусство, гдѣ умѣнье и чутье историка, его неподдающаяся въ своихъ дѣйствіяхъ точнымъ опредѣленіямъ опытность, даетъ мѣру примѣненію научныхъ положеній исторической критики. Умъ безъ чувства мѣры, некритическій или иперкритическій, можетъ только засорить научную перспективу своими возраженіями и внести скептическую неувѣренность въ область достовѣрнаго.

Задача историка, производящаго критику, всего болѣе въ этомъ случаѣ можетъ быть сравнена съ задачей судьи, разбирающаго дѣло, или присяжнаго на судѣ. Изъ всей совокуп-

ности имѣющихся данныхъ онъ долженъ извлечь наиболѣе заслуживающія довѣрія показанія. Но важнѣе всего въ данномъ сравненіи то, что судья долженъ работать по особымъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ логики. Судья долженъ имѣть чувство мѣры. Безотносительное руководствованіе формальной логикой никогда не позволило бы ему рѣшить хотя одно дѣло. Онъ всегда долженъ бы былъ отпустить виновнаго со словами: «non dico». Но судья судитъ, потому что онъ долженъ произнести что-либо опредѣленное, т. е. виновенъ или не виновенъ подсудимый, на основаніи именно этихъ недостаточныхъ данныхъ. Чувство мѣры должно опредѣлять для него тяжесть уликъ: онъ долженъ знать, на какой сторонѣ лежитъ onus probandi, и соотвѣтственно этому онъ обвиняетъ подсудимаго или оправдываетъ. Положимъ, человѣку пришлось бы доказывать право собственности на какой-нибудь предметъ. По закону можно было бы иногда отобрать отъ человѣка его законную собственность, потому что нѣтъ такихъ доказательствъ, которыя бы вполнѣ доказывали, что извѣстная вещь дѣйствительно принадлежитъ заявляющему на нее свои права. И въ историческихъ вопросахъ часто приходится имѣть дѣло со свидѣтельствами недостаточными. Можно предъявить самыя скромныя требованія научной критики, при которыхъ извѣстныя свидѣтельства могутъ оказаться недостаточными. Но очевидно, что этого не можетъ предъявить историкъ по профессіи, а лишь какой-либо посторонній человѣкъ. Можно высказать даже такое сужденіе: если извѣстный историческій памятникъ подозрителенъ, то лучше и не пользоваться имъ, хотя исторія и представляетъ достаточные уроки, когда заподозрѣнные памятники оказывались вѣрными. Но такое логическое предъявленіе напоминаетъ собою логику доктора, который совѣтуетъ своему паціенту воздерживаться отъ питья, если онъ не можетъ пользоваться безусловно чистой водой. И историкъ въ выборѣ фактовъ долженъ руководствоваться не строго логическими законами, а обычнымъ житейскимъ тактомъ: и сомнительное принимать, и достовѣрное на первый взглядъ отвергать, въ виду того или иного отношенія ко всей массѣ фактовъ.

Для примѣра укажемъ, что можно съ критикою безъ чутья сдѣлать даже съ такимъ достовѣрнымъ фактомъ, какъ крещеніе императора Константина Великаго незадолго до его смерти въ Никомидіи. Объ этомъ говоритъ Евсевій, за которымъ идутъ зависимые отъ него Сократъ, Созоменъ и Ѳеодоритъ.

Слѣдовательно, достовѣрность извѣстія зависитъ здѣсь существенно отъ достовѣрности одного Евсевія.

Евсевій въ своемъ сочиненіи «Жизнь Константина» (IV, 57—64) разсказываетъ, что Константинъ Великій, готовясь къ походу противъ персовъ въ 337 г., отпраздновалъ Пасху, заболѣлъ и отправился на теплыя воды въ Эленополь. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ принялъ оглашеніе, а потомъ созвалъ епископовъ и выразилъ желаніе принять крещеніе, объясняя при этомъ, что онъ давно имѣлъ желаніе креститься, но откладывалъ это потому, что ему хотѣлось принять крещеніе въ водахъ Іордана, и обѣщая, въ случаѣ выздоровленія, вести христіанскую жизнь. Послѣ этого Константинъ былъ крещенъ и возблагодарилъ Господа. Когда его воины и приближенные выражали опасеніе, что онъ скоро умретъ, онъ сказалъ, что теперь началась для него новая жизнь.

Но существуетъ другое извѣстіе, по которому Константинъ Великій принялъ крещеніе предъ побѣдой надъ Ликиніемъ, слѣдовательно, около 323 г., въ городѣ Римѣ, отъ руки епископа Сильвестра, послѣ того, какъ исцѣлился отъ проказы. Оно читается у Ѳеофана Исповѣдника († 818) въ его хроникѣ (a. 5814, cf. 5828). Но извѣстно, что уже въ 3-ей четверти VI в. «Акты Сильвестра» были переведены съ греческаго на сирійскій языкъ и въ VI в. получили окончательную редакцію. Происхожденіе ихъ можно возвести къ V вѣку. На западѣ исторія о крещеніи Константина въ Римѣ встрѣчается въ одной изъ редакцій Liber pontificalis, въ Catalogus Felicianus. Если представить, что эти Акты переведены были на греческій языкъ съ латинскаго, то можно предполагать, что они были составлены по какимъ-либо древнимъ записямъ. Такимъ образомъ въ принципѣ противъ равноправности Актовъ съ исторіей Евсевія не можетъ быть и рѣчи. А если понимать эти извѣстія, какъ идущія отъ опредѣленныхъ лицъ, то, по мнѣнію Ѳеофана, соображенія въ пользу Евсевія падаютъ.

Вопросъ въ томъ, могъ ли Евсевій сказать правду? Если Константинъ крестился въ Римѣ, мѣстности, столь отдаленной отъ Евсевія, то послѣдній не могъ знать всей правды. А если могъ знать, то хотѣлъ ли вѣрно передать? Ѳеофанъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ усматриваетъ у Евсевія аріанскія тенденціи. Онъ представляетъ разсказъ Евсевія тенденціозной выдумкой аріанъ, чтобы набросить тѣнь на Кон-

стантина и первый вселенскій соборъ. Такимъ образомъ поскольку Евсевій не могъ знать, извѣстіе его можетъ быть недостовѣрнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оно является и тенденціознымъ. Съ своей стороны Θеофанъ подробно мотивируетъ свой выводъ о крещеніи Константина въ Римѣ, ссылаясь между прочимъ на то обстоятельство, что тамъ помнятъ крещальню, въ которой Константинъ былъ крещенъ. А извѣстіе о крещеніи Константина въ послѣднее время его жизни представляетъ странною дѣятельность императора, который присутствовалъ и разсуждалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ. Оказывается, по Евсевію, что Константинъ принималъ участіе въ церковныхъ дѣлахъ христіанской церкви, еще будучи язычникомъ, и имѣлъ общеніе съ отцами церкви, не причащаясь съ ними, и что, наконецъ, Константинъ крещенъ былъ аріанскимъ епископомъ. Вотъ византійская попытка набросить тѣнь на сообщеніе Евсевія. Такимъ образомъ уже въ IX в. производилась объективная критика источниковъ. Разумѣется, подобному замѣчанію должна быть отдана извѣстная доля справедливости, такъ какъ иначе дѣятельность Константина получаетъ нежелательное раздвоеніе и, конечно, лучше было бы для интересовъ православія, чтобы такого раздвоенія не было.

Но если свѣрить детали извѣстія Евсевія и Акты Сильвестра, то получится много элементовъ, которые въ совокупности своей дадутъ понять, гдѣ находится историческая правда. Въ Актахъ характеристична уже анонимность ихъ, заставляющая болѣе вѣрить другому сообщенію о времени и мѣстѣ крещенія Константина, такъ какъ принято отдавать предпочтеніе тому извѣстію, авторъ котораго достовѣрно извѣстенъ (хотя такое предпочтеніе не безусловно). Во-вторыхъ характеристично еще и то, что вторая редакція Актовъ выдаетъ себя за переводъ греческаго произведенія Евсевія. Этимъ заявленіемъ устраняется поводъ думать, что на западѣ подтверждали истинность сообщенія Актовъ тамошними архивами. Достовѣрность сказанія подкрѣпляется, какъ мы видимъ, ссылкою на Евсевія кесарійскаго, чѣмъ это сказаніе въ литературномъ порядкѣ достаточно подрывается.

Если далѣе обратить вниманіе на то, зналъ ли авторъ Актовъ всю правду о крещеніи Константина и имѣлъ ли желаніе разсказать ее, то первый вопросъ, въ виду анонимности автора, остается безъ отвѣта; отвѣтъ же на второй вопросъ будетъ не въ его пользу: тенденція въ его сообщеніи несо-

мнѣнна. У него замѣчается стремленіе поставить перваго христіанскаго императора въ связь съ первенствующимъ епископомъ запада и всю жизнь и дѣятельность его представить строго православной. Такимъ образомъ тенденціозность, въ которой обвинялся Евсевій, возвращается на составителя Актовъ. Самое повѣствованіе съ объективной точки зрѣнія представляется недостовѣрнымъ, потому что разсказываетъ о многихъ чудесахъ. Упоминаніе о чудесахъ само по себѣ не есть еще признакъ недостовѣрности, но чудеса потому и чудеса, что они повторяются не часто, а тутъ ихъ очень много. Историкъ не можетъ отказать въ достовѣрности повѣствованію о болѣзни императора, въ родѣ проказы, и рецепту языческихъ врачей, которые обѣщали императору выздоровленіе, если онъ приметъ ванну изъ теплой младенческой крови. Съ перваго раза представляется едва ли возможнымъ, чтобы жрецы, представители религіознаго элемента, выступили съ такимъ средствомъ; если, наконецъ, оно и было возможно, то было весьма рискованно. Но намъ, знакомымъ съ пріемами древней медицины, не можетъ показаться удивительнымъ, что было предложено такое средство. Изъ разсказа Ѳеодорита мы знаемъ, что врачи временъ Юліана, если человѣкъ заживо былъ разъѣдаемъ червями, разрѣзали жирныхъ птицъ и обкладывали кусками ихъ больныя мѣста въ той надеждѣ, что черви обратятся къ птицамъ, какъ болѣе вкусной пищѣ, хотя съ точки зрѣнія современной медицины такой рецептъ способенъ усилить только гніеніе. Во всякомъ случаѣ, однако, рецептъ этотъ былъ рискованъ. Къ тому же, если бы императоръ Константинъ былъ пораженъ такого рода болѣзнію, то языческіе писатели, враждебно настроенные къ Константину, не умолчали бы объ этомъ обстоятельствѣ.

Напротивъ, элементы, неблагопріятствующіе Евсевію въ его разсказѣ, объясняются очень легко. Прежде всего самъ Евсевій не придаетъ особеннаго значенія тому обстоятельству, что Константинъ крещенъ Евсевіемъ никодимійскимъ: онъ не подчеркиваетъ его. Къ тому же самъ Евсевій кесарійскій сообщаетъ, что Константинъ пригласилъ въ Никомидію многихъ сосѣднихъ епископовъ, такъ что уже отсюда можно усматривать, что Евсевій чуждъ въ своемъ разсказѣ о крещеніи императора тенденціи въ пользу людей, зараженныхъ аріанствомъ. Далѣе, та подробность въ повѣствованіи Евсевія, что Константинъ выразилъ желаніе креститься въ Іорданѣ, очень есте-

ственна для міросозерцанія перваго христіанскаго императора. Наконецъ, хотя указываемое Евсевіемъ участіе Константина до его крещенія въ дѣятельности перваго вселенскаго собора не совсѣмъ удобно и пріятно для благочестиваго чувства, но его не отвергаетъ ни Созоменъ, ни Сократъ, ни Ѳеодоритъ; и аналогія съ Константіемъ показываетъ, что тутъ ничего нѣтъ страннаго или невѣроятнаго: Константій откладывалъ свое крещеніе до конца дней и въ то же время принималъ въ церковныхъ соборахъ живѣйшее участіе. Это обстоятельство могло показаться страннымъ только писателямъ IX вѣка, когда уже вошло въ повсемѣстный обычай совершать крещеніе въ младенческомъ возрастѣ. Вообще Евсевій нисколько не подчеркиваетъ фактъ крещенія Константина Великаго, да едва ли онъ и могъ отнестись къ нему тенденціозно; для него, какъ человѣка IV вѣка, крещеніе Константина не имѣло того важнаго и особеннаго значенія, какое придали ему западные историки. Евсевій хорошо зналъ, что многіе знатные люди его времени принимали крещеніе передъ смертію, что Константинъ и до крещенія былъ хорошимъ христіаниномъ, если даровалъ свободу вѣроисповѣданія, участвовалъ на соборахъ и проч. Сведя дѣло обращенія Константина ко Христу на психологическую сторону, Евсевій не былъ заинтересованъ тѣмъ, отъ кого и когда Константинъ принялъ крещеніе.

Такимъ образомъ, сравнивая детали, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что предпочтеніе должно отдавать Евсевію. А что византійская исторіографія приняла «Акты Сильвестра», это показываетъ только ея ненаучность. И если нѣкоторые новые ученые хотѣли бы болѣе вѣрить сообщенію Актовъ, то обыкновенно подобныя лица, заинтересованныя въ немъ, сейчасъ же окрашиваютъ свое изслѣдованіе въ особый цвѣтъ: они говорятъ, что принять крещеніе отъ папы благочестивѣе, и равноапостольному (Константину) естественнѣе креститься у святаго (папы Сильвестра), чѣмъ у еретика-аріанина, какимъ былъ Евсевій никомидійскій. Изъ этого разсужденія видно, что апологеты папскаго крещенія Константина слѣдуютъ постороннему теченію; ихъ доводы запечатлѣны тенденціозностью и подорвать ихъ значимость нетрудно,—стоитъ только перечитать оба повѣствованія о крещеніи Константина. Извѣстіе Евсевіево поражаетъ своей нейтральностью и въ немъ невозможна приписываемая католиками тенденція возвысить аріанство, заставивъ св. Константина креститься у аріанина.

в) Задача, какую можетъ ставить себѣ исторія древней церкви при изложеніи критически провѣренныхъ свѣдѣній о событіяхъ древней церковной жизни, по необходимости является весьма скромною. Желательно многое, но возможно весьма немногое,—все опредѣляется имѣющимися у насъ источниками. Можно много говорить о задачахъ и методахъ построенія новой исторіи, когда она располагаетъ цѣлымъ архивомъ источниковъ; странно говорить о столь же широкихъ задачахъ и желательныхъ методахъ по отношенію къ исторіи древней, когда весь матеріалъ заключается въ немногихъ книгахъ. Такое состояніе литературы не позволяетъ дѣлать широкихъ обобщеній и конструкцій, теоретически заманчивыхъ. Можно стремиться къ различнаго рода планамъ,—въ родѣ построенія исторіи изъ одной идеи, но относительно правильности такого построенія можно много и много сомнѣваться. Много ли можетъ уяснить философія исторіи—это лежитъ на колѣнахъ боговъ, и разсматривать историческіе факты съ точки зрѣнія какой-либо идеи—не значитъ ли готовить для большинства ихъ прокрустово ложе, на которомъ они будутъ подрѣзаться по заранѣе опредѣленной мѣркѣ. Вотъ почему, напр., конструкціи Горскаго, желавшаго построить періоды церковной исторіи по тремъ ипостасямъ Св. Троицы, едва ли можно придать значеніе научное.

Но есть и другія опасности въ прагматическомъ построеніи исторіи: устанавливая прагматическую связь событій, можно вдаться въ психологизированіе, т. е. въ объясненіе событій личными свойствами историческихъ дѣятелей. Это психологизированіе представляетъ большую опасность, потому что историкъ изъ десяти въ девяти случаяхъ можетъ при этомъ сдѣлаться жертвою своей фантазіи и вмѣсто исторіи получится историческій романъ. Въ жизни самой несложной дѣйствія вытекаютъ изъ такихъ сложныхъ побужденій, что мы не въ состояніи точно опредѣлить мотивъ дѣятельности окружающихъ лицъ. Часто мы подкладываемъ не тѣ мотивы, которыми человѣкъ руководится въ дѣйствительности. Если возьмемъ личности высшаго ранга, напр. политическихъ дѣятелей, то опасности ошибокъ удесятерятся. Геніальныя личности поражаютъ неожиданностію своихъ дѣйствій, опредѣлить modus agendi ихъ невозможно; въ ихъ дѣйствіяхъ сказываются какіе то особые углы зрѣнія, для современника представляющіеся неожиданными; сложность геніальной души такова, что для посто-

ронних людей она является полною противорѣчій. Обыкновенно указываютъ въ этомъ случаѣ на бл. Августина, личность выдающуюся; онъ построилъ такую систему, которая въ своихъ частяхъ часто противорѣчитъ себѣ.

Такимъ образомъ церковная исторія въ древнемъ періодѣ можетъ задаваться скромною цѣлію—установить связь между ближайшими событіями, не задаваясь цѣлію изъ звеньевъ этихъ событій воздвигнуть стройное вполнѣ законченное зданіе.

4. Объективность и конфессіонализмъ въ церковной исторіи.

Этическая сторона исторіи довольно давно выяснена была и для древнихъ авторовъ. Въ самомъ уже понятіи исторіи дано указаніе и на качества, которыми долженъ обладать историкъ. Историъ тотъ, кто видѣлъ событіе собственными глазами. Историъ—очевидецъ, а очевидецъ никогда не можетъ солгать самому себѣ. Поэтому-то, съ точки зрѣнія истора, даже тотъ фактъ, что солнце заходитъ на западѣ, есть несомнѣнная истина, хотя съ точки зрѣнія гностика—онъ совершенное заблужденіе. Такимъ образомъ знанія «истора» для него самого несомнѣнная истина и онъ долженъ передавать ихъ другимъ безъ всякаго искаженія. Поэтому, *величайшая любовь къ истинѣ* должна составлять необходимое качество историка. Это требованіе ближе всего относится къ историку бытописателю, описывающему свои историческія наблюденія. Но оно не менѣе приложимо и по отношенію къ историку въ собственномъ смыслѣ.

Говоря такъ, мы какъ будто предъявляемъ странное требованіе, такъ какъ истина составляетъ основной элементъ всякой науки. Но это требованіе издавна еще было предъявляемо къ исторіи. Такъ, Лукіанъ говоритъ, что «одной только истинѣ долженъ приносить жертву тотъ, кто намѣренъ писать исторію» (μόνῃ θυτέον τῇ ἀληθείᾳ, εἴ τις ἱστορίαν γράφων ἴοι). По отношенію къ «истору» подобное служеніе истинѣ должно быть поставлено, какъ особое требованіе, потому что ложь въ исторіи и наиболѣе преступна и наиболѣе вредна. Она преступна, ибо, несомнѣнно, сознательна и не можетъ быть ошибкой, какъ въ гносисѣ. Она вредна, ибо непоправима, въ противоположность, напр., математикѣ и другимъ дедуктивнымъ наукамъ, гдѣ каждый можетъ исправить допущенную ошибку простой провѣркой. Исторія идетъ синтетическимъ путемъ, анализа здѣсь

сравнительно мало; она должна покоиться на свидѣтельствахъ очевидцевъ, ибо говоритъ о предметахъ существовавшихъ. Поэтому историкъ свидѣтель, не говорящій истины, приноситъ вредъ непоправимый, если только онъ единственный свидѣтель извѣстнаго событія.

Съ другой стороны, положеніе историка, разбирающагося въ дошедшихъ до него свидѣтельствахъ, какъ уже было замѣчено, подобно положенію судьи или присяжнаго на судѣ. Послѣдніе должны употребить всѣ усилія, чтобы установить извѣстный фактъ и произнести рѣшительное сужденіе; должны вызнать качества свидѣтелей и заставить ихъ сказать правду. Эти обязанности ложатся и на историка. Какъ служитель истины, онъ нравственно не можетъ отвѣчать за свои данныя, за характеръ—печальный или радостный—сообщаемыхъ событій, и никто не можетъ обвинять его за это. Историкъ долженъ помнить эти обязанности всегда и принимать къ свѣдѣнію то, чего требуетъ Цицеронъ отъ добросовѣстнаго оратора: «не говорить ничего неистиннаго и не укрывать ничего истиннаго» (ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri dicere non audeat). Словомъ, не смотря на то, что историкъ отправляется отъ данныхъ субъективныхъ, не смотря на то, что наука его субъективна, онъ долженъ стремиться сдѣлать ее объективною: не онъ долженъ управлять фактами, но факты имъ. Это переводитъ насъ въ область вопроса объ объективности въ исторіи.

Противъ указаннаго пониманія любви къ истинѣ въ историкѣ, въ смыслѣ объективнаго отношенія къ фактамъ, можетъ быть поставлено по отношенію къ церковной исторіи возраженіе, которое можетъ принимать характеръ довольно сильный. Какъ наука богословская она возбуждаетъ слѣдующій вопросъ: наука хочетъ знать нѣчто ей неизвѣстное, а богословіе имѣетъ своимъ содержаніемъ уже извѣстное,—это его основное положеніе во всѣхъ религіяхъ. А такое понятіе о богословіи противорѣчитъ понятію науки вообще. Предметъ богословія данъ напередъ, и оно такимъ образомъ по существу не можетъ быть свободно отъ субъективности.

Это возраженіе должно быть ослаблено прежде всего по отношенію къ церковной исторіи. Преданнаго, догматическаго не такъ много въ томъ, что составляетъ ея содержаніе. Перемѣны въ жизни церкви, даже и отрицательныя явленія (ереси), имѣютъ значеніе немаловажное для положительнаго уясненія вѣроученія и однако далеко не всѣ входятъ въ область св.

преданія. Но это возраженіе устранимо и по самому существу своему, потому что оно бьетъ не только противъ богословскихъ наукъ, но и противъ наукъ вообще. Дѣйствительно нужно усомниться въ томъ: отыскиваетъ ли наука одно только неизвѣстное? Извѣстное въ богословіи представляется ограниченіемъ его научнаго характера потому, что этому извѣстному придаютъ значеніе чего-то только теоретически заранѣе даннаго, а не смотрятъ на него такъ, какъ слѣдуетъ, т. е. какъ на объективный богословскій фактъ. А съ фактами и аксіомами считается всякая наука. Напримѣръ, астрономія считаетъ своимъ торжествомъ, если теоретическій расчетъ астронома-счетчика точно совпадаетъ съ показаніями астронома-наблюдателя. Тоже и въ физикѣ и филологіи. И научное искомое (x) часто составляетъ не самый *результатъ*, который, можетъ быть, уже заранѣе извѣстенъ (напр. затменіе солнца, фаза луны), а *методъ*, который соглашаетъ посылки съ этимъ выводомъ.

Собственно въ примѣненіи къ церковной исторіи вопросъ о субъективизмѣ переходитъ въ вопросъ о конфессіональномъ элементѣ. Иногда требуютъ, чтобы исторія была не только общехристіанскою, но и исторіею опредѣленнаго христіанскаго вѣроисповѣданія. Требованіе, предъявляемое въ такомъ объемѣ, было бы незаконно, потому что исторія въ такомъ видѣ сдѣлалась бы полнымъ отрицаніемъ идеи историческаго знанія. Но въ предѣлахъ законности конфессіонализмъ историка есть явленіе вполнѣ естественное и непротивное научной объективности. Что объективность абсолютная—вещь невозможная, это настолько же очевидно, насколько очевидно то, что невозможны абсолютно чистая вода, воздухъ. Однако и фактически возможны и чистая вода и чистый воздухъ. То же должно сказать и о нашей объективности въ области исторіи. Здѣсь дѣло идетъ только о томъ, чтобы въ исторіи не допустить субъективизма искусственнаго, какъ преднамѣреннаго проведенія опредѣленной тенденціи. Человѣкъ не можетъ придти, начиная изучать тотъ или другой предметъ, въ состояніе «tabula rasa»; онъ всегда приступаетъ къ нему съ извѣстнымъ содержаніемъ и всегда будетъ предубѣжденъ. Но предубѣжденіе это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не есть еще непзбѣжное явленіе, не есть необходимое свойство, отъ котораго нельзя было бы освободиться.

Исторія имѣетъ своимъ предметомъ церковь, а церковь есть

столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. III, 15); каждый видитъ истину въ той церкви, къ которой принадлежитъ, и этотъ конфессіонализмъ многіе считаютъ препятствіемъ для объективности. Между тѣмъ безъ этого элемента исторія превращается въ нѣчто безцвѣтное. Причина недоразумѣнія заключается въ томъ, что вмѣсто историческаго понятія о церкви ставятъ понятіе догматическое. Догматически церковь опредѣляется, какъ святая, между тѣмъ какъ катихизисъ прямо ставитъ вопросъ: какъ церковь свята, если въ ней присутствуютъ грѣшные члены? Согрѣшающіе принадлежатъ къ церкви исторической, а ихъ причисляютъ къ догматической. Объективность требуетъ вѣрнаго изображенія исторической церкви. Нельзя въ своей церкви видѣть только свѣтъ, а въ другой—тѣни. Субъективные по природѣ, мы можемъ нѣсколько возвышаться надъ субъективизмомъ, осматривая предметъ со всѣхъ сторонъ, какъ осматриваемъ зданіе. Если осматривать зданіе съ одной стороны, съ одного портала, можно многаго въ немъ не замѣтить: если смотрѣть на церковь лишь со стороны входа, можно не замѣтить алтаря; нужно при осмотрѣ становиться по возможности на всѣ доступныя точки зрѣнія. Такъ и по отношенію къ изучаемымъ событіямъ мы должны переноситься на разные пункты, становиться на разныя точки зрѣнія, выполнять по отношенію къ нимъ тѣ функціи, которыя выполняетъ судъ.

При такомъ отношеніи къ дѣлу, понятно, мы признаемъ, что и въ церквахъ, отломившихся отъ каѳолической церкви, есть много свѣтлыхъ сторонъ, какихъ нѣтъ въ каѳолической церкви, и что члены каѳолической церкви не всегда были высоки въ средствахъ и цѣляхъ своей дѣятельности, слѣдовательно, принадлежностью ихъ къ нашей церкви нельзя оправдывать всѣ ихъ дѣйствія. Мы признаемъ, что однихъ явленій не должно было бы быть, другія должны быть лучше. Такимъ образомъ, свѣтъ и тѣни распредѣлятся равномѣрно; нужно только слѣдить, чтобы историческая церковь въ главномъ не расходилась съ своимъ идеаломъ; отстаивать все существующее въ своей церкви, какъ нѣчто совершенное, было бы фальшивымъ конфессіонализмомъ. Историческій объективный матеріалъ долженъ господствовать и надъ православнымъ историкомъ, и онъ долженъ только освѣтить его съ православной точки зрѣнія, т. е. указать именно на тѣ стороны фактовъ, которыя имѣютъ значеніе для православныхъ, но не долженъ видѣть, во что бы то ни стало, свои православныя desi-

derata осуществившимися: это повело бы уже къ искаженію данныхъ исторіи.

Слѣдовательно, конфессіональность убѣжденій, вѣра въ истинность своей церкви можетъ вовсе не препятствовать историку стремиться къ истинѣ. А кто задается цѣлію быть совершенно объективнымъ, тотъ становится на точку зрѣнія, для него неестественную, и въ сущности быть историкомъ на точкѣ зрѣнія не своего вѣроисповѣданія—невозможно. Поэтому, историкъ долженъ чувствовать себя членомъ своей церкви и не долженъ отступать отъ церковной точки зрѣнія: даже и тамъ, гдѣ чувствуется слабость его точки зрѣнія, онъ не долженъ бросать своего дѣла. Можно допустить, что по извѣстнымъ вопросамъ догматики неправославныя стороны ведутъ дѣло послѣдовательнѣе, что въ той церкви, къ которой принадлежитъ историкъ-конфессіоналистъ, не все можетъ быть свѣтлымъ, есть и темная сторона: необходимо только, чтобы въ главномъ и существенномъ церковь отвѣчала его основному принципу, ибо, если историкъ придетъ къ убѣжденію, что церковь его не имѣетъ основанія историческаго, не есть истинная, — то онъ долженъ отвергнуться ея и перейти въ другую, признаваемую имъ истинною, православною. Вообще истина вѣроисповѣдная для христіанина есть лишь конкретное выраженіе истины вообще. Онъ держится своего вѣроисповѣданія потому именно, что видитъ въ немъ свидѣтельство истины въ догматѣ и исторіи, и обязанъ отказаться отъ него, если пришелъ къ убѣжденію, что истина—не на сторонѣ его церкви. Это—аксіома, изъ которой исходила христіанская полемика во всѣ времена. Но очевидно при этомъ, что конфессіонализмъ выражаетъ истину только въ главномъ. а въ частностяхъ ея можетъ и не быть.

Разница между существующими нынѣ вѣроисповѣданіями съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ христіанской древности возводится нѣкоторыми даже въ принципъ. Но, если посмотрѣть внимательно, то это различіе окажется не столько принципіальнымъ, сколько методическимъ. Собственно тѣ психологическіе типы, которые характерны для главныхъ вѣроисповѣданій Европы, можно наблюдать въ любой, не особенно дисциплинированной школѣ, гдѣ склонности дѣтей не подавлены. Возьмите тотъ моментъ, когда такая школа переживаетъ подачу какого-либо перевода или ариѳметическую задачу. Къ письменной работѣ, къ рѣшенію задачи дѣти различныхъ темпераментовъ отнесутся различно. Если дѣти не стѣснены, весьма есте-

ственно, что послѣ подачи заходятъ разсужденія по поводу работы, и здѣсь обнаруживается, что нѣкоторые, не особенно даровитые, но и не изъ плохихъ учениковъ, поражаютъ удивительнымъ спокойствіемъ; они такъ спокойны за результатъ, что не считаютъ нужнымъ безпокоиться и разсуждать, если соблюдены ими всѣ правила ариѳметики, довольствуются своимъ результатомъ, а какъ другіе рѣшили, объ этомъ не безпокоятся. Но вмѣстѣ съ этимъ мы найдемъ и другихъ дѣтей, которыя, убѣдясь, что такой-то подъ номеромъ первымъ всегда рѣшалъ задачи вѣрно, обращаются къ нему и радуются, если рѣшенія ихъ совпадаютъ съ его рѣшеніемъ, и огорчаются, если рѣшенія расходятся: они такимъ образомъ опираются на авторитетъ. Но есть люди другого характера, которые обсуждаютъ вопросъ со всякимъ, кто относится къ нему серьезно, прислушиваются къ разговорамъ и способны переоцѣнивать результатъ своей работы.

Первый типъ—типъ протестанта, какъ онъ сложился исторически. Онъ не безпокоится объ убѣжденіяхъ другихъ, но все обосновываетъ на своемъ разумѣ. Протестанты допускаютъ полную свободу въ толкованіи Св. Писанія, отвергая авторитетъ св. отцовъ, и выдаютъ это за свой выработанный ими принципъ. Между тѣмъ это не есть принципъ, свидѣтельствующій о высокомъ умѣ, а есть вызванный историческими обстоятельствами, необходимый пріемъ борьбы съ католицизмомъ. Исторически первоначально дѣло въ протестантизмѣ стояло совсѣмъ не такъ: протестантизмъ самомнѣніе унаслѣдовалъ не отъ Лютера. Различіе формальнаго и матеріальнаго принципа въ протестантствѣ явилось случайно. Исторически на этомъ пунктѣ произошло полное извращеніе идеи Лютера. Теперь это догматическій принципъ, тогда это былъ принципъ полемическій, къ которому Лютеръ былъ вынужденъ обстоятельствами. Когда у него зашелъ споръ съ папистами относительно злоупотребленій папской системы и онъ началъ доказывать ихъ несоотвѣтствіе съ Св. Писаніемъ, то со стороны его противниковъ начались уловки, въ смыслѣ отложенія дѣла въ долгій ящикъ. Они говорили, что необходимо обратиться къ твореніямъ св. отцовъ, которыя тогда еще не были изданы и хранились въ разныхъ библіотекахъ. Успѣхъ въ этомъ спорѣ становился для Лютера невозможнымъ, и онъ вынужденъ былъ сказать, что отказывается отъ авторитета Преданія, и признаетъ только авторитетъ Писанія. Однако этотъ принципъ

вызванный минутой, сдѣлался потомъ догматическимъ принципомъ, соотвѣтствуя умственному складу протестантовъ.

Требованіе, чтобы вѣрующіе руководились своимъ собственнымъ авторитетомъ, можетъ быть признано само по себѣ высокимъ и въ извѣстномъ смыслѣ правильнымъ. Но съ другой стороны, предъявляемое въ качествѣ безусловнаго принципа, оно можетъ вести къ нравственному самодовольству и полнѣйшей поверхностности. Протестанты въ догматикѣ являются неправыми, потому что Христосъ съ этой точки зрѣнія не долженъ бы сказать: *гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ*, т. е. тамъ церковь (Мѳ. XVIII, 20); достаточно было бы сказать, что если одинъ будетъ вѣрующій, то онъ составитъ церковь. Кто провозглашаетъ абсолютную свободу своего личнаго разумѣнія, тотъ кончитъ тѣмъ, что и относительно книгъ Св. Писанія у него явятся вопросы, которые приведутъ къ отрицанію Св. Писанія. Церковная исторія съ протестантской точки зрѣнія есть нѣчто безразличное; за ней протестантъ не признаетъ никакого авторитета,—для него достаточно одного Св. Писанія, или точнѣе его личнаго мнѣнія, а исторіей онъ пользуется, какъ чѣмъ-то необязательнымъ. Это и сказалось, напр., въ вопросѣ объ іерархическомъ устройствѣ протестантскаго общества. Церковная исторія не можетъ не рѣзать ему глазъ, потому что іерархія, по свидѣтельству исторіи, существовала въ церкви постоянно. Онъ, уклоняясь отъ показаній исторіи, хочетъ, во что бы то ни стало, доказать, что еще во времена апостоловъ церковь имѣла протестантское устройство.

Второй типъ школьника—это прирожденный папистъ. Богъ вѣсть, подъ какими психологическими наслоеніями развился этотъ типъ. Это люди слабые, нуждающіеся во внѣшней опорѣ, люди чужеумные и чужевольные, настраивающіеся въ пользу того, кто говорилъ послѣднимъ. Такихъ людей много, поэтому папизмъ всегда будетъ имѣть много сторонниковъ, ибо думать не легко и лучше возложить отвѣтственность за все на святого отца. И паписты могутъ относиться совершенно равнодушно къ церкви и ея исторіи. Въ виду удручающаго ихъ бремени различныхъ сомнѣній и недоумѣній по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ, они стараются найти для себя свидѣтельство отъ внѣшнихъ, авторитетъ, на который можно было бы опираться при рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ, и такимъ авторитетомъ для нихъ является папа. Весьма харак-

терно то, что они дополнили свое опредѣленіе церкви, назвавъ ее римскою. Вполнѣ высказался католическій міръ на ватиканскомъ соборѣ, гдѣ была признана непогрѣшимость папы, когда онъ говоритъ ex cathedra. Такимъ образомъ, и для католическаго міра естественнымъ является равнодушное отношеніе къ церкви и церковной исторіи. Но такъ какъ совсѣмъ отречься отъ услугъ исторіи невозможно и считаться съ нею необходимо, то католическій историкъ становится въ самое несчастное положеніе и даже является иногда вреднымъ дѣятелемъ, такъ какъ онъ тенденціозно распоряжается матеріаломъ, а не матеріалъ имъ обладаетъ, какъ бы это слѣдовало.

Напротивъ, третій типъ—типъ истиннаго каѳолика въ самомъ лучшемъ его опредѣленіи. Каѳолицизмъ есть собственно такое воззрѣніе, по которому признается необходимымъ имѣть дѣло со всею каѳолическою церковію, и такъ какъ цѣлое всегда равно самому себѣ, то авторитетъ поставляется здѣсь на второй планъ. Папская система построена на томъ, что нравственныя начала замѣнены юридическими; разъ что-нибудь опредѣлено, опредѣлять этого болѣе не надо. Каѳолическая же церковь даетъ возможность снова разсматривать извѣстныя истины. Вѣроятно, изъ 100 девяносто семь полагаютъ, что мы къ римскому католицизму стоимъ ближе, чѣмъ къ протестантизму. На дѣлѣ, несмотря на провозглашеніе свободы, протестантизмъ все-таки ближе къ намъ, потому что гдѣ нѣтъ личнаго убѣжденія, тамъ нѣтъ и вѣры. Когда язычникъ обращается въ христіанство, мы требуемъ, чтобы онъ лично сталъ выше предковъ, чтобы онъ мыслилъ самостоятельно, а не ссылался на ихъ авторитетъ. Самое обращеніе въ христіанство построено на началѣ личности. Все, чего мы не принимаемъ въ протестантствѣ, основано на злоупотребленіи этимъ личнымъ началомъ. Практическая жизнь показываетъ, что, несмотря на свободу воззрѣній, мы часто охотно отказываемся отъ правъ личнаго разумѣнія. Мы предполагаемъ, что богослову, филологу, чужда математика; но ему приходится дѣлать математическія выкладки. Въ случаѣ разногласія выкладки съ спеціалистомъ математикомъ, мы въ глубинѣ души будемъ подозрѣвать, что ошибку сдѣлали мы, а не математикъ, хотя бы наши вычисленія въ дѣйствительности были вѣрнѣе, чѣмъ вычисленія математика. То же нужно сказать и относительно авторитета святыхъ отцовъ. Православная церковь предоставляетъ всѣмъ свободу богословскихъ изслѣдованій и мнѣ-

ній. Она не требуетъ отъ насъ, чтобы, несогласные въ чемъ-либо съ мнѣніями св. отцовъ и учителей церкви, мы убили свои личныя убѣжденія, а требуетъ, чтобы мы не торопились, чтобы мы посмотрѣли, не дѣлаемъ ли мы въ своихъ разсужденіяхъ скачковъ, для насъ самихъ незамѣтныхъ.

Изъ сказаннаго видно, что значеніе церковной исторіи для православнаго богослова больше, чѣмъ для католика и протестанта. Для протестанта—это свидѣтель безразличный; для католика—это свидѣтель, котораго часто приходится заставлять говорить то, чего онъ не хочетъ. Для протестанта сила и центръ тяжести заключается въ немъ самомъ. Для католика важно папское вѣрованіе, которое замѣняетъ для него все. Православный богословъ слышитъ въ исторіи голосъ церкви, разсѣянный не только въ пространствѣ, но и во времени,—голосъ ничѣмъ не замѣнимый (quod semper, ubique et ab omnibus creditum est). Сознаніе себя не цѣлымъ, а частью каѳолической церкви, даетъ мѣсто для правильной оцѣнки другихъ голосовъ. Для него важны даже свидѣтельства обществъ, не принадлежащихъ теперь къ каѳолической церкви, въ особенности древнія свидѣтельства, такъ какъ эти послѣднія являются голосомъ вселенской церкви. То обстоятельство, что эти свидѣтельства не всегда до тождества покрываютъ наши современныя воззрѣнія, не должно устрашать православнаго богослова, такъ какъ онъ считаетъ себя выразителемъ лишь опредѣленнаго мѣстнаго момента, а потому не долженъ отказывать въ свидѣтельствѣ и другимъ. Напротивъ, всякое свидѣтельство, вполнѣ подтверждающее его точку зрѣнія, является для него въ особенности важнымъ, потому что это свидѣтельство каѳолической церкви.

Разнаго рода психологическіе типы, въ какихъ выразились три основныя христіанскія вѣроученія, имѣютъ непосредственное значеніе въ вопросѣ о возможности пользованія научно-богословскими трудами, принадлежащими лицамъ различныхъ вѣроисповѣданій. Ясно, что протестантскія работы въ главномъ и существенномъ для православнаго богослова болѣе симпатичны, чѣмъ католическія. Причину этого надо искать не въ вѣроисповѣданіи, а въ той основной особенности, которая отличаетъ католиковъ,—въ полной зависимости ихъ отъ папскаго всевластія. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ трудами римско-католическихъ богослововъ пользоваться удобнѣе, такъ какъ католикъ можетъ интересоваться

многими сторонами церковной жизни, мимо которыхъ равнодушно проходитъ протестантъ, такъ, напр., въ вопросѣ о древнецерковномъ богослуженіи католикъ съ интересомъ останавливается на формѣ облаченій, тогда какъ протестантъ, не признавая никакихъ церковныхъ облаченій, относится къ этому вопросу совершенно равнодушно, а потому археологическія изысканія католическихъ ученыхъ несомнѣнно гораздо почтеннѣе и содержательнѣе. Но за то трудами протестантскихъ историковъ можно пользоваться съ большею безопасностью, чѣмъ трудами историковъ католическихъ. Я не говорю о тенденціяхъ, которыя выступаютъ обыкновенно ясно: зрѣлый умъ съумѣетъ, какъ къ нимъ отнестись, онѣ просто являются непріемлемыми съ точки зрѣнія его вѣроученія. Важно то, что протестантскіе историки являются по отношенію ко многимъ историческимъ фактамъ болѣе объективными, такъ какъ для нихъ это не составляетъ никакого труда. Они свели счеты съ преданіемъ и не имѣютъ никакихъ основаній скрывать, что учрежденія древней церкви не соотвѣтствуютъ ихъ современнымъ. Они безпристрастно относятся къ разнаго рода церковно-историческимъ фактамъ, изображая ихъ такъ, какъ они совершились и какъ поняты ими. Для протестантовъ имѣетъ значеніе только апостольская церковь, которую они, по ихъ убѣжденію, и возстановляютъ; но они не могутъ отказать себѣ въ желаніи подчеркнуть темныя явленія въ жизни церкви за позднѣйшіе періоды, такъ какъ для нихъ нѣтъ побужденій представлять истину не такъ, какъ она представляется. Древняя церковная исторія представляетъ для нихъ только болѣе раннюю точку зрѣнія: тогда мыслили такъ, теперь иначе, и поэтому они не считаютъ для себя обязательнымъ приводить древніе порядки въ гармонію съ современными. Протестантъ признаетъ за собою право руководствоваться личнымъ мнѣніемъ, но онъ не имѣетъ побужденій составлять это мнѣніе неправильно, и ничто не обязываетъ его придти къ заключенію, расходящемуся съ мнѣніемъ древнихъ авторовъ. Онъ можетъ даже пожертвовать своимъ воззрѣніемъ.

Но не таково положеніе римско-католика по отношенію къ фактамъ древней церковной исторіи. Онъ имѣетъ на своихъ плечахъ ношу въ видѣ папизма. Онъ, по неизмѣнности церковнаго ученія, признаетъ, что существующее теперь было въ такомъ же видѣ и всегда. И такъ какъ слишкомъ мало такихъ вопросовъ церковной жизни, гдѣ папизмъ не заинтере-

сованъ, то католическій историкъ всегда почти долженъ допускать разнаго рода натяжки, подчасъ даже несознаваемыя. Католикъ рѣдко можетъ разсуждать sine ira et studio, а прославленные пріемы нѣкоторыхъ католическихъ ученыхъ напоминаютъ фальсификаторство. Читая католическіе труды, въ особенности, если знаемъ, что авторъ принадлежитъ къ ультрамонтанамъ, мы никогда не можемъ отдѣлаться отъ чувства недовѣрія къ его показаніямъ и смотримъ на нихъ, какъ на несвободныя отъ папскаго вліянія. Исторія католика представляетъ ту монотонность, что всегда должна согласоваться съ папскими велѣніями. Всякая рѣзкая протестація неблагопріятна для католика, почему онъ многое переиначиваетъ, чтобы провести господствующій взглядъ. Такъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ходъ соборныхъ засѣданій запечатлѣнъ игнорированіемъ папскихъ интересовъ, католику приходится прибѣгать къ разнаго рода передержкамъ и перекрашиванію наличныхъ фактовъ. Въ особенности это рѣзко выступаетъ на глаза въ вопросѣ о целибатѣ: есть даже такіе ученые, которые находятъ въ целибатѣ апостольское учрежденіе. И протестантскіе и католическіе ученые ясно выражаютъ свои конфессіональныя тенденціи. Но протестантъ не заинтересованъ перекрашиваніемъ церковно-историческихъ фактовъ, какъ католикъ, тѣмъ болѣе, что надъ послѣднимъ тяготѣетъ еще цензура и истинныя его воззрѣнія поэтому не всегда могутъ быть высказаны.

По обычному порядку предметовъ, о которыхъ обыкновенно трактуется во введеніяхъ въ науку, слѣдовало бы поставить вопросъ о пользѣ церковной исторіи. Но мы считаемъ это излишнимъ; ибо исторія всѣхъ наукъ показываетъ, что всякая наука только тогда становилась полезною, когда она оставляла всякую заботу быть полезною и выдавать себя такою. Для примѣра возьмемъ двѣ науки: химію и астрономію. Химія начала съ алхиміи, цѣлію которой было изобрѣтеніе золота. Золота она не изобрѣла, но, отрѣшившись отъ всякихъ стремленій принести пользу, она пришла къ тому, что стала представлять изъ себя стройную доктрину и сдѣлалась полезной наукой. Точно также астрономія началась съ астрологіи. Стремленіе знать волю боговъ заставляло астрологовъ по цѣлымъ ночамъ всматриваться въ звѣздное небо, наблюдать за теченіемъ свѣтилъ небесныхъ, и такимъ образомъ явилась

наука астрономія. Въ настоящее время астрономъ предпринимаетъ египетскій трудъ при составленіи астрономическаго календаря. Зная, что эту книгу послѣ него никто не будетъ читать, онъ впалъ бы въ отчаяніе, если бы не разсчитывалъ, что его вычисленія могутъ спасти, напр., цѣлый экипажъ блуждающаго въ морѣ корабля.

II. Вспомогательныя науки для церковной исторіи.

Средства для первоначальной разработки историческихъ источниковъ и для установленія правильнаго отношенія къ нимъ, для такъ называемой низшей критики, предлагаются въ вспомогательныхъ наукахъ для исторіи. Онѣ перечисляются даже въ учебныхъ руководствахъ (напр. въ учебникѣ Смирнова), хотя и безъ надлежащихъ разъясненій и сравнительной оцѣнки.

Чтобы изучить историческое явленіе, нужно прочитать извѣстіе о немъ въ письменныхъ памятникахъ. А для правильнаго отношенія къ этимъ памятникамъ нужно знать цѣлый рядъ наукъ, смотря по тому, къ какому роду памятники относятся. При пользованіи документами нужна дипломатика; если дѣло имѣемъ съ печатями, понадобится сфрагистика; если извѣстіе написано на камнѣ, нужна эпиграфика; если пользуемся монетами, необходима нумизматика. Наиболѣе же необходимыми для историка являются палеографія, филологія, географія и хронологія. Вообще, вспомогательныя науки, содѣйствуя выполненію критической задачи, а) выясняютъ, можно ли по внѣшнему виду признать памятникъ за то, за что его выдаютъ, б) помогаютъ прочитать его, в) правильно понять его, г) опредѣлить положеніе въ пространствѣ и времени [1]).

[1]) Общія свѣдѣнія о вспомогательныхъ для исторіи наукахъ, съ библіографическими указаніями, можно находить въ E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 3 und 4 Aufl. Leipzig 1903. Болѣе или менѣе подробное изложеніе этихъ дисциплинъ дается, помимо указываемыхъ далѣе особыхъ сочиненій по нимъ, въ разныхъ коллективныхъ трудахъ. Таково въ особенности многотомное руководство для изученія классической древности, издаваемое въ Мюнхенѣ Иваномъ фонъ-Мюллеромъ, Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft herausgeg. von Iwan von Müller. Первый томъ

Дипломатика получила свое названіе отъ слова διπλωμα, что значитъ документъ, сложенный вдвое. Дипломатика должна дать такое знакомство съ внѣшнимъ обликомъ письменнаго памятника, что если бы его предложили намъ всего на двѣ минуты безъ всякой возможности прочитать или скопировать его, то и тогда, по однѣмъ внѣшнимъ формамъ, мы могли бы судить о подлинности или подложности документа. Дипломатика должна указать, какъ въ извѣстное время писались документы, какой имѣли они внѣшній видъ (видъ ли книги или свертка), чѣмъ начинался документъ (обращеніемъ ли къ лицу, къ которому пишется документъ, или наименованіемъ лица, дающаго документъ), гдѣ помѣщены подписи (вверху ли, какъ въ ставленныхъ грамотахъ, или внизу, какъ на высочайшихъ рескриптахъ). Важное значеніе имѣетъ и цвѣтъ чернилъ, которыми документъ писанъ.

Чаще всего въ видѣ дипломовъ на востокѣ встрѣчаются хризовулы. Такъ назывались царскія грамоты съ золотой печатью, подписанныя пурпуровыми чернилами самимъ императоромъ, при чемъ императоръ начертывалъ не имя свое, а такъ называемое μηνολόγημα, т. е. индиктъ и мѣсяцъ. Эти особенности хризовуловъ даютъ основаніе какъ для установле-

---

его содержитъ, между прочимъ, палеографію (Blass), эпиграфику греческую (Larfeld) и римскую (Hübner), хронологію (Unger) и метрологію (Nissen). Особые томы, съ подраздѣленіемъ на отдѣльныя весьма иногда значительныя по объему части, посвящены классической филологіи (второй томъ: 1. грамматика и лексикографія греческая—Brugmann и Cohn, и латинская—Stolz-Schmalz и Heerdegen, 3. риторика и метрика—Volkmann-Hammer и Gleditsch) и географіи и исторіи древняго міра (третій томъ: 1. географія и исторія древняго востока—Hommel, 2. географія Греціи и ея колоній—Oberhummer и топографія Аѳинъ—Judeich, 3. географія Италіи и Orbis Romanus—Jung и топографія Рима—Richter, 4. исторія греческая—Pöhlmann, и 5. римская—Niese). Дальнѣйшіе томы имѣютъ предметомъ греческія и римскія древности (IV), исторію древней философіи, религію и культъ (V), археологію искусствъ съ нумизматикой (VI), исторію литературы на греческомъ и латинскомъ языкахъ (VII—IX). Для церковнаго историка наиболѣе важное значеніе имѣетъ въ этой серіи составляющая 1 отдѣленіе IX тома Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453) von K. Krumbacher. 2 Aufl. München 1897, между прочимъ, въ виду единственныхъ по обстоятельности библіографическихъ указаній по византійской древней и позднѣйшей исторіи, въ частности касательно и вспомогательныхъ для нея наукъ. Болѣе скромныя задачи намѣчаетъ для себя новѣйшее предпріятіе—Einleitung in die klassische Philologie und

нія точныхъ хронологическихъ датъ, такъ и для отличенія подлиннаго документа отъ подложнаго. Прежде римскіе императоры употребляли (до Ираклія) при подписи рескриптовъ формулу: Divinitas te servet. Вмѣсто нашего «быть по сему» въ древности писали: Legi. Объ императорѣ Юстинѣ I существовалъ анекдотъ, что онъ, по малограмотности, пользовался металлической дощечкой съ вырѣзаннымъ «legi», водя перомъ по вырѣзаннымъ буквамъ.

Церковь знала свою дипломатику. Въ письменныхъ памятникахъ встрѣчаются указанія на общительныя грамоты. Онѣ были посылаемы новопоставленнымъ епископомъ знаменитой каѳедры другимъ, равноправнымъ съ нимъ епископамъ, съ извѣщеніемъ о его поставленіи. Другого рода общительныя грамоты давались епископомъ лицамъ, отлучающимся въ другія епархіи, для доказательства ихъ православія и общенія съ церковію. Какими средствами пользовалась церковь для засвидѣтельствованія своихъ документовъ въ періодъ гоненій, мы не знаемъ. Вѣроятно, были и тогда какіе-нибудь условные знаки подобно тому, какъ въ торговыхъ общинахъ употреблялись секретные знаки для засвидѣтельствованія принадлежности того или другого лица къ извѣстной фирмѣ. Позднѣе стала практиковаться извѣстная форма документа. Грамота выдава-

---

Altertumswissenschaft herausgeg. von A. Gercke und E. Norden (въ двухъ томахъ, Leipzig und Berlin, Teubner). Подробную разработку вспомогательныя дисциплины должны получить, примѣнительно къ западной средневѣковой и новѣйшей исторіи, въ недавно начатой серіи Handbuch der Mittelalterlichen und Neueren Geschichte herausgeg. von G. von Below und F. Meinecke (München und Berlin). Тѣми же хронологическими предѣлами, но лишь въ отношеніи къ германской исторіи, ограничивается и сжатый Grundriss der Geschichtswissenschaft zur Einführung in das Studium der deutschen Geschichte des Mittelalters und der Neuzeit herausgeg. von A. Meister (въ двухъ томахъ), B. I. Leipzig und Berlin 1906. Спеціальную пропедевтику для церковной исторіи съ свѣдѣніями о вспомогательныхъ для нея наукахъ составилъ J. Nirschl, Propädeutik der Kirchengeschichte. Mainz 1888; но теперь особенно библіографическія указанія его оказываются отчасти уже устарѣвшими. Между прочимъ, какъ особая вспомогательная для исторіи наука, кромѣ обычно подводимыхъ подъ это понятіе отраслей знанія, можетъ быть разсматриваема еще и историческая библіографія въ смыслѣ дисциплины, дающей общія необходимыя указанія для методическаго освоенія съ областью историческихъ источниковъ и пособій. Руководство составлено Ch. V. Langlois, Manuel de bibliographie historique. Paris 1901—1904. *А. Б.*

лась извѣстнымъ епископомъ на имя одного или нѣсколькихъ епископовъ. Содержаніемъ подобныхъ грамотъ служило удостовѣреніе того, что предъявитель грамоты — членъ данной церкви и имѣетъ общеніе съ ней. Какъ секретъ, выставлялся номеръ цифрами, представлявшій извѣстнаго рода величину, которую получавшій грамоту епископъ могъ легко провѣрить. Этотъ номеръ составлялся изъ двухъ величинъ. Одна изъ нихъ—постоянная—состояла изъ сложенія численныхъ значеній буквъ слова ἀμήν (α=1, μ=40, η=8, ν=50): число 99. Другая величина — перемѣнная — составлялась изъ сложенія цифровыхъ значеній: первой буквы имени дающаго грамоту, 2-й буквы имени епископа, которому предъявлена будетъ грамота, 3-й буквы имени лица, получившаго грамоту, 4-й буквы имени города, гдѣ грамота выдана, 5-й буквы индиктіона года и, наконецъ, начальныхъ буквъ фразы: во имя Отца и Сына и Св. Духа. Получатель документа спрашивалъ обыкновенно содержаніе документа, переводилъ слова на цифры, къ полученной отъ сложенія цифрѣ прибавлялъ цифры словъ: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа», и, если получалась цифра согласная съ цифрою на документѣ, то это и считалось ручательствомъ истинности документа. Число ниже 566 не могло быть и указывало на подложность грамоты. Предполагая, что Аѳанасій Великій въ Александріи выдаетъ epistola formata какому нибудь Григорію для предъявленія Василію Великому въ 372 г. въ маѣ, онъ долженъ былъ бы сложить: π[ατήρ]=80; υ[ἱός]=400, π[νεῦμα]=80; α[γιον]=1; α[θανάσιος]=1; [β]α[σίλειος]==1; [γρ]η[γόριος]=8; [αλε]ξ[άνδρεια]=60; ind. XV (=372)=15 и въ epistola поставить χμς=646, и наконецъ въ заключеніе письма поставить qϑ=99 (=ἀμήν).

Восточная дипломатика мало еще разработана и по этому предмету есть только отдѣльныя изслѣдованія. На этомъ поприщѣ трудился, напр., Брунсъ, занимавшійся вопросомъ о подписяхъ (въ Abhandlungen берлинской Академіи наукъ, 1876). Гардтгаузенъ заявлялъ въ своей «Греческой палеографіи» (1879), что время писать византійскую дипломатику еще не настало, такъ какъ мало обнародовано необходимаго для этого матеріала. Западная дипломатика имѣетъ уже свою исторію. Въ цѣльномъ видѣ дипломатика представлена въ трудѣ Mabillon'a, De re diplomatica. Paris 1681, 1709². Дальнѣйшую разработку даютъ: Th. Sickel. Urkundenlehre. Wien 1867. J. Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre. Innsbruck 1877—8.

F. Leist, Urkundenlehre. München 1882. [H. Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. I. Leipzig 1889. A. Giry, Manuel de diplomatique. Paris 1894].

Сфрагистика или сигиллографія, наука о печатяхъ, выдѣлилась изъ дипломатики. Сфрагистика должна указать, въ какое время и какія употреблялись печати, съ какими надписями и изображеніями. Для запада она разрѣшается въ геральдику (ученіе о гербахъ). Сфрагистика, кромѣ формы печатей, должна опредѣлить, какъ и куда печать прикрѣплялась и изъ какого матеріала она дѣлалась.

Прежде печати употреблялись восковыя. Сургучъ же испанское изобрѣтеніе XVI вѣка (первое письмо съ сургучной печатью видимъ въ 1553 году). Воскъ употреблялся для печатей и въ естественномъ видѣ и въ окрашенномъ. Въ средніе вѣка государи и папы употребляли воскъ красный для печатей, частныя же лица—зеленый. На печатяхъ часто изображались святые. Помѣщалось также на печатяхъ имя прикладывавшаго печать. Чтеніе надписей на печатяхъ—дѣло довольно трудное, такъ какъ слова на нихъ изображались въ сокращенномъ видѣ. На нѣкоторыхъ матеріалахъ (напр. пергаменѣ) воскъ держаться не можетъ, а потому употреблялись sigilla pendentia (печати привѣшенныя). Лица, не умѣвшія писать, прикладывали вмѣсто подписи къ документу свои печати, почему къ нѣкоторымъ документамъ привѣшивалось по нѣскольку печатей (до 40). Съ VII в. у папъ употребляются металлическія печати, обыкновенно свинцовыя. Брался свинцовый шарикъ (bulla), въ который вводились концы шнурка. Шарикъ сжимался затѣмъ между двумя металлическими пластинками, на которыхъ вырѣзывались лицевая и обратная сторона медали. Отсюда папскія грамоты получили названіе «буллъ». Для болѣе важныхъ документовъ употреблялись и драгоцѣнные металлы. Такъ, византійскіе императоры выдавали грамоты, называемыя «хрисовулами» отъ прилагаемыхъ къ нимъ золотыхъ печатей. Шнуръ, на которомъ привѣшена печать, имѣетъ также большое значеніе въ опытныхъ рукахъ. Если изготовлялся въ папской канцеляріи документъ для важнаго, высокопоставленнаго лица, жалующаго что-нибудь, и на долгій срокъ, то шнуръ употреблялся шолковый. Если же документъ выдавался по судебному дѣлу, или по брачному, и вообще, по какому-нибудь опредѣленному (ad hoc) случаю, то употреблялся шнурокъ пеньковый. Въ извѣстныхъ случаяхъ,

такимъ образомъ можно и по шнурку угадать, для кого былъ составленъ документъ. Кромѣ подвѣшенныхъ употреблялись для папскихъ документовъ и обыкновенныя восковыя приложенныя печати. Онѣ прикладывались къ постановленіямъ меньшей важности. Эти постановленія писались не на пергаменѣ и назывались не «буллами», а «бреве». Въ подобныхъ случаяхъ на папской печати изображался ап. Петръ, выбрасывающій мрежу изъ лодки, и печать называлась техническимъ выраженіемъ «sub annulo piscatoris».

Указанія относительно надписей или вѣрнѣе «написей» сдѣланныхъ на прочномъ матеріалѣ, камнѣ, металлѣ, даетъ **эпиграфика.** Памятники съ написями, въ томъ числѣ печати и монеты, имѣютъ цѣнность, какъ наиболѣе надежные въ смыслѣ подлинности источники. Монетами, которыя въ древности представляли существенное отличіе отъ нынѣшнихъ и были своего рода медалями, занимается **нумизматика** [1]).

Палеографія. Болѣе всего историку приходится имѣть дѣло не съ написями на камнѣ и металлѣ, а съ рукописями, писанными на папирусѣ, пергаменѣ и бумагѣ. Памятниками этого рода занимается палеографія. Но на этомъ же матеріалѣ писаны и дипломы и вопросами о немъ заинтересована и дипломатика.

Въ началѣ нашей эры матеріаломъ письма служилъ папирусъ. Папирусъ приготовлялся изъ особаго египетскаго растенія, стволъ котораго состоитъ изъ наслоенныхъ одна на другую трубочекъ. Если стволъ отрѣзать, то можно распластать его на тонкія пластинки; онѣ укладываются на столѣ другъ подлѣ друга и проклеиваются поперечнымъ слоемъ пластинокъ. Въ виду такого приготовленія папируса можно предвидѣть, что онъ не выдержитъ сгиба, а поэтому папирусъ хранился въ видѣ свертковъ. Листы папируса приклеивались одинъ къ другому, причемъ первый листъ носилъ названіе πρωτόκολλον (отсюда и явилось понятіе—«протоколъ»). Этотъ рядъ листовъ папируса навертывался на скалку и такимъ образомъ являлась книга въ видѣ свертка; каждый, кто читалъ этотъ свертокъ, развертывалъ его. Такая форма книги называлась

---

[1]) О значеніи для исторіи данныхъ, представляемыхъ сфрагистикой эпиграфикой и нумизматикой, будетъ рѣчь ниже, въ отдѣлѣ о монументальныхъ источникахъ исторіи. Тогда же будетъ указана и соотвѣтствующая литература. *А. Б.*

βίβλος, liber; сберегали эти свертки въ круглыхъ коробкахъ. Такъ какъ папирусъ былъ дешевъ, то его употребляли и вмѣсто оберточной бумаги. Писали обыкновенно на одной сторонѣ, такъ какъ другая сторона не была такъ гладка. Если же попадется книга изъ папируса, исписаннаго съ двухъ сторонъ, то это часто значитъ, что она была ненужна и была отдана кому-нибудь просто для пробы пера. Папирусъ былъ очень непроченъ, и если сохранилось значительное количество папирусовъ, то это объясняется хорошимъ климатомъ Египта, который былъ благодатною страною въ этомъ отношеніи, отличаясь сухостію, тогда какъ сырость могла ихъ испортить.

Кромѣ папируса матеріаломъ для письма служилъ пергаменъ, имѣющій сравнительно съ папирусомъ болѣе позднее происхожденіе. О происхожденіи пергамена греческая легенда гласитъ слѣдующее: египетскій и пергамскій царь однажды заспорили о томъ, кто составитъ болѣе богатую библіотеку. Такъ какъ Египетъ былъ главнѣйшимъ и почти единственнымъ поставщикомъ папируса, то царь египетскій издалъ указъ, запрещавшій вывозить папирусъ. Пергамскому царю пришлось плохо. По истощеніи запаса папируса, онъ, очевидно, долженъ былъ прекратить составленіе библіотеки. Тутъ ему одинъ разумный человѣкъ предложилъ приготовлять матеріалъ для письма изъ кожъ. Подобная обработанная кожа и есть пергаменъ. Это уже болѣе совершенный родъ писчаго матеріала. Онъ гораздо крѣпче и цѣннѣе папируса. Изъ пергамена приготовлялись кодексы—книги въ нашемъ смыслѣ, которыя могли сгибаться и не портиться. Эти «codices» изъ пергамена строго отличались отъ «libri» изъ папируса. Такъ, напр., по поводу одного завѣщанія римскіе юристы возбудили вопросъ, какъ поступить съ книгами, оказавшимися въ библіотекѣ, если завѣщатель употребилъ выраженіе «omnes libros», но не упомянулъ о «codices». Пергаменные списки представляли еще и ту цѣнность, что ихъ удобнѣе было сохранять, а текстъ можно было смыть и замѣнить другимъ, болѣе цѣннымъ. Такимъ образомъ появились такъ называемые «палимпсесты», рукописи изъ пергамена, содержащіе два текста, при чемъ позднѣйшій текстъ можно бываетъ удались и при помощи химическихъ реакцій возстановить первоначальный. Большинство древнѣйшихъ рукописей писаны на пергаменѣ. Для опредѣленія древности рукописей изъ пергамена важное значеніе имѣетъ способъ, какимъ листы пергамена складывались въ

тетради. Рукописи съ тетрадями изъ пяти листовъ, согнутыхъ вдвое, гораздо древнѣе рукописей изъ четырехъ листовъ. Такъ какъ кожу пергамена нельзя было довести до такого совершенства, чтобы обѣ стороны его были одинаково бѣлы и гладки, то листы складывались такъ, что гладкая сторона приходилась къ гладкой. Пергаменъ имѣетъ линіи, проведенныя ножемъ, по которымъ писали такъ, что онѣ были вверху буквъ «$\overline{\alpha\beta\gamma\delta}$». Пергаменъ, въ которомъ буквы пишутся надъ строкой—линіей, болѣе поздняго происхожденія.

Послѣ пергамена матеріаломъ для письма была б у м а г а, «charta bombycina». Французская и нѣмецкая націи удержали для бумаги древнее наименованіе папируса «papier», а наше слово «бумага» ведетъ начало отъ charta bombycina. Наименованіе это производятъ обычно отъ «bombyx», восточнаго растенія, которое давало волокна (хлопчатая бумага). И вотъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій существовало воззрѣніе, что послѣ пергамена книги писались на charta bombycina, сдѣланной изъ хлопчатой бумаги. Но оказалось, что подобное воззрѣніе покоится на совершенно ложныхъ началахъ. Въ 1887 г. проф. вѣнскаго университета Виснеръ (Wiesner) подвергъ микроскопическому изслѣдованію древнѣйшіе сорта бумаги. О волокнахъ bombyx'а, какъ матеріалѣ для бумаги, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ эти волокна попадались такъ же случайно, какъ и въ обыкновенной бумагѣ попадаютъ иногда шерстинки. Древняя бумага это тоже льняная бумага, но болѣе грубая и толстая. Различіе между обыкновенною charta linea и charta bombycina только въ сортѣ, въ зависимости отъ способа производства.

Предполагая, что оцѣнка по наружнымъ признакамъ извѣстной рукописи произведена, мы имѣемъ задачу прочитать древнюю рукопись. Это не такое простое дѣло, какъ кажется сразу. Всѣ мы избалованы новыми печатными изданіями. Напротивъ, старыя изданія, напр. бенедиктинскія и парижскія королевской типографіи, представляютъ ту особенность, что многое въ ихъ шрифтахъ внесено изъ рукописей и потому не такъ легко читается. Чтеніе рукописей требуетъ особаго руководства. Необходимыя для этого указанія и даетъ палеографія. Палеографія—древнеписаніе—названіе собственно не объясняетъ сущности дѣла. По своей первоначальной задачѣ она должна бы быть только собраніемъ различныхъ шрифтовъ; но со временемъ она развилась въ цѣлую науку. Устанавливая

особенности письма для различныхъ временъ и мѣстъ, ученые приходятъ къ заключеніямъ о времени и о мѣстѣ, гдѣ написана извѣстная рукопись. Такимъ образомъ палеографія, помимо своей прямой задачи—научить читать древнія рукописи, приняла на себя еще задачу по характеру письма опредѣлять ихъ древность.

Шрифты рукописей проходили нѣсколько фазисовъ. Прежде всего нужно различать греческій и латинскій курсивъ. Древній курсивъ употреблялся для бѣглыхъ замѣтокъ, писанныхъ на восковыхъ дощечкахъ стилемъ. Подобнаго рода дощечки, сохранившіяся до насъ, позволяютъ заключать, каковъ былъ этотъ курсивъ. Это особенный шрифтъ, съ которымъ заурядному ученому не приходится и считаться. Онъ не предназначался для изданія, — это было въ родѣ стенографіи самого автора. Писали курсивомъ и на папирусѣ. Курсивное письмо употреблялось и въ позднѣйшія времена.

Письмо нормальное началось эпиграфически. Первоначальный книжный шрифтъ былъ маюскульный, въ которомъ различаются двѣ формы: капитальный и унціальный шрифты. Это различеніе особенно важно для латинской палеографіи. Маюскульное письмо состоитъ изъ большихъ буквъ. Оно проходило различныя формы въ зависимости отъ матеріала (напр. камень удобенъ для вырѣзыванія и круглыхъ и продолговатыхъ буквъ; дерево только для продолговатыхъ линій). Въ исторіи шрифта вообще дѣйствуютъ два фактора: утилитарный, когда писецъ скорость выполненія работы предпочитаетъ ея красотѣ, и эстетическій, когда онъ заботится о красотѣ буквъ. Поэтому первоначальныя угловатыя буквы (финикійскія традиціи) замѣнялись круглыми, а затѣмъ съ теченіемъ времени стали украшаться. Сначала напримѣръ е изображалось Ε, затѣмъ Є, а затѣмъ съ точками Є. Къ этому круглому начертанію побуждала и густота античныхъ чернилъ. Эти два фактора, конкуррируя между собою, ведутъ маюскульное письмо къ измѣненію. Капитальное письмо представляло древнѣйшую его стадію. Съ теченіемъ времени потребовались упрощенія этого письма. Стали появляться новыя буквы въ книгахъ—на папирусѣ и пергаменѣ. Такимъ образомъ создается (въ латинской палеографіи) письмо унціальное, названное такъ потому, что оно является въ большихъ книгахъ и пишется крупными буквами (въ шутку говорили, что каждая буква представляетъ латинскую унцію — 12-я часть

римскаго фута). Особенно выразительнымъ признакомъ унціальнаго письма служитъ начертаніе буквы «м»: оно представляетъ собою греческую омегу (ω)—перевернутую (ɯ).

Унціальное письмо принимало все болѣе и болѣе мелкія формы, превращаясь въ минускульный шрифтъ. На западѣ, вслѣдствіе того, что латинскій шрифтъ охватывалъ весьма многія страны, онъ весьма разнообразился. Явились различные почерки: латинско-лангобардскій, письмо каролингское, ирландское. Послѣднее даетъ латинскимъ буквамъ такой изломъ, что ихъ трудно узнать. Профессоромъ де-Лагардомъ заявленъ такой фактъ. Когда онъ былъ во Флоренціи, то однажды читалъ латинскую библію лангобардскаго кудреватаго письма. Помощникъ библіотекаря спросилъ, на какомъ языкѣ изволитъ читать г. нѣмецкій профессоръ? Тотъ съ удивленіемъ отвѣтилъ: «на латинскомъ». Сконфуженный итальянецъ сказалъ тогда, что ему показалось, будто книга написана на какомъ-либо изъ задне - азіатскихъ языковъ (малайскомъ). Греческій шрифтъ также постепенно изъ маюскульнаго превратился въ минускульный. Онъ отличается обиліемъ различныхъ вязей и представляетъ не меньшія затрудненія въ сравненіи съ латинскимъ.

Другая задача, которую беретъ на себя палеографія, заключается въ опредѣленіи древности манускриптовъ и мѣста ихъ происхожденія. Древность рукописи имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что если она писана давно, то между оригиналомъ и рукописью прошло мало времени, мало было сравнительно случаевъ переписки и потому мало вошло въ нее порчи. Но это значеніе древности условно. Допустимъ, что рукопись четвертаго вѣка скопирована съ оригинала третьяго вѣка, а потомъ съ того же оригинала скопирована рукопись въ шестомъ вѣкѣ. Такимъ образомъ получается разность около двухъ вѣковъ. Для историка эта разность ничтожна. Если допустить, что переписчикъ 4 вѣка писалъ небрежно, а 6-го внимательно, то рукопись 6 вѣка легко счесть древнѣе рукописи 4 вѣка. Такимъ образомъ въ опредѣленіи цѣнности рѣшающее значеніе принадлежитъ внутреннему достоинству текста. Напр. александрійскій кодексъ Библіи, относящійся къ 5 вѣку, былъ написанъ женщиною Ѳеклою (не первомученицей). Но эта женщина исполнила свою работу вполнѣ по-женски: она писала, дѣйствительно, красиво, но о собственныхъ именахъ не особенно безпокоилась; такъ напр. вмѣсто Іаили, убившей Сисару, она написала «Израиль». Такимъ образомъ, хотя въ этой ру-

кописи почеркъ красивый, тѣмъ не менѣе въ отношеніи точности текста она уступаетъ рукописямъ позднѣйшимъ.

Въ одномъ лишь случаѣ древность рукописи можетъ имѣть важное значеніе, это когда содержавшійся въ ней текстъ подвергался дополненіямъ или вообще передѣлкамъ. Нужно помнить, что рукописи составляли частную собственность, почему владѣльцы иногда дѣлали свои замѣтки на поляхъ. Потомъ эти замѣтки вносились переписчиками въ текстъ. Можно ожидать, что древняя рукопись съ болѣе краткой редакціей текста стоитъ ближе къ подлиннику, чѣмъ позднѣйшая съ распространеннымъ текстомъ, предполагая, что для писца не было причины опускать что-либо изъ текста. Такимъ образомъ, для критики тѣхъ рукописей, которыя подвергались вставкамъ, имѣетъ значеніе древность. Иное дѣло, если передѣлка сливается съ текстомъ и измѣняетъ его. Въ отношеніи, напр., къ актамъ сцилитанскихъ мучениковъ существуетъ споръ относительно древности той или другой редакціи. Въ прежнее время были извѣстны эти акты въ одномъ только латинскомъ текстѣ, въ послѣднее столѣтіе удалось открыть ихъ греческій и полный латинскій тексты. Думаютъ, что латинскій текстъ древнѣе греческаго. Въ качествѣ аргумента приводится и то, что въ греческомъ текстѣ именамъ мучениковъ предшествуетъ слово «ὁ ἅγιος», тогда какъ въ латинскомъ нѣтъ «sanctus». Это обстоятельство будто бы указываетъ на то, что греческій текстъ явился позднѣе, когда церковь уже почитала мучениковъ святыми. Но слово «ὁ ἅγιος» могъ прибавить всякій писецъ [1]).

Побочную свою задачу—опредѣлить время, а также мѣсто написанія рукописи, палеографія выполняетъ въ общемъ успѣшно. Но пока почеркъ маюскульный различается слабо. Дѣло въ томъ, что маюскульный почеркъ представляетъ скорѣе не письмо, а рисованіе. Писецъ писалъ то крупнѣе, то мельче, то наклонно, то прямо; собственной же индивидуальности онъ проявить не могъ. Поэтому различіе въ предѣлахъ маюскульнаго письма, хотя и значительно, но недостаточно, чтобы дать опору для опредѣленія времени рукописи. Въ этомъ отношеніи палеографія является болѣе сильной тогда, когда маюскульное письмо замѣняется минускульнымъ. Здѣсь по-

---

[1]) Ср. В. В. Болотовъ, Къ вопросу объ Acta martyrum scilitanorum. Христ. Чт. 1903, I, 884—885 прим. (отд. оттиск. 23—24). *А. Б.*

являются уже связи и росчерки и письмо становится разнообразнѣе, вслѣдствіе чего и индивидуальность писца очевиднѣе.

Между прочимъ, при опредѣленіи времени написанія унціальныхъ рукописей большимъ препятствіемъ могутъ служить поддѣлки. Въ данномъ случаѣ изслѣдователи должны считаться съ такъ называемыми «codices archaizantes», подражаніемъ древнимъ рукописямъ, которыя поражаютъ красотою письма. Какой-нибудь любитель книгъ могъ заказать снять буквальную копію (т. е. воспроизвести и древній шрифтъ) съ древнѣйшей рукописи, такъ что и въ позднѣйшее время могли являться рукописи маюскульнаго письма. Навыкъ къ этому существовалъ всегда. Въ Греціи текстъ писался минускульнымъ письмомъ, а заглавныя буквы маюскульнымъ. Такимъ образомъ искусниковъ воспроизводить этотъ почеркъ было всегда достаточно. И у насъ въ Россіи въ настояще время среди раскольниковъ существуютъ лица, хорошо знакомыя съ уставомъ или полууставомъ. Когда маюскулы были вытѣснены окончательно минускулами, то все же церковныя книги продолжали писаться древнѣйшими почерками и казались болѣе древними по происхожденію, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Были подражанія древнѣйшимъ рукописямъ и съ корыстною цѣлію. Открытіе «codices archaizantes» составляетъ одну изъ важныхъ находокъ палеографіи. Напр., прежніе ученые утверждали, что древнѣйшая рукопись Вульгаты есть codex Amiatinus. Но изслѣдованія де-Лагарда показываютъ, что этотъ кодексъ позднѣйшаго письма. Своими ошибками въ смѣшеніи буквъ писецъ показывалъ, что онъ копировалъ съ древней минускульной рукописи, потому что подобное смѣшеніе буквъ возможно лишь въ минускульномъ письмѣ и совершенно невозможно въ маюскульномъ.

Вообще, чтобы защититься отъ вліянія якобы древнихъ рукописей, палеографіи необходимо считаться со многими мелочами. Большую услугу въ этомъ отношеніи палеографіи оказываютъ сокращенія, которыя преобладаютъ въ минускульномъ письмѣ. Сокращенія вызывались тѣмъ, что строка кончалась, но буква не помѣщалась. Въ этихъ видахъ писецъ сначала подписывалъ ее сверху, но потомъ появились условные знаки—остатки тахиграфіи. Но и эти сокращенія съ теченіемъ времени мѣнялись. Архаизаторъ, воспроизводя древнія рукописи, выдавалъ себя тѣмъ, что смѣшивалъ письмо различныхъ эпохъ. Копируя письмо VIII и IX вв., переписчики

нерѣдко ставили сокращенія и знаки X и XI вв. и тѣмъ выдавали свои поддѣлки.

Въ палеографію входитъ вопросъ и объ историческомъ развитіи надстрочнаго обозначенія, которое составляетъ, между прочимъ, особенность греческаго текста. Въ опытныхъ рукахъ палеографа данныя и этого рода могутъ служить для опредѣленія древности документа. Надстрочные знаки—поздняго происхожденія и сдѣлались нужны для иностранцевъ, а также и для грековъ въ тѣхъ случаяхъ, когда уже для нихъ сдѣлалась непонятною филологія слова. Примѣръ этому мы можемъ видѣть въ перепискѣ между Василіемъ Великимъ и Амфилохіемъ Иконійскимъ. Здѣсь Амфилохіемъ былъ поставленъ вопросъ: какъ читать слѣдуетъ—φάγος или φαγός, и Василій Великій отвѣчаетъ, что слѣдуетъ читать φάγος. Слѣдовательно, были сомнѣнія и знаковъ еще не было.

Ударенія въ греческомъ языкѣ появились подъ вліяніемъ грамматическихъ школъ. Для самихъ грековъ каждое удареніе имѣло свое особенное значеніе, для насъ же имѣетъ значеніе только мѣсто ударенія въ словѣ. Одинъ греческій ученый различаетъ 6 родовъ удареній и даетъ правила относительно произношенія каждаго изъ нихъ. Однако, осталось только три. Тяжелое удареніе очень хорошо различалось у грековъ отъ остраго. Что касается облеченнаго ударенія, то оно ставилось на словахъ, на которыхъ стояло два ударенія. Вотъ почему облеченное удареніе особенно ставится въ сокращаемыхъ глаголахъ. Это значитъ, что на словѣ было сначала два ударенія, острое и тяжелое, которыя обозначались такъ /\; затѣмъ—/\, далѣе—⌒ и, наконецъ, присоединялся произвольно росчеркъ: ~(=~~). Словомъ, ударенія также указываютъ на извѣстную степень древности книги.

Но кромѣ удареній въ греческомъ языкѣ есть еще дыханія. Чувствительность различныхъ греческихъ діалектовъ къ дыханіямъ была неодинакова. Особенно она была велика въ южной Италіи. Тамъ въ IV вѣкѣ до Р. Хр. появляется знакъ густого дыханія. Дыханія появились, когда чуткость эта стала уже упадать. Знакъ дыханіи образовался изъ латинскаго H. Впослѣдствіи стали писать не всю букву H, а только половину, причемъ правая половина ⊣ употреблялась для означенія тонкаго дыханія, а лѣвая ⊦—густого. Послѣ стали употреблять половинки только и этихъ знаковъ, какъ верхнія, такъ и нижнія (⌐¬ └┐). Затѣмъ стали писать ихъ закруг-

ленно. Угловатыя дыханія держались долго—до X в. по Р. Хр. Въ XI в. была борьба между угловатыми и закругленными дыханіями, а въ XII в. круглыя дыханія восторжествовали. Такимъ образомъ это—важное палеографическое указаніе. Но здѣсь нужно обратить особенное вниманіе, не поставлены ли эти надстрочные знаки на древнихъ рукописяхъ позднѣйшею рукою. Важно еще дыханіе надъ двумя ρ (ῤῥ). Оно появляется только въ X в. и то только сначала одно надъ вторымъ ρ. Когда писцы ставили одно дыханіе только надъ вторымъ, то это значитъ, что они его понимали. Когда же стали ставить еще и надъ первымъ ρ—тонкое, это значитъ, что они уже не понимали значенія этого дыханія. Густое дыханіе надъ ρ объясняется тѣмъ, что греки не могли выговорить чисто буквы ρ, и римляне на своемъ языкѣ означали, что они слово Римъ выговаривали Rhoma. Вотъ почему густое дыханіе надъ ρ обязательно. Это h въ словѣ напр. ἅρhωστος ассимилировалось въ ἄρρωστος, подобно тому, какъ въ словѣ συλλαμβάνω буква ν предъ λ—въ λ. Показателемъ этого ассимилированія и было густое дыханіе. Тонкое же дыханіе надъ первымъ ρ есть признакъ позднѣйшаго времени. Важно также употребленіе вмѣстѣ въ началѣ слова и ударенія и дыханія. Употребленіе этихъ знаковъ можетъ указывать или на древнѣйшее, или же на позднѣйшее происхожденіе. Сначала писали ихъ раздѣльно, а въ позднѣйшее время слитно.

Въ ряду вспомогательныхъ наукъ для исторіи вообще и церковной исторіи въ частности палеографія занимаетъ одно изъ наиболѣе важныхъ мѣстъ. Ученому историку необходимо знакомиться съ элементами палеографіи, хотя бы онъ и пользовался печатными изданіями, потому что и въ печатныхъ изданіяхъ всегда возможны поправки. Нужно имѣть въ виду, что корректура есть плодъ не знанія языка, но скорѣе догадки. Каждый ученый обязанъ корректировать; но для этого онъ долженъ расширить свой кругозоръ и умѣть сообразить, какъ извѣстное слово должно быть написано въ рукописи извѣстнаго времени. Лишь недостатокъ свѣдѣній по палеографіи лежалъ въ основѣ споровъ между нами и раскольниками. Это споры о начертаніи имени Іисусъ. Всѣ возраженія раскольниковъ являются ничего нестоющими для человѣка, знакомаго съ палеографіей. Дѣло въ томъ, что греки сокращали слова, напр., вмѣсто ἄνθρωπος писали ΑΝΟΣ, вмѣсто Θεός—ΘΣ, вмѣсто Θεοῦ—ΘΥ. Для имени Іисусъ Христосъ существовали

два сокращенныя написанія: одно изъ двухъ буквъ ΙΣ ΧΣ, а другое—изъ трехъ ΙΗΣ ΧΡΣ. Такія же сокращенныя написанія имени Спасителя существовали въ коптскомъ языкѣ; въ верхнемъ Египтѣ—Θиваидѣ—держались двухбуквеннаго написанія, а въ нижнемъ трехбуквеннаго. Отсюда видно, что возраженія раскольниковъ не имѣютъ значенія.

Разсматривая описаніе церковныхъ службъ, можно встрѣтить такія уклоненія: тотъ тропарь, который въ древне-греческой церкви пѣлся на 4-й гласъ, теперь поется на первый, потому что прописная дельта и альфа сходны и переписчикъ просто-напросто ихъ спуталъ. Такихъ ошибокъ особенно много въ окончаніяхъ. Когда была издана «краткая исторія» Никифора Константинопольскаго, тогда представилась одна странность ея въ воспроизведеніи текста рукописи. Чтеніе было въ общемъ правильно, но было множество ошибокъ не въ словахъ, а въ окончаніяхъ. Дѣло это представлялось загадочнымъ, но объяснилось просто, когда де-Бооръ просмотрѣлъ самую рукопись въ Ватиканѣ. Оказалось, что писецъ копировалъ рукопись, гдѣ были уже аббревіатуры, т. е. сокращенія, и онъ, не умѣя разбирать ихъ, пропускалъ и оставлялъ пробѣлы. Позднѣйшій писецъ оказался несильнымъ въ грамматикѣ и дополнилъ пропущенныя окончанія, оказавшіяся неупотребительными. Въ пасхальной хроникѣ, которую первый издалъ Дюканжъ, а затѣмъ Диндорфъ, есть одна строка, вызывавшая недоразумѣнія филологовъ; именно, здѣсь говорится: въ такомъ-то году, въ праздникъ потченія сѣней, въ 15 день, θεου βιων Захарія получилъ извѣщеніе. Слова θεου βιων казались непонятными: если βιων производить отъ глагола βιόω, то онъ съ род. падежемъ Θεοῦ сочетаться не можетъ. Между тѣмъ дѣло объясняется такимъ образомъ: древнее начертаніе было θυμιῶν, т. е. кадя, воскуряя θиміамъ. Первая черточка у μ стерлась, получилось ιι, а этотъ знакъ замѣнялъ β, поэтому и было прочтено θεου βιων. Въ книгѣ Есѳирь въ рѣчи о праздникѣ Пуримъ, въ VIII главѣ 16 ст., говорится въ одной рукописи, что евреи устроили праздникъ Господеви Богу, а въ другой: устроили праздникъ ликованія и веселія. Въ подлинномъ текстѣ въ обоихъ случаяхъ стояло κωθω̃; κω есть сокращенное κυρίω, θω̃—сокращенное Θεω̃; но черточка, стоящая на словѣ θω̃, иногда замѣняла букву ν и переводчики прочитали это написаніе во второмъ случаѣ κώθων.

Для палеографа важенъ бываетъ самый внѣшній видъ книги.

Переписчикъ писалъ иногда строки не съ одного конца до другого, но въ 2, 3 и 4 столбца. Когда текстъ книги писанной такимъ образомъ представляетъ нѣчто связное, то самый смыслъ показываетъ, какъ ее читать. Но иногда случается, что на всей страницѣ находятся одни собственныя имена. Въ такомъ случаѣ представлялось большое затрудненіе въ томъ, внизъ ли, или же въ строчку ихъ читать. А между тѣмъ порядокъ чтенія именъ, напр. отцовъ собора, имѣетъ весьма важное значеніе для историка въ вопросѣ о времени происхожденія митрополичьей власти, о прочности этого учрежденія и пр. Напр., если за именемъ предсѣдателя собора нужно читать имя простого епископа, извѣстнаго своимъ долговременнымъ служеніемъ въ епископскомъ санѣ, то, значитъ, документъ должно отнести къ тому времени, когда власть митрополита не имѣла еще большого значенія. На двоякомъ чтеніи именъ въ соборныхъ спискахъ основывается споръ объ одномъ испанскомъ епископѣ въ періодъ готскій, и объ африканскомъ при жизни св. Кипріана.

Среди выдающихся авторитетовъ въ области палеографіи можно указать прежде всего на W. Wattenbach'a, которому принадлежатъ краткія руководства къ латинской и греческой палеографіи: Anleitung zur lateinischen Paläographie. 4 Aufl. Leipzig 1886; Anleitung zur griechischen Paläographie. 3 Aufl. Leipzig 1895; [также трудъ Das Schriftwesen im Mittelalter. 3 Aufl. Leipzig 1896]. Далѣе слѣдуетъ назвать капитальный трудъ по греческой палеографіи V. Gardthausen'a Griechische Paläographie. Leipzig 1879. Сравнительно небольшое сочиненіе англичанина E. M. Thompson'a Handbook of Greek and Latin Paläography. London 1893, можетъ служить удобнымъ compendium-омъ для знакомства съ латинской и греческой палеографіей. [Извѣстны сверхъ того руководства M. Prou, Manuel de paléographie latine et française du 6 au 17 siècle. 2 ed. Paris 1892. J. Reusens, Élements de paléographie. Louvain 1899].

Филологія. Разъ рукопись правильно прочитана, задача—понять написанное. Въ этомъ отношеніи для историка древней церкви особенно важно знаніе греческаго и латинскаго языковъ. Знакомство съ филологіей должно быть двоякое; во-первыхъ—грамматическое, во-вторыхъ—лексическое, т. е. читающій рукопись долженъ знать грамматику языка рукописи и быть хорошо знакомымъ со смысломъ и значеніемъ употребляемыхъ въ данной рукописи словъ.

Необходимость особой грамматики, напр. для греческаго языка, помимо общей классической, вызывается тѣмъ, что лица, писавшіе по церковной исторіи, часто не были природными греками, а писали на греческомъ языкѣ, какъ наиболѣе извѣстномъ и распространенномъ. Понятно, что они могли уклониться отъ первоначальной чистоты классическаго языка. Это одно. Другое то, что греческій языкъ съ теченіемъ времени утратилъ свою чистоту, принявъ особенно въ позднѣйшее время, со времени поселенія турокъ въ Европѣ, много чужихъ словъ. Языкъ этотъ столь разнится отъ древняго, что даже получилъ особое названіе новогреческаго и его можно понимать только природному греку, или, по крайней мѣрѣ, живущему въ предѣлахъ турецкой имперіи. По изслѣдованію ученыхъ, въ рукописяхъ съ означеннымъ испорченнымъ языкомъ чуть не каждое 5—10 слово незнакомо даже для знающаго классическій языкъ. Главная особенность этого позднѣйшаго языка—это неправильное употребленіе предлоговъ. На древнегреческомъ предлогъ εἰς, напримѣръ, означаетъ движеніе къ извѣстному мѣсту, а на позднѣйшемъ онъ употребляется уже для обозначенія пребыванія на этомъ мѣстѣ. При топографическихъ извѣстіяхъ подобныя явленія представляютъ значительное затрудненіе. Церковному историку необходимо разбираться въ этихъ филологическихъ тонкостяхъ. Для латинскаго языка задача осложняется тѣмъ, что латинскій языкъ переработывался въ романскіе языки. Въ VIII вѣкѣ, напр., латинскій языкъ представляетъ отвратительное явленіе съ точки зрѣнія Цицерона. Такимъ именно языкомъ написанъ извѣстный «Liber pontificalis». Поэтому, если въ какомъ-либо произведеніи, относимомъ къ этому времени, встрѣчается правильная латынь, то это ясный признакъ позднѣйшаго происхожденія рукописи, времени очистки порченной латыни.

Для правильнаго пониманія текстовъ нужно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что религіозныя воззрѣнія иногда стоятъ въ зависимости отъ грамматическаго строя языка, и, наоборотъ, грамматика измѣняется подъ вліяніемъ религіи. Подобному измѣненію грамматика подверглась и подъ вліяніемъ христіанства. Положимъ, французское общество рѣшилось отправить письмо къ извѣстному лицу; оно пишетъ: monsieur, т. е. мой господинъ, ты... и т. д. Подобное явленіе мы встрѣчаемъ и въ греческомъ языкѣ. У Аѳанасія Великаго приводится посланіе египетскихъ епископовъ въ Тиръ къ комиту

Діонисію, въ которомъ они выразили протестъ противъ осужденія св. Аѳанасія. Въ этомъ посланіи они, между прочимъ, пишутъ: о томъ же они заявили православнымъ епископамъ, «господамъ моимъ»—τοῖς κυρίοις μοῦ. Такимъ образомъ, французская особенность встрѣчается и въ греческомъ языкѣ,—пишутъ многіе, а говорятъ «мой», а не «нашъ». Та же особенность встрѣчается и въ сирійскомъ языкѣ. Сиріецъ пишетъ «мар»—господинъ мой (маръ-Игнатій, Николай и пр.) и когда обращается вообще къ святымъ называетъ ихъ «мар», но Христа уже называетъ «маран»—Господь нашъ. Когда французы обращаются къ женщинѣ, то называютъ ее «madame»—госпожа моя, но въ приложеніи къ Богородицѣ говорятъ «Nôtre Dame»—госпожа наша. Замѣчается и другого рода явленіе. Обращаются къ одному лицу, а говорятъ «вы». Это вѣжливое «вы» не есть изобрѣтеніе позднѣйшаго времени,—оно встрѣчается и въ древнюю пору. И тогда при обращеніи къ одному лицу писалось: ὑμεῖς κύριοι μοῦ. Это встрѣчается въ посланіяхъ епископовъ одного къ другому. Такое обращеніе объясняется тѣмъ, что посланіе писалось собственно не одному епископу, а всему собранію христіанъ, предъ которыми оно должно было быть прочитано.

Надъ изученіемъ греческаго новозавѣтнаго языка больше другихъ потрудились въ новѣйшее время протестанты; и церковному историку приходится пользоваться ихъ трудами. Можно указать въ этомъ случаѣ: G. B. Winer, Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms. [8 Aufl. bearb. v. Schmiedel. Göttingen 1894—98. F. Blass, Grammatik des neutest. Griechischen. 2 Aufl. Göttingen 1902. J. H. Moulton, A Grammar of New Testament Greek. I. Edinbourgh 1906]. Для пониманія лексическаго состава позднѣйшаго греческаго языка пособіемъ можетъ быть старый трудъ Дюканжа—Ducange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni 1688 2 тома (перепечатанъ въ Breslau 1891). [Важнымъ пособіемъ и для византійскаго періода является H. Stephani, Thesaurus graecae linguae. Paris 1572 (5 томовъ); ed. tertia 1831—1865 (8 томовъ). Дополненіемъ къ нему является] E. A. Sophocles, Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Ed. 3. New-York 1888. Спеціально церковный словарь для греческаго языка составилъ Швейперъ—J. C. Suicerus, Thesaurus ecclesiasticus e patribus graecis. Amstelodami 1682 (1728, 1738, 1746).

Для латинскаго языка имѣется словарь также Дюканжа, переработанный и дополненный въ послѣдующее время другими учеными, Ducange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Paris 1678 (3 тома); ed. Henschel, Paris 1840—50 (7 томовъ); ed. Favre, Paris 1882—87 (10 томовъ). [Въ настоящее время издается съ 1900 г. въ Лейпцигѣ общими усиліями западныхъ ученыхъ Thesaurus linguae latinae, въ которомъ будетъ исчерпана и церковная латынь по 6 вѣкъ включительно. О церковной латыни ср. G. Koffmane, Geschichte des Kirchenlateins. I—II. Breslau 1879—81. О языкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ латинскихъ церковныхъ писателей имѣются спеціальныя изслѣдованія]. Въ послѣднее время при изданіи того или другого древняго автора прилагается обычно и лексиконъ особыхъ употребляемыхъ ими словъ и характерныхъ выраженій.

Географія. Дальнѣйшая задача по отношенію къ памятникамъ, имѣющимъ значеніе историческихъ источниковъ, опредѣлить положеніе ихъ съ возможною точностью въ пространствѣ и времени. Если рукопись не имѣетъ заглавія или начала, то очень часто имя автора навсегда остается неизвѣстнымъ; но можно попытаться опредѣлить, гдѣ и когда она появилась. Надежною опорою въ такомъ случаѣ, кромѣ прямыхъ датъ, могутъ служить имена собственныя и полусобственныя. При помощи указанныхъ вспомогательныхъ дисциплинъ, палеографіи и филологіи, мы можемъ опредѣлить время и мѣсто написанія документа вообще. Но ни палеографическіе признаки, ни грамматика и лексиконъ не могутъ дать точнаго указанія относительно частностей. Общія филологическія пособія распространяются только на имена нарицательныя (несобственныя). Для опредѣленія же времени и мѣста появленія извѣстнаго документа по собственнымъ именамъ слѣдуетъ обратиться къ другимъ пособіямъ, именно прежде всего къ пособіямъ по географіи вообще и въ частности церковной географіи.

Географія представляетъ незамѣнимое пособіе при чтеніи церковно-историческихъ документовъ. Она помогаетъ опредѣлять не только мѣсто, но и время появленія того или другого памятника, и это по двумъ основаніямъ: 1) города то появлялись, то исчезали, то, оставаясь, мѣняли свои названія; 2) города, находившіеся въ вѣдѣніи одного митрополита, переходили въ вѣдѣніе другого. Такимъ образомъ, если въ извѣст-

номъ документѣ находится указаніе на зависимость извѣстнаго епископа отъ митрополита той или другой мѣстности, то по этому указанію мы и можемъ опредѣлить время его возникновенія. Впрочемъ, вопросъ относительно зависимости епископій есть вопросъ наименѣе установленный, онъ часто самъ можетъ являться лишь предметомъ изслѣдованія, вмѣсто того, чтобы служить средствомъ для повѣрки свѣдѣній другихъ источниковъ. Гораздо важнѣе данныя, которыя представляются въ самыхъ именахъ городовъ. Нѣкоторые города возникали позднѣе, другіе перемѣняли свои названія. Такъ, всѣмъ хорошо извѣстно, что на Босфорѣ стоялъ маленькій городокъ Византія, но Константинъ Великій перестроилъ и назвалъ его Константинополемъ или новымъ Римомъ. Слѣдовательно, всякій документъ, говорящій о Константинополѣ или о новомъ Римѣ, можно относить ко временамъ Константина или же позднѣйшимъ. Повидимому, нужно было бы заключать и наоборотъ, но такое заключеніе будетъ проблематично. По мѣрѣ того, какъ отношенія между западной и восточной церквами обострялись и значеніе востока все болѣе и болѣе падало, греческіе ученые думали выразить свой патріотизмъ тѣмъ, что начали употреблять имена городовъ, вычитанныя у классиковъ; такъ они часто говорятъ о Византіи, когда этотъ городъ носилъ уже названіе Константинополя. Такимъ образомъ это архаизированіе можетъ служить поводомъ для ошибокъ. Дѣло дошло до того, что греки хотѣли отмѣнить календарь, потому что онъ римскій, и стали употреблять древне-греческія названія мѣсяцевъ. Наименованія городовъ мѣнялись и по побужденіямъ христіанскимъ. Въ асійскомъ діоцезѣ былъ городъ Афродисіада, который былъ переименованъ по неудобству прежняго названія въ глазахъ христіанъ въ Ставрополисъ. Такъ, на 5 вселенскомъ соборѣ митрополитъ этого города подписался афродисіадскимъ, а на трулльскомъ—ставропольскимъ. Особенно много городовъ переименовалъ императоръ Юстиніанъ; явились города подъ именами Юстиніанополей, Юстиніанъ и др. Документы съ такими названіями городовъ показываютъ, что они явились не ранѣе Юстиніана.

Мѣсто происхожденія памятника или совершенія описываемыхъ въ немъ событій опредѣляется вообще на основаніи встрѣчающихся въ немъ географическихъ указаній. Если дѣло идетъ объ именахъ общеизвѣстныхъ, то тутъ, понятно, не можетъ быть какихъ-либо сомнѣній. Но разъ рѣчь идетъ объ

именахъ мелкихъ, которыя и ученымъ не всегда могутъ быть извѣстны,—то тутъ приходится искать, гдѣ находится данное географическое названіе. Практически до настоящаго времени въ такихъ случаяхъ оказываетъ большую услугу старинный трудъ по географіи Келлера, Ch. Cellarius, Notitia orbis antiqui, передѣланный Schwartz'емъ (Lipsiae 1732). Въ этомъ трудѣ при помощи алфавитнаго указателя въ концѣ можно найти всѣ имена, встрѣчающіяся въ древнемъ классическомъ мірѣ, при чемъ приняты во вниманіе и данныя эпиграфики. Изъ болѣе новыхъ трудовъ по исторической географіи древняго міра можно указать на A. Forbiger. Handbuch der alten Geographie. I—III. Leipzig 1842—50; III² 1877. Краткое пособіе далъ H. Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie. Berlin 1878. [Его же большой атласъ по географіи древняго міра выходитъ теперь въ обработкѣ R. Kiepert, Formae orbis antiqui. Berlin 1901 и дал.]. Для географіи Малой Азіи важное значеніе имѣютъ труды Рамсэя. W. M. Ramsay. The historical geography of Asia Minor. London 1890; The cities and bishoprics of Phrygia. I—II. Oxford 1895—97. Но и ихъ иногда требуется дополнять новѣйшими данными эпиграфики.

Если приходится имѣть дѣло съ первоисточниками и желательно имѣть точныя и авторитетныя указанія, то главнымъ источникомъ географическихъ данныхъ является географія Клавдія Птолемея, гдѣ указывается и географическое положеніе городовъ, широта и долгота. Дальше слѣдуетъ указать Itinerarium provinciarum Antonini Augusti — описаніе почтовыхъ путей римской имперіи, Itinerarium Burdigalense (Hierosolymitanum), «Бордосскій путникъ» (ed. Parthey und Pinder 1848, послѣдній переизданъ нашимъ Палестинскимъ Обществомъ въ 1882), и Tabula Peutingeriana (ed. Miller 1888), средневѣковая карта съ указаніемъ разстояній между городами. Можно, наконецъ, дѣлать справки въ естественной исторіи Плинія.

Если дѣло идетъ о церковныхъ каѳедрахъ, то для легкихъ справокъ о каѳедрахъ лучшимъ пособіемъ служитъ Th. Wiltsch, Handbuch der kirchlichen Geographie und Statistik. Berlin 1846 (его же Atlas sacer 1843—уже устарѣлъ). Самъ Вильчъ не могъ сдѣлать вновь многаго, но его трудъ состоитъ въ томъ, что онъ основательно пересмотрѣлъ подписи епископовъ подъ соборами и дополнилъ трудъ Лекіена. У него даются списки каѳедръ и очерки, прекрасно объясняющіе отно-

шенія между ними. Здѣсь все расположено равномѣрно, лишняго нѣтъ ничего; подъ строкою указывается, гдѣ можно найти подтвержденіе данной мысли. [Для первыхъ трехъ вѣковъ сводъ имѣющихся нынѣ въ наукѣ свѣдѣній по церковной географіи сдѣлалъ A. Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2 Aufl. Leipzig 1906. Предназначенный для учебныхъ цѣлей спеціальный церковно-историческій атласъ составили въ недавнее время K. Heussi und H. Mulert, Atlas zur Kirchengeschichte. Tübingen 1905].

Значеніе первоисточника для церковной географіи востока имѣютъ трудъ Іерокла—Sinecdemus (Спутникъ) и такъ называемыя Notitiae episcopatuum (ed. Parthey 1866, сочиненіе Іерокла издалъ сверхъ того Burckhardt 1893). Ученые греки старались собрать всѣ свѣдѣнія о томъ, сколько городовъ было въ извѣстной провинціи. Такой списокъ городовъ представилъ намъ Іероклъ. Хотя онъ преслѣдовалъ цѣли чисто государственныя, однако его сочиненіе имѣетъ важное значеніе и для церковнаго историка: здѣсь указаны важнѣйшія церковныя каѳедры. Notitiae episcopatuum суть особые списки каѳедръ съ указаніемъ ихъ взаимоотношеній. [Изслѣдованію и изданію этого рода памятниковъ посвящалъ въ послѣднее время свои труды Гельцеръ].

Въ связи съ географіей можно упомянуть и о **статистикѣ**, такъ какъ эта послѣдняя является слишкомъ слабою для того, чтобы выдѣлять ее въ данномъ случаѣ въ особую науку. Обыкновенно подъ статистикой разумѣется совокупность точныхъ свѣдѣній о всякихъ отдѣльно совершающихся событіяхъ, чтобы на основаніи массовыхъ данныхъ опредѣлить внутренній характеръ событій извѣстнаго рода. Но статистика церковная не можетъ и мечтать о томъ, чтобы представить, для древняго времени, математически точно необходимыя цифры, какія даетъ статистика общая. Эта послѣдняя часто представляетъ намъ съ достаточной точностью такія явленія, какъ напримѣръ, сколько въ данной мѣстности было случаевъ смертности или рожденія. Церковная статистика много-много дастъ, если опредѣлитъ, сколько было епископскихъ каѳедръ въ данной мѣстности въ извѣстное время. Но предполагая, что въ каждой епископіи заключается равное количество вѣрующихъ, она даетъ чрезъ это возможность приблизительно опредѣлить, сколько было и вѣрующихъ въ данное время.

Ономатологія. Сложнѣе работа не надъ географическими именами, изъ которыхъ мелкія могутъ оказаться неизвѣстными, но надъ личными. Если это имя императора, то распространяться о немъ нѣтъ повода. Иное дѣло, если встрѣчается имя епископа, которое очень часто бываетъ неизвѣстно. Лучшія пособія по церковной географіи являются наиболѣе пригодными для выясненія вопроса и о личныхъ именахъ епископовъ. Это опирается на слѣдующемъ. Для церковной географіи главнымъ источникомъ являются списки именъ епископовъ, подписавшихся на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ. Но, выписывая имена географическія, ученые встрѣчали вмѣстѣ и имена епископовъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ были ихъ каѳедры. Такимъ образомъ, они знакомились сразу и съ церковной географіей и съ собственными именами епископовъ. Слѣдствіемъ этого явилось стремленіе соединить церковную географію съ церковной ономатологіей (просопографіей).

Превосходнымъ пособіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить трудъ доминиканца Михаила Лекіена «Христіанскій востокъ, раздѣленный на 4 патріархата», M. Lequien, Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus. Paris 1740. 3 T. fol. Это—произведеніе громаднѣйшей эрудиціи. Лекіенъ перечиталъ все, что относится къ церковной географіи. Предъ началомъ описанія каждаго патріархата онъ даетъ историческій очеркъ на основаніи собраннаго матеріала; далѣе идетъ въ порядкѣ исчисленіе митрополичьихъ и епископскихъ каѳедръ съ указаніемъ занимавшихъ ихъ лицъ, о коихъ сообщаются краткія свѣдѣнія. Хуже другихъ у него обработанъ отдѣлъ о патріархатѣ александрійскомъ, что объясняется тѣмъ, что половина источниковъ, касающихся александрійскаго патріархата, написана на арабскомъ языкѣ, а латинскія и древне-греческія названія, перешедшія въ арабскій языкъ, совершенно измѣняются, и Лекіену, при тогдашнемъ состояніи оріентологіи, очень трудно было пользоваться подобными источниками; поэтому у него иногда выходитъ путаница, и продолженіе епископіи часто надо искать не тамъ, гдѣ указываетъ Лекіенъ. Но вообще этого ученаго за его трудъ должно считать корифеемъ церковной географіи и статистики. Трудъ Лекіена обнимаетъ собою исторію восточной церкви.

Продолжателемъ труда Лекіена для западной церкви является бенедиктинецъ Бонифацій Гамсъ, P. B. Gams, кото-

рый въ 1873 году въ Вюрцбургѣ издалъ Series episcoporum ecclesiae catholicae, т. е. «Рядъ епископовъ католической церкви». Разница между этимъ трудомъ Гамса и указаннымъ сочиненіемъ Лекіена заключается въ томъ, что послѣдній въ своемъ трудѣ не только поименовываетъ лицъ, но сообщаетъ и свѣдѣнія о нихъ, иногда словами историческихъ памятниковъ, тогда какъ у Гамса сообщаются только имена. Но и въ этомъ видѣ трудъ Гамса весьма полезное пособіе, особенно въ библіографическомъ отношеніи: Гамсъ указываетъ источники, которыми пользовался. Но на ряду съ этимъ у Гамса отвратительно-узкая католическая точка зрѣнія. Лекіенъ такъ широкъ въ своемъ взглядѣ, что продолжаетъ перепись и епископій, уклонившихся въ ересь или схизму. Гамсъ же оканчиваетъ списки, коль скоро та или другая область впала въ ересь, такъ что историкъ, обращающійся за справками къ труду Гамса, часто не находитъ нужнаго имени именно потому, что это лицо опущено Гамсомъ, какъ еретическое съ его точки зрѣнія. Издавая свой трудъ, Гамсъ придаетъ ему значеніе чуть не церковнаго поминовенія. Благодаря такой узкой точкѣ зрѣнія, Гамсъ ослабилъ въ значительной степени значеніе своего труда, и трудъ Лекіена остается незамѣнимымъ. Произведеніе Гамса представляетъ собою громадный трудъ, который онъ осуществилъ будучи 80-лѣтнимъ старикомъ. При составленіи его онъ воспользовался изобрѣтеніемъ писемъ съ оплаченнымъ отвѣтомъ: онъ посылалъ такія письма къ разнымъ лицамъ, и, благодаря этому, собралъ нужныя свѣдѣнія.

Нужно затѣмъ указать на индексъ ко всѣмъ вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ въ послѣднемъ XI томѣ Harduini «Collectio conciliorum» (1715).

Если имя принадлежитъ не епископу, а какому-либо другому лицу, тогда приходится обращаться къ другимъ пособіямъ. Если въ имени лица можно заподозрить писателя, то нужно обратиться къ пособіямъ по патрологіи; изъ старыхъ трудовъ можно указать на трудъ Вильгельма Кэва, W. Cave, Historia litteraria scriptorum ecclesiasticorum. I—II. London 1688—98 (Oxford 1740—43). Если дѣло касается должностныхъ лицъ византійской эпохи, можно обратиться къ просопографіи, заимствованной изъ кодекса Ѳеодосія и Юстиніана, въ старомъ изданіи Готофреда (1736). Колоссальный указатель составленъ къ пер-

вымъ десяти мѣсяцамъ Acta sanctorum болландистовъ, Rigollot, Ad Acta Sanctorum Supplementum. Paris 1875. [На русскомъ языкѣ имѣется капитальный трудъ архіеп. Сергія, Полный мѣсяцесловъ Востока. I—II. 2 изд. Владиміръ 1901].

Опытъ сведенія всѣхъ личныхъ именъ для данной эпохи изданъ Берлинскою Академіей наукъ, Prosopographia imperii Romani saec. I. II. III von Dessau, Klebs und Rohden. I—III. Berlin 1897—98. Но онъ обнимаетъ лишь первые три вѣка римской имперіи и рѣдко упоминаетъ о лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ церкви.

Вообще для именъ лицъ, встрѣчающихся въ древней церковной исторіи, важенъ англійскій словарь христіанской біографіи Смита и Уэса, Smith and Wace, Dictionary of Christian Biography. I—IV. London 1877—1887, отличающійся полнотой. Впрочемъ полнота эта относительная. Дѣло въ томъ, что авторы не имѣли опредѣленной программы и, очевидно, работали случайно. Поэтому, если въ этомъ пособіи нѣтъ какого-нибудь имени, то нельзя еще думать, что лицо это вовсе неизвѣстно. Издатели обѣщали выпустить свой трудъ въ четырехъ томахъ. Издавъ первые три тома, они увидѣли, что сдѣлать это, сохраняя принятый объемъ, невозможно; всетаки они рѣшили окончить предпріятіе четвертымъ томомъ, вслѣдствіе чего четвертый томъ очень объемистый и можетъ замѣнить два тома. Однако-жъ издатели принуждены были сдѣлать въ немъ сокращенія и опустили имена епископовъ, присутствовавшихъ на нѣкоторыхъ соборахъ. [Какъ на полезное пособіе для справокъ вообще относительно именъ можно указать еще на библіографическій трудъ U. Chevalier, Répertoire des sources historiques du moyen âge. Bio-bibliographie. 2 éd. I — II. Paris 1903 — 1907. Вторую часть этого труда составляетъ Topo-bibliographie. I—II. Paris 1894—1903].

Какое значеніе могутъ имѣть справки относительно именъ, это показываетъ примѣръ, бывшій въ 1880 году. Въ латинской литературѣ давно утвердилось мнѣніе, что руководство къ толкованію Св. Писанія, извѣстное подъ именемъ Юнилія, принадлежитъ епископу африканскому. Спрашивается, въ какомъ городѣ онъ былъ епископомъ? Держались разныхъ предположеній, пока за работу не взялся профессоръ бреславскаго университета Кинъ (Kihn). Читая посланія Фульгенція Ферранда, карѳагенскаго діакона, онъ замѣтилъ, что въ посланіяхъ къ епископамъ и пресвитерамъ Феррандъ употребляетъ фор-

мулы: «sancto patri filius», «sancto fratri», и называетъ себя «Ferrandus exiguus», въ посланіи же къ Юнилію онъ называетъ его только «сыномъ святой матери церкви каѳолической» и усвояетъ ему титулъ «illustris». Количество лицъ, имѣвшихъ этотъ титулъ при Юстиніанѣ, было опредѣленное. Долго Кинъ искалъ среди этихъ лицъ Юнилія, обращался къ другимъ ученымъ, но безполезно. Онъ потерялъ надежду достигнуть цѣли. Наконецъ у Прокопія кесарійскаго въ Historia arcana онъ нашелъ Юнилія квестора, который былъ министромъ при императорѣ Юстиніанѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто епископа авторомъ даннаго толкованія оказался министръ. Можно предполагать, что кто-нибудь нарочно прибавилъ слово епископъ къ имени Юнилія для того, чтобы возвысить автора въ глазахъ читателей. Подобные случаи бывали нерѣдко; напримѣръ въ преніи Максима Исповѣдника съ Пирромъ, Максимъ названъ архіепископомъ карѳагенскимъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что онъ едва ли былъ и діакономъ.

Право. Кромѣ именъ географическихъ и личныхъ представляютъ собою затрудненія еще названія техническія. Техническихъ названій для каждой науки бездна, и было бы странно пытаться указать для нихъ общее пособіе. Нужно имѣть въ виду прежде всего имена различныхъ должностей того времени, которое обнимаетъ собою древняя церковная исторія и для этого познакомиться съ правовыми отношеніями и строемъ римской имперіи. Это является далеко неизлишнимъ, потому что у насъ въ русской литературѣ развита боязнь считаться съ точнымъ значеніемъ этихъ наименованій. Обыкновенно пытаются переводить ихъ на русскія имена, что не дѣлаетъ ихъ понятными, потому что тогдашній строй разнится отъ современнаго. Очевидно, какое значеніе могутъ имѣть для опредѣленія мѣста и времени документа титулы. Разъ въ русскихъ документахъ упоминается титулъ генерала, то отсюда можно заключать, что этотъ памятникъ принадлежитъ къ послѣ-петровской Руси.

Церковному историку приходится считаться со строемъ римской имперіи въ три періода. 1-й періодъ—императорскій—отъ Августа до Константина Великаго, когда строй оставался еще классическимъ. Пособіями здѣсь являются руководства по классическимъ древностямъ. [Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ въ особенности назвать Handbuch der römischen Alterthümer von J. Marquardt (Römische Staatsverwaltung. I — II. 3 Aufl.

1884. III. 2 Aufl.) und Th. Mommsen (Römisches Staatsrecht. I—II. 3 Aufl. 1887. III. 1 Aufl. 1887); это пособіе отчасти имѣетъ значеніе и для слѣдующаго періода. Въ качествѣ спеціальнаго изслѣдованія можно указать O. Hirschfeld, Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian. 2 Aufl. Berlin 1905]. Затѣмъ во 2-й періодъ, со времени Діоклетіана и особенно Константина, этотъ древній строй подвергается весьма серьезнымъ перемѣнамъ. Для ознакомленія съ должностями и отношеніями въ этотъ періодъ хорошимъ пособіемъ служитъ трудъ J. Manso, Das Leben Constantin des Grossen. Breslau 1827. Затѣмъ можно указать на юридическое сочиненіе Bethmann-Hollweg, Der Civil-Process des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwicklung. 6 Bde. Bonn 1864 и дал., гдѣ различныя должности, особенно связанныя съ судебнымъ институтомъ, разсматриваются подробно и обстоятельно. Незамѣнимымъ пособіемъ также является книга Куна, E. Kuhn, Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians. I—II. Leipzig 1864. Послѣ Юстиніана, этотъ строй снова начинаетъ подвергаться существеннымъ измѣненіямъ, такъ что къ концу византійскаго періода отъ него не осталось почти ничего. Эти позднѣйшія измѣненія изслѣдованы весьма обстоятельно въ докторской диссертаціи Н. А. Скабалановича, Византійское государство и византійская церковь въ XI в. Спб. 1884.

Метрологія. Другой родъ именъ техническихъ представляютъ наименованія метрологическія. Съ этимъ отдѣломъ русскій ученый боится считаться еще болѣе, чѣмъ съ именами должностныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно видѣть, какъ въ русскомъ напр. сочиненіи, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что тогда-то издержано столько-то номисмъ, — замѣчается: подъ ними слѣдуетъ разумѣть монету вообще, а не золотую монету—«солидъ», какъ извѣстную и опредѣленную. Здѣсь слѣдуетъ обращаться за разъясненіями къ греческой и римской метрологіи Гульча, F. Hultsch, Griechische und römische Metrologie. 2 Aufl. Berlin 1882. Гульчъ можетъ считаться самымъ виднымъ корифеемъ въ этой области, потому что онъ занимался этимъ отдѣломъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и имъ изданы всѣ греческія и римскія сочиненія по метрологіи. Ясно, какимъ образомъ могутъ служить указанной выше цѣли полусобственныя метрологическія наимено-

ванія. Напр., если въ рукописи упоминались бы русскія мѣры (пудъ, фунтъ), то несомнѣнно было бы, что здѣсь рѣчь идетъ о Россіи.

Хронологія. За именами собственными и техническими слѣдуютъ цифры—имена хронологическія. Исторія безъ хронологіи стоять не можетъ, и хронологія должна считаться самымъ виднымъ пособіемъ и по исторіи вообще, и по исторіи церковной въ частности. Хронологія въ сущности есть наука и искусство до такой степени сложныя, что въ этой области и охотниковъ мало и компетентныхъ лицъ не болѣе. Какъ пособіе для исторіи, хронологія можетъ принимать разныя формы. Прежде всего она не можетъ не разнообразиться по методу обработки. Она можетъ являться то какъ легкая справочная книжка, то какъ солидный трудъ серьезной учености, различаясь по глубинѣ и характеру обработки. Затѣмъ, хронологія можетъ разнообразиться и по направленію, задачѣ, которую она преслѣдуетъ. Съ этой стороны хронологію приходится дѣлить на 1) матеріальную, или, что то же,—историческую и 2) формальную.

Древнѣйшее капитальное пособіе въ этомъ отношеніи не представляетъ такого различенія. Это пособіе дано Діонисіемъ Петавіемъ (Petau) въ его Opus de doctrina temporum (1627). Петавій былъ іезуитъ богословъ, но и довольно видный астрономъ. Одна изъ слабыхъ сторонъ его заключается въ томъ, что онъ стоялъ за систему Птолемея противъ Коперника. Онъ является собственно въ области хронологіи продолжателемъ работъ Скалигера (De emendatione temporum 1583, 1598², Thesaurus temporum 1606), хотя его враждебное отношеніе къ Скалигеру заставляетъ его не признавать цѣнныхъ сторонъ трудовъ послѣдняго. У Петавія даются весьма основательныя изслѣдованія по хронологіи формальной,—устанавливаются математическія и астрономическія основанія для счисленія у того или другого народа, указывается, какой годъ у него существовалъ, солнечный или лунный, какъ былъ составленъ народный календарь и проч. Но Opus de doctrina temporum даетъ въ заключеніе и матеріальную хронологію, представляя цѣлый рядъ событій, расположенныхъ по годамъ. Въ такомъ же смѣшанномъ направленіи вели дѣло и бенедиктинцы, издавшіе сочиненіе объ «Искусствѣ провѣрять историческія даты», Clémencet et Durand, L'art verifier les dates des faits historiques. Paris 1750. 2 t.; 4 éd. par St.

Allais 1818—1844. 44 t. 8°, также 11 t. 4°. Здѣсь соединяются и та и другая хронологія. Но по мѣрѣ того, какъ знанія развивались, приходилось различать между той и другой.

1) Труды по хронологіи историко-матеріальнаго характера представляютъ списокъ датированныхъ событій. Это—хронологическія работы такого рода, гдѣ вся совокупность фактовъ того или другого отдѣла исторіи обработывается и подводится подъ опредѣленные года. Естественный ихъ типъ—древніе хронографы и лѣтописи, гдѣ событія записываются подъ извѣстными годами. Позднѣйшія ученыя работы слѣдуютъ этому же обычаю. Типъ этой хронологіи данъ въ русской литературѣ въ извѣстномъ сочиненіи архимандрита (потомъ епископа) Арсенія, Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя. 3 изд. Спб. 1900. Здѣсь событія расположены по порядку лѣтъ и весь трудъ представляетъ форму лѣтописи. Хронологія можетъ имѣть здѣсь различный объемъ и проявлять различныя степени ученности. Возможны чрезвычайно краткія хронологическія пособія въ родѣ хронологическихъ таблицъ Weingarten'a, Zeittafeln und Überblicke zur Kirchengeschichte [6 Aufl. bearb. von Arnold. Leipzig 1905], но возможны и изслѣдованія обширныя и капитальныя.

По этому способу составлены Annales ecclesiastici Баронія, въ которыхъ церковныя событія размѣщены по годамъ. Исправленныя и дополненныя Паджи (Pagi), они доселѣ служатъ пособіемъ для хронологическихъ справокъ (ed. Theiner 1864 — 1883). Непреходящую цѣнность имѣютъ работы Тилльмона—Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclesiastique des six premiers siècles. 16 t. Paris 1693—1712. 2 éd. 8 t. Bruxelles 1707—1719; Histoire des empereurs et des autres princes qui ont regné durant les six premiers siècles de l'église. 6 t. Paris 1690—1738. Съ ними можно только тогда не считаться, когда существуютъ какія-либо другія новыя изслѣдованія. Къ сожалѣнію, работы Тилльмона обрываются на интересномъ мѣстѣ, оканчиваясь шестымъ вѣкомъ.

Нѣсколько далѣе Тилльмона идетъ трудъ англичанина Клинтона, F. Clinton, Fasti Romani. I—II. Oxford 1845—1850, самое капитальное пособіе этого рода, обнимающее хронологію греко-римской имперіи отъ Августа до Ираклія включительно. Это—огромное изданіе на англійскомъ языкѣ, въ которомъ перечисляются событія въ порядкѣ годовъ, но въ то же время дают-

ся текстуальныя выписки изъ авторовъ, которые говорятъ о нихъ, и представляются краткія и въ то же время цѣнныя объясненія, почему въ случаѣ несогласія отдается предпочтеніе одному источнику предъ другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Клинтонъ приводитъ данныя о мѣстопребываніи византійскихъ императоровъ, на основаніи законовъ, собранныхъ въ кодексахъ Ѳеодосія и Юстиніана. Fasti Клинтона особенно цѣнны тѣмъ, что въ нихъ авторъ приводитъ самые тексты, на основаніи которыхъ онъ устанавливаетъ даты. Это весьма важно. Нѣкоторые хронологи имѣютъ вредную манеру опускать свою предварительную работу и потому хотя книга пріобрѣтаетъ авторитетъ и популярность, ихъ работа гибнетъ даромъ, потому что находится слишкомъ мало людей, которые дали бы себѣ трудъ углубиться въ тѣ основанія, которые привели ученаго къ установленію той или другой даты. Во всякомъ случаѣ трудъ Клинтона былъ настолько обширенъ, что онъ счелъ нужнымъ сдѣлать изъ него извлеченіе, An Epitome of the civil and literary Chronology of Rome and Constantinople from the death of Augustus to the death of Heraclius. Oxford 1853.

Къ сожалѣнію, повидимому, не зная этого труда, работалъ въ свое время Муральтъ надъ своимъ «Опытомъ византійской хронографіи», изданнымъ нашею Академіей Наукъ, E. Muralt, Essai de chronographie byzantine de 395 à 1057. St.-Pétersbourg 1855. Это трудъ болѣе скромный, чѣмъ трудъ Клинтона, но представляетъ то преимущество, что событія въ немъ доведены до болѣе поздняго времени. Здѣсь перечисляются событія и датируются въ самыхъ сокращенныхъ словахъ,—указывается, у какого автора говорится объ извѣстномъ событіи, и курсивомъ показывается, что извѣстный авторъ приводитъ и дату событія. Муральтъ работалъ на огромномъ пространствѣ византійской исторіи и изслѣдованія свои не могъ вести съ такою глубиною, какъ Клинтонъ. Его хронологія поэтому не отличается полнотой, особенно въ послѣднихъ отдѣлахъ, и иногда представляетъ ошибки, которыхъ Клинтонъ умѣлъ избѣжать. Въ отношеніи церковной исторіи для Муральта оказался фатальнымъ отдѣлъ хронологіи Египта. Если Лекіену трудно было справляться съ названіями египетскихъ городовъ, то для Муральта оказалось фатальнымъ то, что онъ взялся за дѣло, не выучившись считать по-коптски, и въ датахъ объ александрійскихъ патріархахъ у него весьма часто встрѣчается фальшь. Онъ не могъ понять, что въ Егип-

тѣ годъ начинался не съ 1 сентября, а съ 29-го, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ 30 августа. Такимъ образомъ его переводъ датъ всегда представляетъ нѣкоторую ошибку въ 2—3 дня. Поэтому же Муральтъ не могъ свести дней недѣли съ числами мѣсяцевъ. Въ общемъ, хотя Муральтъ не былъ орломъ хронологіи, его даты далеко не всегда истинны, однако его трудъ почтененъ не только по величинѣ, но и потому, что, хотя тексты не выписываются, но перечисляются авторы, говорящіе о той или другой датѣ.

Очевидно, хронологія матеріальная по одной сторонѣ представляетъ болѣе дорогое пособіе, чѣмъ формальная, такъ какъ хорошее изслѣдованіе этого типа (въ родѣ Клинтона) даетъ историческій матеріалъ уже въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ. Но эта хронологія никогда не можетъ быть доведена до высоты совершенства, какая возможна для формальной. Здѣсь хронологъ долженъ быть и историкомъ,—долженъ критически относиться къ извѣстіямъ. Поскольку матеріальная хронологія представляетъ собою обработанный рядъ заключеній, а не ограничивается общими формальными указаніями, труды по ней всегда могутъ содержать въ себѣ значительный процентъ погрѣшностей.

2) Формальная хронологія имѣетъ болѣе скромную задачу: дать возможность встрѣтившуюся древнюю дату перевести на дату новѣйшаго лѣтосчисленія, юліанскаго или грегоріанскаго. Но смотря потому, какъ будетъ производиться этотъ переводъ, хронологія можетъ стать дѣломъ и очень скромнымъ, и очень широкимъ. Естественно задаться цѣлію не только произвести переводъ извѣстной даты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доказать, что такой переводъ правиленъ. Однимъ словомъ, формальную хронологію можно обосновать съ извѣстною большею или меньшею глубиною и она можетъ быть доведена до совершенства математическихъ наукъ. Пособія по формальной хронологіи могутъ имѣть различные виды; то превращается она въ руководство въ родѣ пасхаліи, указывающее математическія правила для перевода датъ и основанія его, то—въ пособія, аналогичныя зрячей пасхаліи, помѣщаемой, между прочимъ, въ Требникѣ, т. е. въ рядъ таблицъ, при помощи которыхъ можно легко опредѣлить нужныя даты. Вообще труды этого рода не устанавливаютъ опредѣленныхъ хронологическихъ датъ, а учатъ, какъ обращаться съ датами, которыя могутъ встрѣчаться въ источникахъ. Это скорѣе хронологическіе ло-

гариѳмы, ничего въ отдѣльности не рѣшающіе, но пригодные на все. Смотря по цѣли, которую преслѣдуютъ сочиненія по формальной хронологіи, въ нихъ преобладаетъ элементъ а) техническій или б) математическій.

Техническая хронологія есть отрасль хронологіи, которая занимается разъясненіемъ тѣхъ формъ лѣтосчисленія, какія были у извѣстнаго народа, и указываетъ правила, какъ перевести счисленіе извѣстнаго народа на нашъ календарь (подобно тому, какъ переводится счисленіе по старому стилю на новый). Техническая хронологія не можетъ также освободить себя отъ обязанностей пасхаліи, т. е. она должна опредѣлять, на какой мѣсяцъ и какое число даннаго года приходилась та или другая пасха, а также по данной пасхѣ опредѣлять годъ событія. Техническій элементъ имѣетъ особенное значеніе въ отношеніи къ среднимъ вѣкамъ, когда господствовала своеобразная манера обозначенія датъ. Свѣтскій человѣкъ чувствуетъ себя здѣсь, какъ въ лѣсу. Вмѣсто того, чтобы обозначать время по числамъ и днямъ мѣсяца, обозначали по днямъ памяти святыхъ. Такимъ образомъ, изслѣдователю нужно хорошо знать и календарь извѣстной мѣстности и манеру выражаться. Самое распространенное обыкновеніе было, напр., обозначать воскресенье первыми словами праздничнаго гимна (introitus). Ѳомино воскресенье обозначалось словами: Quasimodo geniti, потому что этими словами начиналось апостольское чтеніе въ этотъ день.

Математическая или астрономическая хронологія занимается основою тѣхъ вещей, на которыхъ утверждается хронологія техническая. Она должна правильно опредѣлять теченіе луны, такъ какъ извѣстно, что у нѣкоторыхъ народовъ счисленіе времени шло по лунному году (напр. у евреевъ), — такъ что и хронологія стоитъ въ зависимости отъ теченія луны. Въ ея задачу входитъ также сообщеніе свѣдѣній о затменіяхъ солнечныхъ и лунныхъ, потому что это важно для установки тѣхъ событій, которыя не обозначены годомъ.

Незамѣненнымъ доселѣ руководствомъ по формальной хронологіи, математической и технической вмѣстѣ, можетъ считаться трудъ L. Ideler'a Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Berlin 1825—6. Иделеръ былъ берлинскій астрономъ, но въ интересахъ науки счелъ нужнымъ познакомиться съ арабскимъ и турецкимъ языками; кромѣ того онъ

обладалъ солидными знаніями по математикѣ и исторіи. Его два тома, изданные въ 1825—6 гг., представляютъ трудъ такой колоссальной учености, что съ нимъ приходится считаться до послѣдняго времени. [Задачу переработать вновь и замѣнить трудъ Идслера взялъ на себя недавно астрономъ F. K. Ginzel, Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. B. I. Leipzig 1906. Вышедшій томъ содержитъ общее введеніе и главы о лѣтосчисленіи вавилонянъ, египтянъ, магометанъ (арабовъ и турокъ), персовъ, индусовъ, нѣкоторыхъ мелкихъ азіатскихъ и американскихъ народовъ, китайцевъ и японцевъ. Все сочиненіе разсчитано на три тома].

а) По технической хронологіи существуютъ особыя сочиненія. Слѣдуетъ въ этой области назвать работу Ungera о греческой и латинской хронологіи, Zeitrechnung der Griechen und Römer, помѣщенную въ Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft v. Iwan Müller въ I томѣ. Унгеръ принималъ участіе въ недавнемъ спорѣ о римской хронологіи. Можетъ быть многимъ неизвѣстно, что римскій годъ у Тита Ливія не соотвѣтствовалъ годамъ императорской эпохи. Для истинной установки римскаго года нужно принять въ соображеніе весьма многое, напр., время созрѣванія плодовъ и пр. Этотъ ученый и даетъ указанія относительно древней римской и греческой хронологіи очень почтенныя. Вообще для отдѣльныхъ народовъ пишутся спеціальныя формальныя хронологіи. Какъ на образецъ,—можно указать на изслѣдованіе по армянской хронологіи, E. Dulaurier, Recherches sur chronologie Arménienne. Paris 1859. Здѣсь не только дается переводъ армянскихъ датъ, но указываются и его основанія. Весьма много работалъ въ этой области (армянской хронологіи) и академикъ петербургскій Броссе, при своемъ переводѣ армянскихъ историковъ.

Краткое, но обстоятельное руководство для среднихъ вѣковъ и новаго времени далъ F. Rühl, Chronologie der Mittelalters und der Neuzeit. Berlin 1897. Свѣдѣнія относительно христіанскаго лѣтосчисленія даетъ также H. Grotefend, Handbuch der historischen Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit. Hannover 1872 [2 Aufl.: Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Hannover 1891—92]. Гротефендъ писалъ означенный трудъ свой для разработки собственно средневѣковой исторіи, но и для церковной трудъ его имѣетъ значеніе. Христіанскіе праздники, какъ уже за-

мѣчено, представляютъ важный элементъ для опредѣленія времени церковныхъ событій. Ими въ историческихъ извѣстіяхъ опредѣляется часто время того или иного событія. Гротефендъ далъ въ концѣ книги 35 таблицъ по числу дней, на которые можетъ падать праздникъ пасхи. Въ этихъ таблицахъ, носящихъ названіе «неисходныхъ календарей», показывается, въ какой день недѣли приходится извѣстное число въ каждый изъ 35-ти годовъ. Таблицы Гротефенда заключаютъ въ себѣ краткія, но достаточныя указанія на то, какъ отыскать пасху во всѣ года послѣ Никейскаго собора; опредѣленные же по пасхѣ всѣ воскресные и подвижные праздничные дни года опредѣляютъ собою и событія. Въ этомъ отношеніи нѣчто аналогичное представляетъ русскій Мѣсяцесловъ православной каѳолической Церкви И. Косолапова (2 изд. Симбирскъ 1880), гдѣ данъ списокъ воскресныхъ дней въ каждый изъ 35-ти годовъ. Работа Косолапова представляетъ собою то неудобство, что имѣетъ дѣло только съ двумя календарями — юліанскимъ и грегоріанскимъ.

Есть особые труды этого рода съ чисто математическимъ характеромъ, raison d'être которыхъ составляетъ ихъ удобство и ихъ небольшой объемъ. Они предлагаютъ средства, какъ переводить хронологическія даты одного лѣтосчисленія на даты другого лѣтосчисленія. Въ этомъ отношеніи особенно важнымъ является трудъ вѣнскаго доцента Шрама, R. Schram, Hilfstafeln für Chronologie. Wien 1883. Достаточно знать два первыхъ дѣйствія ариѳметики, чтобы перевести съ помощью этого труда любую дату на юліанское или грегоріанское лѣтосчисленіе. Этотъ небольшой квадрантъ представляетъ бездну математическаго матеріала. Имѣя въ рукахъ небольшой томъ Шрама, вы будете имѣть возможность точно установить греческія олимпіады, лѣтосчисленіе индусовъ, китайцевъ, а если у васъ интересъ такъ великъ, то и лѣтосчисленіе мексиканцевъ и египтянъ. Здѣсь есть также указатель, при помощи котораго всякій безъ труда можетъ опредѣлить, на какой день приходилось въ тотъ или другой годъ весеннее или осеннее равноденствіе, лѣтнее и зимнее солнцестояніе и вступленіе солнца въ тотъ или другой знакъ зодіака. Это указаніе необходимо, потому что нѣкоторые писатели, особенно греческіе, вмѣсто обозначенія мѣсяца употребляютъ, напр., выраженіе: «это было тогда, когда солнце вступило въ знакъ скорпіона». Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же даны пособія для опредѣленія ново-

лунія, полнолунія, и данныя для заключенія о томъ, могло или не могло быть въ извѣстный годъ солнечное или лунное затменіе.

б) Здѣсь мы ставимъ вопросъ о значеніи астрономіи для хронологическихъ изысканій. Собственно для временъ отдаленнѣйшихъ единственныя вполнѣ надежныя даты представляютъ собою даты астрономическія. Къ счастію для исторіи, солнечныхъ затменій человѣкъ въ старое время пугался и заносилъ ихъ, какъ диво, въ свои лѣтописи. А такъ какъ съ этимъ соединялись и бредни астрологовъ, видѣвшихъ въ затменіяхъ предзнаменованія и устанавливавшихъ фальшивую связь между астрономическими явленіями и событіями человѣческой жизни, то легко понять, почему затменія могутъ быть важны для исторіи. Они составляютъ неподвижную границу, которой не въ состояніи испортить никакой переписчикъ. Подобныя даты составляютъ краеугольный камень всякой хронологіи. Отсюда въ ряду хронологическихъ пособій видное мѣсто занимаютъ тѣ книги, которыя занимаются астрономической хронологіей. Онѣ высчитываютъ лунныя и солнечныя затменія, о которыхъ упоминается въ исторіи.

Значеніе астрономической хронологіи опредѣляется возможностью установить чрезъ нихъ даты, ничѣмъ необозначенныя, или же, въ случаѣ недостаточной точности датъ, опредѣлить событія, лишь отчасти датированныя. Это послѣднее обстоятельство выясняется изъ того, что различными писателями употребляются различныя эры при лѣтосчисленіи, и для перевода этихъ эръ на нашу встрѣчаются трудности. Такъ, напр., хронографъ Ѳеофанъ считаетъ по годамъ отъ сотворенія міра, но по временамъ переводитъ это лѣтосчисленіе на годы отъ Рождества Христова. Правда, эра, которою пользуется Ѳеофанъ, есть александрійская, т. е., полагаемые ею 5492 г. отъ сотворенія міра нужно вычитать изъ извѣстной хронологической даты, чтобы получить годы нашей эры; но Ѳеофанъ не всегда пользуется этой эрой, а мѣняетъ ее, и потому приходится вычитать иногда больше, иногда меньше. Здѣсь и помогаетъ дѣлу хронологія астрономическая. Для древнѣйшихъ временъ установка датъ, когда именно произошло данное затменіе, представляетъ трудность, потому что тамъ солнечныя затменія связывались съ событіемъ, но не опредѣлялось время (годъ, мѣсяцъ и день), когда онѣ случались. Въ

позднѣйшихъ памятникахъ обозначались мѣсяцъ и день затмѣнія или по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. У Муральта такія данныя заносятся, когда онъ находитъ упоминаніе о нихъ въ византійской исторіи. Въ этомъ объемѣ заносятся они и въ «Fasti Romani» у Клинтона. Но важно знать о всѣхъ бывшихъ затмѣніяхъ и указаніемъ ихъ астрономы стараются облегчить работу для историковъ.

Во французскомъ бенедиктинскомъ изданіи «Искусство повѣрять даты» содержится перечень солнечныхъ и лунныхъ затменій. Но ученымъ настоящаго времени было бы стыдно пользоваться этимъ изданіемъ. Въ 1882 г. въ Берлинѣ изданы были таблицы съ вычисленіемъ солнечныхъ и лунныхъ затменій Леманномъ, P. Lehmann, Tafeln zur Berechnung der Mondphasen und der Sonnen- und Mondfinsternisse. Berlin 1882. Выше ихъ стоятъ «Таблицы соединеній луны съ солнцемъ» вѣнскаго профессора и директора обсерваторіи, фонъ Оппольцера, Th. von Oppolzer, Syzygientafeln für den Mond. Leipzig 1881. Онѣ даютъ возможность знать, видно было или нѣтъ въ той или другой мѣстности извѣстное затменіе. Съ земной точки зрѣнія только лунныя затменія реальны, потому что земля больше луны и тѣнь земли совершенно покрываетъ луну. Солнечныя затменія въ извѣстной степени являются фиктивными. Луна ничтожное тѣло сравнительно съ солнцемъ, такъ что тѣнь луны покрываетъ только извѣстную поверхность земли. Если лунное затменіе происходитъ тамъ, гдѣ бываетъ ночь, то оно бываетъ непремѣнно видимо. Совсѣмъ иное дѣло съ солнечнымъ. Если припомнимъ газетныя извѣстія о солнечномъ затменіи, бывшемъ въ январѣ 1898 года, то увидимъ, что въ одномъ мѣстѣ оно было великолѣпно и для астрономовъ назидательно, а въ другомъ его и не существовало. Поэтому, по отношенію къ солнечнымъ затменіямъ нужно опредѣлить, было ли оно въ извѣстномъ мѣстѣ видимо. Ученые, пользующіеся старыми изданіями, подвергаются опасности связать событіе съ солнечнымъ затменіемъ, которое не было видимо. Такимъ образомъ солнечное затменіе обращается въ средство географическихъ извѣстій. Положимъ, въ Константинополѣ объ антіохійскомъ событіи могли знать неопредѣленно по слухамъ. Если повѣствуется объ антіохійскомъ событіи по константинопольскимъ извѣстіямъ и если солнечное затменіе, съ которымъ связано это событіе, не было видимо въ Константинополѣ, то можемъ не придавать этому извѣстію высокой цѣнности.

«Syzygientafeln» дают возможность высчитать солнечное затмение достаточно точно.

Но и это произведение не вполнѣ точно. Дѣло въ томъ, что луна есть такое капризное тѣло, что астрономы знаютъ до 200 аргументовъ для вычисленія ея движенія. Высчитывая полнолуніе или новолуніе съ точностью до 0,1 минуты, они поправляютъ вычисленія 200 разъ на основаніи другихъ соображеній. Выбираютъ сначала немногіе аргументы, а остальные отбрасываютъ—именно тѣ, которые хотя и вліяютъ на фазы луны, но въ короткое время не сказываются ощутительно; въ продолжительный же періодъ времени эти аргументы составляютъ цифры значительной величины. Поэтому ни одна научная система не оказывается надежной, когда пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ея изданія. При содѣйствіи англійскаго адмиралтейства Ганзеномъ были изданы лунныя таблицы, на основаніи которыхъ могутъ быть дѣлаемы поправки, P. A. Hansen, Tables de la lune. Londres 1851. При вычисленіи затменій, бывшихъ въ теченіи тысячелѣтій, Оппольцеръ долженъ былъ сдѣлать въ виду этого, на основаніи историческихъ свѣдѣній, эмпирическія поправки въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, хотя и не даетъ отчета въ этихъ поправкахъ. Эти то поправки и составляютъ преимущество труда Оппольцера передъ другими. Талантливый ученикъ Оппольцера—Гинцель предложилъ поправки болѣе точныя. Затѣмъ слѣдуютъ работы Шрама, который упростилъ Syzygientafeln въ своихъ Tafeln zur Berechnung der näheren Umstände der Sonnenfinsternisse. Wien 1886.

Издавъ свои таблицы, Оппольцеръ предпринялъ новое грандіозное дѣло со своими учениками. Они высчитали всѣ лунныя и солнечныя затменія, какими только можетъ интересоваться исторія, за огромный періодъ времени до и послѣ Р. Х. Всѣ эти затменія были занумерованы. Это появившійся въ LII т. «Памятныхъ записокъ Вѣнской Академіи Наукъ» «Канонъ затменій» (Canon der Finsternisse. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, B. LII. Wien 1887). Подъ словомъ «канонъ» при этомъ разумѣется списокъ фактовъ, установленныхъ въ области астрономіи; слово употреблено прежде всего Птолемеемъ и усвоено потомъ учеными. Это огромное произведеніе представляетъ списокъ солнечныхъ и лунныхъ затменій на огромномъ пространствѣ времени съ 1208 года до Р. Х. по 2161 г. по Р. Х. На этомъ простран-

ствѣ времени насчитывается 8000 солнечныхъ и 5200 лунныхъ затменій. Къ таблицамъ приложено 160 картъ, показывающихъ ходъ солнечныхъ затменій, такъ что историкъ, сталкиваясь съ астрономическимъ явленіемъ въ той или другой мѣстности въ извѣстный періодъ, легко можетъ воспользоваться этимъ трудомъ: географическая карта, показывающая ходъ солнечнаго затменія, покажетъ историку и то, могло ли быть и какъ долго продолжалось солнечное затменіе въ данной мѣстности. Кто имѣетъ въ рукахъ трудъ Оппольцера, тотъ легко можетъ провѣрить записи затменій, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ.

Но и грандіозный трудъ Оппольцера не освобождаетъ историка отъ самостоятельныхъ работъ: нужно еще приспособить элементы записи къ опредѣленнымъ мѣстамъ, чтобы рѣшить, было ли данное затменіе въ извѣстномъ мѣстѣ. Неудобство этого труда заключается въ томъ, что онъ слишкомъ капиталенъ и не можетъ быть общедоступенъ. Поэтому таблицы сизигій не могутъ быть вытѣснены изъ употребленія. Появленіе «канона» вызвало трудъ Шрама, Reductionstafeln für den Oppolzerschen Finsterniss-Kanon zum Übergang auf die Ginzelschen empirischen Korrectionen. Wien 1889.

Вообще, благодаря вѣнскимъ астрономамъ, астрономическая хронологія можетъ считать себя твердо постановленною. Краткое руководство по этой отрасли далъ страссбургскій профессоръ W. Wislicenus, Astronomische Chronologie. Leipzig 1895. Вислиценусъ выбираетъ пособія болѣе практичныя и даетъ предпочтеніе работамъ Оппольцера.

Остается привести изъ области хронологической нѣсколько практическихъ указаній для вычисленія хронологическихъ датъ въ той или другой странѣ. Точкою опоры для всякаго хронологическаго изслѣдованія является **эра**, т. е. годъ, отъ котораго отправляется то или другое лѣтосчисленіе. Эры существуютъ различныя, и мы должны избирать подходящія: намъ нужно знать тѣ эры, которыя служатъ для опредѣленія церковно-историческихъ событій.

Римское лѣтосчисленіе.

Древняя церковная исторія, какъ представляющая совокупность фактовъ, происходившихъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ римской имперіи, должна имѣть дѣло съ хронологіей Рима. Само собою разумѣется, историкъ долженъ знать ка-

ленды, ноны, иды. Слѣдуетъ отмѣтить, что Римъ не имѣлъ опредѣленной эры. Эра отъ основанія Рима имѣетъ значеніе только для ученыхъ. Но фактически вообще она не имѣла такого значенія, какое имѣетъ эра въ нашемъ счисленіи. Истинное и подлинное счисленіе Рима производилось по консуламъ.

Хотя при императорѣ Августѣ произошли преобразованія, однако только въ учебникахъ для средней школы можно выражаться, что республика перестала существовать. Ученые говорятъ лишь о римскомъ принципатѣ. Такъ какъ имперія находилась подъ сурдинкой и удерживался прежній республиканскій порядокъ (до Діоклетіана), то не произошло перемѣны и въ счетѣ по консуламъ. Въ концѣ каждаго года римская республика назначала выборы, на которыхъ, на смѣну двухъ, правившихъ въ теченіе года, консуловъ, выбиралась новая пара ихъ. Вновь избранные до 1-го января слѣдующаго года назывались «designati» (consules), а съ этого дня—«ordinarii». Почетъ консульства былъ такъ великъ и кандидатовъ было такъ много, что императоръ находился въ затрудненіи назначать двухъ только консуловъ; отсюда фактъ существованія консуловъ ординарныхъ и консуловъ «suffecti» (подставныхъ): вмѣсто одной пары было ежегодно по нѣсколько паръ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ consules ordinarii слагали свою должность и въ нее вступали consules suffecti. Тѣ и другіе консулы не разнились по власти, но хронологически; первые—ordinarii—только давали названіе счету. Если бы оказалось на написи имя консуловъ suffecti, то ясно, что напись сооружена въ имѣніи консула и заключаетъ въ себѣ грубоватую лесть.

Когда послѣ Константина Великаго римская имперія сдѣлалась двустоличною, то между императорами восточными и западными происходило соглашеніе, по которому одинъ консулъ объявлялся въ Римѣ, а другой въ Константинополѣ. Иногда же оба консула были изъ восточныхъ или западныхъ. Если предварительнаго соглашенія не было, то въ Римѣ не знали, кто будетъ консуломъ въ Константинополѣ, и наоборотъ. Отсюда являлась необходимость условныхъ датъ. Въ Римѣ, напр., писали: въ консульство такого-то и того, кто будетъ объявленъ (et qui pronunciatus erit) въ Константинополѣ. Эта неопредѣленность могла длиться нѣсколько мѣсяцевъ. Консулы объявлялись 1-го января. Для того, чтобы въ отдаленнѣйшія мѣста римской имперіи проникла вѣсть о томъ, какіе сановники на-

значены въ Римѣ на извѣстный годъ, при полномъ отсутствіи удобствъ въ сообщеніи,—требовалось очень много времени, и проходило нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ имена новыхъ консуловъ дѣлались извѣстными и въ отдаленныхъ отъ Рима провинціяхъ. Между тѣмъ въ житейской практикѣ требовалось точное обозначеніе консуловъ. Поэтому прибѣгали къ такой датировкѣ: post consulatum (имя рекъ, т. е. прошлогоднихъ) virorum clarissimorum. Такимъ образомъ хронологическій терминъ «post consulatum» на первое время года, по крайней мѣрѣ, былъ неизбѣженъ въ провинціи. Если такая датировка встрѣчалась въ документѣ за май мѣсяцъ, то это объясняется или небрежностью нотаріальной конторы, или отдаленностью этой провинціи отъ столицы.

Очевидно, что при такомъ способѣ датированія событій хронологу нужно быть особенно осторожнымъ, чтобы не принять ложнаго документа за истинный. Такъ, напр., если событіе, случившееся 7-го января, датировано именемъ консула, уже поставленнаго 1-го января того же года, то истинность или ложность историческаго документа, такъ датированнаго, опредѣлится географическими указаніями: событіе, датированное 7-мъ января новаго консула, могло случиться вблизи Рима и не далѣе предѣловъ Италіи; если же оно значится совершившимся въ такихъ отдаленныхъ городахъ, какъ напр., въ Эдессѣ или въ Θивахъ, гдѣ, очевидно, не могли въ такой короткій срокъ узнать имя новаго консула,—то, слѣдовательно, историческій документъ, свидѣтельствующій совершеніе даннаго событія, подложенъ.

Нѣкоторые документы, въ томъ числѣ и церковные, составлены такъ, что и въ помѣткѣ хотятъ выставить свою преданность царствующему дому. Въ 430 году консулами были Flavius Theodosius и Flavius Valentinianus — оба императоры, а въ слѣдующемъ — 431 г. — частныя лица, Антіохъ и Вассъ. Въ 431 г. въ Ефесѣ происходилъ 3-й вселенскій соборъ, и хотя засѣданія были въ іюнѣ и іюлѣ, однако акты датируются post consulatum (т. е. императоровъ). Соборъ 448 г. (ноябрь) подъ предсѣдательствомъ Флавіана и разбойничій 449 г. датируютъ правильно (consulibus). Но въ 451 г. Халкидонскій соборъ, вслѣдствіе нашествія гунновъ, затруднившаго сношенія Константинополя съ Римомъ, въ октябрѣ упоминаетъ объ одномъ только консулѣ—императорѣ Маркіанѣ, и датируетъ: «Flavio Marciano Augusto consule et qui fuerit

nuntiatus», хотя Адельфій былъ уже назначенъ. Въ 419 г. отцы Карѳагенскаго собора съ Авреліемъ во главѣ отправили 26 ноября списки опредѣленій 1-го Никейскаго собора къ папѣ Бонифацію съ отмѣткой: «post consulatum» (императоровъ Гонорія и Ѳеодосія).

Датировка post consulatum можетъ заставить иногда неправильно отнести событіе къ году предшествующему, ибо при такой датировкѣ ставились только начальныя P. и C.; между тѣмъ эти буквы часто служили у римлянъ инициалами «praenomen» Publius и Cajus, съ каковымъ praenomen могли оказаться и консулы того или другого года, между тѣмъ какъ оно можетъ быть истолковано въ смыслѣ p(ost) c(onsulatum).

Самое важное неудобство датировки по консуламъ, напоминающей датировку древнихъ ассиріянъ по сановникамъ, заключалось въ томъ, что такъ какъ никакая человѣческая память не въ силахъ была запомнить рядъ всѣхъ «consules ordinarii», то нужно было имѣть списокъ консуловъ предъ собою. Но весьма легко было сдѣлать пропускъ въ длинномъ ряду, и переписчикъ не могъ догадаться объ этомъ, хотя бы пропустилъ до 10, потому что не было точнаго исходнаго пункта (эры). Списки консуловъ подвергались участи всякихъ лѣтописныхъ произведеній—порчѣ, пропускамъ, вставкамъ. Епифаній кипрскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы точно опредѣлить даты Рождества Христова и страданій. Но его трудъ представляетъ сцѣпленіе ошибокъ, такъ какъ у него были подъ руками испорченные списки консуловъ. Число консуловъ увеличивалось не на счетъ консуловъ suffecti, а по небрежности писцовъ. Такъ, вмѣсто L. Rubellio Gemino et C. Fufio Gemino consulibus (29 г. по Р. Х.) писали duobus Geminis consulibus, и у Епифанія Gemini поняты какъ вторая пара консуловъ наряду съ Рубелліемъ и Фуфіемъ. Къ этому присоединялись экономическіе разсчеты сбереженія папируса. Итакъ, во-первыхъ,—римская хронологія представляетъ то неудобство, что обязываетъ имѣть точные списки консуловъ.

Еще большее неудобство она представляла, когда приходилось датировать будущее время. Здѣсь приходилось прибавлять къ именамъ консуловъ числовыя величины. При этомъ приходится считаться съ тѣмъ явленіемъ, что римляне вели счетъ нѣсколько иначе, чѣмъ мы. Наше 8 лѣтъ послѣ 98-го года означаетъ 98+8, а у римлянъ означаетъ 98+7, потому что первымъ изъ 8 лѣтъ считался 98 годъ, а не 99, такъ ска-

зать, inclusive, а не exclusive. Эта особенность сказалась и въ жизни римлянъ. Дни рынковъ назывались nundinae (т. е. noveni dies). Но римская недѣля состояла не изъ 9 дней, какъ бы слѣдовало, а изъ 8. Вслѣдствіе этихъ порядковъ и календарь Юлія Цезаря былъ перепутанъ самими жрецами. Именно, високоснымъ годомъ они считали не четвертый, какъ слѣдовало бы по формулѣ in quarto anno, а третій. Только Августъ своею властію исправилъ ошибку. Поэтому, когда выставлена дата, то для историка возникаетъ вопросъ: какъ считалъ авторъ— exlusive или inclusive. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи римское счисленіе было неудобно.

Несмотря на все это, система римскаго счисленія представляетъ для историка незамѣнимое преимущество. Всякое письмо вѣрнѣе сохраняется, чѣмъ цифры. Особенно римскія цифры допускаютъ смѣшеніе. Каждый знакъ представляетъ элементъ для порчи. Цифра девять арабскаго начертанія представляетъ одинъ элементъ для порчи (напр., 9 обращенное даетъ 6); римское 9 (VIIII) представляетъ пять знаковъ для порчи. И имена подвергаются порчѣ, но не въ такой мѣрѣ. Даты по двумъ консуламъ оставляютъ посильный слѣдъ и легко могутъ быть возстановлены въ случаѣ порчи. Вотъ примѣръ подобнаго возстановленія.

17 іюля латинская церковь празднуетъ память мучениковъ, пострадавшихъ въ Scili; свѣдѣнія о нихъ сохранились въ «Acta martyrum Scilitanorum». Мученики были допрашиваемы африканскимъ проконсуломъ Сатурниномъ. Но искаженная переписчиками датировка по консуламъ повела къ недоразумѣніямъ; при этомъ выходило, что мученики пострадали въ 200 году. Дата такая: praesidente bis Claudiano consule (когда дважды предсѣдательствовалъ консулъ Клавдіанъ) — — Saturninus proconsul dixit. Это такая же несообразность, какъ сказать, что на сельской сходкѣ предсѣдательствовалъ министръ юстиціи. Чувствуя эту несообразность, другіе списки вмѣсто praesidente поставили praestante, praesente и existente. Слѣдовательно, уже предполагается только существованіе консула. Но, имѣя дѣло съ фактомъ, что имя Клавдіана не числится въ спискахъ того времени (консулъ 200 года былъ Claudius Severus), ученый Léon Renier пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь разумѣется 180 годъ, когда консулами были Lucius Fulvius Bruttius Praesens и Sextus Quintilius Condianus. Изданные Узенеромъ въ 1881 г. акты греческіе подтвердили

поправку Ренье, хотя и здѣсь имена консуловъ подверглись искаженію: ἐπὶ Πέρσαντος τὸ δεύτερον καὶ Κλαυδιανοῦ τῶν ὑπάτων. Затѣмъ Робинсонъ въ 1890 г. нашелъ и латинскую редакцію, гдѣ читалось: Praesente bis et Claudiano consulibus. Для исторіи это было немаловажно. По старой датѣ годъ мученичества (200) падалъ на царствованіе Септимія Севера, а по новой— на царствованіе Коммода. Исправленная дата выяснила тотъ фактъ, что гоненіе Марка Аврелія продолжалось еще и послѣ него, при Коммодѣ. Такимъ образомъ, благодаря невозможности совершенно исказить имя, является возможность возстановить дату.

Консульская датировка оказала немаловажную услугу въ дѣлѣ разоблаченія такъ называемыхъ лжеисидоровыхъ декреталій. Римскіе папы датировали свои посланія не только числомъ, но и годомъ по консуламъ. Лже-Исидоръ, составляя свои декреталіи, долженъ былъ примѣнительно къ посланіямъ папъ, точно такъ же датировать свои декреталіи. Но у него не было подлиннаго списка консуловъ, почему онъ и датировалъ наугадъ. Это обстоятельство помогло разоблачить поддѣлку; анализъ тенденцій довершилъ дѣло.

Хорошимъ пособіемъ при переводѣ консульскихъ датъ (съ именныхъ на численныя) можетъ служить таблица Шрама въ его Hilfstafeln für Chronologie. Онъ такъ хорошо свелъ дѣло, что при помощи бревіатуръ можно угадывать пары консуловъ въ его алфавитномъ спискѣ. Итальянскій ученый Borghesi чуть не всю жизнь употребилъ на то, чтобы исправить списки консуловъ. J. Klein, Fasti consulares. Lipsiae 1881, издалъ списки консуловъ отъ смерти Юлія Цезаря до Діоклетіана. Эта работа обратила вниманіе на явленія, которыхъ ранѣе не подозрѣвали, и представляетъ пособіе для ознакомленія съ римской номенклатурой. Здѣсь мы находимъ полныя имена консуловъ ординарныхъ, консуловъ suffecti, насколько это можно опредѣлить на основаніи имѣющихся данныхъ. Авторъ всюду указываетъ источники приводимыхъ свѣдѣній.

При вступленіи въ должность, во время консульской процессіи, новый консулъ бросалъ въ народъ деньги. При Юстиніанѣ было сознано, что этотъ обычай вреденъ и нелѣпъ, потому что въ средѣ черни происходили свалки, увѣчья и т. д. Запретивъ этотъ обычай для консуловъ, Юстиніанъ удержалъ его, однако, какъ привиллегію императоровъ. Въ 541 г. былъ послѣдній консулъ Флавій Василій Меньшій (Flavius Basilius

Junior), а потомъ стали обозначать годы: 1-й, 2-й, 3-й, и т. д. post consulatum Basilii. Преемники Юстиніана возстановили обычай объявлять себя перваго января послѣ вступленія на престолъ консулами и бросать деньги. Отсюда также считались postconsulata, что продолжалось до IX вѣка, до императора Льва Философа (886 — 912). Левъ издалъ указъ, которымъ выводилось изъ употребленія лѣтосчисленіе по консуламъ.

Что касается эры ab urbe condita, то въ вопросѣ о времени основанія Рима расходились сами ученые авторитеты. Маркъ Порцій Катонъ утверждалъ, что Римъ основанъ 21 апрѣля 4-го года 6-ой греческой олимпіады, а Маркъ Теренцій Варронъ, извѣстный историкъ-археологъ, указывалъ на 3-й годъ 6-ой олимпіады. При переводѣ на современное лѣтосчисленіе выходитъ, что, по Катону, Римъ основанъ за 753 годъ до Р. Х., а по Варрону — за 754 г. Сначала ученые держались точки зрѣнія Катона, потомъ—Варрона. Императоръ Клавдій, этотъ антикварій на престолѣ, высказался въ пользу Варрона, отпраздновавъ въ 47 г. по Р. Х. 800-лѣтіе существованія Рима. Но, несмотря на это, вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно. При императорѣ Филиппѣ въ 248 г. было отпраздновано 1000-лѣтіе Рима, т. е. съ точки зрѣнія Варрона—1001-лѣтіе.

Лѣтосчисленіе отъ основанія Рима опирается собственно, какъ на основаніе, на греческое лѣтосчисленіе по олимпіадамъ. Греки въ каждый 4-й годъ праздновали олимпійскія игры: интересъ къ героямъ игръ былъ такъ великъ, что они чтили ихъ и посему вели точные и послѣдовательные списки ихъ (начиная съ Корива). Это лѣтосчисленіе провѣрено по показаніямъ Эратосѳена и по даннымъ астрономіи, ибо Ѳукидидъ сохранилъ указанія на затменія въ извѣстныя олимпіады. Лѣтосчисленіе по олимпіадамъ ведется съ лѣтняго солнцестоянія 776 года до Р. Х., 4733 г. послѣ сотворенія міра.

Переводъ датъ олимпіадъ представляетъ нѣкоторыя трудности. Сообщимъ формулу этого перевода. Олимпіада обозначается λ, годъ олимпіады ε. При переводѣ слѣдуетъ изъ λ вычесть 1, остатокъ умножить на 4 и къ произведенію прибавить ε, т. е. годъ, обозначенный при олимпіадѣ; получится, положимъ, z. Если вычесть это число изъ 777 или изъ него вычесть 776, то получится соотвѣтствующій данной олимпіадѣ годъ до Р. Х. или послѣ Р. Х.

Восточное (сирійское) лѣтосчисленіе.

Съ греческимъ счисленіемъ по олимпіадамъ церковному историку дѣла имѣть не приходится. Древнѣйшая эра, съ которой ему приходится встрѣчаться—эра Селевкидовъ, встрѣчающаяся въ сирійскихъ памятникахъ и въ греческихъ, взятыхъ съ востока: 1 октября 312 г. до Р. Х. Называется она различно: «годы Александра царя», «годы іонійцевъ» (грековъ).

Происхожденіе ея является х-омъ. Если сирійцы думали, что это счисленіе идетъ отъ Александра Македонскаго, то это была грубая ошибка. Обыкновенно считаютъ началомъ этой эры побѣду Селевка Никатора надъ Димитріемъ Поліоркетомъ при Газѣ осенью 312 года до Р. Х. Но Унгеръ сомнѣвается въ точности этой датировки и даетъ свое объясненіе. Трудно объяснить, какъ считать годы царствованія Селевка Никатора. Селевкъ Никаторъ носилъ титулъ βασιλέως еще ранѣе, а Вавилонъ былъ взятъ имъ лѣтомъ 312 года и это событіе потому не можетъ быть началомъ эры. Вѣрнѣе поэтому считать, думаетъ Унгеръ, за начало этой эры годъ смерти Александра IV Македонскаго, т. е. 311 годъ, послѣ чего Селевкъ Никаторъ могъ по праву назваться царемъ. Если счисленіе отъ 312 года будетъ Antedatirung, то счисленіе съ 311 Postdatirung. Съ датами до Р. Х. церковному историку имѣть дѣло почти не приходится.

Для того, чтобы перевести года этой эры на наше лѣтосчисленіе, нужно изъ хронологической даты по этой эрѣ вычесть для октября, ноября и декабря 312 лѣтъ, а если идетъ рѣчь о мѣсяцахъ отъ января по сентябрь—311, и получится годъ эры Діонисіевой. Обычнымъ началомъ этой эры должно считать 1 октября. Надо замѣтить, что этотъ терминъ не имѣетъ достаточной твердости. Лунный годъ въ Антіохіи отожествлялся съ солнечнымъ, между тѣмъ лунный годъ разнится отъ солнечнаго на 11 дней. Новый годъ начинался съ 1-го числа тишри; такимъ образомъ большая часть мѣсяца приходилась послѣ осенняго равноденствія. Съ древне-сирійскими памятниками возиться не легко, такъ какъ почти всегда лѣтосчисленіе ведется по мѣсяцамъ луннымъ, а не солнечнымъ. Это составляетъ одинъ изъ узловъ въ вопросѣ о времени празднованія пасхи.

Сирійское лѣтосчисленіе впослѣдствіи подъ вліяніемъ Византіи дало уклоненіе: византійскіе индиктіоны проникли къ

сирійцамъ. Писатели начали отожествлять годы Селевкидовъ съ индиктіонами, т. е. считать началомъ года не октябрь, а сентябрь.

Эра Селевкидовъ получила широкое распространеніе на всемъ востокѣ, но въ разныхъ городахъ на ряду съ нею существовали и мѣстныя эры. Была напр. особенная мѣстная эра, довольно распространенная, которою пользовалась столица Сиріи—Антіохія. Начало этой эры падало тоже на осень, именно 48 года до Р. Х.; 706 г. отъ основанія Рима, 48 г. до Р. Х. и 264 г. эры. Селевкидовъ совпадаютъ съ первымъ антіохійской эры. Чтобы перевести эту эру, стоитъ только прибавить къ антіохійской эрѣ 263, тогда получится эра Селевкидовъ, переводить которую на наше лѣтосчисленіе мы уже умѣемъ. Эта эта встрѣчается у Евагрія и Іоанна Малалы; у послѣдняго находится и ключъ къ ней.

Египетское лѣтосчисленіе.

Египетъ имѣлъ свое счисленіе годовъ. Тамъ употреблялся подвижной солнечный годъ (всегда въ 365 дней), такъ что 4 года равнялись 1460 днямъ, тогда какъ наши 4 года содержатъ 1461 день, или 1460 лѣтъ нашего счисленія равняются 1461 египетскому году. Когда Египетъ былъ присоединенъ къ Риму, правительство постаралось поставить египетское счисленіе въ опредѣленныя отношенія къ счисленію римскому. Тогда былъ введенъ въ Египтѣ юліанскій годъ подъ названіемъ александрійскаго [1]). Было принято считать 1 августа всегда равнымъ 8 «месори», что и составляетъ ключъ къ египетскому году. Счисленіе это держится до сихъ поръ у коптовъ (съ египетскими названіями) и у абиссинъ (съ названіями своими). Начало этого года три раза въ 4 года падаетъ на 29 августа а въ годъ, предшествующій високосному, на 30 августа; такимъ образомъ, этотъ терминъ твердо установился.

Въ Египтѣ привыкли вести счисленіе по годамъ своихъ государей; но для астрономовъ такое счисленіе являлось неудобнымъ. Александрійскіе астрономы употребляли заимствованную отъ халдейскихъ астрономовъ эру Набонассара,

[1]) О происхожденіи александрійскаго счисленія см. В. В. Болотовъ, День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка. Хр. Чтеніе 1893, II, 410—413 (отд. оттискъ 318—321).

и затѣмъ эру Филиппа (брата Александра Македонскаго) и эру Августа и наконецъ эру Діоклетіана.

Что касается значенія первыхъ трехъ эръ, то 1-е θωῦθ перваго года Набонассара=26 февраля 747 г. до Р. Х. Ἔτος ἀπὸ Φιλίππου+424=ἔτος ἀπὸ Ναβονασσάρου. Довольно точно и такое равенство: ἔτος ἀπὸ Ναβ+6=ἔτος ἀπὸ Φιλ+430=annus ab urbe condita; ἔτος ἀπὸ Φιλ—12=годъ эры Селевкидовъ. 1-е θωῦθ 295 г. эры Филиппа, или 1 августа 30 г. до Р. Х. есть начало эры Августа. Для лѣтосчисленія существовали каноны или списки царствованій. Извѣстенъ канонъ Клавдія Птолемея, которымъ онъ пользуется въ своей Μεγίστῃ σύνταξις (Альмагестъ). Эти списки продолжались послѣдующими астрономами до временъ Діоклетіана и дальше.

Счисленіе по консуламъ не успѣло привиться въ Египтѣ во время римскаго владычества. 20-лѣтнее царствованіе Діоклетіана пріучило къ счисленію по годамъ его царствованія. За отреченіемъ Діоклетіана отъ престола трудно было узнать, кто удержалъ начальствованіе надъ имперіей, вслѣдствіе этого продолжали датировать царствованіемъ Діоклетіана. У астрономовъ эру Августа мало по малу вытѣснила эра Діоклетіана. Это лѣтосчисленіе по годамъ царствованія Діоклетіана вошло въ жизнь и удержалось съ большимъ удобствомъ еще и потому, что александрійскіе святители, издавая пасхальныя таблицы при посланіяхъ, употребляли именно египетское лѣтосчисленіе по эрѣ Діоклетіана. Впослѣдствіи христіане сочли неудобнымъ вводить въ лѣтосчисленіе имя гонителя христіанъ и хотя удержали прежнее лѣтосчисленіе по эрѣ Діоклетіана, но было перемѣнено ея названіе: вмѣсто «ἀπὸ Διοκλητιανοῦ χρόνοι» стали употреблять выраженіе «χρόνοι ἀπὸ τῶν μαρτύρων», «лѣта мучениковъ чистыхъ». Это лѣтосчисленіе перешло изъ Египта въ Эѳіопію и долгое время признавалось тамъ нормальнымъ.

Дата вступленія Діоклетіана на престолъ извѣстна съ точностію; несомнѣнно извѣстно, что онъ возложилъ на себя корону въ Халкидонѣ 17 сентября 284 г., за 15 дней до октябрьскихъ календъ, а 27 сентября, за 5 дней до октябрьскихъ календъ, вступилъ въ Никомидію. Начало египетскаго года было незадолго передъ этимъ (29 августа), такъ что Діоклетіанъ былъ избранъ императоромъ 20-го числа 1-го египетскаго мѣсяца, а 30-го вступилъ въ столицу, и египетскій годъ, начавшійся 29 августа 284 года, былъ первымъ годомъ цар-

ствованія Діоклетіана. Разница между первымъ мѣсяцемъ и началомъ царствованія Діоклетіана была совершенно ничтожная (29 августа — 17 сентября) и потому было принято, что 1-й годъ царствованія Діоклетіана начался съ 29 августа 284 г. Отсюда является простая, легкая возможность перевода лѣтосчисленія по эрѣ Діоклетіана на наше лѣтосчисленіе. Если дѣло идетъ о времени продолжающемся отъ сентября (отъ 29 или 30-го августа) до января, то тогда къ эрѣ мучениковъ слѣдуетъ приложить 283; если же рѣчь идетъ о времени съ января по августъ, нужно приложить 284, чтобы получился годъ отъ Р. Х.

По православной пасхаліи, великій индиктіонъ содержитъ въ себѣ 532 года, послѣ чего дни пасхи идутъ въ томъ же порядкѣ, напр. 533 годъ=1-му году, 1064=532 г. Но написать пасхалію на 532 года—трудъ огромный, на который требуется много папируса, чернилъ и труда. Въ Александріи существовала упрощенная практика. Дѣло въ томъ, что черезъ 95 лѣтъ пасха повторяется приблизительно въ томъ же порядкѣ, хотя високосные года производятъ путаницу, такъ что приходится дѣлать поправки. Въ практикѣ былъ сокращенный циклъ. Вычисленіе пасхи Кирилла александрійскаго по упрощенному способу кончалось 531 г. по Р. Х. Нужно было вычислить пасху на дальнѣйшее время и произвести поправку для високосныхъ годовъ. Эту работу взялъ на себя западный монахъ Діонисій Малый въ 525 г. Онъ произвелъ грандіозный переворотъ и положилъ основаніе нашему счисленію, т. е. отъ Р. Х. Побужденія къ этому были не высоки: онъ былъ ханжа.

Александрійскіе епископы, не менѣе Діонисія православные, не усматривали ничего позорнаго въ употребленіи эры Діоклетіана для пасхальныхъ таблицъ, но Діонисій этимъ возмутился. Вмѣсто того, чтобы продолжать счисленіе отъ Діоклетіана, онъ началъ считать отъ Р. Х. Св. Кириллъ александрійскій составилъ циклъ празднованія пасхи на 95 лѣтъ — отъ 153 г. по 247 г. діоклетіановой эры. Діонисій Малый говоритъ: «такъ какъ остается отъ этого круга только 6 лѣтъ, то мы рѣшились продолжить на слѣдующіе 95 лѣтъ». При этомъ онъ въ своемъ пасхальномъ кругѣ не пожелалъ продолжать счисленіе по эрѣ Діоклетіана «tyranni potius, quam principis, impii et persecutoris» и годы Діоклетіана замѣнилъ годами «ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi»,

поставивъ вмѣсто 248-го года Діоклетіана 532-й годъ. Это и есть первая извѣстная въ исторіи дата, поставленная по нашему лѣтосчисленію отъ Р. Х., явившемуся на замѣну счисленія по эрѣ Діоклетіана.

532 г. отъ Р. Х. есть 1285-й годъ ab urbe condita. Такъ какъ 19×28=532 г., то очевидно, что 1285—(532—1)=753 а. U. C. На годъ 753 отъ основанія Рима приходится первый годъ 19 лѣтняго круга; въ этомъ году, по взгляду Діонисія, послѣдовало благовѣщеніе (воплощеніе Христа). Вѣроятно для Діонисія вопросъ о годѣ Рождества Христова этимъ совпаденіемъ 753 а. U. C. съ 1 годомъ 19-лѣтняго цикла и разрѣшался. Въ основаніи счисленія его не было научныхъ данныхъ о годѣ Р. Х. Онъ предполагалъ, что александрійская пасхалія точна. Она руководилась движеніемъ луны и въ 532 году долженъ былъ кончиться 19-лѣтній циклъ. Между тѣмъ по его счету онъ кончился не въ 532 году, а въ 531 году, поэтому очевидно Діонисій началъ счетъ не отъ Р. Х., а отъ Благовѣщенія. Эра Діонисія Малаго—отъ Р. Х. (наша) такимъ образомъ объективно научнаго значенія не имѣетъ. Она отличается точностью только приблизительною. Діонисій въ своемъ исчисленіи основывался на данныхъ пасхалистическихъ, а не историческихъ.

Съ эрой Діонисія Малаго аналогична aera Hispanica. Она состоитъ въ томъ, что каждый годъ ея отъ Р. Х. берется на 38 лѣтъ выше (38=19×2); 1-й годъ=715 а. U. C. Это обстоятельство указываетъ на пасхалистическій характеръ этой эры.

Вопросъ о времени рождества и смерти Христа [1]).

О времени рожденія и о времени страданій и смерти Христа имѣется мало опредѣленныхъ, несомнѣнно вѣрныхъ историческихъ данныхъ; установка этихъ двухъ фактовъ между тѣмъ должна бы лежать въ основѣ спеціально христіанской эры.

---

[1]) Ср. по этому вопросу В. В. Болотовъ, Библіографическая замѣтка объ изслѣдованіи P. Schegg, Das Todesjahr des Königs Herodes und das Todesjahr Jesu Christi. München 1882. Христ. Чт. 1882, II, 808—815. — День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка. Христ. Чт. 1893, II, 155—167 (отд. оттискъ 293—305). — Журналы засѣданій Комиссіи по вопросу о реформѣ календаря при Русскомъ Астрономическомъ Обществѣ въ 1899 г. Приложеніе II, стр. 7—18. *А. Б.*

Что касается времени рождества Христова, то нужно признать прежде всего то, что гражданская исторія не даетъ опредѣленныхъ указаній на годъ той переписи, которая была въ годъ Р. Х. Такимъ образомъ въ гражданской исторіи является пробѣлъ, съ которымъ хронологія до сихъ поръ не можетъ справиться. Разумѣется, несправедливо поступаютъ тѣ, которые, пользуясь молчаніемъ исторіи, думаютъ отвергать достовѣрность евангельскихъ событій.

Извѣстно, что для іудейской исторіи мы имѣемъ авторитетъ въ лицѣ Іосифа Флавія (плѣнника императора Веспасіана). Онъ жилъ очень близко ко времени Христа и относительно важнѣйшихъ датъ іудейской политической жизни имѣлъ возможность пользоваться свѣдѣніями весьма точными и опредѣленными. Онъ представляетъ такія свѣдѣнія о времени царствованія Ирода, въ достовѣрности и точности которыхъ сомнѣваться трудно. Воцареніе Ирода произошло въ томъ году, когда онъ былъ въ Римѣ, въ консульство Кнея Домиція Кальвина и Кая Азинія Полліона. Это былъ 714 годъ отъ основанія Рима. Иродъ умеръ на 37 г. своего царствованія. Если 714 г. былъ первымъ годомъ его царствованія, то, приложивъ 36 къ 714, получимъ 750. Изъ Евангелія извѣстно, что смерти Ирода предшествовало избіеніе виѳлеемскихъ младенцевъ отъ 2-лѣтняго возраста и ниже. Когда происходило избіеніе, Іисусу Христу было менѣе двухъ лѣтъ земной жизни. Когда Иродъ умеръ, Іисусу Христу по меньшей мѣрѣ было два года, а можетъ быть и больше. Значитъ, наше лѣтосчисленіе не отвѣчаетъ дѣйствительному, а идетъ на нѣсколько лѣтъ (лѣтъ на 5—6) впереди.

Астрономія даетъ подтвержденіе этому. Іосифъ Флавій говоритъ, что Иродъ умеръ по 37-лѣтнемъ царствованіи, въ тотъ годъ, когда предъ іудейскою пасхою было лунное затменіе, произведшее сильное впечатлѣніе. Астрономія показываетъ, что на соотвѣтствующій періодъ времени приходились три лунныхъ затменія. Одно было 20 января 752 г.; оно видимо было въ Америкѣ, а не въ Іерусалимѣ. Другое было въ 753 г. отъ основанія Рима; оно происходило въ ночь съ 9 на 10 января,— средина затменія падала на 1 ч. $16^1/_2$ минутъ по полуночи; это затменіе видимо было въ Іерусалимѣ и было бы очень удобно для того, чтобы считать его за то затменіе, которое случилось въ годъ смерти Ирода предъ іудейскою пасхою,— если бы не было поздно: Иродъ умеръ въ 750 г. Третье за-

тменіе было въ 750 г. съ 12 на 13 марта; средина его падала на 3 часа $11^{8}/_{10}$ минутъ по полуночи. Оно было частное и въ Іерусалимѣ было видимо. Оно-то и предшествовало той пасхѣ, которая была въ годъ смерти Ирода. Предпочесть дату 750 г. датѣ 753 г. побуждаютъ и данныя нумизматики: на монетахъ 753 г. указывается преемникъ Ирода,—слѣдовательно Иродъ въ это время уже умеръ. Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ родился до 750 г. можетъ быть—въ 748 г. и даже ранѣе, въ 747.

Относительно того, когда Онъ с к о н ч а л с я, твердыхъ данныхъ также не имѣется. Можно сказать, что никакого преданія о годѣ крестной смерти Спасителя не сохранилось; ибо для того, чтобы преданіе сохранилось, нужно прежде всего, чтобы оно было понятно, а для этого необходимо единство лѣтосчисленія у того, кто сообщаетъ преданіе и кто принимаетъ его. Апостолы могли сказать, что воскресеніе Христа было 16 нисана, но для римлянъ это была дата непонятная, и первые христіане едва ли были настолько научно подготовлены, чтобы перевести ее на римское счисленіе. Да этому не придавали и особеннаго значенія: апостолы служили дѣлу вѣры, а не научной любознательности. Чтобы передать время смерти Спасителя въ римскомъ счисленіи, нужно бы навести справку въ преторіи, гдѣ могъ быть записанъ по-римски день осужденія Христа на крестъ. Но даже и на этомъ нельзя настаивать съ особою увѣренностію: Пилатъ смертную казнь іудея могъ не считать за majus negotium въ предѣлахъ своихъ полномочій и потому могъ и не дѣлать распоряженія о составленіи объ этомъ особаго акта. А если этого дня въ римскихъ датахъ не записали современники, для послѣдующихъ поколѣній высчитать этотъ день было уже весьма трудно. Вообразимъ, что будетъ нѣкогда время и наше лѣтосчисленіе будетъ замѣнено китайскимъ. 17 октября 1888 года по нашей эрѣ, конечно, понятно всякому. Но конечно никто изъ современниковъ событія не счелъ нужнымъ перевести эту дату на китайскій календарь и въ будущемъ (при китайскомъ лѣтосчисленіи) эта дата можетъ утратиться. Послѣ этого понятно, что среди христіанъ не могло быть точнаго преданія о времени крестной смерти Спасителя. Въ первыя времена казалось совершенно достаточнымъ знать, что Онъ умеръ при такихъ-то архіереяхъ и Понтіи Пилатѣ; проповѣдники христіанства, апостолы, не были служителями хронологіи. Позднѣйшія же по-

казанія объ этомъ суть только научныя догадки и не должны сбивать насъ тою увѣренностію, съ какою ихъ заявляютъ писатели. Тертулліанъ, напр., показанія объ этомъ передаетъ за непререкаемыя истины; но такова его манера изложенія.

Какія же есть непререкаемыя данныя о годѣ крестной смерти Христа? Въ Евангеліи и символѣ вѣры мы читаемъ что Онъ распятъ при Понтіи Пилатѣ. Годы правленія Пилата достаточно хорошо опредѣляются Іосифомъ Флавіемъ. Пилатъ правилъ Іудеей 10 лѣтъ; когда онъ, будучи лишенъ власти при Тиверіи, прибылъ въ Римъ, онъ нашелъ Тиверія скончавшимся. Но Тиверій умеръ 16 марта 720 а. U. C., 37 по Р. Х. Получаются годы 27 — 36. Вслѣдствіе этого выборъ годовъ значительно сокращается. Іисусъ Христосъ воскресъ въ первый день недѣли, утромъ, въ наше воскресенье. Это воскресенье приходилось тогда на 16 нисана, и въ этомъ заключается существенная разница нашихъ православныхъ воззрѣній отъ западно-европейскихъ; поэтому самыя точныя изысканія западно-европейскихъ ученыхъ о годѣ воскресенія Іисуса Христа не годятся для насъ. Дѣло въ томъ, что всѣ западные ученые богословы одержимы какимъ-то повѣрьемъ, что Іисусъ Христосъ распятъ 15 нисана, т. е. въ первый день опрѣсноковъ, а не 14. Въ русской литературѣ этотъ вопросъ разобранъ достаточно ясно у Хвольсона въ «Христ. Чтеніи», за 1875, 1877 и 1878 гг., и въ «Запискахъ Петербургской Академіи Наукъ» въ 41 томѣ 7 серіи (Das letzte Passamahl Christi und der Tag seines Todes. Спб. 1892), гдѣ представляются доказательства, что невозможно 15 нисана считать днемъ распятія Христа.

Такимъ образомъ, приходится отыскивать въ ряду годовъ правленія Пилата тотъ годъ, когда, по астрономическимъ даннымъ, воскресенье приходится на 16 нисана. Такимъ годомъ оказывается прежде всего 30 годъ нашего лѣтосчисленія, 783 отъ основанія Рима, затѣмъ 33 нашей эры, 786 отъ основанія Рима. Всѣ вѣроятности за то, что Іисусъ Христосъ воскресъ 5 апрѣля 786 г. Такимъ образомъ выясняется, что Іисусъ Христосъ скончался въ 33 г. Но это покоится на положеніяхъ, которыя исторически обосновать очень трудно.

Что касается указанія Евангелія, что когда Христу было около 30 лѣтъ, шелъ 15-й годъ правленія Тиберія Кесаря (Лк. III, 1, 23), то главный вопросъ здѣсь не въ томъ, какъ считать годы царствованія Тиберія (допуская, что еврейское

лѣтосчисленіе могло расходиться съ римскимъ и за 15 годъ могъ быть считаемъ не 29, а 27), а въ томъ, что величина «около 30 лѣтъ» (ὡσεὶ ἐτῶν τριάκοντα) въ разсматриваемой датѣ указывается приблизительная. И несмотря на весь хронологическій авторитетъ Евсевія кесарійскаго, мы не можемъ вмѣстѣ съ нимъ настаивать, что Христосъ умеръ именно на 34 году отъ рожденія, потому что было и другое извѣстіе, идущее отъ Иринея ліонскаго, что Христосъ освятилъ своимъ пребываніемъ на землѣ всѣ возрасты человѣческой жизни (Adv. haer. 2, 23, 2). А извѣстно, что Иринеи былъ ученикъ св. Поликарпа смирнскаго, который имѣлъ своимъ учителемъ Іоанна Богослова; слѣдовательно, возможно, что это извѣстіе исходитъ отъ Іоанна Богослова, а въ такомъ случаѣ это такой авторитетъ, передъ которымъ авторитетъ Евсевія можетъ въ прахъ разсыпаться. Иринеи говоритъ, что Христосъ былъ πρεσβύτερος. Но удобно ли называть такъ человѣка 30 лѣтъ? А что наружность Христа была не изъ цвѣтущихъ, объ этомъ есть свидѣтельство въ самомъ Евангеліи (Іоанна). Такъ фарисеи возражали Христу: «Тебѣ нѣтъ и пятидесяти лѣтъ, а Ты говоришь, что видѣлъ Авраама» (Іоан. VII, 57). Очевидно, что на видъ Ему было гораздо болѣе 30 лѣтъ. Несомнѣнно, они были бы рады сказать: «Тебѣ и тридцати лѣтъ нѣтъ», если бы это было возможно.

Твердаго историческаго преданія о времени общественнаго служенія Христа не сохранилось. Обычное воззрѣніе, что служеніе Его продолжалось $3^1/_2$ года и жизнь окончилась на 34-мъ году, опирается на авторитетъ Евсевія. Полнаго подтвержденія этого преданія въ текстѣ Евангелія не находимъ; такъ, праздникъ, ко времени котораго относится исцѣленіе разслабленнаго, съ текстуальной точки зрѣнія допускаетъ различныя толкованія. Можетъ быть это и не была пасха. А вѣдь пасхами и опредѣляется время общественнаго служенія Христа. А въ древнѣйшее (доевсевіанское) время упорно держалось другое воззрѣніе, что служеніе Христа продолжалось одно лѣто Господне пріятно (Ипполитъ римскій и др.); въ такомъ случаѣ Христосъ умеръ на 31 году, а на основаніи года распятія приходится вычислять годъ рожденія.

Такимъ образомъ, рожденіе Христа далеко предшествовало нашей эрѣ; къ 33 году ея можно съ вѣроятностью относить Его кончину. Обычное представленіе о $33^1/_2$ годахъ земной жизни Христа не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній, и Иринеи

уже допускалъ, по крайней мѣрѣ, 40-лѣтній возрастъ Христа; тоже, повидимому, предполагается и въ Евангеліи отъ Іоанна.

Лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра.

Въ древности несравненно болѣе, чѣмъ эра отъ Р. Х., было распространено счисленіе отъ сотворенія міра — ἔτη ἀπὸ τοῦ κόσμου, ἀπὸ τοῦ Ἀδάμ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что изъ обычной византійской эры отъ мірозданія нужно вычесть 5508, чтобы получить годъ отъ Р. Хр. по эрѣ Діонисія. Въ основѣ лѣтосчисленія ἀπὸ τοῦ κόσμου или эры отъ сотворенія міра лежатъ не одни научныя изысканія, но и произвольная догадка. Что эру отъ сотворенія міра научнымъ образомъ установить невозможно, видно изъ того, что точныя библейскія цифровыя данныя прекращаются со времени вавилонскаго плѣна и у насъ нѣтъ устойчивыхъ данныхъ, чтобы опредѣлить промежутокъ времени отъ возвращенія изъ плѣна до царствованія Ирода. Поэтому, при опредѣленіи этого промежутка времени, хронологи, не имѣя возможности пользоваться Библіею, должны обращаться къ источникамъ небиблейскимъ: къ спискамъ царей вавилонскихъ, персидскихъ, діадоховъ сирійскихъ или египетскихъ, чтобы затѣмъ перейти къ годамъ римскихъ императоровъ. Да и при пользованіи библейскими датами не безразлично, какимъ библейскимъ текстомъ будетъ пользоваться ученый, такъ какъ въ цифрахъ тексты расходятся между собою.

Чтобы имѣть приблизительное представленіе о суммѣ лѣтъ отъ сотворенія міра до Р. Х., прибѣгли къ апріористической теоріи. Въ основѣ ея лежатъ мистическія воззрѣнія. По слову Библіи, человѣкъ сотворенъ въ 6-й день; предполагали при этомъ, что созданіе человѣка послѣдовало въ полдень. Безспорно извѣстно, что и Христосъ умеръ въ пятницу (6-й день) около полудня. Такимъ образомъ, наблюдалась полная аналогія между созданіемъ человѣка и возсозданіемъ его. Но на этомъ не остановились. Въ псалмѣ сказано, что предъ Господомъ «тысяща лѣтъ, яко день единъ» (Пс. LXXXIX, 5; 2 Петр. III, 8). На основаніи этого рѣшили, что подлѣ дня человѣческаго существуетъ день Божій, равный тысячѣ лѣтъ. Если Христосъ возсоздалъ человѣка въ половинѣ 6-го дня, то предположили, что это должно совпадать и съ порядкомъ дней Божіихъ. Такимъ образомъ получилась круглая цифра около 5500 лѣтъ отъ сотворенія міра до смерти Христа. Но разъ

хронологи, какъ лица умныя, понимали, что не слѣдуетъ эту дату понимать въ безусловно точномъ смыслѣ, они и пользовались ею только какъ приблизительною. Эту теорію высказалъ первый Юлій Африканъ; къ ней примыкаетъ и Ипполитъ римскій. Итакъ, 5500 лѣтъ представляетъ традиціонную дату.

Нужно было согласить съ этою цифрою библейскія и внѣбиблейскія даты. Къ этой задачѣ и сводились древнія хронологическія работы. Такъ какъ въ 15-й годъ правленія Тиверія Христу было, приблизительно, 30 лѣтъ, то значитъ, Христу было около 15 лѣтъ, когда умеръ Августъ. А смерть Августа послѣдовала 19 августа 14-го года по эрѣ Діонисія, въ 767 году по условной эрѣ Варрона ab urbe condita. Слѣдовательно, Христосъ родился около 752 г. ab urbe condita. Таковы твердыя данныя. Для Юлія Африкана 752 annus ab urbe condita есть 5500-й отъ Адама. Серьезной критикѣ эту хронологію подвергъ Евсевій кесарійскій.

Евсевій взялся за свой трудъ съ объективными историческими понятіями. Онъ рѣшилъ не служить никакимъ теоріямъ, хотя бы въ нихъ и было много красиваго. Такъ, апологеты, опровергая языческихъ ученыхъ, смотрѣвшихъ на христіанство, какъ на религію варварскую, поскольку она идетъ отъ іудеевъ, не внесшихъ ничего въ общую культуру, говорили, что ветхозавѣтная культура древнѣе всѣхъ культуръ, получившихъ свое начало уже послѣ Моисея. Подобная теорія казалась Евсевію не вполнѣ состоятельной. На основаніи объективнаго вычисленія датъ греческой Библіи, онъ счелъ нужнымъ сократить библейскую хронологію. Традиціонная цифра лѣтъ отъ поселенія евреевъ въ Египтѣ до исхода, 430 лѣтъ, не вяжется, по его мнѣнію, съ генеалогіей Моисея и тогдашней долговѣчностью человѣка. Въ концѣ концовъ онъ сократилъ хронологію Африкана на 300 лѣтъ. Своею эпохою Евсевій избираетъ годы отъ Авраама. До Авраама онъ не находитъ возможнымъ писать исторію всеобщую. Но онъ сосчиталъ твердо, что до Авраама отъ сотворенія міра прошло 3184 года. Затѣмъ, по его вычисленіямъ, 2015 лѣтъ прошло отъ Авраама до Р. Х., слѣдовательно, Христосъ родился въ 5199 году. При такихъ суммарныхъ вычисленіяхъ, ошибка въ одномъ годѣ была весьма возможна и круглая цифра 5200 лѣтъ отъ сотворенія міра до Р. Х., вѣроятно, предносилась его взору. Вотъ какому потрясенію подвергалась общепринятая традиціонная цифра 5500 лѣтъ.

Но въ ходячихъ воззрѣніяхъ прежняя цифра 5500 лѣтъ стояла твердо. Дата 5508, по счисленію византійскому или κατὰ ῥωμαίους, была лишь простой, хотя и очень употребительной, ея модификаціей. Измѣненіе цифры 5500 въ 5508 произошло не вслѣдствіе какихъ-либо глубокихъ изысканій, а въ интересахъ лѣтосчисленія: благодаря этой прибавкѣ 8 лѣтъ годъ отъ сотворенія міра κατὰ ῥωμαίους, раздѣленный на 15, даетъ въ остаткѣ индиктъ, столь важный въ византійскомъ лѣтосчисленіи. Напр., 1899-й годъ=7407 отъ сотворенія міра, $R\left(\frac{7407}{15}\right) =$ 12 индикту. Сами византійскіе ученые въ своихъ трудахъ счисленію κατὰ ῥωμαίους предпочитали счисленіе κατ' ἀλεξανδρεῖς, считая это послѣднее особенно точнымъ. Такая репутація, однако, была совсѣмъ ошибочна. Подъ александрійскимъ лѣтосчисленіемъ византійскіе ученые разумѣли эру анніановскую, которая употребляется и въ настоящее время въ Египтѣ и въ Эѳіопіи. Поэтому годы отъ Р. Х. въ современныхъ абиссинскихъ документахъ считаютъ на 8 менѣе, чѣмъ въ нашемъ—по эрѣ Діонисія.

Въ сущности анніановская эра нелѣпаго происхожденія. Самъ Анніанъ жилъ въ началѣ V вѣка по Р. Х., умѣлъ прекрасно вычислить день пасхи (по александрійской пасхаліи), но ученый онъ былъ весьма невысокаго ранга. И если его эра получила широкое распространеніе, то главнымъ образомъ потому, что люди обыкновенно не умѣютъ разбираться въ цифрахъ (по вѣрному замѣчанію Моммсена, на большинство головъ цифра производитъ угнетающее дѣйствіе). Къ тому же Анніанъ такъ назойливо обличалъ Евсевія кесарійскаго, аріанина, за его отступленія отъ Библіи, и такъ кричалъ о томъ, что его Анніаново счисленіе согласно съ Словомъ Божіимъ, что, вѣроятно, многимъ было страшно и критиковать его хронологическую систему.

Все, что въ возраженіяхъ Анніана противъ Евсевія было научнаго, Анніанъ заимствовалъ изъ труда своего современника Панодора. Египетскій монахъ, какъ и Анніанъ, Панодоръ, повидимому, очень любилъ прошлое своего отечества, дорожилъ и его славою и его легендами. Однимъ изъ поводовъ оппозиціи Панодора хронологической системѣ Евсевія было презрительное отношеніе Евсевія къ легендарнымъ цифрамъ въ египетской хронологіи псевдо-Мането. Панодоръ, правда, понималъ, что эти колоссальныя цифры нельзя согласить съ данными Библіи; но онъ ухитрялся спасать ихъ правдоподобіе, сокращая ихъ и тѣмъ устраняя ихъ противорѣчія съ Библіею. Въ остальномъ Панодоръ велъ дѣло, какъ ученый. Онъ высоко

цѣнилъ астрономическій каноиъ Птолемея и его даты, а не Юлія Африкана, принялъ въ свою хронологію, къ огорченію Анніана. Пользовался Панодоръ и чисто астрономическими датами. Система Анніана въ сущности есть только попытка—исправить систему Панодора и будто бы привести ее въ согласіе съ «церковнымъ преданіемъ». Панодоръ отступилъ отъ предположенія Африкана и заключилъ, что Іисусъ Христосъ родился въ 5493, а не въ 5501 году. Анніанъ не согласился и возстановилъ прежнюю дату. Въ дѣйствительности же Анніанъ запутался въ годахъ царствованія Августа и создалъ систему колоссально нелѣпую.

Между смертію Юлія Кесаря и смертію Августа прошло 57 лѣтъ и 157 дней. Далеко не все это время Августъ владычествовалъ надъ Римомъ (Августомъ онъ былъ только 40 лѣтъ и 215 [точнѣе—214] дней); но хронографы, заносившіе годы Августа въ свои каноны, вынуждены были — смотря по системѣ—давать ему или 56 или 57 лѣтъ владычества надъ Римомъ. И когда Ириней, Тертуліанъ, Климентъ александрійскій и Епифаній говорятъ, что Христосъ родился въ 41 или 42 году Августа, они имѣютъ въ виду именно эти (условные) годы владычества его надъ Римомъ. Но надъ Александріею Августъ владычествовалъ только 43 египетскіе года (anni vagi), и эти 43 года и занесъ Птолемей въ свой каноиъ, а у Птолемея заимствовалъ ихъ Панодоръ.

Не понявъ смысла этой разности въ 14 лѣтъ въ счетѣ годовъ правленія Августа, Анніанъ смутился тѣмъ, что Панодоръ, давая Августу только 43 года правленія (надъ Египтомъ), полагаетъ, что отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что Августъ умеръ, когда Христу было не 15, а только 5 лѣтъ отъ рожденія. Поэтому Анніанъ рѣшился поправить Панодора и поправилъ его такъ, что оказалось, что по Анніану Христосъ умеръ и воскресъ въ 42 г. по эрѣ Діонисія, т. е. при императорѣ Клавдіи,—не при Тиберіи, а слѣдовательно и не при Понтіи Пилатѣ. Другого исхода для Анніана и не было: онъ былъ увѣренъ, что Христосъ воскресъ 25 марта; но на 25 марта пасха приходилась въ 31 году по эрѣ Діонисія = 5523 году по Анніану (когда Христу шелъ лишь 23-й годъ отъ рожденія) и въ 42 г. по эрѣ Діонисія =5534 году по Анніану. Послѣдній годъ былъ для него единственно возможный, какъ 34 г. по Р. Х. Отсюда разность (42—34) въ 8 лѣтъ между счисленіемъ Діонисія Малаго и счисленіемъ Анніана (=копто-абиссинскимъ).

Таблица дать по различнымъ эрамъ для времени отъ 44 г. до Р. Х. по 42 г. послѣ Р. Х.

	Ἀπὸ φιλίππου ἔτη	Κλεοπάτρας ἔτη	Augusti anni	Ab urbe condita по Varro	До Р. Х. / По Р. Х.	Κατὰ ῥωμαίους	Κατὰ Πανόδωρον	Κατ' Ἀννιανόν	Anni Abraham у Евсевія	Эра Селевкидовъ
a	σπ	8	0	710	44	ϚΥϡϚ	5450	5449	1973	268
	σπα	9	1	711	43	ϚΥϡS	5451	5450	1974	269
	σπβ	10	2	712	42	ϚΥϡϠ	5452	5451	1975	270
b	σqδ	22	14	724	30	ϚΥο.φ.	5464	5463	1987	282
		Σεβαστοῦ								
	σqε	1	15	725	29	ϚΥΠ	5465	5464	1988	283
c	σqζ	3	17	727	27	ϚΥΠΚ	5467	5466	1990	285
γ	τκ	26	40	750	4	ϚΦϚ	5490	5489	2013	308
d	τκβ	28	42	752	2	ϚΦϠ	5492	5491	2015	310
	τκγ	29	43	753	1	ϚΦΗ	5493	5492	2016	311
e	τκδ	30	44	754	1	ϚΦ.φ.	5494	5493	2017	312
	τλϛ	42	56	766	13	ϚΦΚΑ	5506	5505	2029	324
f	τλζ	43	57	767	14	ϚΦΚΚ	5507	5506	2030	325
		Τιβερίου								
	τλη	1	1	768	15	ϚΦΚΓ	5508	5507	2031	326
g	τνβ	15	15	782	29	ϚΦΛϠ	5522	5521	2045	340
h	τνδ	17	—	784	31	ϚΦΛ.φ.	5524	5523	2047	342
i	τνε	18	—	785	32	ϚΦΜ	5525	5524	2048	343
k	τνϑ	22	—	789	36	ϚΦΜ.φ.	5529	5528	2052	347
		Γαΐου								
	τξ	1	—	790	37	ϚΦΜϚ	5530	5529	2053	348
	τξγ	4	—	793	40	ϚΦΜΗ	5533	5532	2056	351
		Κλαυδίου								
	τξδ	1	—	794	41	ϚΦΜ.φ.	5534	5533	2057	352
l	τξε	2	—	795	42	ϚΦΗ	5535	5534	2058	353

a) Idibus Martiis (15 марта) C. Julius Caesar occisus in Capitolio.

b) «K[alendis] Aug[ustis] (въ дѣйствительности же 3-го августа = 8 μεσωρὶ 294 г. ἀπὸ Φιλίππου) Aug[ustus] Alexandr[iam] recepit». А такъ какъ къ концу 294 г. Клеопатра покончила съ собою, то 295-й годъ ἀπο Φιλίππου есть ἔτος Α' Αὐγούστου въ канонѣ Птолемея, есть первый годъ римскаго владычества надъ Египтомъ.

c) «Ante diem XVI kalendas Februarias (17 января) imperator Caesar, Divi filius, sententia L. Munati Planci a senatu ceterisque civibus AVGVSTVS appellatus est se VIJ et M. Vipsanio Agrippa IIJ conss» (т. е. a. U. C. 727, въ 27 г. до Р. Х.).

γ) Въ этомъ году умеръ Иродъ послѣ луннаго затменія (въ ночь съ 12 на 13 марта).

d) «Anno Abraham 2015», по Евсевію, «Jesus Christus nascitur»; въ этомъ же году, по Ипполиту, ΓΕΝΕCIC Χ(ριστοῦ); по Иринею (3, 24, 2) и Тертулліану Христосъ родился въ 41 г. Августа; по Клименту александрійскому и Епифанію—въ 42 г. Августа. Этому же году соотвѣтствуетъ 5500 годъ отъ Адама по Юлію Африкану, годъ воплощенія Христа.

e) Первый годъ по Р. Х. по эрѣ Діонисія.

f) Caius Julius Caesar Octavianus Augustus obiit duobus Sextis, Pompeio et Appuleio, conss. XIII kal. Septemb. (19 августа въ 5 епагоменонъ (т. е. въ послѣдній день) 337 г. (египетскаго) ἀπὸ Φιλίππου. Слѣдовательно принципатъ Августа въ Египтѣ продолжался математически точно—43 года (съ σϙε по τλζ).

g) Въ этомъ году, по Ипполиту, ΠΑΘΟΣ Χρ(ιστοῦ) въ пятницу 25 марта и слѣд. 27 марта Его воскресеніе изъ мертвыхъ. Tertull.: hujus (Tiberii Caesaris) quinto decimo anno imperii passus est Christus—coss. Rubellio Gemino et Fufio Gemino [поэтому: duobus Geminis consulibus] die VIII kalendarum Aprilium.

h) По Chronicon paschale и другимъ позднѣйшимъ византійцамъ въ этомъ году 25-го марта Христосъ воскресъ. 5532 г. отъ Адама по Ю. Африкану, 16-й [sic!] годъ Тиберія, годъ крестной смерти Христа (Ὀλυμπιάς ΣΒ, 2). 5472-й годъ отъ Адама = послѣдній годъ владычества Македонянъ (Клеопатры) + 60 лѣтъ владычества римлянъ (слѣдов. 44 [sic!!] года Августа + 16 Тиберія) = 5532.—Слѣдовательно, земная жизнь Христа: полныя 30 лѣтъ до крещенія + полное лѣто Господне

пріятно = 31 годъ + распятіе въ началѣ слѣдующаго (32-го) года.

i) По Евсевію, anno Abr. 2048 J. Chr. ad passionem venit; по Панодору, Онъ воскресъ τῷ εφκε' ἔτει τοῦ κόσμου—κατ' αἰγυπτίους φαμενὼθ κ' (16 марта).

k) Tiberius obiit anno tertio et vicesimo imperii, XVII kl. App. Cn. Acerronio Proculo C. Pontio Nigrino conss. (=16 марта 37 г. по Р. Х., 790 а. U. C. = 5 φαρμουθὶ 360 ἔτους ἀπὸ Φιλίππου). Извѣстно, что Понтій Пилатъ былъ лишенъ прокураторства и отправленъ былъ въ Римъ на грозный судъ Тиберія, но, прибывъ въ столицу, узналъ, что императоръ уже умеръ. Слѣд. sub Pontio Pilato хронологически безусловно то же самое, что sub Tiberio Caesare.

l) По Анніану, Христосъ воскресъ 25 марта κόσμου ἔτη εφλδ' = 42 г. по Р. Х. [25 марта было въ воскресенье въ 25-мъ, въ 31-мъ, въ 42-мъ и 53-мъ году по Р. Х., приходилось въ день св. пасхи (по александрійской пасхаліи) только въ 31-мъ, 42-мъ и 53-мъ году]. Анніанъ рождество Христово полагалъ или въ 5500 или 5501 году, т. е. или въ 761 или въ 762 г. ab urbe condita.

Лѣтосчисленія абиссинское, грузинское и армянское.

Подъ вліяніемъ европейцевъ, въ Абиссиніи въ настоящее время обыкновенно датируютъ годами отъ Р. Х., но по счисленію Анніана, слѣдовательно на 8 лѣтъ менѣе противъ эры Діонисія; годъ начинается съ 29 августа. Эти годы отъ Р. Х. они обычно называютъ «амата мыхра́тъ»=«лѣта благости» (отъ словъ Пс. LXIV, 11: *благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея*, τοῦ ἐνιαυτοῦ τῆς χρηστότητος σου). Такъ можно назвать всякій годъ; но въ прежнихъ памятникахъ эѳіопской письменности такъ называлось особое счисленіе, соотвѣтствующее счисленію по годамъ нашего великаго индиктіона или періода въ 532 года; слѣдовательно цифра «лѣта благости» никогда не могла превышать 532. Дилльманнъ (Dillmann) переводилъ עָמַת מְהֹרַת (амата мыхратъ) чрезъ annus gratiae = годъ благодати и сдѣлалъ ошибочное предположеніе, что это — лѣтосчисленіе отъ обращенія Абиссиніи въ христіанство.

Если мы обозначимъ «лѣто благости» чрезъ χ, а годъ отъ сотворенія міра по Анніану чрезъ k, то формула будетъ: $k - 532x = \chi$ или $\left(\frac{k}{532}\right)R = \chi$, разумѣя подъ x наибольшее

цѣлое число изъ возможныхъ сомножителей, а подъ R—остатокъ: лѣто благости есть остатокъ отъ раздѣленія года отъ сотворенія міра по Анніану на 532. 1898 годъ нашего лѣтосчисленія (1891 по Анніану) въ переводѣ на абиссинскій счетъ будетъ: $k = 1891 + 5500 = 7391$; $7391 - (13 \times 532 = 6916) = \chi = 475$.

По великому же индиктіону считаютъ и въ Грузіи. Тамъ это счисленіе извѣстно подъ названіемъ «хроникона», χρονικόν («кроникони»). Его точка отправленія (annus nullus) есть 780-й годъ по Р. Х. по эрѣ Діонисія. Въ дѣйствительности же это счисленіе отъ тысячелѣтія города Рима, которое праздновали въ 248 г. по Р. Х. ($248 + 532 = 780$) [1]).

Своеобразно лѣтосчисленіе армянское. У армянъ есть свое національное лѣтосчисленіе, по которому исходнымъ пунктомъ считается начало владычества армянъ около Кавказа (2107 до Р. Х.). Но это лѣтосчисленіе не имѣетъ твердыхъ основаній. Церковное же ихъ лѣтосчисленіе ведется съ 532 г. по Р. Х. Это начало армянскаго лѣтосчисленія, очевидно, положено было послѣ Халкидонскаго собора. Прежніе ученые (напр. Шаффъ) подозрѣвали, что, вводя въ 552 г. новую эру, армяне хотѣли ознаменовать этимъ свое окончательное отдѣленіе отъ греко-римской каѳолической церкви. Въ дѣйствительности же эта эра возникла совершенно случайно.

Въ армянскомъ государствѣ былъ въ употребленіи солнечный annus vagus въ 365 дней. Поэтому каждые четыре года ихъ новый годъ поднимался—въ юліанскомъ неподвижномъ году—на одинъ день выше (отъ осени къ лѣту — веснѣ — зимѣ — осени). Поэтому юная армянская церковь лишена была возможности воспользоваться пасхальными таблицами греческой церкви, которыя всѣ были поставлены на юліанскій (римскій или александрійскій) неподвижный годъ, и нѣкій Андрей, братъ епископа Магна, оказалъ армянамъ важную услугу, составивъ для нихъ «двухсотлѣтній канонъ» (τομάριον). Понятно это не былъ пасхальный кругъ (при annus vagus никакой пасхальный кругъ и невозможенъ), а просто списокъ пасхъ на 200 лѣтъ. Начинался онъ съ 353 по Р. Х. (пасхальная

---

[1]) См. В. В. Болотовъ, Отзывъ о сочиненіи студента *Г. Гамрекелова*, Древнѣйшая исторія церкви въ Грузіи (отъ IV в. до прибытія сирскихъ святыхъ). Христ. Чтеніе, 1898, апр., Журналы Совѣта Спб. духовной Академіи за 1896—7 г., стр. 258 прим.

граница 4 апрѣля, пасха 11 апрѣля) и слѣдовательно кончался 552-мъ годомъ (пасхальная граница 25 марта, пасха 31 марта).

Конецъ Андреева «канона» повергъ армянъ тѣмъ въ большее смущеніе, что въ слѣдующемъ 553 году и пасхальная граница очевидно приходилась на 13 апрѣля, а не на 4 апрѣля, которымъ начинался списокъ Андрея. 200 лѣтъ не могутъ дѣлиться безъ остатка на 19. Здѣсь только 10 разъ взятъ 19-лѣтній кругъ и присоединено еще 10 лѣтъ, и циклъ поэтому не былъ законченъ. Армяне дорожили этимъ кругомъ, такъ какъ онъ давалъ возможность опредѣлить празднованіе пасхи, а это очень важно, ибо если и у насъ не всякій можетъ справиться съ вопросомъ, когда будетъ пасха, то тѣмъ болѣе у нихъ, при существованіи особенныхъ трудностей въ лѣтосчисленіи. Католикосъ армянскій Моисей II собралъ соборъ въ Двинѣ, чтобы на немъ рѣшить вопросъ, когда въ слѣдующіе годы праздновать пасху и другіе подвижные праздники; фантазія армянскихъ писателей рисуетъ его чуть не въ видѣ всемірнаго съѣзда пасхалистовъ. Соборъ и продолжилъ таблицу. Причина затрудненія армянъ касательно счисленія заключалась въ томъ, главнымъ образомъ, что они не знали и никакъ не могли уяснить себѣ мысли, что циклъ въ 200 лѣтъ не можетъ быть правильнымъ для пасхальныхъ вычисленій. Тѣмъ не менѣе поручено было игумену Предтеченскаго монастыря, Аѳанасію, составить таблицу счисленія на слѣдующіе годы. Аѳанасій выполнилъ порученіе, составилъ циклъ счисленія, но только на 9 лѣтъ, до возвращенія 14-й луны на 4 апрѣля 562 года. Поэтому и въ послѣдующее время приходилось условливаться съ александрійскимъ лѣтосчисленіемъ. 11 іюля 552 года, или 6 Χοιάχ 1300 г. эры Набонассара, есть 1-е навасарда 1-го года и служитъ исходнымъ пунктомъ армянскаго лѣтосчисленія.

Въ 1616 году (по нашему счисленію) получилась возможность сократить армянское лѣтосчисленіе на кратную цифру 532. Тогда Азарія составилъ новое малое счисленіе, извѣстное подъ именемъ эры Азаріевой, которое имѣетъ постояннымъ исходнымъ пунктомъ 21 марта и служитъ превосходнымъ указаніемъ для празднованія пасхи. Такимъ образомъ у армянъ есть своя эра «благости», отличающаяся лишь исходнымъ пунктомъ [1]).

[1]) По вопросу объ отношеніи армянскаго календаря къ календарю

Мусульманское лѣтосчисленіе.

При хронологическихъ работахъ церковному историку приходится имѣть дѣло даже съ мусульманскимъ лѣтосчисленіемъ хиджра, которое начинается съ 15 іюля (четвергъ) 622 года. Въ отличіе отъ греческаго и еврейскаго луннаго года мусульманскій лунный годъ есть annus vagus (подвижной годъ). Вставочный мѣсяцъ Магометъ призналъ несоотвѣтствующимъ природѣ вещей и считалъ за нечестіе вставленіе 13-го мѣсяца, потому что у Бога только 12 мѣсяцевъ. Отъ этого въ мусульманскомъ году, который, какъ всякій лунный годъ, короче на 11 дней нашего юліанскаго года, 1-е мухаррамъ (день новаго года) совершаетъ путешествіе по всему юліанскому году, чтобы чрезъ 33 года возвратиться приблизительно на прежнее мѣсто: 33 мусульманскіе года почти равны 32 юліанскимъ (33 мусульманскихъ=11693 дня, 32 юліанскихъ—11688 дней).

Циклъ мусульманскій, установленный математиками и астрономами, представляетъ совершенство по логическимъ пріемамъ, но, какъ циклъ лунный, расходится съ кругомъ солнечнымъ. И историку здѣсь представляется затрудненіе. Примѣромъ этого можетъ служить одинъ ученый, который не предполагая, что мусульманскій годъ короче нашего, переводилъ даты мусульманской эры прибавляя 622 года и получалъ странные, несоотвѣтствующіе другимъ хронологическимъ датамъ, результаты, что и отмѣчалъ на поляхъ. Для того же, чтобы получить вѣрные результаты, надо годъ по мусульманской эрѣ помножить на 32, произведеніе раздѣлить на 33, полученное частное сложить съ $622^1/_2$ и сумма почти всегда дастъ съ достаточною точностью соотвѣтствующій годъ нашей эры. Для перевода мусульманскаго лѣтосчисленія на наше существуютъ превосходныя таблицы, составленныя проф. Вюстенфельдомъ, F. Wüstenfeld. Vergleichungstabellen der mohammedanischen und christlichen Zeitrechnung. Leipzig 1854.

Нужно замѣтить, что мусульманскіе писатели обозначали событія кромѣ годовъ и чиселъ и днями недѣли. Это обозна-

---

персовъ см. В. В. Бологовъ, Изъ исторіи церкви сиро-персидской. Экскурсъ Д: Календарь персовъ. Христ. Чтеніе, 1901, I, 439—515 (отд. оттискъ 127—167). Ср. тамъ же, экскурсъ Е: Церковный годъ сирохалдеевъ. 937—949 (169—199). *А. Б.*

ченіе было для нихъ дѣломъ необходимости. Хотя у нихъ былъ календарь технически разработанный, но жизнь такого календаря не знала. Фактически арабы вели счисленіе, какъ и евреи. Разъ два мусульманина увидали новую луну и заявили объ этомъ, то эта ночь считалась первымъ числомъ мѣсяца. Очевидно, въ разныхъ мѣстахъ одно и то же число приходилось не въ одни и тѣ же дни. Безъ обозначенія дней недѣли арабскимъ писателямъ было бы трудно понимать другъ друга. Поэтому мусульманскіе хронологи и ставятъ дни. Это драгоцѣнно для историка. Если повреждена цифра года или дня мѣсяца, то порча даты остается незамѣтною; но дни недѣли въ подобномъ случаѣ служатъ полезнымъ контролемъ и часто позволяютъ исправить невѣрную дату. Довольно обычнымъ источникомъ путаницы въ мусульманскомъ лѣтосчисленіи является народный пріемъ, по которому въ концѣ мѣсяца счисленіе ведется на римскій ладъ: именно, указывается, сколько ночей остается до конца мѣсяца.

Византійское лѣтосчисленіе по индиктіонамъ.

Остается сказать объ оффиціальномъ византійскомъ счисленіи по индиктіонамъ, 15-лѣтнимъ періодамъ, начинающимся съ 312 г. по Р. Х. (indictio, ἰνδικτίων, ἡ ἴνδικτος, ἐπινέμησις). О важности его можно судить по тому, что оно входило въ составъ такъ называемаго μηνολόγημα (византійскіе императоры, утверждая извѣстный указъ, писали на немъ вмѣсто нынѣ употребляемаго въ Россіи «быть по сему» μηνολόγημα=мѣсяцесловіе, т. е. отмѣчали пурпурными чернилами *мѣсяцъ* и индиктъ издаваемаго эдикта); это было наиоффиціальнѣйшее византійское лѣтосчисленіе. Византійскій индиктіонъ начинался съ 1-го сентября; поэтому, чтобы вычислить, къ какому индиктіону относится данный годъ, нужно прибавить къ данному году отъ Р. Х. 3,—если указанное время падаетъ между первымъ числомъ января и первымъ сентября,—и эту сумму раздѣлить на 15, остатокъ покажетъ индиктіонъ $\left[\left(\frac{a}{15}\right)R=\text{ind}\right]$ если въ остаткѣ нуль, то, значитъ, индиктіонъ 15-й. Если же идетъ рѣчь о времени отъ 1-го сентября по 31 декабря, то слѣдуетъ прибавить не 3, а 4, и произвести ту же самую операцію.

Эти индиктіоны обычно называются индиктіонами Константина В. Начало, 1 сентября 312 года, выбрано недурно: 12 ок-

тября 312 года Константинъ одержалъ побѣду надъ Максентіемъ и въ мартѣ 313 года издалъ медіоланскій эдиктъ. Однако, едва ли Константинъ ввелъ индиктіоны въ употребленіе и о природѣ ихъ идутъ споры. Знаменитый Моммсенъ высказалъ предположеніе весьма неудачное. Онъ производилъ индиктіоны отъ indictio paschae. Но это невѣрно, потому что индиктіонъ равняется 15 годамъ, а на востокѣ для пасхи былъ 19-лѣтній циклъ, а на западѣ 84-лѣтній. Юристъ Савиньи высказалъ болѣе правдоподобное предположеніе, основывающееся на нѣкоторыхъ фактахъ. Подъ indictio разумѣлось обозначеніе цифры податей, которыя слѣдовало собрать въ данномъ году. Финансовый годъ въ римскомъ государствѣ такимъ образомъ начинался «указаніемъ» (indictio) императора, сколько нужно было собрать податей для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Этотъ указъ переходилъ къ префектамъ, викаріямъ и президамъ, которые послѣдовательно раздѣляли падающую на ихъ префектуры, діоцезы, провинціи долю податей на болѣе мелкія единицы обложенія. А для того, чтобы смѣта соотвѣтствовала дѣйствительности, время отъ времени предпринималась переоцѣнка поземельной собственности. Но она не совпадала съ первыми индиктіонами, и потому и догадка Савиньи не все объясняетъ въ вопросѣ о происхожденіи индиктіоновъ.

Повидимому индиктіоны не римскаго и не византійскаго происхожденія, а заимствованы изъ Египта. Въ новѣйшее время, главнымъ образомъ вѣнскіе ученые, благодаря большому количеству египетскихъ папирусовъ времени завоеванія Египта, выяснили, что индиктіоны едва ли чисто-римская выдумка, но представляютъ, вѣроятно, подражаніе учрежденію, существовавшему еще ранѣе этого въ Египтѣ. Тамъ существовалъ опредѣленный тридцатилѣтній періодъ: половина его и составила индиктіонъ.

Вѣнскіе ученые и между ними одинъ молодой славянскій ученый Веселый (Wessely), благодаря работамъ надъ египетскими папирусами, натолкнулись на одну любопытную и интересную и для церковной исторіи вещь. Они замѣтили, что, когда дѣло идетъ приблизительно о нашемъ маѣ мѣсяцѣ, то приставлялось обыкновенно: «въ концѣ индиктіона»; если же говорится объ іюлѣ, а иногда и объ іюнѣ, то ставилось: ἰνδικτιῶνος ἀρχομένης— «въ началѣ индиктіона». Это навело на мысль, что индиктіонъ начинался въ Египтѣ не съ 1 сентября, а нѣсколько раньше. 25 мая—самый ранній періодъ индиктіона. Индиктіоны счита-

лись въ Египтѣ особо; въ одной записи они называются «нильскими»—ἰνδικτιῶνος Νείλου ἀρχομένης; они были чисто аграрнаго характера, направлялись къ тому, чтобы вѣрно опредѣлить производительность земли. Производительность земли, естественно, опредѣляется по окончаніи земледѣльческихъ работъ и уборки хлѣба, и эти работы оканчиваются обыкновенно къ сентябрю. Но въ Египтѣ земледѣльческія работы кончались гораздо ранѣе и обыкновенно къ 12 числу мѣсяца пауни (по нашему—къ 6 числу іюня), въ ночь на которое, по мнѣнію египтянъ, падаетъ первая капля росы, начинается поднятіе нильскихъ водъ, полное разлитіе которыхъ бываетъ въ концѣ августа. Въ данномъ случаѣ Нилъ является показателемъ для этого аграрнаго лѣтосчисленія въ Египтѣ. Въ Византіи естественно было начинать индиктіонъ съ сентября, когда тамъ жатва кончалась и опредѣлялись государственные доходы, а также опредѣлялось, какіе налоги (indictio) могла вынести страна. Такимъ образомъ жатва въ Египтѣ предваряла византійскую, и индиктіонъ поэтому начинался здѣсь раньше. Точно опредѣлить этотъ терминъ невозможно, но во всякомъ случаѣ нашъ іюль и августъ (епифи и месори) и почти весь іюнь (пауни) принадлежали къ будущему византійскому индиктіону, египетскій же индиктіонъ начинался ранѣе. Такимъ образомъ, если говорится о какомъ-либо событіи, имѣвшемъ мѣсто въ эти мѣсяцы, и его время опредѣляется индиктіономъ, то, коль скоро неизвѣстно, по какому индиктіону считается событіе, и времени опредѣлить точно нельзя. Если документъ египетскаго происхожденія, тогда датировать его нужно по египетскому индиктіону.

Любопытно, что это открытіе, сдѣланное въ послѣднее десятилѣтіе 19 столѣтія, оказалось пригоднымъ для церковной исторіи. Третій вселенскій соборъ былъ въ 431 году и имѣлъ засѣданія въ іюлѣ; чтобы узнать, къ какому индиктіону относится данный годъ, нужно къ нему прибавить 3 и сумму раздѣлить на 15, остатокъ 14 покажетъ, что засѣданія собора были въ теченіи 14 индиктіона. Но въ числѣ документовъ собора встрѣчается письмо египетскихъ епископовъ, изъ котораго видно, что соборъ продолжалъ свои засѣданія 20 месори 15 индиктіона (20 число месори соотвѣтствуетъ 13 числу августа), и дѣло, значитъ, относится не къ 431 году, а къ 432. Но эту разницу въ лѣтосчисленіи трудно объяснить ошибкой: цифры δ΄ и ε΄ (τετάρτῃ и πεμπτῇ, или—τεσσαρακαιδεκάτῃ и πεντεκαι-

δεκάτῃ) не такъ походятъ другъ на друга, чтобы ихъ можно было смѣшать. Эту странность замѣтилъ еще Тильмонъ, который говорилъ, что тутъ надо предположить существованіе мѣстнаго лѣтосчисленія. Египетскіе индиктіоны Нила, какъ нельзя лучше, объясняютъ это явленіе. Ефесскій соборъ былъ тогда, когда Византія считала 14 индиктіонъ, а въ Египтѣ уже шелъ 15 индиктіонъ. Вообще при всѣхъ тѣхъ датахъ, которыя падаютъ на нашъ іюнь, іюль и августъ мѣсяцы, могутъ возникать нѣкоторыя недоумѣнія. Если имѣется основаніе думать, что документъ изъ Египта, то слѣдуетъ допустить, что извѣстное событіе совершилось однимъ годомъ раньше, чѣмъ обыкновенно принимается.

Нужно отмѣтить еще то, что для востока индиктіонъ казался такимъ казеннымъ византійскимъ учрежденіемъ, что въ Сиріи его не переводили на туземный языкъ, а только писали сирійскими буквами. Часто оказывается, что сирійскими буквами переданы греческія слова πεμπτῇ, ἑκτῇ,—гдѣ разумѣются годы индиктіона. Если бы эти индиктіоны проводила въ жизнь церковь, то такой странной формы датировки не явилось бы.

Собственно греческая форма датировки по индиктіонамъ заключалась въ томъ, что отмѣчался только годъ въ предѣлахъ даннаго индиктіона, но не указывалось, какой идетъ индиктіонъ отъ начала счисленія по индиктіонамъ (отъ 312 г.). Эта сторона дѣла представляетъ довольно значительныя неудобства для опредѣленія времени историческихъ фактовъ. Разъ византійцы привыкли опредѣлять событія только годами индиктіоновъ и никакимъ другимъ образомъ, то въ виду того, что 30-лѣтній періодъ въ жизни и дѣятельности отдѣльнаго лица вещь довольно нерѣдкая, мы можемъ затрудняться при такой датировкѣ съ точностью опредѣлить время различныхъ событій его жизни. Всѣ попытки біографовъ Максима Исповѣдника установить хронологію его жизни не приводятъ къ желаемому результату. По моему мнѣнію, причина заключается въ томъ, что дѣятельность Максима превышала періодъ 15 лѣтъ, и изслѣдователи смѣшиваютъ бѣдствія отъ персовъ и отъ арабовъ. Такимъ образомъ если мы не имѣемъ другого, болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ дата индиктіона, то приходится иногда неопредѣленно высказываться о времени тѣхъ или иныхъ событій.

III. Источники церковной исторіи.

Историческіе источники раздѣляются на нѣмые и говорящіе, или неписьменные и письменные. О нѣмыхъ источникахъ церковной исторіи не буду говорить, потому что они для нашей науки даютъ слишкомъ мало. Письменные источники по матеріалу, на которомъ письмо сохранилось, дѣлятся 1) на монументальные, или написи на камнѣ и металлѣ, на стѣнахъ зданій, на мраморныхъ доскахъ, на памятникахъ, монетахъ и т. п., и 2) книжные, написанные на папирусѣ, пергаменѣ и бумагѣ. Въ ряду этихъ послѣднихъ источниковъ могутъ быть различаемы, съ одной стороны, а) источники общаго характера, съ другой б) источники спеціальные, представляющіе собственно уже обработку историческаго матеріала, но въ то же время имѣющіе для насъ значеніе первоисточниковъ [1]).

---

[1]) О монументальныхъ источникахъ исторіи и ихъ разработкѣ говорится вообще въ пособіяхъ по соотвѣтствующимъ вспомогательнымъ наукамъ, эпиграфикѣ, нумизматикѣ, сфрагистикѣ, и въ руководствахъ по археологіи и исторіи искусства. По отношенію къ памятникамъ христіанской древности важное значеніе въ данномъ случаѣ, кромѣ уже успѣвшихъ устарѣть къ настоящему времени A Dictionary of Christian Antiquities, ed. by W. Smith and S. Cheetham. Vol. I—II. London 1875—1880, и Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer, bearb. und herausgeg. von F. X. Kraus. B. I—II. Freiburg im Br. 1880—86, имѣетъ недавно начатый Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, publié par F. Cabrol. T. I. Paris 1903—1906 (со множествомъ снимковъ съ памятниковъ). Вообще объ источникахъ исторіи древняго міра, монументальныхъ и литературныхъ или книжныхъ, и о разработкѣ этой исторіи даетъ свѣдѣнія C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig 1895. На русскомъ языкѣ есть В. Бузескулъ, Введеніе въ исторію Греціи. 2 изд. Харьковъ 1904. Исторія среднихъ вѣковъ имѣетъ для себя превосходный указатель источниковъ въ трудѣ A. Potthast, Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500. B. I—II. 2 Aufl. Berlin 1896. Существуютъ особыя введенія въ исторію отдѣльныхъ народовъ, выступившихъ на сцену съ началомъ среднихъ вѣковъ. W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts. B. I—II. 7 Aufl. Berlin 1904 (B. I). Dahlmann-Waitz, Quellenkunde der deutschen Geschichte. Th. I—II. 7 Aufl. von E. Brandenburg. Berlin 1905 (Th. I). A. Molinier, Les sources de l'histore de France au moyen âge. I—V (до 1494). Paris 1902—1904. Ch. Gross, The sources and literature of english history from the earliest times to about 1485. London 1900.

1. Монументальные источники.

По степени своей авторитетности вообще въ ряду историческихъ источниковъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены написи разнаго рода, на чемъ бы ни были онѣ сдѣланы: на стѣнахъ, мраморныхъ памятникахъ, монетахъ, печатяхъ и т. д. Камень стоитъ дороже, чѣмъ какой нибудь плохой папирусъ; на стѣнахъ же не такъ легко было записывать. Естественно, такимъ образомъ, что разъ существуютъ на камняхъ, стѣнахъ, металлическихъ доскахъ извѣстныя написи, то въ нихъ нельзя видѣть только пробу пера. Не всякому, ощутившему въ себѣ склонность къ литературной дѣятельности, легко было бы писать на такомъ матеріалѣ. Если существуютъ монументальные письменные памятники, то естественно предполагать, что заготовлены они тѣмъ, кто имѣлъ дѣйствительныя побужденія къ тому, чтобы оставить извѣстную напись. Невѣрности въ подобныхъ памятникахъ могли происходить развѣ тогда, когда, напримѣръ, правительство приготовляло ихъ, ожи-

---

Какъ на опыты спеціальнаго введенія въ церковную исторію, можно указать на трудъ болландиста Смедта, C. de Smedt, Introductio generalis ad historiam ecclesiasticam critice tractandam. Gandavi 1876, и на упомянутую выше „Пропедевтику“ Нирпля (стр. 41 прим.). Не признается удачнымъ трудъ E. Bratke, Wegweiser zur Quellen- und Litteratur-kunde der Kirchengeschichte. Gotha 1890. Ближайшія указанія касательно древне-христіанской литературы вообще и въ частности касательно церковно-историческихъ трудовъ можно находить въ курсахъ по исторіи этой литературы и патрологіяхъ. O. Bardenhewer, Patrologie. 2 Aufl. Freiburg im Br. 1901. Его-же, Geschichte der altkirchlichen Litteratur. B. I—II (первые три вѣка). Freiburg im Br. 1902—3. A. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Th. I (bearb. unter Mitwirkung von E. Preuschen)—II, 1—2. Leipzig 1893—1904. G. Krüger, Geschichte der altchristlichen Litteratur in den ersten drei Jahrhunderten. 1 u. 2 Aufl. Freiburg im Br. u. Leipzig. 1895; Nachträge, 1897. Трудъ G. Stang'a Historiographia ecclesiastica. Frib. Brisg. 1897 не представляетъ чего либо цѣннаго. О древнихъ церковныхъ историкахъ свѣдѣнія даются въ трудѣ А. П. Лебедева, Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка до XX. 2 изд. Спб. 1903. Для византійскаго періода необходимой справочной книгой является названная уже выше книга Крумбахера (стр. 40 прим.). Объ изданіи и разработкѣ источниковъ византійской исторіи ср. трудъ В. Г. Васильевскаго, Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. Вып. I. Спб. 1890 (дополненное извлеченіе изъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1887—9 гг.). *А. Б.*

дая еще только извѣстнаго событія. Впрочемъ, случаи подобные поступку Наполеона, который заранѣе на медаляхъ отпраздновалъ свою побѣду надъ Россіей, весьма рѣдки. Такъ какъ пишутся эти памятники большею частію самими участниками событій, это придаетъ имъ тѣмъ болѣе высокое значеніе. [Фальсификація этого рода памятниковъ съ цѣлью сбыта ихъ ученымъ собирателямъ есть явленіе новаго времени].

Но, во-первыхъ, эти памятники немногочисленны, во-вторыхъ въ своей массѣ—монотонны. Все, что даютъ они для исторіи, обычно ограничивается собственными именами и цифрами. Въ сравненіи съ другими письменными источниками они могутъ иногда являться какъ бы фонарями, зажженными среди бѣлаго дня.

Написи на камнѣ.

Большинство этого рода монументальныхъ письменныхъ памятниковъ составляютъ надгробныя написи; содержаніе ихъ ограничивается молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу, обращеніемъ умершихъ къ живымъ и наоборотъ. Цѣннѣе написи въ томъ случаѣ, когда онѣ увѣковѣчиваютъ дѣятельность знаменитыхъ лицъ. Но эпиграфика справедливо фигурируетъ въ числѣ пособій церковной исторіи. Заслуги ея рѣдки, но цѣнны. Я сейчасъ иллюстрирую это положеніе.

Мученикъ Іустинъ говоритъ о Симонѣ Магѣ, что римляне признали его богомъ и поставили ему статую на одномъ изъ острововъ Тибра съ написью: «Simoni Sancto Deo». Этотъ разсказъ представлялся маловѣроятнымъ. Въ 1574 г. была открыта при раскопкахъ и эта статуя; напись на ней оказалась слѣдующая: «Semoni Sanco Deo Fidio sacrum», слѣдовательно, она была посвящена одному сабинскому божеству, Semo Sancus.

Одна изъ самыхъ цѣнныхъ написей — напись на каѳедрѣ Ипполита. Въ 1551 году была открыта около Рима статуя лица, сидящаго на креслѣ съ львиными головами. Голова и руки статуи оказались отломанными, а на боковыхъ стѣнкахъ кресла открыта напись. На правой сторонѣ находится перечень произведеній неизвѣстнаго автора (впослѣдствіи доказано было тожество его съ Ипполитомъ) на греческомъ языкѣ; на противоположной стѣнкѣ найденъ пасхальный канонъ отъ 222—333 гг. по Р. Х. т. е. 112 лѣтній циклъ (16×7=112), которымъ предполагается, что чрезъ 112 лѣтъ пасхи должны пойти по старому.

Обращаетъ также на себя вниманіе недавно открытая въ Олимпіи (1880) напись съ именемъ асіарха Гаія Юлія Филиппа Тралліана, относящаяся къ 149 году нашей эры. Она имѣетъ важное значеніе въ рѣшеніи вопроса о времени мученической смерти св. Поликарпа смирнскаго. Извѣстія о смерти Поликарпа мы находимъ въ полной редакціи его актовъ и въ сокращенной у Евсевія. Такъ какъ Евсевій не привелъ заключительныхъ словъ полной редакціи, гдѣ упоминаются правительственныя лица, то представляли, что эти акты поддѣльны, составлены по Евсевію, и что Поликарпъ пострадалъ въ 166 г., а не въ 155—156, какъ указываютъ акты. Новооткрытая напись рѣшаетъ вопросъ въ пользу полной редакціи актовъ, ибо консулъ Филиппъ Тралліанъ стоитъ и въ актахъ, а годъ его по написи—149-й во всякомъ случаѣ ближе къ 155, чѣмъ къ 166.

Въ 1882 г. открыта напись Аверкія, еп. іерапольскаго. Эта напись по своему содержанію была извѣстна и раньше. Она сохранилась у Симеона Метафраста, извѣстнаго передѣлками древнихъ агіографическихъ памятниковъ, въ житіи св. равноапостольнаго Аверкія іерапольскаго; но ей придавали мало довѣрія, такъ какъ въ житіи находилось много невѣроятныхъ подробностей: говорилось о чудесномъ перенесеніи камня, на которомъ сдѣлана напись, въ Іераполь, о путешествіи Аверкія въ Римъ для исцѣленія дочери императора. Открытая въ Іерополѣ напись предъ городскими воротами разсѣяла тьму, окружавшую лицо Аверкія и любопытна въ томъ отношеніи, что объясняетъ, какимъ образомъ могло составиться житіе, поражающее своими невѣроятностями. Оказывается, что эта напись относится къ тому времени, когда церковь Христова была гонимою. Поэтому о христіанствѣ составитель написи выражается прикровенно. Онъ говоритъ о путешествіи Аверкія въ Римѣ къ царицѣ, упоминаетъ о пастырѣ съ сіяющими глазами, о вѣрѣ, предлагающей въ пищу рыбу, хлѣбъ и вино, и проч. Для вѣрующихъ содержаніе ея было понятно. Подъ царицею здѣсь разумѣлась сама римская церковь, подъ пастыремъ и рыбою—Іисусъ Христосъ, и т. д. Послѣдующій составитель житія понялъ это сказаніе житія буквально и растолковывалъ содержаніе его по своему.

Интересна еще напись, имѣющая отношеніе къ «Октавію» Минуція Феликса, т. е. діалогу между христіаниномъ Октавіемъ Януаріемъ и язычникомъ Цециліемъ Наталіемъ,—діалогу,

который оканчивается обращеніемъ Цецилія въ христіанство. Въ литературѣ объ этомъ произведеніи идетъ споръ. Сходство между извѣстною частію діалога и «Апологетикомъ» Тертулліана несомнѣнно и ученые спорятъ только о томъ, кто кѣмъ пользовался. Эбертъ (1868) рѣшаетъ вопросъ въ пользу Минуція Феликса и заимствователемъ считаетъ Тертулліана; но безусловно доказать это представлялось невозможнымъ. Въ послѣдующей работѣ ученыхъ замѣчается такое движеніе, которое отзывается самымъ радикальнымъ отрицаніемъ. Кюнъ (Richard Kühn 1882) высказывается, что этотъ діалогъ Минуція Феликса— только литературная форма, вымыселъ, что никакого ни Октавія, ни Цецилія не было. Между тѣмъ, найдена въ Циртѣ надпись, въ которой упоминается одинъ мѣстный чиновникъ, praefectus quinquennalis Marcus Caecilius Quinti filius Natalis. Послѣдній, несомнѣнно,—язычникъ, потому что представляется занимающимъ языческую должность. Существовалъ онъ между 211 — 217 гг., и такъ какъ Цецилій Наталій, ведшій разговоръ съ Октавіемъ, вѣроятно носилъ и имя Квинта (с. 1, 5, чтеніе ex conjectura) и былъ родомъ Cirtensis (с. 9, 6; 31, 2), то отсюда и можно опредѣлить время происхожденія діалога. Въ Циртѣ, какъ видно изъ надписи, несомнѣнно существовала фамилія Цециліевъ Наталіевъ. Правда, привлекшій къ рѣшенію вопроса разсматриваемую надпись Dessau (1880) высказывается что Маркъ Цецилій и былъ тотъ Наталій, который послѣ обратился въ христіанство; а въ такомъ случаѣ діалогъ имѣлъ мѣсто послѣ 210 года и Тертулліанъ, писавшій свой «Апологетикъ» около 200 года, не могъ пользоваться «Октавіемъ». Но нѣмецкій издатель этого діалога Aemilius Baehrens (1886) полагаетъ, что вопросъ о времени происхожденія его рѣшенъ Эбертомъ безповоротно, и что М. Цецилій Наталій не самъ велъ бесѣду съ Октавіемъ и не былъ отцомъ этого диспутанта, но самъ былъ сынъ того Квинта, который бесѣдовалъ съ Октавіемъ и обратился въ христіанство. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло только съ тѣмъ непріятнымъ для христіанства фактомъ, что отецъ является обращеннымъ въ христіанство, а сынъ снова является языческимъ чиновникомъ. Но это возможно, особенно если принять во вниманіе гоненіе Септимія Севера. Такимъ образомъ, эта циртская надпись даетъ основаніе полагать, что діалогъ имѣлъ мѣсто во второй половинѣ II вѣка. Впрочемъ нѣкоторые ученые полагаютъ, что мысль о непосредственномъ пользованіи и ближайшемъ отно-

шеніи между Тертулліаномъ и М. Феликсомъ нужно оставить: что они оба пользовались недошедшей до насъ латинской христіанской апологіей второй половины II в., можетъ быть, принадлежащей Прокулу.

Большое значеніе слѣдуетъ признать за двумя написями, составленными папою Дамасомъ. Эти написи отысканы де-Росси и возстановлены во всей полнотѣ благодаря тому, что еще въ давнее время были списаны и сохранялись въ одной старинной рукописи. Онѣ относятся къ римскому епископу Маркеллу, занимавшему каѳедру съ 24 мая 307 г. по 15 января 309 г., и его преемнику Евсевію, который былъ епископомъ отъ 23 апрѣля до 17 августа 309 г. Въ написяхъ говорится, что Ираклій запретилъ проливать слезы, т. е. оплакивать падшимъ свои прегрѣшенія, а Маркеллъ и Евсевій научили несчастныхъ оплакивать свои грѣхи. Въ нихъ находятся далѣе указанія на то, что въ Римѣ происходили страшные безпорядки. Онѣ проливаютъ также яркій свѣтъ на внутреннее состояніе церкви въ Римѣ и выясняютъ, что вопросъ о принятіи падшихъ, игравшій такую видную роль въ предшествовавшей исторіи и подавшій поводъ къ расколу, былъ поставленъ ребромъ и въ настоящее время. Извѣстно довольно старинное римское преданіе о томъ, что предшественникъ Маркелла — Маркеллинъ, застигнутый гоненіемъ, имѣлъ слабость принести жертву идоламъ, воскуривъ ѳиміамъ (thurificatio), но затѣмъ раскаялся въ своей слабости, исповѣдалъ себя христіаниномъ и былъ казненъ. Такимъ образомъ, судя по римскому преданію, здѣсь былъ епископъ отступникъ. Преемникомъ Маркеллина и былъ Маркеллъ. Маркеллъ былъ проведенъ на каѳедру, очевидно, партіею христіанъ строгихъ, и потому онъ объявилъ, что падшіе должны искупить свои прегрѣшенія тяжкимъ церковнымъ покаяніемъ. Но въ это время была многочисленна и партія людей, стоявшихъ за слабую дисциплину. Дебаты между этими двумя партіями скоро приняли обширные размѣры. Изъ церквей и домовъ дѣло было перенесено на улицы, дошло до драки и убійствъ. Поэтому вмѣшалась въ дѣло римская власть въ чисто полицейскомъ интересѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Маркеллъ былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ и скончался. Евсевій былъ выдвинутъ партіей христіанъ строгихъ. Но и противная партія выдвинула своего представителя и поставила его во епископа. Сдѣлавшись епископомъ, Ираклій относился къ падшимъ снисходительно, запрещалъ имъ оплакивать свои грѣхи

и принималъ въ церковь послѣ самой недолгой покаянной дисциплины. Напротивъ, Евсевій поддерживалъ строгую дисциплину и тутъ повторилась та же самая исторія: дошло дѣло до уличныхъ безпорядковъ, кончившихся тѣмъ, что Евсевій былъ сосланъ, не пробывши епископомъ и одного года. Древніе историки объ этомъ происшествіи совершенно умалчиваютъ и имя Ираклія является только благодаря Дамасовой написи. Другіе писатели ничего о немъ не говорятъ и существуетъ догадка Липсіуса, что въ ереси иракліотовъ, которые фигурировали въ древности, какъ секта гностическая, кроется слѣдъ движенія, поднятаго Иракліемъ.

Въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ написи вообще даютъ свѣдѣнія о времени ихъ жизни и дѣятельности. Такова напись на гробницѣ Виктора, еп. капуйскаго, умершаго въ апрѣлѣ 554 года, послѣ 13 лѣтняго управленія паствою, съ февраля 541 г.

Одна малоазійская напись, обнародованная Маи, свидѣтельствуетъ о смирнскомъ епископѣ—Эѳерихѣ (Αἰθέριχος). Эѳерихъ присутствовалъ на Флавіановомъ соборѣ (448 г.), на разбойничьемъ и Халкидонскомъ. Запуганный терроромъ, онъ давалъ показанія крайне смутныя и вообще оставляетъ по себѣ, судя по соборнымъ актамъ, впечатлѣніе человѣка недалекаго и оказавшагося не на своемъ мѣстѣ. Но напись удостовѣряетъ, что Эѳерихъ былъ архіепископомъ и пользовался уваженіемъ паствы и такимъ образомъ проливаетъ свѣтъ на духовное состояніе, въ которомъ онъ находился: она показываетъ, что его сбивчивыя показанія были слѣдствіемъ страха, а не умственнаго склада; вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ важное значеніе для сужденія о томъ, какъ обращались съ отцами на соборѣ.

Затѣмъ, какъ замѣчено, огромное большинство написей приходится на надгробные памятники. Этого рода написи могутъ оказать большую услугу христіанской археологіи, но могутъ помочь и въ другихъ областяхъ. Такъ, на основаніи ихъ Каведони нашелъ возможнымъ опредѣлить обычный возрастъ, въ которомъ христіане вступали въ бракъ—отъ 14—17 лѣтъ, хотя бывали случаи браковъ въ 12—13 лѣтъ. Можно также при ихъ помощи опредѣлить среднюю продолжительность жизни, которая въ древнемъ Римѣ оказывается меньше, чѣмъ въ настоящее время.

Самое полное собраніе написей, существующее въ настоящее время, издано Берлинскою Академіей Наукъ

подъ заглавіемъ: «Corpus inscriptionum Graecarum (съ 1825) et Romanarum (съ 1863)». Это огромное собраніе фоліантовъ, въ которое вносятся и группируются всѣ открываемыя написи. Обработка этого изданія превосходная, благодаря роскошнымъ матеріальнымъ средствамъ, дозволяющимъ привлечь къ участію въ немъ лучшія силы Германіи. Оно можетъ замѣнить недоступныя для многихъ подлинныя написи. Были и отдѣльныя собранія написей. Такъ Le Blant (1856—65) издалъ написи христіанской Галліи. Берлинскій профессоръ Hübner издалъ написи испанскія (1871) и англійскія (1876). Надъ римскими написями особенно работалъ итальянскій археологъ de Rossi (1861—88), работы котораго не имѣютъ себѣ равныхъ.

Печати.

На ряду съ написями, сдѣланными на камняхъ или сохранившимися на обломкахъ стѣнъ, имѣютъ значеніе написи, сдѣланныя на печатяхъ. Печати, какъ извѣстно, въ древнія времена привѣшивались иногда къ документамъ на шнуркѣ (sigilla pendentia) и представляли нѣчто въ родѣ медалей; онѣ въ такомъ случаѣ имѣли лицевую и обратную сторону, такъ что на нихъ можно было написать многое. По сходству въ самой техникѣ печатей съ медалями, ихъ можно принимать, какъ извѣстныя формы медалей, такъ что тѣ, которые занимаются собираніемъ медалей, должны принимать во вниманіе и печати.

Древнія печати уцѣлѣли въ огромномъ количествѣ, и каждая именная печать является документомъ, могущимъ свидѣтельствовать о томъ или другомъ лицѣ или должности. Иногда въ печатяхъ самая, повидимому, ничтожная подробность можетъ имѣть рѣшающее значеніе для опредѣленія какой-либо исторической личности. Напримѣръ, стратегъ города имѣлъ обыкновеніе въ печатяхъ подлѣ Христа и Богоматери помѣщать и того святого, который считался патрономъ города. Благодаря этому, вопросъ о мѣстѣ жительства стратега легко можетъ быть рѣшенъ при помощи его печати. Въ очень небольшомъ количествѣ сохранились только печати епископскія. И онѣ также являются очень цѣннымъ документомъ. Такъ, напр., сохранилась одна печать, принадлежащая еп. иворнскому, Фотію. На ея реверсѣ кругомъ читаемъ имя епископа Фотія, а

на другой сторонѣ въ серединѣ представленъ св. епископъ, облаченный въ фелонь или стихарь съ подписью: «ὁ Ἅγιος Οὐράνιος Ἐπίσκοπος Ὑβόρνιος». Неизвѣстно, когда жилъ этотъ Фотій, еп. иворнскій. Можетъ быть эта печать восполняетъ собою пробѣлъ въ «Fasti episcopales», а можетъ быть составляетъ только матеріалъ для поправки чтенія въ подписи Трулльскаго собора (692 г.), гдѣ является Фотій еп. иворскій. Имя Уранія также имѣетъ значеніе. Это былъ епископъ, представителемъ котораго на Халкидонскомъ соборѣ былъ пресвитеръ Павелъ. Какъ мы знаемъ изъ житія Евтихія константинопольскаго, память Уранія чтилась весьма высоко. Такимъ образомъ эта позднѣйшая напись удостовѣряетъ, что чествованіе этого святого еще продолжалось.

Свѣдѣнія о печатяхъ можно находить частью въ трудахъ по дипломатикѣ, частью въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Heineccius, De veteribus Germanorum aliarumque nationum sigillis. Francof. 1719. Grotefend, Über Sphragistik. Breslau 1875. [Византійская сигиллографія разработана въ трудахъ G. Schlumberger; главный трудъ—Sigillographie de l' Empire Byzantin. Paris 1884].

Монеты.

Можно посмотрѣть какъ на странность, что въ числѣ источниковъ церковно-историческихъ свѣдѣній могутъ являться монеты. Значеніе онѣ въ данномъ случаѣ имѣютъ главнымъ образомъ не по сторонѣ технической и не по тому, сколько онѣ стоятъ, но какъ своего рода написи. Древнія монеты не походятъ на наши монеты, которыя сохраняютъ свой штемпель и при перемѣнѣ государей, если не происходитъ какой-либо перемѣны въ правленіи. Въ древнемъ мірѣ монетами были собственно медали, выпускавшіяся не только въ память вообще царствованія разныхъ государей, но и въ память различныхъ событій тогдашней исторіи, и имѣвшія различную цѣнность. Были, напр., монеты въ память взятія Іудеи римлянами, вслѣдствіе чего на нихъ и стояла напись: «Capta Judaea». Штемпеля на монетахъ мѣнялись тогда очень часто, давая возможность составлять по нимъ болѣе точное представленіе о времени тѣхъ событій, въ честь которыхъ онѣ выбивались.

Вообще древнія монеты имѣютъ значеніе не только потому,

что дають портретъ извѣстнаго государя, но и потому, что представляютъ эмблемы и написи, которыя помогаютъ опредѣлить характеръ извѣстнаго царствованія и политическія задачи того или другого государя. Такъ извѣстно, что монеты Константина Великаго играютъ роль въ исторіи потому, что дають возможность опредѣлить его отношеніе къ христіанству соотвѣтственно тому, насколько часто являются на нихъ христіанскіе символы. Надъ изслѣдованіемъ ихъ особенно много трудился англичанинъ Мадденъ (Madden 1877—78). Характеристична монета, выбитая въ честь императора Декія Траяна съ написью: «pudicitiae Augusti», «цѣломудрію Августа», указывающая на строго нравственный характеръ, которымъ отличался Декій, что и подтверждается въ извѣстіяхъ другихъ источниковъ. Любопытныя историческія свѣдѣнія даетъ также монета императора Нервы. На ея лицевой сторонѣ стоитъ напись: «Imp. Nerva Caesar Augustus Pontifex Maximus Tr.P. Consul II», а на реверсѣ стоитъ: «Fisci judaici calumnia sublata», «за отмѣну клеветы іудейскаго фиска». Іудейскій фискъ введенъ былъ Домиціаномъ. Этимъ именемъ называлась подать, которая взималась за обрѣзаніе и вносилась въ храмъ Юпитера Капитолійскаго. Эта подать собиралась съ большими придирками и сопровождалась оскорбленіями. Благородный Нерва отмѣнилъ эту подать при самомъ восшествіи на престолъ.

Въ хронологическомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ монеты, чеканенныя въ Александріи, потому что на нихъ выставлялся годъ правленія императора, въ который чеканена монета. Онъ обозначался греческими буквами, которымъ предшествовалъ знакъ, похожій на букву L; что означаетъ этотъ знакъ, — понять невозможно. Но, какъ бы то ни было, за этимъ L слѣдуетъ знакъ, показывающій въ точности, сколько разъ 29 августа падаетъ на царствованіе того или другого государя, при чемъ годъ предшествовавшій сполна причисляется къ царствованію этого государя. Поэтому александрійскія монеты драгоцѣнны для хронологіи.

Монетами, далѣе, можно удачно пользоваться для опредѣленія полнаго имени того или другого государя. Какъ извѣстно, у римлянъ именъ было много. Опредѣлить сполна имя государя весьма важно для историка. Благодаря сохранившимся монетамъ удалось возстановить полное имя императора Декія Траяна: Cajus Messius Quintus Trajanus Decius. Это даетъ возможность исправить одну дату въ мученическихъ актахъ

Піонія, которые начинаются словами: «imperatore Cajo Mense Quinto Trajano Decio»... При помощи монетъ можно понять, что слова «Mense Quinto» передѣланы изъ настоящаго имени императора «Messio Quinto». Отсюда ясно, что латинскій переводчикъ, хотя и измѣнилъ имя императора, однако имѣлъ подъ руками хорошіе мученическіе акты.

Установленіе полнаго имени Декія, помимо исправленія указанной записи, даетъ еще возможность: а) часть довольно многочисленныхъ мученичествъ, бывшихъ, по актамъ, при Траянѣ, отнести ко времени Декія, и б) скептически относиться къ тѣмъ актамъ, гдѣ Декій называется Флавіемъ. Благодаря полному собранію собственныхъ именъ императоровъ въ періодъ гоненій удалось выяснить замѣчательный для критики тѣхъ или другихъ мученическихъ актовъ со стороны ихъ подлинности фактъ. Дѣло сводится къ употребленію имени Флавія. Оказывается, что во многихъ мученическихъ памятникахъ Декій называется Флавіемъ, и ему приписываются эдикты о гоненіяхъ. Это повидимому незначительное обстоятельство, однако, является хронологическимъ показателемъ этихъ актовъ. Всѣ подобные акты съ именемъ Флавія возникли, несомнѣнно, послѣ Константина Великаго, хотя въ основѣ ихъ могутъ иногда лежать дошедшія отъ прежнихъ временъ преданія или даже краткія записи мученичествъ.

Извѣстно, что во второй половинѣ перваго вѣка въ Римѣ царствовала фамилія Флавіевъ. Къ ней принадлежали: Веспасіанъ, Титъ и Домиціанъ. Съ Домиціаномъ фамилія эта прекратилась. Но имя Флавія появляется въ титулѣ Констанція Хлора, которое онъ унаслѣдовалъ отъ своего дѣда и которое показывало благородство его происхожденія. Какъ извѣстно, императоръ Діоклетіанъ выдвинулся изъ весьма невысокаго рода. Сдѣлавшись императоромъ, онъ назвалъ себя «Cajus Aurelius Valerius Jovius (посвященный Юпитеру) Diocletianus». Затѣмъ онъ избралъ въ соправители своего стараго собрата по оружію съ именемъ: «Marcus Aurelius Valerius Herculius Maximianus». Такимъ образомъ въ имени обоихъ императоровъ-августовъ фигурируютъ имена: Аврелій и Валерій. Затѣмъ, когда избраны были для обоихъ августовъ помощники—кесари, то имъ усвоенъ былъ титулъ Валерія, но не Аврелія, такъ что Констанній Хлоръ назывался «Cajus Valerius Constantius», а Галерій—«Cajus Galerius Valerius». Такимъ образомъ у государей появилось много именъ и именами Аврелія и Валерія

стали дорожить, какъ отличительнымъ титуломъ правителей. Въ лицѣ Константія Хлора восходитъ на престолъ фамилія Флавіевъ и Константинъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца имя «Флавій», сдѣлавшись императоромъ, сталъ называться: «Cajus Claudius Flavius Valerius Aurelius Constantinus». Клавдіемъ онъ назывался въ честь императора Клавдія; названія «Valerius Aurelius» выражали полноту его власти. Хотя имя «Flavius» было родовымъ титуломъ Константина, но этимъ именемъ послѣ него стали называться всѣ императоры. Такимъ образомъ, хотя фамилія Флавіевъ прервалась, но титулъ «Флавій» продолжается у всѣхъ послѣдующихъ императоровъ. Ѳеодосій I, Ѳеодосій II, Юстиніанъ, Ираклій назывались Флавіями. Случилось даже нѣчто большее. Всѣ государственные сановники, даже самые низшіе, не говоря уже о высшихъ, титуловались Флавіями. Въ послѣднее время открытые египетскіе контракты показываютъ, что тамъ каждый изъ контрагентовъ является или Флавіемъ или Авреліемъ, и если онъ не состоялъ на государственной должности въ Египтѣ,—назывался Авреліемъ, а если занималъ государственную должность, то Флавіемъ. Получилась огромная традиція имени Флавія. Лицамъ, жившимъ послѣ Константина, казалось весьма невѣроятнымъ, чтобы предшествовавшіе Константину императоры не носили имени Флавія и они сами надѣляли ихъ этимъ именемъ.

Всѣ предшествовавшія работы по нумизматикѣ въ свое время затмилъ своимъ трудомъ ученый Эккель изъ Вѣны, J. Eckhel, Doctrina nummorum veterum. Vindobonae 1792—99 (8 томовъ in 4°). Дѣло Эккеля продолжалъ H. Cohen, Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain. Continué par F. Feuardent 2 éd. Paris 1880—92 (8 томовъ in 8°). Важное значеніе имѣютъ работы Сабатье, въ 2 томахъ, по описанію византійскихъ монетъ, начиная съ Аркадія до взятія Константинополя турками, J. Sabatier, Description générale des monnaies Byzantines. Paris 1862. Снимки съ древнихъ монетъ, интересныхъ по своимъ рисункамъ для публики, часто встрѣчаются напр. въ періодическихъ изданіяхъ не ученаго характера. Вообще, вслѣдствіе разбросанности матеріаловъ по нумизматикѣ, трудно стоять на высотѣ знанія по этому предмету.

2. Книжные источники общаго характера и ихъ фундаментальныя изданія.

Всякаго рода написи имѣютъ для церковной исторіи второстепенное значеніе и не могутъ выдерживать сравненія съ источниками книжнаго характера. Наиболѣе цѣнны для церковной исторіи памятники, заключающіеся въ святоотеческой и вообще церковной письменности. Издавна были дѣлаемы опыты собрать ихъ съ возможной полнотою.

Творенія св. отцовъ и церковныхъ писателей.

Однимъ изъ самыхъ древнихъ болѣе или менѣе полныхъ сборниковъ святоотеческихъ писаній является такъ называемая «Bibliotheca sanctorum patrum», которую издалъ въ Парижѣ въ 1575—9 г. въ 8 томахъ Marguerin de la Bigne, сорбоннскій докторъ и каноникъ de Bayeux; она содержитъ латинскихъ отцовъ въ подлинникѣ, а греческихъ въ латинскомъ переводѣ. Она переиздавалась нѣсколько разъ съ значительными дополненіями и въ концѣ концовъ расширена въ ліонскомъ изданіи «Bibliotheca maxima patrum Lugdunensis» 1677 г. до 27 фоліантовъ; здѣсь даны латинскіе писатели до XVI в. (впрочемъ съ XIII в. съ пробѣлами) въ подлинникѣ, а греческіе въ переводѣ. Затѣмъ въ Венеціи появилось изданіе Андрея Галланди, A. Gallandi, «Bibliotheca veterum patrum» въ 14 фоліантахъ (1765—81, 1788), въ которомъ греческіе писатели напечатаны въ подлинникѣ.

Существенно восполнилъ изданіе Галланди Анджело Маи (Angelo Mai), префектъ Ватиканской библіотеки († 1854). Онъ имѣлъ доступъ къ роскошному собранію греческихъ подлинниковъ этой библіотеки и въ продолженіе своей службы издалъ ихъ такъ много, какъ рѣдко кому удается. Его десятитомное изданіе «Scriptorum veterum nova collectio» (in 4°) выходило въ Римѣ съ 1825 по 1838 годъ. Другое его изданіе древнихъ авторовъ—«Classici auctores» вышло также въ 10 томахъ съ 1828 по 1838 г. (in 8°). Въ 1839—44 гг. появился его десятитомный «Сборникъ колосьевъ»—«Spicilegium Romanum» (in 8°). Послѣ этого обширнаго труда онъ занялся исключительно изданіемъ св. отцовъ въ «Nova patrum bibliotheca», въ 7 томахъ, съ 1844 — 54 г. (in 4°); томы 8 и 9 изданы уже по смерти Маи въ 1871 и 1888 г. [матеріалъ для 10 тома 1906 г. былъ

собранъ уже не Маи]. Изданія Маи, не смотря на ихъ недостатки, сохраняютъ значеніе до сихъ поръ, потому что многіе напечатанные имъ памятники можно найти только въ его сборникахъ.

Въ главномъ и существенномъ предшествовавшія изданія святоотеческихъ твореній являются исчерпанными въ «Патрологіи» французскаго аббата М и н я, издателя «Всеобщей библіотеки для клира», J. P. M i g n e, Patrologiae cursus completus seu Bibliotheca universalis omnium SS. Patrum, Doctorum Scriptorumque ecclesiasticorum. Сначала Минь издалъ Златоуста и Августина. Но затѣмъ въ 40-хъ годахъ онъ пришелъ къ намѣренію издать всѣхъ отцевъ. Въ 1844—55 гг. Минь издалъ 221 томъ, въ форматѣ между 8° и 4° убористаго текста, латинскихъ писателей доведенныхъ до Иннокентія III (1216 г.), въ 218—221 томахъ содержатся указатели: затѣмъ въ 1857—66 гг. издалъ греческихъ отцовъ въ 161 томѣ, доведши изданіе до взятія Константинополя турками. Такимъ образомъ здѣсь содержался весь древній и средній періодъ церковной исторіи въ главныхъ ея представителяхъ. Завѣтною мечтою его было издать святоотеческія творенія на восточныхъ языкахъ, но онъ ничего не успѣлъ для этого сдѣлать. Особыя условія работы Миня наложили на его трудъ свою печать. Чтобы выпустить огромное собраніе книгъ безъ убытка, онъ, не располагая казенной поддержкой, составилъ компанію и на ея средства велъ свое предпріятіе. И хотя такое почтенное изданіе, какъ Bibliotheca cleri universa, должно было бы вызвать сочувствіе со стороны духовной власти, однако эта послѣдняя посмотрѣла неблагосклонно на промышленное предпріятіе Миня, въ которомъ она видѣла нѣчто недостойное священнаго лица и противное апостольскимъ правиламъ, запрещающимъ духовному лицу «куплю дѣяти», такъ что Минь долженъ былъ вести борьбу съ парижскимъ архіепископомъ. Въ виду этихъ неудобствъ, изданіе Миня не могло быть особенно блестящимъ. Оно было напечатано на такой плохой бумагѣ, какая только могла найтись въ Парижѣ, такъ что пользоваться имъ нужно съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе онъ выстоялъ и довелъ дѣло до конца. Умеръ онъ въ 1875 г. Значительная часть его изданія (греческая патрологія) погибла вслѣдствіе пожара въ складѣ въ 1868 г.

Если опредѣлять цѣнность «Патрологіи» Миня, то эта цѣнность заключается прежде всего въ практичности и удоб-

ствѣ пользованія ею. Минь освободилъ свѣтъ отъ фоліантовъ бенедиктинскихъ монаховъ, которыми было очень неудобно пользоваться, между прочимъ, вслѣдствіе громадности формата. Научная цѣнность труда Миня не велика, да онъ и не преслѣдовалъ этой цѣли. Минь не былъ ученымъ издателемъ въ ряду тѣхъ, которые изслѣдовали и открывали новые пути. Онъ не ставитъ задачи—издавать авторовъ неизданныхъ, не устанавливаетъ критически текста, онъ только перепечатываетъ авторитетныя изданія. Онъ издавалъ въ такое время, когда каждый ученый долженъ былъ идти отъ изданій бенедиктинцевъ. Поэтому-то онъ предлагаетъ лишь перепечатку старинныхъ авторитетныхъ изданій, предъ которыми преимущество его Патрологіи состоитъ въ удобствѣ формата. Правда и у него были увлеченія въ сторону научности, но опытъ его въ этомъ направленіи кончился неудачно и вообще самъ Минь не имѣлъ возможности особенно улучшить текстъ произведеній, которыя онъ издавалъ. Немногіе случаи исправленія текста повели къ большимъ непріятностямъ; въ особенности для него памятною осталась исторія съ твореніями Макаріевъ. Въ Египтѣ были два Макарія: Макарій египетскій или великій и Макарій александрійскій — πολιτικός. Требовалось разграничить ихъ сочиненія. Минь думалъ при изданіи воспользоваться услугами боннскаго профессора Флёсса (Floss). Послѣдній составилъ весьма хорошее prolegomenon, но когда дѣло дошло до установки текста, то не только не поспѣлъ къ сроку, но ничего болѣе не сдѣлалъ. Произошло въ изданіи замедленіе, котораго не терпѣло коммерческое дѣло. Въ серіи греческой патрологіи сдѣлался перерывъ, типографія могла остаться безъ работы, а потому Минь сталъ издавать слѣдующіе томы, но подписчики не хотѣли брать этихъ томовъ безъ предыдущихъ. Минь обратился къ прежней практикѣ, махнулъ на Флёсса рукой и сталъ перепечатывать старыя изданія. Онъ бралъ обычно лучшее бенедиктинское изданіе, болѣе полное и авторитетное сравнительно съ другими, и означалъ жирнымъ шрифтомъ въ текстѣ своего изданія пагинацію подлинника; когда было нужно, присоединялись изданныя позднѣйшими учеными недостающія у бенедиктинцевъ святоотеческія творенія.

Всѣ недостатки, тяготѣвшіе надъ прежними бенедиктинскими изданіями твореній св. отцовъ, очевидно, должны были войти и въ Патрологію Миня, при чемъ къ нимъ прибавля-

лись и новыя погрѣшности. Поэтому ученые не освобождены и теперь отъ обязанности прибѣгать къ подлинникамъ святоотеческой литературы и къ болѣе раннимъ ея изданіямъ, и только изъ-за неудобства пользоваться тѣми и другими прибѣгаютъ къ Патрологіи Миня. Что касается болѣе раннихъ изданій, то они отличались простотою пріемовъ. Первые издатели въ основу своихъ трудовъ полагали одну, много двѣ рукописи и при этомъ рѣдко допускали поправки, какъ это дѣлали бенедиктинцы. Но за то послѣдніе, хотя пользовались для своихъ изданій большимъ матеріаломъ и отличались трудолюбіемъ, опускали въ рукописяхъ многіе варіанты и руководились авторитетомъ тѣхъ, которые раньше трудились на поприщѣ изданія святоотеческой литературы. Благодаря бенедиктинскимъ работамъ, даваемый ими текстъ рукописей пріобрѣтаетъ цѣнность въ отношеніи смысла, но ихъ изданія не представляютъ возможности для ученыхъ прослѣдить генесисъ рукописей. Другое удобство и вмѣстѣ неудобство бенедиктинскихъ издательскихъ работъ—въ томъ, что бенедиктинцы старались пріискивать и провѣрять мѣста Св. Писанія, приводимыя св. отцами въ ихъ сочиненіяхъ. У св. отцовъ, какъ имѣвшихъ подъ руками разные списки Св. Писанія, были и разныя чтенія св. текста. Бенедиктинцы же пользовались лишь списками Св. Писанія, сохранившимися въ Ватиканской библіотекѣ. Соотвѣтственно съ ними они и провѣряли тексты, находящіеся въ святоотеческихъ твореніяхъ. Если св. отецъ приводилъ мѣсто Св. Писанія несогласно съ ватиканскими списками, бенедиктинцы считали такое мѣсто опискою и спокойно поправляли его или по сикстинскому изданію Библіи (въ сочиненіяхъ греческихъ отцовъ) или по Вульгатѣ (въ твореніяхъ латинскихъ отцовъ). Этотъ невинный пріемъ бенедиктинцевъ лишаетъ ученыхъ возможности прослѣдить, изъ какой рукописи св. отецъ заимствовалъ приводимый имъ текстъ. Поэтому, ученые, для которыхъ важенъ текстъ древнѣйшихъ рукописей, вынуждены обходить бенедиктинскія изданія и пользоваться болѣе ранними изданіями. Такіе недостатки бенедиктинскихъ издательскихъ работъ вошли и въ Патрологію Миня и чрезъ то уменьшаютъ ея цѣнность. Кромѣ того и изданіе Миня не представляетъ совершенно полнаго собранія церковныхъ писателей.

Дополнительный въ этомъ отношеніи трудъ предпринялъ Жанъ Баттиста Питра (J. B. Pitra), впослѣдствіи кар-

диналъ и епископъ тускуланскій († 1889). Дѣятельность его стоитъ въ связи съ возстановленіемъ такъ называемой конгрегаціи Мавра послѣ погрома, произведеннаго французской революціей. Послѣдняя была пагубна для монастырей. Монастыри подверглись разграбленію, при которомъ были уничтожены и расхищены многіе памятники литературы. Послѣ революціи французское правительство рѣшилось возстановить ученую дѣятельность монастырей. Съ этою цѣлью была возобновлена конгрегація св. Мавра, основателемъ которой былъ ученикъ Бенедикта нурсійскаго, посланный своимъ учителемъ въ Галлію и здѣсь по его уставу устроившій монастырь. Каждый членъ конгрегаціи св. Мавра назывался «monachus Benedictinus sancti Mauri», или «Сан-Мавританомъ». Возстановленной конгрегаціи былъ отведенъ монастырь въ Солемѣ (1837). Вторымъ настоятелемъ ея и былъ Питра. Онъ издалъ въ 1852—1858 гг. памятники отеческой литературы въ сборникѣ: «Spicilegium Solesmense» — «Солемскій сборникъ колосьевъ» (4 тома in 4°). Сдѣлавшись епископомъ тускуланскимъ, Питра перенесъ свою дѣятельность въ Италію. Пользуясь рукописями Ватиканской библіотеки, онъ издалъ въ 1876—1884 гг. другой сборникъ святоотеческихъ твореній подъ названіемъ «Analecta sacra» (томъ 1—4, 6, 8 in 8°). При изданіи этого сборника онъ широко пользовался восточными рукописями на сирійскомъ, армянскомъ и коптскомъ языкахъ. Затѣмъ имъ были изданы еще Analecta novissima въ 1885—1888 г. (2 т. in 4°) и Analecta sacra et classica въ 1888 г. (in 4°).

Болѣе совершенное изданіе латинскихъ церковныхъ писателей до VII в. взяла на себя Вѣнская Академія Наукъ, издающая съ 1866 г. «Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum». Трудъ былъ раздѣленъ между самыми выдающимися филологами настоящаго времени. Чтобы понять и оцѣнить достоинства и недостатки этого труда нужно отмѣтить тотъ фактъ, что изданіе предпринято съ цѣлью дать устойчивый подлинный латинскій текстъ этихъ сочиненій. Наука обязана этимъ изданіемъ измѣнившимся взглядамъ на латинскій языкъ. Прежде различали золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный періоды латинскаго языка и на всякое отступленіе отъ классической латыни смотрѣли какъ на порчу языка и старались каждое такое мѣсто исправить въ духѣ послѣдней. Теперь же на каждое измѣненіе въ языкѣ смотрятъ какъ на естественное видоизмѣненіе

его органической жизни, и чтобы прослѣдить исторію его развитія, стараются возстановить подлинный текстъ всѣхъ писанныхъ на немъ сочиненій. Даже періодъ упадка языка представляетъ для новѣйшихъ ученыхъ интересныя данныя для выясненія возникновенія новыхъ романскихъ языковъ: потому-то филологи и принялись за изученіе твореній христіанскихъ писателей IV, V и VI вѣковъ. Прежними изданіями руководиться было неудобно. Прежніе издатели видѣли въ рукописяхъ латинскихъ отцовъ много грамматическихъ ошибокъ и исправляли ихъ. Ученые филологи Вѣнской Академіи Наукъ и задались цѣлію возстановить вполнѣ первоначальный текстъ.

Дѣло ведется исключительно филологами: это сообщаетъ изданію спеціальный оттѣнокъ. Де-Лагардъ въ рецензіи на изданіе твореній св. Кипріана въ вѣнскомъ корпусѣ, сдѣланное Гартелемъ (1868—1871), указавши разные недочеты изданія, объясняемые тѣмъ, что издатель не былъ богословомъ, справедливо замѣчаетъ, что все-таки недочеты отъ изданія св. отцовъ филологами будутъ не таковы, какъ тѣ, которыхъ можно ожидать отъ изданія ихъ богословами безъ надлежащаго филологическаго образованія и съ вредными для науки тенденціями. Всѣмъ памятны затѣи аббата Sionnet въ предпринятомъ имъ въ Парижѣ изданіи новыхъ и усовершенствованныхъ текстовъ св. отцовъ; изъ нихъ видно, чего могла бы ожидать богословская наука отъ изданія латинскихъ отцовъ-писателей католическими богословами. При изданіи Августина и Іоанна Златоуста былъ приглашенъ для филологическихъ работъ выдающійся филологъ Дюбнеръ. Дюбнеръ нашелъ, что латинская Библія, которою пользовался Августинъ, передѣлана ужасающимъ образомъ. Онъ сказалъ объ этомъ аббату Сіоннэ; тотъ грубо отвѣтилъ: «богословская часть издается мною, abbé Сіоннэ, а онъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ ограничился тѣмъ, что отыскалъ бы и установилъ цитаты изъ классическихъ авторовъ». Такимъ образомъ, знаменитая личность Дюбнера являлась только вмѣсто вывѣски, въ качествѣ приманки. Тоже самое потерпѣлъ и филологъ Янъ (Jahn) при перепечаткѣ твореній Василія Великаго: къ его указаніямъ отнеслись съ крайнимъ пренебреженіемъ. Эти прецеденты не обѣщали ничего хорошаго отъ изданій св. отцовъ католическими богословами. Филологи чужды богословскихъ интересовъ и это служитъ со стороны ихъ лучшимъ ручательствомъ того, что они дадутъ текстъ именно такъ, какъ онъ былъ въ наилучшихъ рукопи-

сяхъ и какъ можно возстановить его при помощи лучшихъ средствъ. Но за то о комментаріяхъ богословскаго содержанія филологи не заботятся. Они даютъ хорошій текстъ, но не даютъ подстрочныхъ замѣчаній. Потому Патрологія Миня и до сихъ поръ не утратила своего значенія, такъ какъ въ ней встрѣчаются диссертаціи и комментаріи, которые настолько цѣнны, что пренебрегать ими никакъ нельзя.

Изданіе Вѣнской Академіи Наукъ вызываетъ съ практической стороны тотъ упрекъ, что оно выходитъ медленно. Но эта медленность показываетъ и трудность изданія. Такъ о вышедшемъ въ 1882 г. изданіи Орозія извѣстно, что издатель Zangenmeister работалъ надъ нимъ 15 лѣтъ: 15 лѣтъ труда дали возможность этому ученому установить текстъ добросовѣстно. Для своихъ цѣлей вѣнскіе ученые собираютъ свѣдѣнія во всѣхъ библіотекахъ и все, что даетъ цѣлая Европа, находитъ въ ихъ трудахъ практическое примѣненіе. Медленность, такимъ образомъ, сопряжена съ качествомъ работы. Это изданіе примѣняетъ къ пользованію рукописями самый вѣрный методъ. Оно считаетъ недостаточнымъ выписать варіанты изъ рукописей, но устанавливаетъ связь рукописей по фамиліямъ, которымъ онѣ принадлежатъ. Такимъ образомъ издатели думали нарисовать картину исторіи памятниковъ. Другой упрекъ, который можно было сдѣлать этому изданію, состоитъ въ томъ, что оно содержало въ себѣ большею частію авторовъ, менѣе важныхъ для богословія вообще и церковной исторіи въ частности, такъ что изъ вышедшихъ на первыхъ порахъ авторовъ цѣнныхъ оказывалось немного, каковы: Кипріанъ, Викторъ витскій, Сульпицій Северъ, Павелъ Орозій, Іоаннъ Кассіанъ. Остальные представляютъ собою писателей, настолько мало дающихъ матеріала для церковной исторіи, что за изученіе ихъ едва ли кто возьмется, кромѣ филологовъ [1]).

Успѣхъ вѣнскаго изданія зависѣлъ между прочимъ и отъ особыхъ причинъ, сущность которыхъ заключалась въ соперничествѣ Вѣнской и Берлинской Академій, вопреки всѣмъ увѣреніямъ другъ друга во взаимныхъ вспоможеніяхъ. Въ Берлинѣ издаются «Monumenta Germaniae historica», имѣющія

[1]) Въ настоящее время вышло болѣе 40 томовъ этого собранія и число произведеній, представляющихъ интересъ съ богословской и церковно-исторической точки зрѣнія значительно увеличилось. *А. Б.*

весьма важное значеніе; здѣсь въ отдѣлѣ «Scriptores», среди «Auctores antiquissimi» (1877—1898, 13 томовъ) фигурируютъ тѣ латинскіе церковные писатели, которые дѣйствовали на германской почвѣ, напр. Орозій и др. Благодаря конкурренціи между Берлиномъ и Вѣною, вѣнскіе ученые, встрѣтивъ несогласія въ рукописяхъ, ожидали изданія ихъ въ Берлинѣ и затѣмъ провѣряли свой текстъ по берлинскому.

Такимъ образомъ можно надѣяться, что древніе латинскіе церковные писатели будутъ изданы въ Вѣнѣ и Патрологія Миня въ соотвѣтствующей части, по отношенію къ тексту писателей, упразднится. Но долго не потеряетъ своего значенія Патрологія Миня относительно греческихъ церковныхъ писателей. Едва ли можно ожидать, что и въ XX столѣтіи выйдутъ древніе церковные греческіе писатели въ полномъ видѣ. До послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени можно было указать только на единицы, дѣлавшія хотя что нибудь для переизданія греческихъ церковныхъ писателей; исключеніе представляютъ лишь немногочисленныя писанія мужей апостольскихъ и христіанскихъ апологетовъ. Когда же вслѣдъ за апологетами является Оригенъ, то для переизданія его уже весьма нелегко найти издателей, тѣмъ болѣе Василія В., Григорія Богослова, Іоанна Златоуста. Что касается того, что издаваемо было ранѣе въ Германіи напр. Гарнакомъ, то это были лишь небольшіе кусочки изъ памятниковъ древней христіанской литературы. Тоже сравнительно небольшое значеніе имѣютъ въ количественномъ отношеніи изданія Карла де-Боора (de Boor), знакомящія насъ съ Θеофаномъ Исповѣдникомъ, Θеофилактомъ, Никифоромъ—патріархомъ константинопольскимъ и др. Отсюда—Патрологія Миня до сихъ поръ, можно сказать, не сдѣлалась устарѣлою.

Указанное отношеніе къ греческой литературѣ понятно само собою. Латинскіе писатели интересуютъ филологовъ-латинистовъ, филологовъ романскихъ, историковъ романскихъ и германскихъ. Напротивъ, греческіе писатели интересуютъ историковъ общегражданскихъ и, затѣмъ, развѣ еще самихъ грековъ. Дѣло въ томъ, что греческій языкъ никакихъ новыхъ нарѣчій не пустилъ; новогреческій языкъ представляетъ собою только видоизмѣненіе его. Отсюда онъ можетъ быть интересенъ единственно для филолога-эллиниста, а при такомъ условіи недостатокъ ученыхъ, которые заинтересованы были бы изученіемъ греческаго языка, является фактомъ совершенно

естественнымъ и понятнымъ. До какой же степени узко смотрятъ на дѣло общегражданскіе историки, объ этомъ легко судить хотя бы по слѣдующему факту. Когда появилось изданіе хроники Ѳеофана, то ученые рецензенты дѣлали замѣтки подобнаго рода, что изданіе это небезполезно и для германскаго міра и именно потому, что на греческой почвѣ бывали-де и германцы [1]).

Патрологія Миня, если бы она была даже пополнена, все-таки будетъ имѣть тотъ существенный недостатокъ, что она не обнимаетъ двухъ отраслей греческой и латинской письменности. Дѣло въ томъ, что въ ней изданы только такія произведенія, которыя принадлежатъ опредѣленнымъ авторамъ. Самая программа Патрологіи Миня исключаетъ поэтому аноним-

---

[1]) Въ послѣднее время, однако, тотъ интересъ, какой имѣютъ протестанты къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства, привелъ протестантскихъ ученыхъ къ мысли предпринять и вполнѣ удовлетворяющее научнымъ требованіямъ изданіе произведеній всѣхъ греческихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ, такъ какъ подобное изданіе прежде всего и болѣе всего необходимо для серьезнаго изученія этой эпохи. Это дѣло взяла на себя Берлинская Академія Наукъ и съ 1891 года начались подготовительныя работы. Въ изданіе, подъ общимъ заглавіемъ „Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte“ herausgeg. von der Kirchenväter-Commission der königl. preussischen Akademie der Wissenschaften (Leipzig, Hinrichs), должны войти всѣ безъ исключенія греческіе памятники древней христіанской литературы до Евсевія кесарійскаго включительно, хотя бы сохранившіеся только въ переводахъ, за исключеніемъ лишь новозавѣтныхъ писаній; будутъ изданы даже произведенія позднѣйшей іудейской письменности, насколько они были приняты въ христіанской средѣ. Въ 1897 г. вышелъ первый томъ изданія, содержавшій часть твореній Ипполита римскаго. Съ тѣхъ поръ появился уже цѣлый рядъ другихъ памятниковъ (произведенія Адамантія, Климента александрійскаго, Евсевія, Оригена, книга Еноха, коптскія гностическія произведенія, Oracula Sibyllina). Все изданіе разсчитано приблизительно на 50 томовъ. Въ отличіе отъ вѣнскаго изданія латинскихъ писателей, это новое предпріятіе Берлинской Академіи ведется главнымъ образомъ богословами; во главѣ его стоитъ А. Гарнакъ и его монументальная „Исторія древнехристіанской литературы“ имѣетъ ближайшее отношеніе къ этому дѣлу. Но къ участію въ немъ приглашены вообще лучшія научныя силы Германіи (такъ Моммсенъ, напр., издалъ первыя пять книгъ латинскаго перевода исторіи Евсевія Руфина) и частію другихъ странъ и при его выполненіи находятъ примѣненіе всѣ средства, какія можетъ дать современная филологическая наука. Поэтому, несмотря на неменьшую трудность дѣла въ сравненіи съ изданіемъ латинскихъ писателей, оно обѣщаетъ быть въ общемъ образцовымъ и устранитъ всѣ предшество-

ныя сочиненія (за нѣкоторыми исключеніями) съ одной стороны, и такіе коллективные труды, какъ «дѣянія соборовъ»— съ другой. [Дѣянія соборовъ также самъ Минь имѣлъ намѣреніе издать особо въ 80 томахъ, но не успѣлъ приступить къ выполненію и этой своей мысли]. Такимъ образомъ приходится обращаться еще къ другимъ сборникамъ памятниковъ древне-христіанской литературы помимо Патрологіи Миня.

Дѣянія соборовъ.

Исторія изданія соборныхъ дѣяній весьма интересна въ смыслѣ постепеннаго роста издательскихъ пріемовъ. Средневѣковый романо-германскій міръ въ своихъ богословскихъ и историческихъ изданіяхъ довольствовался только канониче-

вавшія изданія входящихъ въ составъ его произведеній. Издатели даютъ при этомъ введенія къ изданнымъ памятникамъ, иногда весьма обширныя, и обстоятельные индексы. Цѣлямъ разсматриваемаго предпріятія должна служить начатая съ 1897 г. новая серія Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur herausgeg. von O. Gebhardt und A. Harnack, получившая съ этого времени подзаглавіе: Archiv für die von der Kirchenväter-Commission der kgl. preuss. Akademie unternommene Ausgabe der älteren christlichen Schriftsteller. Но по отношенію къ греческимъ отцамъ IV и дальнѣйшихъ вѣковъ дѣло не измѣняется, старыя изданія и Минь остаются здѣсь въ прежнемъ значеніи. Правда, замѣчается значительное оживленіе въ послѣднее время въ области византологіи (K. Krumbacher и издаваемый имъ съ 1892 года журналъ Byzantinische Zeitschrift въ Германіи, Ch. Diehl и его ученики во Франціи, изданіе съ 1894 г. Византійскаго Временника въ Россіи и основаніе въ этомъ году русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ). Но если и можно указать на рядъ новыхъ цѣнныхъ изданій отдѣльныхъ византійскихъ авторовъ, то на какой либо цѣльный Corpus греческихъ церковныхъ писателей, жившихъ позднѣе первыхъ трехъ вѣковъ, едва ли можно разсчитывать въ близкомъ будущемъ.

Намѣреніе Миня издать писателей на восточныхъ языкахъ въ недавнее время нашло на западѣ осуществленіе даже сразу въ двухъ видахъ. Съ одной стороны, въ Парижѣ начала издаваться съ 1903 г. „Patrologia orientalis“, подъ редакціею R. Graffin и F. Nau, профессоровъ парижскаго католическаго института. По замѣчанію издателей, эта „Патрологія“ должна восполнять греческую и латинскую патрологію Миня, удерживая даже форматъ послѣдней, и является какъ бы продолженіемъ предпринятой еще ранѣе Graffin'омъ, но не пошедшей далѣе перваго тома Patrologia syriaca (1894, гомиліи Афраата). Въ ней будутъ находить мѣсто и греческіе тексты, которыхъ нѣтъ у Миня. Вмѣстѣ съ подлинными текстами дается переводъ ихъ на латинскій или какой либо изъ новыхъ европейскихъ языковъ (французскій, нѣмецкій, англій-

скими сборниками. Естественно, что при такомъ условіи указанная литературная отрасль была въ совершенномъ забвеніи. Собранія въ этомъ родѣ появились только подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ германской реформаціи.

Въ видахъ борьбы съ новшествами, парижскимъ каноникомъ Жакомъ Мерленомъ (Jacques Merlin) въ 1524 г. было предпринято изданіе соборовъ, представляющее одинъ фоліантъ въ 2 частяхъ. Въ немъ должны были помѣщаться дѣянія всѣхъ вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ и опредѣленія папъ. Можно судить, какъ мало представлялъ себѣ этотъ ученый область каноническихъ матеріаловъ, и вполнѣ естественно, что его намѣреніе оказалось лучше самаго исполненія. Сборникъ оказался неудовлетворительнымъ. Такъ посланіе Кирилла александрійскаго къ Несторію приписывается въ

скій, итальянскій). Появившіеся выпуски первыхъ четырехъ томовъ не обнаруживаютъ какого либо опредѣленнаго плана въ размѣщеніи издаваемыхъ памятниковъ. Одновременно съ этой „Патрологіей“, съ другой стороны, задуманъ, также въ Парижѣ, и издается подъ редакціей оріенталистовъ J. B. Chabot, J. Guidi, H. Hyvernat, B. Carra de Vaux по заранѣе выработанной весьма широкой программѣ „Corpus scriptorum christianorum orientalium“. Все изданіе раздѣляется на отдѣлы по языкамъ печатаемыхъ произведеній (scriptores arabici, aethiopici, coptici, syri), отдѣлы — на серіи примѣнительно къ содержанію. Намѣченный планъ выполняется по мѣрѣ приготовленія къ печати отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ. Доселѣ вышли или частью только начаты 16 томовъ. Въ цѣломъ собраніе разсчитано по крайней мѣрѣ на 200 томовъ in 8°. Переводъ предположено давать, за немногими исключеніями, лишь на латинскомъ языкѣ; онъ печатается и можетъ быть пріобрѣтаемъ отдѣльно отъ восточныхъ текстовъ. Въ то и другое изданіе будутъ входить самые разнообразные по содержанію памятники восточныхъ литературъ, въ томъ числѣ агіографическіе, литургическіе, каноническіе, даже философскіе (въ Corpus). Конкурренція между двумя однородными предпріятіями, въ которыхъ принимаютъ участіе большинство выдающихся современныхъ оріенталистовъ, представляется несовсѣмъ понятною и въ данномъ случаѣ едва ли желательною (ср. Б. А. Тураевъ, Современныя предпріятія по изданію литературныхъ памятниковъ христіанскаго востока. Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, № 1) и уже сопровождалась нѣкоторыми непріятными недоразумѣніями между издателями по поводу появленія въ обоихъ изданіяхъ одного и того же памятника (арабской исторіи александрійскихъ патріарховъ Севира эшмунскаго, Seybold въ Corpus и Evetts въ Patrologia). Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать чрезвычайной важности этихъ предпріятій для церковной исторіи и вообще для богословской науки, такъ какъ они обѣщаютъ познакомить ученый міръ съ массой малоизвѣстныхъ или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ доселѣ памятниковъ. *А. Б.*

немъ Ефесскому собору. V-й вселенскій соборъ (553 г.) оказался совершенно неизвѣстнымъ. А что фигурируетъ подъ именемъ этого собора, то на самомъ дѣлѣ относится къ собору 536 г., бывшему при константинопольскомъ патріархѣ Минѣ, и къ іерусалимскому. Но разъ первый толчекъ былъ данъ въ этомъ направленіи, за Мерленомъ нашлись послѣдователи. Изданіе Мерлена было перепечатано въ 1530 и 1536 гг.

Въ 1538 г. въ Кёльнѣ явилось изданіе францисканскаго монаха Петра Краббе, въ видѣ 2 томовъ in folio. Для этого изданія, по его словамъ, было разсмотрѣно имъ до 500 библіотекъ. Здѣсь обнаружились новые документы, какъ напр. «Breviarium» карѳагенскаго архидіакона Либерата. Отсюда это изданіе является нѣсколько лучшимъ сравнительно съ прежними. Достоинство сборника Краббе заключается между прочимъ еще въ томъ, что дѣянія IV вселенскаго собора приводятся у него по переводу римскаго діакона Рустика, такъ что, благодаря этому, явилась возможность пересмотрѣть латинскій переводъ. Мало того, такъ какъ древнія изданія предпринимались нерѣдко такъ, что древнія рукописи служили въ типографіи вмѣстѣ и оригиналами и поэтому очень часто пропадали, то изданіе Краббе является весьма важнымъ и въ томъ отношеніи, что является иногда замѣною оригиналовъ.

Послѣ Краббе, въ смыслѣ расширенія научныхъ знаній, слѣдуетъ отмѣтить 4-томное изданіе Лаврентія Сурія 1567 г. Въ немъ появляются Постановленія апостоловъ (8 кн.), дѣянія V-го вселенскаго собора, такъ называемый «Codex encyclicus», представляющій собою собраніе посланій митрополитанскихъ соборовъ къ императору Льву I-му. За Суріемъ послѣдовало въ 1585 г. венеціанское изданіе Николини въ 5 томахъ. Слѣдующее изданіе, переиздававшееся до трехъ разъ, принадлежитъ Северину Бинію; изъ нихъ 1-е изданіе въ Кёльнѣ относится къ 1606 г. Оно показываетъ, между прочимъ, насколько недостаточны были воззрѣнія самихъ издателей на свои задачи. Такъ, напр., въ качествѣ дѣяній Никейскаго собора приводится въ немъ трудъ Геласія.

Наиболѣе видный въ этомъ отношеніи шагъ представляетъ римское изданіе «Collectio Romana» 1608—12 г., предпринятое по приказанію папы Павла V. Во главѣ этого изданія стояли іезуиты, въ особенности Сирмонъ (Sirmond). Это изданіе обнимало собою въ четырехъ фоліантахъ документы вселенскихъ соборовъ. Матеріаломъ для этого изданія послу-

жили греческія рукописи, найденныя среди сокровищъ Ватиканской библіотеки; послѣднимъ обусловливался громадный успѣхъ этого изданія, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что это обстоятельство (греческія рукописи) имѣло и своего рода невыгодныя стороны. Имѣя подъ руками греческій текстъ, издатели вообразили его себѣ совершеннымъ, непогрѣшимымъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имъ констатировать разность между рукописями, они поправляли латинскій текстъ. Такимъ образомъ, открывъ греческій текстъ, эти издатели въ качествѣ корректоровъ значительно погрѣшили противъ первоначальнаго текста латинскаго. Они поправляли стиль, многое вычеркивали, нѣкоторыя мѣста замѣняли своими выраженіями: словомъ, они поступали съ переводомъ какъ со школьною работой, такъ что въ ихъ изданіи латинскій текстъ потерялъ значеніе и характеръ древняго перевода. Важно, что эти издатели, убѣдившись въ непогрѣшимости этого текста, исправляли по нему и латинскій текстъ символовъ.

За римскимъ изданіемъ слѣдовало «Conciliorum collectio regia», Королевское собраніе соборовъ, явившееся въ 1644 г. въ Парижѣ и состоящее изъ 37 томовъ. И въ этомъ изданіи мы находимъ новые документы, напр. посланіе Вигилія, которымъ онъ соборъ 553 года признавалъ за V-й вселенскій соборъ. Въ типографскомъ отношеніи это изданіе представляло верхъ искусства: были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы изданіе вышло роскошнымъ. И дѣйствительно, оно поражало своею внѣшностью. Но къ сожалѣнію нельзя этого сказать о внутреннемъ достоинствѣ изданія.

По полнотѣ своей оно было превзойдено изданіемъ Филиппа Лябба (Labbe), французскаго іезуита, который приступилъ къ дѣлу съ большою осторожностью: онъ напечаталъ сначала программу своего изданія, такъ что ученый міръ ознакомился съ этою программою и сдѣлалъ редактору многія указанія съ цѣлію исправленія недостатковъ. Благодаря такому пріему, ему удалось открыть до 30 новыхъ соборовъ, происходившихъ на западѣ и доселѣ неизвѣстныхъ. Греческій текстъ въ этомъ изданіи явился въ лучшемъ видѣ. Ляббъ умеръ въ 1667 г., когда онъ подготовлялъ къ печати томы 9 и 10-й. Изданіе было доведено до конца товарищемъ Лябба по іезуитскому ордену Габріелемъ Коссаромъ (Cossart) въ 1672 г., когда былъ изданъ послѣдній 17-й томъ.

Но и Филиппъ Ляббъ не могъ отрѣшиться отъ «Collectio

Romana». На этотъ существенный недостатокъ и обратилъ свое вниманіе одинъ французскій ученый Этьенъ Балюзъ (Baluze), который обладалъ счастливою способностью отыскивать документы наиболѣе цѣнные и былъ одаренъ необыкновеннымъ чутьемъ по части издательской. Его свѣрка съ другими рукописями существующаго латинскаго текста убѣдила, что romani correctores въ самой основѣ повредили текстъ и исказили смыслъ. Поэтому онъ задался цѣлію возстановить первоначальный латинскій текстъ, установивъ различіе двухъ редакцій для дѣяній IV вселенскаго собора: а) до Рустика и б) Рустика. Но такъ какъ уже до него всѣ книжные магазины и рынки были переполнены прежними изданіями и ни одинъ издатель не хотѣлъ принять на себя новаго изданія, не продавъ прежняго, то Балюзу и пришлось ограничиться изданіемъ однихъ лишь варіантовъ къ изданію Лябба-Коссара въ 1683 г. Ему удалось выяснить характеръ соборовъ 355 г. въ Миланѣ и 359 г. въ Римини, также характеръ карѳагенской конференціи 411 г. съ донатистами. Его работы по возстановленію подлиннаго греческаго текста обнимаютъ всѣ документы до V-го вселенскаго собора включительно.

Чаще всего въ старыя времена цитировалось изданіе Лябба, но теперь оно утратило свое значеніе и если продолжаютъ на него ссылаться, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что авторы находятся далеко не въ благопріятной обстановкѣ, именно—въ какомъ-либо провинціальномъ городкѣ, гдѣ нѣтъ возможности достать болѣе важные источники, каковыми являются труды Гардуэна и Манси.

Первое изъ нихъ, изданіе іезуита Жана Гардуэна (Hardouin, † 1729) «Conciliorum collectio regia maxima» появилось въ Парижѣ въ 12 фоліантахъ въ 1715 г.; послѣдній соборъ помѣченъ 1711 г. Въ типографскомъ отношеніи это изданіе отличается чистотою и ясностію и вообще обладаетъ многими достоинствами. Однако издатель не съумѣлъ какъ слѣдуетъ воспользоваться прибавленіями Балюза и, пользуясь ими только слегка, исправлялъ текстъ, не означая даже имени автора, которымъ онъ пользовался. Фальшивую сторону этого труда и составляетъ особенное отношеніе Гардуэна къ трудамъ предшественниковъ, такъ какъ онъ, пользуясь изданіемъ Балюза, выдаетъ его данныя за результаты своей работы. Для латинскаго текста дается нѣчто среднее между истиннымъ его характеромъ, съ какимъ онъ является у Балюза, и между тѣмъ,

съ какимъ онъ является у предшествующихъ издателей. Къ преимуществамъ изданія Гардуэна слѣдуетъ отнести различные приложенные къ нему индексы.

Предпріятіе Доминника Мансн (Mansi) стоитъ въ извѣстной связи съ изданіемъ соборныхъ актовъ книгопродавца Николая Колети, вышедшимъ въ Венеціи въ 23 томахъ въ 1728—1734 г. Само по себѣ это изданіе не представляло ничего новаго, будучи перепечаткою текста Лабба. Счастливая особенность его заключается въ томъ, что оно заинтересовало ученый міръ. Мансн, бывшій каноникомъ въ Луккѣ, взялъ на себя трудъ составить шесть дополнительныхъ томовъ къ этому изданію вышедшихъ въ 1748—1752 г. А потомъ онъ и самъ рѣшился дать изданіе соборовъ. Явилось «Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio» въ 31 томѣ, изъ которыхъ первый томъ появился во Флоренціи въ 1759 г., послѣдній въ 1798. Мансн не успѣлъ довести изданія до конца и умеръ въ этомъ году въ званіи архіепископа луккскаго (съ 1765). Предпріятіе Мансн находилось въ рукахъ книгопродавцевъ и потерпѣло нѣсколько въ типографскомъ отношеніи. Можетъ быть и самый распорядокъ этого изданія зависѣлъ отъ коммерческихъ соображеній. Почти каждый болѣе или менѣе выдающійся соборъ былъ разбитъ на два тома, такъ что половина начинается въ одномъ томѣ, а конецъ содержится въ другомъ. Изданіе Мансн оканчивается Флорентинскимъ соборомъ. Поэтому оно не могло вытѣснить изданія Гардуэна. Въ немъ нѣтъ также указателей, какіе имѣются у Гардуэна. Но въ научныхъ работахъ приходится руководиться предпочтительно собраніемъ Мансн не только потому, что Мансн воспользовался большимъ количествомъ варіантовъ, но и потому, что Гардуэнъ вставлялъ въ текстъ свои собственныя конъектуры. Достоинство изданія Мансн заключается и въ томъ, что оно полнѣе изданія Гардуэна. Все изданное въ Supplementa, отмѣчено у него знакомъ указующей руки; онъ издалъ все, что было извѣстно. Въ изданіе его входятъ всѣ соборы вселенскіе, помѣстные и папскія посланія.

Недостатки изданія Мансн естественно заставляютъ желать замѣны его чѣмъ либо лучшимъ. О новомъ изданіи соборныхъ документовъ объявлялъ еще въ 1870 и затѣмъ въ 1884 г. парижскій издатель Пальмэ (Victor Palmé). Но Пальмэ въ концѣ концовъ обѣщалъ только дать воспроизведеніе изданія Мансн, а чтобы привлечь публику, онъ обѣщалъ 32-й томъ, гдѣ бу-

детъ помѣщенъ указатель, который отдѣльно продаваться не будетъ. Въ научномъ отношеніи такое предпріятіе представляется затѣей вредной, потому что разъ бросить на рынокъ это дорогое изданіе, нельзя будетъ частнымъ лицамъ предпринять что-либо новое [1]).

Что неудобства изданія Манси чувствительны, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Форматъ этого изданія— громадный, оно не вмѣщается на столѣ, такъ что въ этомъ отношеніи пользоваться имъ неудобно. При своей полнотѣ собраніе Манси заключаетъ въ себѣ весьма много лишняго. Въ немъ помѣщены псевдоисидоровы декреталіи, а потомъ и дальнѣйшія папскія посланія. Основанія для перепечатки нѣкоторыхъ папскихъ посланій заключались въ томъ, что папы иногда писали посланія послѣ римскихъ помѣстныхъ соборовъ. Но для такого изданія, какъ изданіе соборовъ, папскія посланія являются излишнимъ балластомъ, такъ какъ послѣднія имѣютъ своихъ издателей. Посланія папъ до Льва изданы Кутаномъ (Coustant), Левъ Великій былъ изданъ учеными Баллерини, преемники Льва до Гормизды изданы Тилемъ (Thiel), Григорій Великій имѣется въ «Monumenta Germaniae». Такимъ образомъ значительную часть изданія Манси можно разсматривать, какъ излишнюю. Издатель, далѣе, расширилъ свою задачу, какъ и свою программу, и чтобы объяснить дѣятельность папъ, посланія которыхъ онъ помѣщаетъ въ своемъ изданіи, онъ предъ каждымъ папою даетъ выдержки изъ «Liber pontificalis». Эта часть его трудовъ устарѣла въ особенности послѣ изданія французскаго ученаго Дюшена. Но особенно ненужный балластъ представляютъ тѣ комментаріи,

---

[1]) Пальма не привелъ своего проекта въ исполненіе. Но за то позже, въ 1899 г., перепечатку изданія Манси предпринялъ другой парижскій издатель, Вельтэ (H. Welter). Число томовъ съ продолженіемъ, дополненіями и указателемъ должно возрасти до 45 (или 50) и въ скоромъ времени, повидимому, изданіе будетъ закончено. Собраніе Манси между тѣмъ подверглось довольно рѣзкой критикѣ въ изслѣдованіи бенедиктинца Кантэна, H. Quentin, Jean-Dominique Mansi et les grandes collections conciliaires. Paris 1900. Не замедлили появиться выводы изъ этой критики и по отношенію къ предпріятію Вельтэ (Finke въ Litterarische Rundschau für das katholische Deutschland 1902). Издатель оправдывалъ цѣлесообразность своей дополненной перепечатки спросомъ въ ученомъ мірѣ на сдѣлавшееся уже рѣдкимъ первое изданіе и малою надеждою на готовность ученыхъ въ ближайшемъ будущемъ приняться за новое болѣе совершенное изданіе. *А. Б.*

которыми снабжены и папскія посланія и выдержки изъ «Liber pontificalis». Въ настоящее время въ вопросахъ, касающихся исторіи соборовъ, ученые преклоняются предъ авторитетомъ ученаго Гефеле и поэтому пользуются его трудомъ (C. J. Hefele. Conciliengeschichte. 2 Aufl. Freiburg im. Br. 1873 и дал.). Къ разсужденіямъ же Манси обращаются тѣ, которые хотятъ воздать suum cuique и указать значеніе трудовъ Манси въ исторіи изученія соборныхъ актовъ. Такимъ образомъ въ трудѣ Манси много лишняго. Если исключить излишній матеріалъ, то изданіе его сократится значительно. То, что относится къ соборамъ, у него перепечатано по кусочкамъ изъ древняго синодика (Liber synodicus), гдѣ даются свѣдѣнія иногда очень краткія, иногда поражающія заимствованіями изъ какихъ-то неизвѣстныхъ источниковъ. Гардуэнъ поступилъ лучше, перепечатавъ этотъ синодикъ въ полномъ видѣ. Неудобство изданія Манси заключается еще и въ томъ, что оно не отмѣчаетъ страницъ предшествующихъ изданій.

Если когда-либо новое изданіе соборныхъ документовъ должно осуществиться, то, во всякомъ случаѣ, оно должно явиться въ другомъ видѣ, съ выдѣленіемъ папскихъ посланій и другихъ лишнихъ документовъ и съ измѣненіемъ хронологическаго порядка изданія, который удержалъ Манси. Вообще объемъ собранія документовъ, относящихся къ соборамъ, трудно опредѣлить съ точностію. Трудно, напр., сказать, какіе документы, относящіеся ко времени Ефесскаго собора, принадлежатъ Ефесскому собору. Поэтому, лучше было бы, если бы ученые воздерживались отъ перепечатыванія посланій Целестина, Сикста и даже Кирилла александрійскаго. Кириллъ александрійскій имѣлъ своего издателя, а подъ именемъ Ефесскаго собора нужно выдавать только то, что было читано на немъ, или то, что относятъ къ нему современные отцы, или то, наконецъ, что не могло имѣть своего издателя, какъ напр. посланіе Іоанна антіохійскаго.

Что касается, съ другой стороны, порядка въ распредѣленіи документовъ, то чтеніе актовъ соборовъ по Манси въ хронологической послѣдовательности, то восточныхъ, то западныхъ, производитъ впечатлѣніе странности, потому что характеръ занятій соборовъ для востока и запада различенъ; тогда какъ востокъ занимался христологическими спорами, западъ— установленіемъ церковной дисциплины. Извѣстно, далѣе, что соборы свою дѣятельность выразили въ троякой формѣ: 1)

πεπραγμένα или πράξεις представляютъ собою подробный стенографическій отчетъ о дѣятельности собора; 2) были и другого рода памятники, которыми отцы собора извѣщали христіанскій міръ и государей о тѣхъ выводахъ, къ которымъ они пришли, краткіе отчеты въ видѣ докладовъ или протоколовъ; 3) наконецъ, постановленія соборовъ иногда выражаются въ документѣ, извѣстномъ подъ именемъ «κανόνες», заключающемъ самыя краткія положенія, выработанныя на соборѣ и доводимыя отцами собора до свѣдѣнія всего христіанскаго міра. Очевидно, что выдѣленіе въ соборныхъ памятникахъ «πράξεις» отъ другихъ документовъ имѣетъ законное основаніе.

Всѣ соборы можно было бы раздѣлить на три цикла. А) Документы перваго цикла — I и II вселенскихъ соборовъ, въ связи съ помѣстными восточными соборами, имѣютъ значеніе не столько для исторіи догмы, сколько для каноническаго права. Извѣстно, что дѣянія I и II вселенскихъ соборовъ не сохранились, кромѣ списковъ отцовъ и еще нѣкоторыхъ документовъ. Б) Съ III вселенскаго собора открывается новая эпоха для издателей соборныхъ дѣяній, такъ какъ всѣ послѣдующіе соборы были посвящены одному вопросу и результаты ихъ сохранились въ формѣ «πεπραγμένα». Въ изданіи вселенскихъ соборовъ отъ III-го до VII-го должны найти мѣсто также дѣянія Константинопольскаго собора 536 г. при Минѣ, и дѣянія Латеранскаго собора 649 г. при папѣ Мартинѣ. Дѣянія VII собора представятъ завершительное звено В). Наконецъ, помѣстные соборы, которыми богата западная церковь, должны составить отдѣльный сборникъ, который представитъ болѣе интереса для канониста, чѣмъ для историка.

Такимъ образомъ изданіе соборныхъ документовъ должно состоять изъ 3 частей: первая часть должна заключать постановленія первыхъ двухъ вселенскихъ и восточныхъ помѣстныхъ соборовъ, вторая—дѣянія вселенскихъ соборовъ, начиная съ III-го, и третья—памятники западныхъ помѣстныхъ соборовъ. Памятники соборовъ о лицѣ Господа Іисуса Христа были бы сгруппированы вмѣстѣ. Греческій текстъ могъ бы быть дополненъ на основаніи рѣдкихъ ватиканскихъ рукописей, латинскій же текстъ явился бы въ обѣихъ редакціяхъ, древней и исправленной Рустикомъ въ VI в. Для возстановленія первоначальнаго латинскаго текста работали Балюзъ и кардиналъ Питра. Можно было бы возстановить его во всей чистотѣ. У Манси же дѣло оставлено въ первоначальномъ видѣ;

вездѣ онъ перепечатываетъ по старому испорченный латинскими корректорами текстъ рядомъ съ греческимъ (по Лябу), а внизу даетъ поправки, заимствованныя у Балюза.

Удачный опытъ изданія каноновъ восточной и западной церкви въ небольшомъ объемѣ былъ уже сдѣланъ подъ руководствомъ Неандера Брунсомъ, H. T. Bruns, Bibliotheca ecclesiastica. Canones apostolorum et conciliorum. I—II. Berolini 1839. Два тома in octavo вмѣсто 12 томовъ Манси содержатъ здѣсь все наиболѣе цѣнное въ этомъ отношеніи изъ постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ [1]).

Агіографическіе памятники.

Другой родъ собраній отдѣльныхъ документовъ, имѣющихъ значеніе для церковной исторіи, это собранія агіографическихъ памятниковъ, актовъ мучениковъ и біографій святыхъ—«acta sanctorum». Изданіе этихъ памятниковъ принадлежитъ такъ называемымъ болландистамъ и имѣетъ такое полное заглавіе: «Acta sanctorum, quotquot toto in orbe coluntur», «Дѣянія всѣхъ святыхъ, какихъ только ни почитаютъ во всей вселенной». Болландисты—это фламандскіе іезуиты, во главѣ которыхъ стоялъ Іоаннъ Болландъ, умершій въ 1665 году. Болландъ былъ собственно продолжателемъ дѣла, начало которому положилъ Геривертъ Росвейдъ (Rosweyde

---

[1]) Ср. В. В. Болотовъ, Замѣтка о книгѣ: Каноны важнѣйшихъ древне-церковныхъ соборовъ вмѣстѣ съ апостольскими правилами, изд проф. Фр. Лаухерта. [Die Kanones der wichtigsten altkirchlichen Concilien nebst den Apostolischen Kanones, herausgeg. von *F. Lauchert*. Freiburg im Br. und Leipzig 1896]. Христ. Чтеніе, 1896, II, 178—195. — Критическое изданіе древнихъ латинскихъ переводовъ относящихся къ соборамъ греческихъ памятниковъ предпринялъ въ послѣднее время C. H. Turner, Ecclesiae occidentalis monumenta juris antiquissima. Canonum et conciliorum graecorum interpretationes latinae. Fasc. I, 1—2. Oxonii 1899—1904 (апостольскія правила и никейскіе документы). — Что касается русскаго перевода „Дѣяній вселенскихъ соборовъ" (т. I—VII, Казань 1859—1873, всѣ томы имѣются во 2 изданіи, 5-й въ 3-мъ), то онъ сдѣланъ, какъ замѣчается въ предисловіи къ 1 тому, по изданіямъ Лябба-Коссара и Гардуэна. Тщательный пересмотръ и исправленіе во многихъ случаяхъ текста этого перевода нужно признать болѣе чѣмъ желательнымъ, въ особенности если имѣть въ виду важность соборныхъ документовъ. Обозначеніе на поляхъ перевода пагинаціи наиболѣе употребительныхъ изданій Гардуэна и Манси не было бы при этомъ ненужной лишь роскошью.

А. Б.

† 1629). Преемниками его были другіе іезуиты, Henschen († 1681), Papebroch († 1714) и пр. Іезуиты, предпринимая изданіе, по существовавшему въ то время обычаю, не обозначили мѣры участія своихъ сочленовъ въ предпріятіи. Это объясняется ихъ скромностью; но скромность въ настоящемъ случаѣ нельзя назвать похвальною, потому что для послѣдующихъ ученыхъ весьма важно знать, принадлежитъ ли извѣстный трудъ какому-либо опытному ученому, или только начинающему ученую дѣятельность іезуиту. Впрочемъ, нѣкоторые участники въ этомъ изданіи были настолько чутки къ научнымъ потребностямъ, что помѣстили свои иниціалы.

По первоначальной задачѣ это предпріятіе должно было имѣть скромный характеръ. Издатели имѣли для себя примѣръ въ лицѣ предшественника на этомъ поприщѣ. Лаврентія Сурія, издавшаго въ 6 томахъ житія святыхъ, чествуемыхъ латинскою церковью (1570—75); сюда вошло немало греческихъ памятниковъ. Іезуиты хотѣли только дополнить изданіе Сурія и въ 18 фоліантахъ Болландъ хотѣлъ издать житія цѣлаго года. Но когда онъ приступилъ къ изданію, матеріалъ началъ быстро разрастаться: теперь уже не мѣсяцъ издается въ двухъ фоліантахъ, а цѣлый фоліантъ обнимаетъ только два дня мѣсяца. Изъ этого можно видѣть, насколько конецъ предпріятія не соотвѣтствуетъ началу. На ряду съ ростомъ научнаго матеріала измѣнена была и форма изданія. Сначала думали дать только латинскій переводъ съ греческихъ памятниковъ, а потомъ стали давать и греческій текстъ. Первый томъ изданія (1—15 числа января) вышелъ въ 1643 г. Въ исторіи изданія роковое значеніе имѣла французская революція. Вслѣдствіе секуляризаціи имуществъ іезуиты лишились и вліянія и въ 1794 г. былъ изданъ послѣдній 53 томъ (6-й для мѣсяца октября). Лишь въ концѣ 30-хъ годовъ слѣдующаго столѣтія къ этому предпріятію снова могли приступить бельгійскіе іезуиты. Первый, изданный ими въ 1845 г. томъ обнимаетъ 15 и 16 числа октября. Въ настоящее время предпріятіе это доведено до первыхъ чиселъ ноября, для конца же года приходится пользоваться старымъ изданіемъ житій святыхъ Сурія. Этими іезуитами также издается съ 1882 г. періодическій органъ «Analecta Bollandiana», въ которомъ пополняются пробѣлы, оказавшіеся въ первыхъ мѣсяцахъ.

То обстоятельство, что іезуиты взяли на себя изданіе «Acta sanctorum», набрасывало повидимому тѣнь на ихъ пред-

пріятіе, такъ какъ этотъ орденъ стяжалъ дурную извѣстность. Но въ дѣйствительности наука должна считать за величайшее счастіе, что за это дѣло взялись іезуиты. Это самый распространенный и предпріимчивый орденъ: онъ могъ собирать памятники отовсюду. Далѣе, это самый сильный орденъ. Послѣ реформаціи это первородный сынъ католической церкви, пользовавшійся особымъ довѣріемъ папъ. Благодаря могуществу ордена іезуитовъ, болландисты могли высказывать свои научныя воззрѣнія, меньше чѣмъ члены другихъ орденовъ рискуя подвергнуться преслѣдованію. А это важно, потому что въ «Acta sanctorum» затрогивались интересы другихъ орденовъ и, хотя болландисты и оговаривались на каждомъ шагу своихъ «Acta», что они люди грѣшные, которымъ свойственно заблуждаться, однако подвергались нареканіямъ. Такъ напримѣръ, когда въ іюльскомъ томѣ актовъ они, говоря о пророкѣ Иліи и его повсемѣстномъ чествованіи, высказались, что испанскій орденъ кармелитовъ не ведетъ своего происхожденія отъ пророка Иліи, послѣдніе возстали противъ нихъ и объявили, что «Acta sanctorum» — сочиненія еретическія, а издатели—еретики. Легко представить, что бы могло быть съ другимъ орденомъ, менѣе сильнымъ, болѣе беззащитнымъ, чѣмъ орденъ іезуитовъ. Противъ же іезуитовъ кармелиты и инквизиція не могли ничего сдѣлать.

Въ «Acta sanctorum» іезуиты ведутъ свое дѣло строго научно. Имъ приходится имѣть дѣло единственно съ житіями мучениковъ и святыхъ, приводить для этого историческіе документы въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли, и имъ нѣтъ нужды пускаться на выдумки для защиты папства. Если порою въ житіяхъ святыхъ восточной церкви, напримѣръ, въ житіи константинопольскаго патріарха Игнатія, они представляютъ латинскій переводъ греческаго подлинника нѣсколько перетолкованнымъ въ свою пользу, то это не обязываетъ ученаго обращаться къ этому переводу, когда есть греческій подлинникъ. Болландисты издаютъ не только текстъ, но и комментаріи, которые свидѣтельствуютъ о ихъ огромной эрудиціи. По мѣрѣ того, какъ изданіе подвигалось впередъ, для нихъ открывались новыя научныя перспективы. Чтобы, напримѣръ, оперировать надъ хронологическими датами, имъ пришлось установить хронологію восточныхъ патріархатовъ. Для выясненія нѣкоторыхъ особенностей греческаго богослуженія, пришлось издать службу тремъ святителямъ. Такимъ образомъ это

предпріятіе чѣмъ ближе къ намъ по времени, тѣмъ болѣе выигрываетъ въ качествѣ.

Изъ частныхъ сборниковъ агіографическихъ памятниковъ слѣдуетъ назвать еще бенедиктинское изданіе Th. Ruinart'a «Acta primorum martyrum sincera et selecta» (Paris 1689, послѣднее изданіе Ratisbonae 1859). Намѣреніе издателя было—заключить въ сборникѣ то, что въ древнихъ мученическихъ актахъ есть подлиннаго. Рюинаръ строго отнесся къ своему дѣлу, однако не довелъ критики до конца. Съ одной стороны, у него критики слишкомъ мало (нѣкоторые акты не сполна подлинны), съ другой, какъ полагаетъ E. Le Blant (Les Actes des martyrs. Paris 1882),—слишкомъ много (не приняты акты съ подлинными частностями). Съ выдѣленія этихъ частностей отъ позднѣйшихъ прибавокъ и должна начать, по мнѣнію Le Blant'a, свое дѣло ученая критика [1]).

3. Спеціальные источники церковной исторіи.

Переходимъ теперь къ тому, что написано было въ древности по церковно-исторической литературѣ. Труды этого рода представляютъ собственно уже обработку въ большей или меньшей степени церковно-историческаго матеріала. Но для насъ они являются вмѣстѣ и первоисточниками.

Греческая церковная исторіографія.

Евсевій кесарійскій.

Во главѣ церковныхъ историковъ стоитъ знаменитый Евсевій кесарійскій съ его историческими трудами: Libri chronicorum II, Historia ecclesiastica и Vita Constantini. О жизни его мы знаемъ очень мало. Родился онъ между 260 и 270 годами, умеръ около 340 года. Изъ его

---

[1]) Болландистъ H. Delehaye, Les légendes hagiographiques. 2 éd. Bruxelles 1906, предлагая опытъ классификаціи напечатанныхъ у Ruinart'a текстовъ, высказывается однако лишь за сокращеніе его изданія. Ср. также A. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Th. II. 2 (Die Chronologie). Leipzig 1904. S. 463—482. Небольшіе сборники важнѣйшихъ мученическихъ актовъ дали R. Knopf, Ausgewählte Märtyreracten. Tübingen und Leipzig 1901, и O. Gebhardt, Acta martyrum selecta. Ausgewählte Märtyreracten und andere Urkunden aus der Verfolgungszeit der christlichen Kirche. Berlin 1902. *А. Б.*

жизни до поставленія въ епископа извѣстны отношенія его къ кесарійскому ученому пресвитеру Памфилу, изъ уваженія къ которому онъ принялъ названіе «Памфила». Впрочемъ, относительно этого нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ историческихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ имя Евсевія только въ родительномъ падежѣ: Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου, такъ что не можемъ сказать, есть ли это «τοῦ Παμφίλου», по свойству греческаго языка, обозначеніе того, что отецъ Евсевія назывался Памфиломъ, подобно «Ἀλέξανδρος τοῦ Φιλίππου», или же именительный падежъ для Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου есть Εὐσέβιος ὁ Πάμφιλος, и тогда это будетъ значить то, что Евсевій дѣйствительно принялъ названіе «Памфилъ» изъ уваженія къ Памфилу. Съ этимъ ученымъ пресвитеромъ Евсевій защищалъ Оригена отъ его противниковъ. О гоненіяхъ Діоклетіана Евсевій говоритъ, какъ очевидецъ. Онъ самъ подвергался имъ, но остался живъ. Это послужило поводомъ къ нареканіямъ: говорили, что онъ, спасъ себѣ жизнь уступкою и измѣнилъ христіанству. Однако эти подозрѣнія должно считать преувеличенными, потому что вскорѣ послѣ гоненій Евсевій сдѣлался епископомъ кесарійскимъ и вся его дѣятельность проходитъ въ этомъ санѣ. Болѣе пререканій вызвалъ Евсевій, какъ ученый богословъ-историкъ.

Прежде всего подвергалось обсужденію его догматическое православіе,—былъ ли онъ аріаниномъ или православнымъ. Уже въ V в. сужденія объ этомъ дѣлились, но самое вѣрное мнѣніе то, которое отклоняетъ самый вопросъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, Евсевій не принадлежалъ къ числу великихъ историческихъ геніевъ, которые прозрѣваютъ въ глубь фактовъ и событій и широко оцѣниваютъ ихъ. Это былъ человѣкъ высоко образованный, въ то же время—мыслитель заурядный. Кромѣ строгаго православія, утвержденнаго на Никейскомъ соборѣ, и строгаго аріанства, существовалъ еще взглядъ Оригена, раздѣлявшійся многими. Евсевій, какъ человѣкъ средины, и держался оригеновскаго богословствованія. Онъ, какъ говорятъ о томъ его отношенія къ Памфилу, былъ оригенистомъ и полагалъ, что всѣ важные вопросы уже разрѣшены Оригеномъ. Поэтому, когда явилось аріанство, которое получило сильный отпоръ со стороны Александра александрійскаго и Аѳанасія Великаго, Евсевій не понялъ сущности этого явленія: ему казалось, что Оригенъ хорошо рѣшилъ догматическіе вопросы, а аріанство не составляетъ особенной важности,

и по этой причинѣ не приставалъ ни къ аріанамъ, ни къ Александру. Въ концѣ Евсевій болѣе сблизился съ аріанами, во всю свою жизнь стоялъ вмѣстѣ съ ними и по своему историческому положенію не могъ считаться православнымъ. Естественно, что нѣкоторые изъ аріанъ считали его своимъ главою, а Аѳанасій Великій считалъ тоже аріанином. Такой взглядъ отразился и на отношеніи къ его трудамъ. Но если мы примемъ во вниманіе все сказанное, то самъ собою отклоняется вопросъ, былъ ли Евсевій аріанином, или православнымъ, и догматическое положеніе Евсевія опредѣляется такъ: Евсевій не былъ ни православнымъ, ни аріанином,—онъ былъ оригенистомъ.

Въ новѣйшее время неблагопріятный взглядъ на Евсевія основывался не на этомъ, а на качествѣ самой работы. Евсевій интересовалъ ученыхъ со стороны достовѣрности своихъ историческихъ сказаній, особенно сочиненія «De vita Constantini». Въ этомъ сочиненіи преобладаетъ тонъ панегирическій. Поэтому думаютъ, что Евсевій преувеличиваетъ дѣянія этого государя,—и дѣлаютъ выводъ, что произведеніе это далеко недостовѣрно и даже документальною частію его должно пользоваться съ осторожностію. Евсевій видитъ въ Константинѣ В. человѣка совершеннаго и благочестиваго, онъ не находитъ словъ для достойной характеристики заслугъ императора. Такъ какъ подобный панегирическій тонъ долженъ быть значительно пониженъ, какъ показали изслѣдованія, то этимъ набрасывается нѣкоторая тѣнь подозрѣнія на правдивость Евсевія, какъ историка: говорятъ, что онъ скорѣе придворный льстецъ, чѣмъ историкъ. Въ этомъ случаѣ указываютъ на то, что Евсевій умалчиваетъ, напр., о казняхъ, которыя производилъ Константинъ надъ членами своей фамиліи, ничего не сообщаетъ о несчастной судьбѣ Криспа, старшаго сына Константина. Такимъ образомъ является вопросъ, насколько можно довѣрять Евсевію, когда онъ касается различныхъ историческихъ событій.

Что Vita Constantini не есть строгая исторія, это въ извѣстной степени справедливо. Но нельзя забывать, что и самый панегиризмъ Евсевія имѣетъ важное значеніе. Евсевій освѣщаетъ гоненія на христіанъ не только въ смыслѣ дѣятельности діавола и злобы человѣческой; напротивъ, онъ безпристрастно обрисовываетъ состояніе христіанъ передъ гоненіемъ Діоклетіана такими чертами, что это гоненіе—попущеніе

Божіе, гроза, долженствовавшая очистить воздухъ. Признавая все это, онъ, очевидецъ гоненія, отлично понимаетъ, какое это было бѣдственное время, и высоко цѣнитъ благодѣяніе, оказанное церкви Константиномъ, и рисуетъ его героемъ, забывая о нѣкоторыхъ его недостаткахъ. Евсевій не былъ человѣкомъ значительно возвышающимся надъ своими современниками и отношеніе Евсевія къ Константину было общимъ отношеніемъ къ нему восточныхъ епископовъ. Гоненія на востокѣ были болѣе тяжелыя, чѣмъ на западѣ. Когда на императорскій престолъ вступилъ Константинъ, положеніе восточныхъ христіанъ измѣнилось: по миланскому эдикту они освобождались отъ преслѣдованій за исповѣдываемую ими вѣру. Тѣмъ не менѣе, несмотря на существованіе миланскаго эдикта, гоненія фактически были возможны и нерѣдко предпринимались противъ христіанъ. Отсюда легко было придти къ заключенію, что вся опора для исповѣдующихъ Христово ученіе—не въ иномъ чемъ-либо, какъ въ самомъ Константинѣ. Вотъ почему Константинъ Великій является окруженнымъ ореоломъ славы и современники отзывались о немъ съ похвалою. Что касается до умалчиванія Евсевія о казняхъ лицъ императорской фамиліи, то строго обвинять его за это едва-ли возможно. Современный историографъ не смотритъ на убіеніе родственниковъ глазами сантиментализма: Константинъ дѣйствовалъ по принципу политической необходимости. Впрочемъ едва ли справедливо ставить историка предъ дилеммою: или говорить безусловно все, не исключая и государственныхъ тайнъ, или не говорить ничего. Если въ настоящее время документы даже академическаго характера могутъ издаваться только по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, то что удивительнаго, если историкъ IV вѣка, издавая свои труды, прошелъ молчаніемъ нѣкоторые факты, говорящіе не въ пользу современнаго ему императора. Евсевій дѣйствовалъ такъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ всѣ, тѣмъ болѣе, что сочиненія его могли доходить до самого императора. Въ послѣднее время голоса компетентныхъ историковъ склоняются къ болѣе благопріятному взгляду, даже и на «Жизнь Константина». Такъ, Моммсенъ призналъ подлинность документовъ, приводимыхъ въ Vita Constantini.

Другое возраженіе противъ Евсевія построено не на Vita Constantini, а на Libri chronicorum. Здѣсь Евсевій будто бы грѣшитъ тѣмъ, что утаиваетъ свои источники; хронику Евсе-

вія считали негласнымъ документомъ его недобросовѣстности. Извѣстно, что еще ранѣе писалъ хронику Секстъ Юлій Африканъ, но она сохранилась лишь въ отрывкахъ. Предполагали, что Евсевій скомпилировалъ трудъ Африкана, не называя его первоначальнаго автора. Уже Скалигеръ (1606) указываетъ на тотъ фактъ, что Евсевій умалчиваетъ о хроникѣ Юлія Африкана, хотя имѣлъ ее подъ руками и пользовался ею при составленіи своей хроники. Само по себѣ это обвиненіе не особенно сильно, ибо въ древности было не въ обычаѣ указывать цитаты,—но держалось оно слишкомъ упорно.

Въ новѣйшее время изслѣдованіемъ этого вопроса занялся проф. Гельцеръ, державшійся сначала того же мнѣнія (H. Gelzer, Sextus Julius Africanus und die Byzantinische Chronographie. Lpz. 1880—85). Но когда онъ приступилъ къ сравнительной оцѣнкѣ того и другого автора съ убѣжденіемъ въ величіи Африкана и ничтожествѣ Евсевія, то, по его собственному выраженію, вѣсы Евсевія все болѣе и болѣе поднимались, а вѣсы Юлія Африкана все болѣе и болѣе понижались; оказалось, что Евсевій далъ произведеніе болѣе образцовое, чѣмъ Юлій Африканъ. Евсевій пользовался болѣе обильными и лучшими источниками и, если онъ, пользуясь трудомъ Юлія Африкана, умалчивалъ о немъ, то потому, что предполагалъ, что читатели, интересующіеся его сочиненіемъ, имѣютъ подъ руками и хронику Юлія Африкана. Трудъ Африкана въ свое время былъ настолько извѣстенъ, что всякій интересующійся исторіей былъ съ нимъ знакомъ, и цитировать его не представлялось необходимымъ. Обвиненіе противъ Евсевія, такимъ образомъ является настолько же остроумнымъ, насколько обвиненіе учебника исторіи Новаго Завѣта, повѣствующаго о поклоненіи волховъ, въ кражѣ этого разсказа изъ евангелія Матѳея. Помимо обилія источниковъ, Евсевій заявляетъ себя и большею широтою и большею научностью взгляда. Онъ писалъ въ то время, когда весь интересъ сосредоточивался на утвержденіи древности христіанской религіи, когда старались доказать, что еврейская исторія самая древняя. Несмотря на это, Евсевій проводилъ мысль, что основы культуры были и прежде Моисея. Особенность взгляда Евсевія сказалась и въ томъ, что онъ для своей хронологіи избралъ годы не отъ сотворенія міра, но отъ Авраама, и по нимъ до конца доводитъ свою хронику. Читая хронику Евсевія, Гельцеръ поражался начитанностію Евсевія, его знаніемъ источниковъ, которыми онъ

пользовался съ такимъ умѣніемъ, что не затемняетъ для насъ добытыхъ имъ результатовъ.

а) Хроника Евсевія распадается на двѣ части: 1) χρονογραφία, обширное введеніе,—выписки изъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ установлена хронологическая система; 2) χρονικοὶ κανόνες, синхронистическія таблицы. Каноны (κανών линейка, графа, прямая регулирующая черта) представляютъ ряды вертикальныхъ графъ, въ которыхъ содержатся только цифры, составляющія такъ называемыя «fila regnorum», «нити царствованій». По ту и другую сторону этихъ графъ находится такъ называемое «spatium historicum», т. е. поля, куда заносятся событія изъ исторіи политической на одной сторонѣ и событія изъ исторіи церковной на другой. Такимъ образомъ событія церковной и политической исторіи раздѣлены были и внѣшнимъ образомъ. Хронологическіе каноны начинаются съ рожденія Авраама. Первый годъ жизни Авраама Евсевій отождествляетъ съ 43 годомъ Нина, царя ассирійскаго (который въ этомъ году построилъ городъ Ниневію), съ 22 годомъ Европса, царствовавшаго въ Сикіонѣ (Σικύων) въ Греціи, и съ 1 годомъ 16-й египетской династіи (такъ называемой Θивской, Θηβαῖοι). Такимъ образомъ хроника начинается пятью fila regnorum: въ первой графѣ общій счетъ годовъ отъ Авраама, вторая графа надписана Νίνος, третья Ἀβραάμ, четвертая Εὐρωψ, пятая Θηβαῖοι. И въ spatium historicum занесено по одну сторону: γεννᾶται ὁ παρ' Ἑβραίοις Ἀβραάμ, по другую: Νίνος τὴν πόλιν μεγάλην Νίνον, ἣν οἱ Ἑβραῖοι Νινευὶ καλοῦσιν, ἔκτισεν ἐν τῇ γῇ τῶν Ἀσσυρίων. Fila regnorum увеличиваются потомъ до 10, а затѣмъ сокращаются до трехъ: въ первой олимпіады, во второй—годы отъ Авраама, въ третьей—годы римскихъ императоровъ.

Форма, данная Евсевіемъ своему произведенію, была пагубна для его дальнѣйшаго существованія. Она была искусственною и требовала искуснаго писца для копированія, потому что малѣйшее уклоненіе отъ подлинника извращало его. Кромѣ того, форма эта значительно увеличивала цѣну сочиненія, потому что оставляла много свободнаго мѣста, что при дороговизнѣ пергамена было очень ощутительно; между тѣмъ, стремленіе къ экономіи въ матеріалѣ (т. е. неоставленіе свободнаго мѣста) неизбѣжно сопровождалось порчею первоначальнаго вида. На цѣлое, напр., царствованіе въ 10 лѣтъ приходилось одно церковное и два событія политическихъ. Первое политическое соотвѣтствовало первому году царствованія, второе

восьмому, а церковно-историческое — пятому. Первое политическое событіе нужно было изложить въ «spatium historicum» противъ перваго года царствованія. Затѣмъ въ графѣ политическихъ событій долженъ былъ слѣдовать пробѣлъ подъ годами вторымъ, третьимъ и т. д. до восьмого, подъ которымъ должно быть записано второе событіе. Въ графѣ событій церковно-историческихъ пробѣлъ долженъ быть съ 1-го по 4; подъ пятымъ годомъ запись, а съ 6-го до конца пробѣлъ. Между тѣмъ переписчики для экономіи мѣста пробѣловъ могли не оставлять, а повѣствованіе о событіи перваго года продолжали подъ вторымъ, третьимъ и т. д. Могли быть и случайныя искривленія строкъ, такъ что въ одномъ спискѣ событіе могло быть записано подъ однимъ годомъ, а въ другомъ — подъ другимъ. Являлся вопросъ, къ которому же году оно относится. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе трудъ Евсевія копировался, тѣмъ болѣе портился. Въ концѣ концовъ греки, по обычаю, утеряли греческій подлинникъ, а сохранился и былъ извѣстенъ на западѣ лишь латинскій переводъ второй части, сдѣланный Іеронимомъ, который былъ имъ дополненъ свѣдѣніями, неизвѣстными Евсевію, и продолженъ до 378 года. Этотъ латинскій переводъ только и былъ прежде издаваемъ, но онъ сохранился во многихъ разногласящихъ рукописяхъ. Прежде предполагали, что текстъ Іеронима и есть дословный переводъ хроники Евсевія, но потомъ оказалось, что въ немъ есть нѣкоторыя измѣненія и отступленія.

Первая попытка возстановить подлинный текстъ хроники Евсевія сдѣлана въ 1606 году ученымъ Скалигеромъ по даннымъ, находящимся у Кедрина и Синкелла. Такъ какъ эта попытка оказалась неудачной, то ученые вынуждены были пользоваться переводомъ Іеронима, какъ положительною величиной, до появленія въ печати армянскаго перевода хроники. Рукопись этого перевода прислана была въ 1787 г. изъ Іерусалима въ Константинополь и съ нея сдѣланы въ 1790 и 1793 гг. двѣ копіи для венеціанскаго мехитариста Авкерьяна. Въ армянскомъ переводѣ оказалась и первая часть хроники, которой нѣтъ въ переводѣ Іеронима. Вопросъ объ изданіи этого памятника былъ спорнымъ между самими мехитаристами. Пререканія кончились тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, Зограбьянъ (Zohrab), явившись въ Миланъ, издалъ вмѣстѣ съ Маи въ 1818 году латинскій переводъ армянскаго текста. Но въ томъ же году выступилъ и другой издатель, Мкртичъ Авкерьянъ

(Aucher), который въ Венеціи, вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ, выпустилъ и армянскій текстъ. Въ 1833 г. Маи издалъ хронику въ 8 томѣ Nova collectio. Такимъ образомъ явилась возможность провѣрить латинскій переводъ Іеронима. Но прошло 33 года, прежде чѣмъ явилось изданіе хроники вполнѣ удовлетворительное. Это изданіе было сдѣлано Альфредомъ Шöне (Schöne) въ его «Eusebii chronicorum libri duo»; второй томъ этого изданія явился въ Берлинѣ въ 1866 году, а первый—въ 1875 году. Чтобы осуществить это изданіе, требовалось много труда. Много сдѣлано въ этомъ отношеніи ученымъ Петерманномъ, который былъ и въ Константинополѣ, и въ Венеціи, чтобы имѣть возможность возстановить армянскій текстъ полнѣе. Этому ученому удалось возстановить армянскій текстъ на основаніи двухъ рукописей. Изъ второй изъ этихъ рукописей (ея варіанты отмѣчены литерою N), относящейся къ 1696 году и писанной въ Токатѣ, видно, какимъ образомъ сохранился армянскій текстъ хроники Евсевія. Ученый Самуилъ анійскій писалъ хронику до 1179 г. и для древнѣйшаго времени ограничился тѣмъ, что сообщилъ лишь текстъ хроники Евсевія.

Въ новомъ изданіи хроники Шöне, въ первой части армянскій текстъ въ латинскомъ переводѣ Петерманна замѣнилъ греческій, сохранившійся лишь въ отрывкахъ. Второй томъ кварганта, изданнаго Шöне, имѣетъ такой видъ. Лѣвая страница раздѣлена на двѣ неравныя части: одна (поле) занята греческимъ текстомъ, т. е. выписками изъ позднѣйшихъ писателей, которые посредственно или непосредственно пользовались Евсевіемъ, въ другой помѣщаются fila regnorum и spatium historicum. При цифрахъ въ fila regnorum стоятъ латинскія буквы; подъ этими же буквами записаны приходящіяся на данные годы событія въ греческомъ текстѣ и въ spatio historico. На полѣ (за spatium historicum) отмѣчены варіанты изъ армянскихъ рукописей. На правой страницѣ—латинскій переводъ Іеронима,—именно: fila regnorum, spatium historicum, а на полѣ (за spatium historicum) частію отмѣта варіантовъ латинскихъ рукописей, частію указаніе на латинскіе источники, которыми пользовался Іеронимъ въ своихъ дополненіяхъ. Въ концѣ, послѣ 2342 года, когда хроника Евсевія прекращается, на правой и лѣвой страницѣ идетъ хроника самого Іеронима. Всѣ предшествующіе труды издателей хроники Евсевія утратили съ появленіемъ этого труда свое значеніе и пользоваться теперь приходится только Шöне. Встрѣчаясь, поэтому, въ какомъ

нибудь ученомъ сочиненіи съ хронологическою датою, основанною на Евсевіи, приходится ставить прежде всего вопросъ: имѣлъ ли авторъ этого сочиненія подъ руками изданіе Шöне?

Но положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ еще не говоритъ за то, что эта дата поставлена вѣрно. Это легко понять тому, кто знаетъ, какой видъ имѣютъ хронологическіе каноны Евсевія. Вотъ для образца частичка ихъ:

Олимпіады.	Годы отъ Авраама.	Годы царствованія Траяна.	
221	2120	7	Въ Римѣ сгорѣлъ золотой дворецъ.
	2121	8	Сильное землетрясеніе; въ Асіи разрушены четыре города...
	2122	9	Траянъ воздвигъ на христіанъ гоненіе. Мученически скончался Симонъ Клеоповъ, епископъ церкви іерусалимской. Его преемникомъ былъ Юстъ. Равнымъ образомъ и Игнатій, епископъ антіохійскій, скончался мученически.
	2123	10	

Изъ этой внѣшней формы хроники видно: 1) что каждое событіе помѣчается (даже и въ послѣднемъ отдѣлѣ хроники) minimum тремя датами, которыя, слѣдовательно, могутъ и не сойтись между собою. Слѣдовательно, весьма важенъ вопросъ: который изъ трехъ столбцовъ Евсевія нужно считать нормальнымъ? Лица, которыя не работали надъ хроникою Евсевія продолжительное время, принимаясь за нее, легко впадаютъ въ ошибку: точныхъ хронологическихъ датъ Евсевія ищутъ въ годахъ царствованія; напр., если событіе стоитъ противъ восьмого года царствованія Марка Аврелія, то его и датируютъ на основаніи современныхъ точныхъ свѣдѣній о томъ, съ какого момента начинается и какимъ кончается 8-й годъ Марка Аврелія. Но величайшій изъ знатоковъ хронологіи въ нашемъ вѣкѣ, проф. Альфредъ фонъ-Гутшмидъ, въ рядѣ спеціальныхъ работъ показалъ, какъ слѣдуетъ пользоваться хро-

никою Евсевія. Указанный вопросъ рѣшенъ имъ въ 1868 г. (слѣдовательно послѣ выхода въ свѣтъ II-го тома изданія Шöне, въ которомъ помѣщены χρονικοὶ κανόνες), въ работѣ: De temporum notis quibus Eusebius utitur in Chronicis Canonibus [перепечатана въ I томѣ A. von Gutschmid, Kleine Schriften. Herausgeg. von F. Rühl. Leipzig 1889. S. 448—482].

Результатъ предпринятой имъ обширной свѣрки датъ слѣдующій: а) олимпіады Евсевія (т. е. армянскаго списка)—искусственныя, юліанскія, которыхъ начало 1 января 777 года до Р. Х., и которыя ставятся противъ юліанскихъ високосныхъ годовъ; въ латинской передѣлкѣ Іеронима — олимпіады истинныя (начало около 1 іюля 776 г. до Р. Х.). б) Изрѣдка Евсевій заимствуетъ факты изъ памятниковъ, гдѣ счетъ велся по истиннымъ олимпіадамъ; но въ этихъ случаяхъ онъ не дѣлаетъ редукціи на свои фиктивныя юліанскія, а записываетъ такіе факты подъ тѣми же годами олимпіадъ юліанскихъ, подъ какими годами олимпіадъ не юліанскихъ, а истинныхъ, они значились въ его источникахъ. Такимъ образомъ, по самому характеру событій ученый долженъ угадать, изъ какого автора онъ заимствуетъ данныя. И если Евсевій пользуется авторами, употребляющими правильныя олимпіады, то ученый долженъ исходить изъ олимпіадъ, а не отъ годовъ отъ Авраама. в) Но основной, нормальный «канонъ» Евсевія это—годы Авраама; отъ нихъ всегда и нужно отправляться въ хронологическихъ опредѣленіяхъ (или же напередъ доказать, что этотъ «канонъ» для даннаго событія не можетъ служить нормою). Евсевій искусственно подводилъ годы царствованій подъ годы отъ Авраама; при этомъ, конечно, могли происходить неточности; такъ, напримѣръ, Тиверій умеръ въ мартѣ, а годы Авраама считаются съ осени. Такимъ образомъ отожествленіе годовъ царствованія преемника Тиверія съ годами отъ Авраама будетъ неизбѣжно неточно. г) Что касается редукціи годовъ отъ Авраама въ хроникѣ на годы до Р. Х. или отъ Р. Х. по эрѣ Діонисіевой, то въ данномъ случаѣ хроника Евсевія распадается на нѣсколько отдѣловъ: 1) съ 1—1239 г. отъ Авраама; при вычисленіи нужно изъ 2019 вычесть годъ Авраама (α), получится годъ до Р. Х., на который падаетъ событіе (2019—α=году до Р. Х.). 2) Съ 1240—2016 г.; нужно изъ 2017 вычесть годъ Авраама=годъ до Р. Х. (2017—α= году до Р. Х.). 3) Съ 2017—2209 г.; слѣдуетъ изъ года Авраама вычесть 2016=годъ отъ Р. Х. по нашему счисленію

(α—2016=году по Р. Х.). 4) Съ 2210—2343 г.; слѣдуетъ взять годъ Авраама, вычесть 2018=годъ отъ Р. Х. (α—2018=году по Р. Х.). Наконецъ 5) отдѣлъ, обработанный Іеронимомъ. съ 2343 – 2395; по рецепту фонъ-Гутшмида, нужно изъ года Авраама вычесть 2017, получится годъ отъ Р. Х.

Но въ послѣднемъ случаѣ я не могу согласиться со взглядомъ Гутшмида: слѣдуетъ вычесть не 2017, а 2016 (A. von Gutschmid: α—2017=году по Р. Х.; я: α—2016=году по Р. Х). Можно насчитать по крайней мѣрѣ 19 датъ, приходящихся на время жизни Іеронима, которыя нужно было бы датировать фальшиво, если руководиться правиломъ фонъ-Гутшмида. Въ сущности разногласіе между мною и Гутшмидомъ сводится къ слѣдующему: въ наличныхъ рукописяхъ хроника Іеронима кончается 2395 г., подъ которымъ помѣщено: плачевная битва во Ѳракіи (lacrimabile bellum in Thracia), во время которой погибъ Валентъ. Какъ извѣстно, битва происходила 9 августа 378 г. Такъ какъ августъ послѣдній мѣсяцъ года, если считать по годамъ эры Авраамовой, то она происходила въ концѣ года Авраамова. Такъ какъ Іеронимъ не могъ не знать года, въ который было это сраженіе, то, заключаетъ фонъ-Гутшмидъ, ясно, что 2395—378=2017. Я предполагаю, что въ рукопись вкралась ошибка. Писецъ произвольно продолжилъ счетъ годовъ до 2395, тогда какъ Іеронимъ окончилъ 2394 годомъ; 2394—378=2016. Слѣдовательно изъ года Авраама нужно вычесть 2016.

2) Изъ той же внѣшней формы «каноновъ» легко понять, какъ уже было замѣчено, что она крайне неблагопріятна для вѣрнаго сохраненія хроники Евсевія. Ничтожное искривленіе строки въ spatium historicum вело уже къ ошибкѣ на годъ-на два въ датѣ; длинныя записи событій почти всегда стояли противъ нѣсколькихъ лѣтъ «каноновъ», и очень трудно было понять, относится ли вся эта запись къ году, противъ котораго приходится первая строка, или отдѣльныя подробности записи относятся къ тѣмъ годамъ, противъ которыхъ онѣ записаны; напримѣръ, хочетъ ли Евсевій сказать, что и начало гоненія Траяна, и смерть Симона, и хиротонія Юста и т. д. падаютъ на 2122 (116) годъ, или же на 2122 годъ приходится только начало гоненія, а кончина Симона и хиротонія Юста—на 2123 годъ. Естественно такимъ образомъ, что въ латинскихъ рукописяхъ Іеронимова перевода: A[mandinus], B[ongarsianus], F[reherianus], P[etavianus], R[eginensis], (S [fragmen-

ta Petaviana]), M[iddlehillensis], и въ армянскихъ: N [токатская], XG [іерусалимская], оказалось не мало варіантовъ. Шöне, отдавалъ вообще предпочтеніе (почти всегда принимаетъ въ текстѣ) датировкамъ B. При помощи оріенталистовъ Петерманна (армениста) и Рöдигера (арамаиста), онъ старался на основаніи восточныхъ переводовъ восполнить и исправить редакцію Іеронима и возстановить, такимъ образомъ, текстъ Евсевія. Но къ сожалѣнію Рöдигеръ указалъ ему на отрывки сирійскаго перевода, неимѣющіе почти никакой цѣнности (списокъ событій безъ годовъ) и просмотрѣлъ весьма важный памятникъ, именно «Хронику» Діонисія телль-махрскаго (Tell-Mahr), монофиситскаго патріарха антіохійскаго (818—845), сирійскій текстъ которой еще въ 1850 г. издалъ Тулльбергъ (Upsala); Діонисій выписалъ почти буквально большую часть хроники Евсевія. Въ нѣмецкомъ переводѣ эту часть хроники Діонисія издали въ 1884 году Зигфридъ (арамаистъ) и Гельцеръ (историкъ, изслѣдователь остатковъ хроники Юлія Африкана). Итогъ этому новому приросту критическаго аппарата къ Евсевію подвелъ тотъ же Альфредъ фонъ-Гутшмидъ въ расширенной своей ректорской программѣ: Untersuchungen über die syrische Epitome der Eusebischen Canones. Stuttgart 1886 [также въ I томѣ Kleine Schriften, S. 483—529].

Результатъ обширнаго сравненія датъ въ разныхъ рукописяхъ получился слѣдующій: а) Мы имѣемъ дѣло съ двумя рецензіями хроники Евсевія: 1) армянскою и 2) латино-сирскою. б) Изъ 115 (=99+16) событій рецензія армянская датируетъ правильно 45 (=29+16) событій, латино-сирская 44. Igitur: достоинство обѣихъ рецензій почти одинаково. Но в) въ частности изъ этихъ 115 событій 45 (29+16) вѣрно датируются только въ армянской рецензіи, 15—только въ сирской, 16—только въ армянской и cod. P., 18—только въ P, 11—только въ сирской и P, 10—только въ армянской и сирской. Итакъ, г) достоинство сирской рецензіи сравнительно съ латинскою неважное: изъ 59 событій, которыя латино-сирская рецензія одна или вмѣстѣ съ армянскою датируетъ вѣрно, 34 записаны вѣрно въ P и только 25 въ сирской. А д) по отношенію къ латинскимъ рукописямъ итогъ этотъ гласитъ: 1) die Güte von P, 2) der geringe Werth von F, 3) die Werthlosigkeit von B, то есть, Шöне въ латинской части текста пошелъ по ложному слѣду. А отсюда е) общее правило: изданіемъ Шöне нужно пользоваться, напередъ испра-

вивъ печатный текстъ на основаніи чтеній NP. Фонъ-Гутшмидъ показываетъ, что единственная хорошая рукопись есть P—codex Petavianus. Поэтому при отнесеніи событій въ spatio historico къ годамъ въ fila regnorum, нужно отдавать предпочтеніе указаніямъ P. Что касается лѣвой стороны столбца, гдѣ помѣщается переводъ съ армянскаго, то нужно принимать во вниманіе рукопись, отмѣчаемую сиглою N. Положимъ, въ spatio historico у Іеронима читаемъ подъ сиглою *i* замѣтку о страшномъ землетрясеніи на островѣ Ко (in insula Coo). Въ армянскомъ переводѣ это событіе въ рукописи G подъ 2013 г., въ рукописи N подъ 2012; у Іеронима—подъ 2011, но по P—подъ 2012, PN за 2012-й годъ; слѣдовательно, это событіе Евсевій датировалъ 2012-мъ годомъ.

Такимъ образомъ, поставленный выше вопросъ сводится къ другому: данный ученый пользовался ли результатами изслѣдованій Гутшмида? Всѣ эти подробности объ операціяхъ надъ хроникою Евсевія неизбѣжны въ виду того, что около трехъ четвертей тѣхъ датъ, которыми располагаютъ историки для соотвѣтствующаго періода времени, ведутъ свое происхожденіе изъ хроники Евсевія.

Вопросъ о времени составленія «Хроники» Евсевіемъ рѣшается въ связи съ вопросомъ о происхожденіи другого труда его, «Церковной исторіи». Этотъ послѣдній трудъ, какъ видно изъ первой главы первой книги его, появился послѣ хроники и именно хронологическія работы Евсевія послужили для него импульсомъ къ написанію церковной исторіи. Можно предположить относительно хроники, что она хотя оканчивается (по Іерониму) 2342 годомъ (324), но была составлена ранѣе и впослѣдствіи уже была дополнена [1]).

б) Церковная исторія Евсевія появилась на свѣтъ потому, что Евсевій, когда писалъ прежде свою хронику, собралъ массу матеріала, который не вмѣщался въ тѣсныя рамки

[1]) Въ настоящее время признается, что самъ Евсевій дважды издавалъ свою хронику. Первое появленіе ея нужно относить, можетъ быть, ко времени около 312 г. (по Гарнаку, однако,—не позже 303). Послѣ того хроника была продолжена самимъ Евсевіемъ и при этомъ вѣроятно исправлена около 325 г. Къ выводу о двухъ изданіяхъ, происходящихъ отъ самаго Евсевія, пришелъ въ своемъ позднѣйшемъ изслѣдованіи о хроникѣ издатель ея A. Schöne, Die Weltchronik des Eusebius in ihrer Bearbeitung durch Hieronymus. Berlin 1900. Разногласія между латинскимъ и армянскимъ переводомъ онъ и возводитъ къ этимъ изданіямъ,

spatii historici. Евсевій рѣшился поэтому дать болѣе полное изложеніе церковно-историческихъ событій въ новомъ трудѣ: Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία. Первыя 9 книгъ ея Евсевій обработалъ и выпустилъ въ свѣтъ раньше послѣдней 10-й книги, написанной по просьбѣ еп. Павлина тирскаго. Въ послѣсловіи 9-й книги Ликиній остается еще вѣрнымъ эдикту Константина и не выступаетъ преслѣдователемъ христіанъ, за что Евсевій и восхваляетъ его вмѣстѣ съ Константиномъ. Ясно, что эта книга писалась еще тогда, когда отношенія Константина и Ликинія не опредѣлились вполнѣ, т. е. до окончательнаго разрыва Константина съ Ликиніемъ и побѣды его надъ нимъ 18 сентября 323 года, когда Константинъ сдѣлался единодержавнымъ. Десятая книга уже имѣетъ въ виду измѣну Ликинія и кончается славословіемъ Константину. Выясняется такимъ образомъ, что конецъ своей исторіи онъ написалъ послѣ 323 г. или даже 325 г., и весьма вѣроятно, что самая исторія написана имъ приблизительно между 315 и 316 г. [1]).

И этотъ трудъ можно назвать добросовѣстнымъ и даже научнымъ. Освѣщеніе Евсевіемъ событій для насъ неважно, онъ для насъ незамѣнимъ какъ поставщикъ фактовъ, заимствуемыхъ имъ изъ источниковъ, до насъ нерѣдко несохранившихся. Теологическія воззрѣнія Евсевія и широки и слишкомъ односторонни. Онъ говоритъ о путяхъ Божіихъ и воздѣйствіи діавола чаще, чѣмъ это допускается у современныхъ историковъ. Его исторія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ не только требованіямъ, предъявляемымъ настоящимъ историкамъ, но даже и тѣмъ, которыя предъявлялись его современниками. Можно признать за безспорное, что его современники умѣли лучше характеризовать историческихъ дѣятелей, чѣмъ это дѣлаетъ Евсевій. Они, по крайней мѣрѣ, сохраняютъ болѣе живыхъ чертъ. Амміанъ Марцеллинъ является положительнымъ мастеромъ своего дѣла сравнительно съ Евсевіемъ. Евсевій является тутъ довольно безцвѣтнымъ.

предполагая, что армянскій переводъ былъ сдѣланъ съ первоначальнаго изданія, а іеронимовъ съ позднѣйшаго. Гарнакъ, признавая фактъ двухъ изданій, не усматриваетъ основаній для послѣдняго предположенія. A. Harnack, Geschichte der altchristlicher Litteratur bis Eusebius. Th. II, 2 (Die Chronologie). Leipzig 1904. S. 112. *А. Б.*

[1]) По мнѣнію Гарнака, книги 1—7 и часть 8-й закончены въ 312—313 гг.; другая часть 8-й и 9-я явились въ 313—314, наконецъ, 10-я въ концѣ 324—началѣ 325. Harnack, l. c. 115. *А. Б.*

Нужно вообще признать, что его дарованія, какъ историка-психолога и даже стилиста, не первостепенны. Если приложить къ его исторіи нашу точку зрѣнія, то она не выдержитъ пробы: прагматизма въ ней почти совсѣмъ нѣтъ.

Но значеніе труда Евсевія представится въ другомъ свѣтѣ, если мы установимъ другую точку зрѣнія. Вся сила его въ томъ, что ему доступны были громадныя библіотеки, кесарійская и іерусалимская, изъ которыхъ онъ пользовался различными произведеніями древнихъ писателей. Онъ мастеръ тогда, когда выписываетъ. Церковно-историческій трудъ Евсевія есть въ сущности описаніе богатѣйшаго собранія книгъ, бывшаго подъ руками автора, описаніе, расположенное въ хронологическомъ порядкѣ по царствованіямъ императоровъ. Въ этомъ отношеніи его можно сопоставить съ трудомъ Ассемани Bibliotheca Vaticana (1719—1728). Различіе между Ассемани и Евсевіемъ сводится къ обилію матеріала, а не къ сущности пріемовъ. Изъ ученыхъ историковъ позднѣйшаго времени справедливо также въ качествѣ аналогіи указываютъ въ этомъ случаѣ на Тилльмона, который далъ образцовую исторію по научной достовѣрности. Онъ открываетъ на каждой строкѣ, откуда бралъ свѣдѣнія; французскій текстъ представляетъ у него переводъ греческихъ и латинскихъ подлинниковъ. Читающій сразу можетъ угадать, стоитъ ли онъ на почвѣ достовѣрныхъ источниковъ, или же только предположеній. Какъ этотъ историкъ велъ дѣло, такъ и Евсевій, который старался доказать существованіе извѣстнаго историческаго дѣятеля путемъ выписокъ.

По своему содержанію исторія Евсевія богословская. Вся свѣтская исторія оставлена у него въ сторонѣ. Цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ въ своей исторіи, прекрасно характеризуютъ ея богословскій характеръ. Въ предисловіи къ своей исторіи Евсевій говоритъ, что онъ будетъ слѣдить преемство апостольскаго преданія, какъ оно выразилось въ преемствѣ іерархическихъ лицъ, занимавшихъ важнѣйшія каѳедры, и въ сохраненіи ими и другими учителями христіанской вѣры апостольскаго ученія. Это положительная задача его исторіи. Отрицательная—это описаніе тѣхъ волковъ, которые, появляясь въ овечьей одеждѣ, расхищали стадо Христово, т. е. еретиковъ, описаніе гоненій на христіанъ со стороны язычниковъ и гибели мучителей. Вотъ, такимъ образомъ, несложная въ сущности, но строго продуманная программа его труда. Онъ

обѣщалъ слѣдить за преемствомъ апостольскаго преданія, и въ своей исторіи онъ собираетъ такой матеріалъ, изъ котораго видно, что преемство дѣйствительно сохранилось. Что касается отрицательной стороны, то Евсевій не относится къ такимъ историкамъ, которые вполнѣ объективны. При перечисленіи ересей онъ точно не указываетъ ученія еретиковъ, а обыкновенно только говоритъ, что въ такое то царствованіе явился такой-то еретикъ. Напримѣръ, о Савелліѣ онъ говоритъ, что въ ученіи Савеллія чувствуется великая хула на Бога; очевидно, изъ такого сообщенія нельзя получить яснаго представленія о лжеученіи Савеллія. Относительно гоненій онъ послѣдовательнѣе.

Порядокъ изложенія такой: говоря весьма подробно о древнемъ періодѣ церковной исторіи, онъ называетъ римскаго императора, а также епископовъ, управлявшихъ главнѣйшими каѳедрами—іерусалимскою и другими въ царствованіе этого императора. Установивши такую хронологическую рамку, онъ изъ литературныхъ памятниковъ извлекаетъ синхронизмы и метахронизмы [1]), и при этомъ сообщаетъ свѣдѣнія о содержаніи этихъ произведеній, о перепискѣ между епископами, ересяхъ, полемикѣ противъ нихъ. Обыкновенно онъ говоритъ, что въ такомъ-то документѣ буквально (κατὰ λέξιν) сказано такъ; благодаря этой манерѣ, собственныя догадки Евсевія довольно легко отличить отъ фактически даннаго. Онъ пользовался греческою литературою; по сирійски же онъ, какъ епископъ Кесаріи палестинской, вѣроятно могъ читать, но не видно, чтобы онъ широко пользовался сирійскою письменностію. Что касается латинскихъ памятниковъ, то онъ пользовался ими въ переводахъ, но неособенно искусныхъ, такъ что понять многія мѣста, если бы не сохранилось подлинниковъ, было бы невозможно.

Послѣднія книги исторіи Евсевія посвящены исторіи гоненій при Діоклетіанѣ. Въ концѣ исторіи, или послѣ восьмой или девятой книги, помѣщается въ рукописяхъ и «Сказаніе о мученикахъ палестинскихъ» (Περὶ τῶν ἐν Παλαιστινῇ μαρτυρησάντων). О нихъ Евсевій говоритъ или какъ очевидецъ

---

[1]) Метахронизмомъ я называю послѣдовательность во времени. Напримѣръ, если сказать, что Макарій московскій былъ послѣ Филарета московскаго, то это—метахронизмъ, а если сказать, что Филаретъ московскій былъ современникъ Серафима петербургскаго—это синхронизмъ.

или по показаніямъ очевидцевъ. Самое видное мѣсто здѣсь занимаетъ мученичество Памфила, пресвитера кесарійскаго,— друга Евсевія. «Сказаніе» сохранилось въ подлинникѣ до нашего времени въ сокращенной версіи. Полная версія имѣется лишь въ сирійскомъ переводѣ, изданномъ Вильямомъ Кюртономъ въ 1861 году (W. Cureton, History of the Martyrs in Palestine. London 1861). Въ рецензіяхъ, вызванныхъ этимъ изданіемъ, указывается важное значеніе сирійскаго перевода, которое легко понять, имѣя въ виду тотъ фактъ, что греческій текстъ въ хронологіи представляетъ непобѣдимыя трудности [1]). Въ послѣднихъ книгахъ исторіи особенно проявляется многословіе Евсевія, которое составляетъ его недостатокъ. Здѣсь мы находимъ много лишняго, и по этому обстоятельству можемъ судить о Евсевіѣ какъ о писателѣ вообще. Вообще слогъ его сочиненій весьма теменъ и запутанъ. Если онъ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей исторіи воздержнымъ на слово, то это положительно служитъ въ пользу интересовъ церковной исторіи.

Первое изданіе церковной исторіи Евсевія (editio princeps) было сдѣлано въ Парижѣ въ 1544 г. in folio Робертомъ Стефаномъ. Выходъ этого изданія былъ, можно сказать, фаталенъ для изданій послѣдующаго времени. Изданіе было сдѣлано по одному кодексу, находившемуся въ Парижской королевской библіотекѣ, который носилъ названіе «codex Regius» и былъ очень плохимъ [немногія чтенія, также раздѣленіе на главы, заимствуются изъ другой рукописи, codex Medicaeus]. За изданіемъ Стефана слѣдуетъ изданіе въ Парижѣ 1659 г. талантливаго Валуа (Valesius). Послѣдній въ своемъ дѣлѣ былъ связанъ предшественникомъ. Считая изданіе Роберта Стефана верхомъ совершенства, Валуа почти вездѣ удержалъ его текстъ. Но имѣя хорошія пособія въ кодексахъ C [Mazarinaeus], B [Medicaeus], D [Fuketianus], F^a [Savilianus], пользуясь ими и нѣкоторыми другими,—онъ подъ строкою указалъ болѣе правильное чтеніе. Текстъ Валуа перепечаталъ въ Кембриджѣ въ 1720 г. Reading. Въ изданіи Валуа дана исторія Евсевія въ Патрологіи Миня (1857).

---

[1]) Переводъ на нѣмецкій языкъ полной версіи сдѣланъ B. Violet въ Texte und Untersuchungen, XIV, 4 (1896). Признается весьма вѣроятнымъ, что объ версіи ведутъ начало отъ самого Евсевія. Harnack, l. c. 115.

А. Б.

Затѣмъ были изданія Stroth'a въ Галле въ 1779 г. и Zimmermann'a въ Франкфуртѣ въ 1822. Въ 1827 году вышло изданіе Heinichen'a въ Лейпцигѣ. Онъ имѣлъ для своего критическаго аппарата лишь данныя Валуа. Шагъ впередъ, благодаря свѣркѣ нѣкоторыхъ кодексовъ, сдѣлалъ Eduard Burton, изданіе котораго явилось въ 1838 году въ Оксфордѣ и было перепечатываемо въ 1872 и 1881 гг. Bright'омъ. Затѣмъ послѣдовало изданіе Albert'a Schwegler'a 1852 г. въ Тюбингенѣ, гдѣ хорошо выяснены тѣ группы, въ которыя слѣдуетъ размѣстить рукописи Евсевія. Но, хорошо классифицировавъ рукописи, онъ задался ограниченною цѣлію, желая возстановить текстъ Евсевія на основаніи главнымъ образомъ C [Mazarinaeus или Parisiensis 1430].

Въ Шаффгаузенѣ (Scaphusiae) въ 1859—62 г. издалъ по частямъ исторію Евсевія бреславскій католическій профессоръ, бывшій протестантъ, перешедшій въ католичество, и бывшій доцентъ берлинскаго университета, Hugo Lämmer. По переходѣ въ католичество, Гуго Леммеръ занялъ каѳедру церковной исторіи въ католическомъ бреславскомъ университетѣ. Побужденія къ переходу въ католичество изложены имъ въ брошюрѣ «Misericordia Dei», которая вскорѣ послѣ изданія сдѣлалась антикварною рѣдкостью. Леммеръ-католикъ былъ, такъ сказать, persona grata въ Римѣ, и потому ему легко отворялись двери тѣхъ библіотекъ, въ которыя раньше ему было бы весьма трудно проникнуть, какъ протестанту. Онъ для изученія рукописей Евсевія побывалъ въ Дрезденѣ, Вѣнѣ, Венеціи, Римѣ и Мюнхенѣ, и такимъ образомъ свой критическій аппаратъ довелъ до цифры 24 евсевіанскихъ рукописей и отрывковъ. Это былъ огромный шагъ впередъ. Но Леммеръ предположилъ, что кодексъ O (Venetus 338) наиболѣе вѣрно передаетъ подлинный текстъ Евсевія, между тѣмъ, напротивъ, этотъ кодексъ представляетъ своеобразное сокращеніе другихъ редакцій. Леммеръ воспроизвелъ даже раздѣленіе на главы по кодексу O. Съ французскими и англійскими рукописями онъ не былъ знакомъ, а потому венеціанская рукопись не была свѣрена съ ними. Рукописи, которыми пользовался Леммеръ при своемъ изданіи, расположены у него въ порядкѣ Швеглера.

Къ 1868 г. относится наиболѣе удовлетворительное для своего времени второе изданіе Гайнихена, также въ Лейпцигѣ. Гайнихенъ стоитъ въ сущности на плечахъ Леммера.

Это видно изъ того, что, напр., Vita Constantini, которой не издавалъ Леммеръ, онъ издаетъ только по 5 рукописямъ, тогда какъ церковную исторію—по 24. Послѣ этого изданія шафф-гаузенское изданіе Леммера утратило свою цѣну. Гайнихенъ отбросилъ ненужный для ученаго читателя Евсевія латинскій переводъ его въ прежнихъ изданіяхъ. Ясныя мѣста греческаго текста Евсевія Гайнихенъ оставилъ безъ примѣчаній; темныя же мѣста онъ снабдилъ примѣчаніями подъ строкой, гдѣ указалъ латинскій и нѣмецкій переводъ этихъ мѣстъ. Когда же текстъ Евсевія грѣшилъ неологизмами, то Гайнихенъ отсылалъ читателей къ руководствамъ по грамматикѣ позднѣйшаго греческаго языка.

Послѣ этого большинство сочиненій Евсевія было издано въ Лейпцигѣ Диндорфомъ въ 1871 г. Это изданіе представляетъ собою шагъ назадъ сравнительно съ прежними изданіями, именно вторымъ изданіемъ Гайнихена. Въ прежнихъ изданіяхъ устанавливалось уже раздѣленіе рукописей сочиненій Евсевія на 2 или даже на 3 фамиліи, а Диндорфъ опять ихъ смѣшалъ въ своемъ изданіи. Диндорфъ хочетъ возстановить наилучшій текстъ лишь по нѣкоторымъ кодексамъ,—прежде всего (какъ и Швеглеръ) по C; но въ ряду этихъ избранныхъ фигурируетъ и O, хотя она принадлежитъ къ другой фамиліи, и въ своемъ эклектизмѣ Диндорфъ оказался непослѣдователенъ и нерѣдко отвергаетъ чтеніе C и принимаетъ чтеніе другихъ рукописей.

Что собственно остается сдѣлать для возстановленія текста церковной исторіи Евсевія? По поводу изданія Диндорфа и затѣмъ въ послѣдующее время раздавались сѣтованія нѣмецкихъ ученыхъ о томъ, что еще нѣтъ вполнѣ удовлетворительнаго критическаго изданія текста Евсевія. Но эти сѣтованія напрасны. Лучшее, конечно, всегда является врагомъ хорошаго, и человѣческая мысль необходимо со временемъ должна двигаться впередъ. Но едва ли будетъ найдено что либо существенно новое въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ дано уже у Гайнихена. Въ подборѣ разночтеній, который сдѣланъ имъ въ его изданіи, заключается масса матеріала и все дѣло ученыхъ издателей Евсевія сводится къ таксировкѣ рукописей. Но можетъ быть, чтеніе текста Евсевія всегда будетъ спорно.

Для возстановленія текста Евсевія можетъ повидимому служить, кромѣ рукописей, еще Никифоръ Каллистъ (ок. 1333 года). Но это писатель поздній и поэтому не авторитет-

ный; между тѣмъ есть рукописи Евсевія отъ X в. При томъ Каллистъ иногда измѣняетъ текстъ Евсевія. Значеніе Каллиста, какъ комментатора, т. е. насколько онъ объясняетъ Евсевія, неважно. Исторія Каллиста получаетъ значеніе лишь потому, что онъ могъ пользоваться библіотекой константинопольскаго патріархата. Это греческое пособіе. Если бы при оцѣнкѣ рукописей исторіи Евсевія признать критеріемъ давность, то слѣдовало бы признать наиболѣе совершеннымъ то чтеніе Евсевія, которое мы находимъ въ латинскомъ переводѣ исторіи Руфина аквилейскаго. Но Руфинъ только передавалъ латинскимъ языкомъ Евсевія, а ничуть не буквально переводилъ его, и потому нельзя утверждать, что чтеніе Руфина вполнѣ правильно и наиболѣе совершенно. Нельзя по той же причинѣ признать совершеннымъ и чтеніе Евсевія, находящееся въ сочиненіи Іеронима «De viris illustribus».

Кромѣ греческихъ пособій и латинскихъ переводовъ есть еще источникъ для установленія текста Евсевія. Это восточные переводы—сирійскій и армянскій. Изъ сирійскихъ рукописей перевода исторіи одна относится къ VI в. и находится въ Лондонѣ въ нитрійскомъ собраніи сирійскихъ рукописей Таттама; она содержитъ лишь первыя пять книгъ. Другая рукопись едва на 120 лѣтъ старше Евсевія и писана въ 462 г., находится въ Имп. публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ; въ ней не достаетъ 6-й и́ отчасти 5-й и 7-й книгъ. Изданія этого сирійскаго Евсевія ожидали отъ Вильяма Райта (Wright). [За его смертію оно было доведено до конца въ 1898 г. Mac Lean'омъ (Кембриджъ). Годомъ раньше вышло также въ Лейпцигѣ изданіе Беджана (Bedjan)]. Въ рукописяхъ, какъ сказано, есть пробѣлы. Но гдѣ насъ оставляетъ сирійскій переводъ, тамъ является на помощь армянскій переводъ. Ученый армянинъ Джари (Djarian) въ 1877 г., издалъ въ Венеціи свой переводъ Евсевія на армянскій языкъ, а внизу напечаталъ древній армянскій переводъ [съ сирійскаго]. Этотъ переводъ, хотя рукопись поздняя, V в. и относится къ временамъ Месропа [1]).

Съ собраніемъ восточныхъ пособій для Евсевія критическій аппаратъ можно считать законченнымъ. Если осилить всѣ

[1]) Переводъ сирійскаго текста исторіи на нѣмецкій языкъ сдѣланъ E. Nestle въ Texte und Untersuchungen, Neue Folge VI, 2 (1901), переводъ армянскаго текста 6 и 7 книгъ E. Preuschen'омъ, VII, 3 (1902).

А. Б.

эти пособія, то въ результатѣ получится, что существуетъ два класса кодексовъ Евсевія: одну рецензію можно назвать парижскою (C, мазариновскою), другую — флорентинскою (G и H, къ ней относится и рукопись московской синод. библ. J). Сирійскій же переводъ и армянскій примыкаютъ то къ однимъ изъ нихъ, то къ другимъ. Такимъ образомъ при изданіи Евсевія нельзя остановиться на одномъ какомъ-нибудь чтеніи, но надо или идти путемъ эклектическимъ, или же излагать послѣдовательно два чтенія (одно въ видѣ текста, другое—въ видѣ примѣчаній); можетъ быть рецензіи дошли не отъ одной рукописи Евсевія, тогда, слѣдовательно, получится тотъ выводъ, что онѣ такъ и должны остаться [1]).

в) О позднѣйшемъ трудѣ Евсевія, обнимающемъ событія эпохи Константина Великаго, о его четырехъ Словахъ (λόγοι) о Константинѣ или Жизни Константина въ 4 книгахъ, рѣчь была уже выше. Въ изданіи Гайнихена за ними слѣдуютъ въ качествѣ 5-й книги Слово Πρὸς τὸν συλλόγον τῶν ἁγίων императора Константина и, наконецъ, какъ заключеніе, Слово самого Евсевія по поводу тридцатилѣтія царствованія Константина [2]).

---

[1]) О прежнихъ изданіяхъ исторіи Евсевія см. A. C. Headlam, The editions and manuscripts of Eusebius, въ The Journal of Theological Studies, vol. IV, № 13 (1902), p. 93—102. Новое изданіе начато въ берлинскомъ собраніи греческихъ христіанскихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ геттингенскимъ профессоромъ E. Schwartz'емъ. Въ 1903 г. вышли первыя пять книгъ, вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Руфина, изданнымъ Моммсеномъ (первая половина II тома произведеній Евсевія). Текстъ Швартца воспроизведенъ съ незначительными измѣненіями въ дешевомъ французскомъ изданіи въ серіи Texts et documents pour l'étude historique du christianisme publiés sous la direction de H. Hemmer et P. Lejay: Eusèbe, Histoire ecclésiastique. L. I—IV. Texte grec et traduction française par E. Grapin. Paris 1905. Разъясненія касательно пріемовъ изданія Швартцъ обѣщаетъ въ подробныхъ пролегоменахъ къ слѣдующей части. Въ основу изданія изъ греческихъ рукописей положены: C (Mazarin. или Paris. 1430, въ обозначеніи Швартца *A*), G (Florent. 70, 7=*T*), H (Florent. 70, 20=*E*), J (Moscov. 50=*R*), E^a (Paris. 1431=*B*) и двѣ копіи съ нея (P или Venet. 339=*b* и Paris. 1432=β), Paris. 1433 (=*D*), O (Venet. 338=*M*). Недостатокъ большей части прежнихъ изданій Швартцъ еще раньше (1888) указывалъ въ слишкомъ большомъ довѣріи къ кодексу C (ср. Headlam, 108). Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, самъ онъ въ общемъ отдаетъ предпочтеніе группѣ E^a Paris. 1433 O (=*BDM*) предъ CG (=*A1*) (ср. Grapin, 489). *А. Б.*

[2]) Новое изданіе этихъ произведеній въ берлинскомъ собраніи грече-

Какъ первоисточникъ для этого періода, сочиненіе Евсевія остается цѣннымъ навсегда, потому что Евсевій дѣлаетъ выписки изъ документовъ,—это съ одной стороны; съ другой же—о многомъ Евсевій говоритъ здѣсь, какъ очевидецъ. Но здѣсь въ полнотѣ выразились всѣ тѣ недостатки Евсевія какъ писателя, которые мы уже замѣчаемъ въ послѣднихъ книгахъ его исторіи. Многословіе, высокопарность и запутанность составляютъ характеристическую черту его «Словъ» о Константинѣ. На сочиненіе Евсевія о Константинѣ нужно смотрѣть именно, какъ на похвальныя слова послѣднему, которыя не чужды историческихъ ошибокъ, неточностей и преувеличеній. Такое свободное отношеніе къ историческимъ даннымъ вообще свойственно ораторамъ, какъ это показываютъ примѣры, подобранные А. П. Лебедевымъ. Слово по поводу тридцатилѣтія Константина къ исторіи жизни послѣдняго ничего не прибавляетъ и является какъ бы оффиціальнымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго въ ней.

Продолжатели Евсевія въ V и VI в.

Продолжателями дѣла Евсевія на поприщѣ исторіографіи являются лица, жившія сто лѣтъ послѣ него. Особенно благопріятною въ этомъ отношеніи является эпоха царствованія Ѳеодосія Младшаго; здѣсь въ короткое время выступаетъ цѣлый рядъ церковныхъ историковъ.

Первое мѣсто по времени принадлежитъ аріанскому историку Филосторгію, жившему около 425 года и написавшему 12 книгъ, изъ которыхъ каждая начинается одной изъ буквъ его имени. Это произведеніе, въ виду неправославія автора его, не было распространено въ Византіи, и мы знаемъ его по выпискамъ, сдѣланнымъ Фотіемъ (Biblioth. cod. 40). Само собою разумѣется, что Филосторгій писалъ съ своей точки зрѣнія и освѣщеніе историческихъ событій у него чисто аріанское. Но такъ какъ у него подъ руками были документальные источники, касающіеся аріанства, то для болѣе яснаго пониманія послѣдняго очень важно было бы имѣть его исторію. Филосторгій сообщаетъ немало любопытныхъ подробностей; напр., что Никейскому собору предшествовалъ съѣздъ

скихъ писателей, съ введеніемъ и тремя указателями, представилъ въ 1902 г. J. A. Heikel (I томъ произведеній Евсевія). *А. Б.*

епископовъ Осія и Александра александрійскаго, на которомъ было рѣшено провозгласить ὁμοούσιος на Никейскомъ соборѣ. Этотъ разсказъ не представляетъ собою ничего невѣроятнаго, хотя онъ и тенденціозенъ. У него есть данныя и относительно тѣхъ разногласій, какія существовали въ средѣ самихъ аріанъ. Особенно замѣчателенъ его взглядъ на Василія Великаго и Григорія Богослова. Онъ представляетъ ихъ настолько учеными, что Аѳанасій Великій является почти младенцемъ предъ ними. И это представленіе кажется безпристрастнымъ, потому что Евномій, почитаемый отъ Филосторгія, находился въ полемикѣ съ Василіемъ Великимъ. Послѣдующіе историческіе писатели, повидимому, не пользовались Филосторгіемъ.

Затѣмъ, около этого времени является еще не сохранившаяся исторія пресвитера іерусалимскаго Исихія; что она написана была при Ѳеодосіи Младшемъ, это видно изъ замѣтокъ въ ней о Ѳеодорѣ мопсуэстійскомъ, читанныхъ на 5 вселенскомъ соборѣ. Не сохранился и трудъ пресвитера сидскаго Филиппа, о которомъ Фотій отзывается безъ особаго одобренія (cod. 35).

Далѣе на томъ же поприщѣ выступаютъ почти одновременно три историка, которыхъ можно назвать синоптиками, какъ описывавшихъ приблизительно одно и то же время. Первый изъ нихъ Сократъ Схоластикъ. Его «Церковная исторія» состоитъ изъ 7 книгъ и обнимаетъ время отъ отреченія Діоклетіана отъ престола въ 305 году до 8 пятилѣтія Ѳеодосія Младшаго, или до 439 года. Сократъ писалъ по порученію нѣкоего священнаго человѣка Божія Ѳеодора, какъ онъ самъ выражается. Этотъ Ѳеодоръ, какъ нужно догадываться, былъ епископъ, но какую каѳедру онъ занималъ,—неизвѣстно, только это не былъ Ѳеодоръ мопсуэстійскій. Относительно лица Сократа извѣстно немного. Онъ родился, воспитался и жилъ въ Константинополѣ; дѣла Константинополя ему представляются наиболѣе важными и о нихъ онъ говоритъ подробно; изъ разсказываемаго онъ немало видѣлъ самъ. Сводя всѣ данныя, относящіяся къ его біографіи, можно предположить, что онъ родился въ концѣ IV вѣка. Это видно изъ того, что Сократъ учился у грамматиковъ языческихъ Аммонія и Елладія, которые должны были бѣжать послѣ закрытія серапіона въ Александріи (388—9). Среди свидѣтелей и очевидцевъ, съ которыми Сократу приходилось имѣть дѣло, Авксанонъ, новатіанскій пресвитеръ, занимаетъ первое мѣсто. Объ этомъ Авксa-

нонѣ Сократъ сообщаетъ, что онъ молодымъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ и видѣлъ епископовъ, которые родились около 250 года; значитъ, благодаря Авксанону, съ которымъ Сократъ лично бесѣдовалъ, онъ могъ говорить о преданіи за періодъ около 200 лѣтъ. Другихъ свидѣтелей и очевидцевъ Сократъ называетъ тоже по имени.

Что касается побужденія для Сократа писать исторію, то оно состояло въ томъ, чтобы продолжить исторію Евсевія кесарійскаго. Поэтому Сократъ говоритъ болѣе подробно о томъ, о чемъ Евсевій упоминаетъ кратко. Свои свѣдѣнія о нѣкоторыхъ фактахъ эпохи Константира Великаго онъ почерпнулъ изъ сочиненій Евсевія. Относительно же событій послѣ Никейскаго собора онъ говоритъ на основаніи исторіи Руфина. На счетъ литературной добросовѣстности Сократа нужно замѣтить, что онъ, написавъ уже двѣ первыя книги исторіи, послѣ того какъ нашелъ доступъ къ трудамъ Аѳанасія александрійскаго и убѣдился въ ошибочности показаній Руфина, счелъ своею обязанностью передѣлать ихъ заново, въ томъ видѣ, какъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время.

Собственно серьезной подготовки для своего дѣла Сократъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть. Образованіе, полученное имъ, было свѣтское, и вращался онъ въ адвокатской сферѣ (называется «схоластикомъ» онъ въ смыслѣ адвоката); въ богословской же области онъ признаетъ себя некомпетентнымъ. Но при своей богословской некомпетентности онъ заявляетъ полную безпристрастность въ оцѣнкѣ фактовъ исторіи церкви съ своей мірской точки зрѣнія. Одно изъ руководственныхъ воззрѣній его—вѣротерпимость. Онъ всегда осуждаетъ тѣхъ епископовъ, которые грѣшатъ противъ нея, и не только аріанъ, аполлинаріанъ, македоніанъ, но и православныхъ. Такъ, онъ крайне сурово говоритъ о Несторіи за его гонительство, не сочувствуетъ и преслѣдованіямъ инославныхъ и иновѣрцевъ Кирилломъ александрійскимъ. Къ самымъ богословскимъ спорамъ онъ относится критически; истина, по нему, лежитъ такъ близко къ той и другой сторонѣ, что можно было бы спорить и меньше. Въ связи съ этою вѣротерпимостью стоитъ и его умѣренное отношеніе къ Юліану. Онъ не признаетъ, что послѣдній запретилъ христіанамъ заниматься классической литературой, какъ утверждаютъ другіе писатели, запретилъ онъ только объяснять ее; онъ довольно критически относился къ попыткѣ христіанъ замѣнить классическую поэзію богословскими переложеніями.

Весьма характерную сторону исторіи Сократа составляетъ вопросъ объ отношеніи его къ новатіанамъ. Многіе утверждали, что и самъ онъ принадлежалъ къ новатіанамъ, но это несправедливо: въ своей исторіи Сократъ противопоставляетъ себя новатіанамъ, какъ члена каѳолической церкви. Но онъ на самомъ дѣлѣ заинтересованъ новатіанами. Такъ, напримѣръ, онъ сообщаетъ, что Новатіанъ скончался мученически, что новатіане присутствовали на Никейскомъ соборѣ, куда были вызваны ихъ епископы, слѣдитъ за преемствомъ ихъ іерархіи, какъ и православныхъ епископовъ. О внутреннихъ событіяхъ среди новатіанъ онъ имѣетъ свѣдѣнія ясныя и опредѣляетъ положеніе ихъ даже въ незначительныхъ мѣстностяхъ Фригіи и въ Римѣ, что нелегко было знать, живя въ Константинополѣ. Онъ подчеркиваетъ извѣстное отношеніе Златоуста къ новатіанамъ. Однажды высказываетъ то сужденіе, что Новатіанъ случайно не соединился съ православною церковію. Наконецъ, относительно самаго щекотливаго вопроса,—объ отлученіи отъ церкви падшихъ, Сократъ, хотя и принадлежалъ къ каѳолической церкви, однако очень скептически относится и къ дисциплинѣ, допускающей неоднократное покаяніе. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія Сократъ новатіанствуетъ очевидно. Такое знакомство съ новатіанской исторіей заставляетъ предполагать, что Сократъ происходилъ изъ фамиліи, принадлежавшей нѣкогда къ новатіанству, почему онъ и могъ знать прошедшую исторію послѣдняго по фамильнымъ преданіямъ.

Своеобразную черту исторіи Сократа составляетъ ея романизирующая тенденція. Въ его исторіи встрѣчаются сужденія настолько неосновательныя, что римскіе католики могутъ только радоваться имъ. Такъ онъ утверждаетъ, что когда на востокѣ поднялись споры о Божествѣ Св. Духа, Дамасъ, епископъ римскій, написалъ, что слѣдуетъ признавать Св. Духа единосущнымъ съ Богомъ Отцомъ и Сыномъ, и споры кончились; утверждаетъ даже, что вселенскій соборъ безъ соизволенія римскаго епископа состояться не можетъ. Оригинальную черту въ исторіи Сократа составляетъ и то, что онъ стоялъ за доброе имя Оригена: послѣдній представляется ему человѣкомъ великимъ; лица же, нападавшіе на него—пигмеями въ умственномъ отношеніи и геростратами въ нравственномъ. Онъ не забываетъ подчеркнуть и то, что Ѳеофилъ, выступивъ противъ Оригена, самъ былъ пойманъ въ чтеніи сочиненій Оригена. Во всякомъ случаѣ, осужденіе Оригена было встрѣченно Сократомъ несочувственно.

Источники, которыми пользовался Сократъ, были ограниченны. Онъ не знакомъ даже съ сочиненіями великихъ каппадокійцевъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ источниковъ, который въ настоящее время не существуетъ, было «Συναγωγὴ τῶν συνόδων» (собраніе соборовъ) Савина, еп. ираклійскаго, послѣдователя Македонія. Это собраніе соборныхъ документовъ обнимаетъ чуть ли не всю исторію отъ начала аріанства. Сократъ указываетъ, что это произведеніе снабжено комментаріями, нелишенными тенденціозности: о фактахъ и событіяхъ, которые бросали неблагопріятный свѣтъ на аріанство, Савинъ умалчиваетъ. Такъ онъ не говоритъ о тѣхъ безобразіяхъ, которыя происходили въ Александріи по случаю вступленія на епископскую каѳедру аріанъ Григорія и Георгія; точно также не говоритъ о томъ, какъ послѣ смерти Аѳанасія Великаго на каѳедру поставляли аріанина Лукія. Но въ другихъ отношеніяхъ этотъ сборникъ весьма цѣнный. Это собраніе соборовъ важно по документальности актовъ и полнотѣ ихъ; особенно подробно здѣсь говорится о преніяхъ, происходившихъ на соборѣ Селевкійскомъ, такъ что, кажется, едва ли не по стенографической записи былъ сдѣланъ отчетъ.

Относительно различныхъ подробностей исторіи Сократа нужно отмѣтить то явленіе, что онъ очень серьезное вниманіе обращаетъ на хронологію. Что онъ по мѣстамъ допускаетъ ошибки,—это не подлежитъ сомнѣнію; тѣмъ не менѣе стремленіе къ точному обозначенію сказывается ясно. Датировку онъ дѣлаетъ по консуламъ. Одну изъ ошибокъ Сократа составляетъ датировка Сердикскаго собора 347 годомъ, и эта ошибка надѣлала немало затрудненій. Въ настоящее время, послѣ изданія пасхальныхъ посланій Аѳанасія Великаго и оглавленія къ нимъ на сирійскомъ языкѣ [Cureton 1848, перев. на нѣм. языкъ Larsow 1852], признано, что соборъ былъ въ 343 году [1]). Относительно года кончины Аѳанасія Великаго Сократъ дѣлаетъ тоже ошибку года на два; онъ опредѣляетъ время смерти его въ 371 году, а между тѣмъ тотъ умеръ въ 373 году. Повидимому, слѣдовало бы ожидать отъ Сократа большей точности по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается его какъ адвоката,—именно, относительно законодательства, судебныхъ процессовъ и защиты. Однако сообщаемыя имъ

[1]) Ср. В. В. Болотовъ, Либерій, епископъ римскій и сирмійскіе соборы. Христ. Чт. 1891, I, 450—453 (отдѣльн. оттискъ 28—31). *А. Б.*

свѣдѣнія изъ этой области таковы, что на основаніи ихъ никоимъ образомъ нельзя признать въ авторѣ юриста. Невѣрныя съ юридической точки зрѣнія, таковыми же представляются они и съ исторической. Напримѣръ, Сократъ утверждаетъ, что будто бы императоръ Валентиніанъ, женившись при жизни своей жены на ея фрейлинѣ, издалъ указъ, дозволяющій всѣмъ имѣть двѣ законныя жены, тогда какъ извѣстно, что онъ женился уже вдовый и на вдовѣ.

Изданіе исторіи Сократа, вмѣстѣ съ изданіемъ Евсевія, Созомена, Ѳеодорита и Евагрія, предпринимали Stephanus (1544), Christophorson (1612), Valesius (1668) и Reading (1720). Лучшее изданіе—Robert Hussey, Oxonii 1853 (по 5 кодексамъ и 4 изданіямъ), codd. Florentini FM—самые важные. Текстъ Bright'a (1878) представляетъ шагъ назадъ.

Послѣ Сократа церковную исторію писалъ Ермій Созоменъ. Онъ былъ родомъ изъ Палестины, изъ селенія Виѳеліи близъ Газы, и находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ палестинскими подвижниками; одинъ изъ нихъ, Иларіонъ, исцѣлилъ нѣкогда отъ болѣзни жителя Виѳеліи, Алафіона (бѣсноватаго) и это послужило поводомъ для обращенія дѣда Созомена въ христіанство. Созоменъ помнилъ Зенона, епископа маюмскаго. Въ качествѣ адвоката Созоменъ поселился въ Константинополѣ, гдѣ онъ участвовалъ въ одной церковной процессіи, бывшей при Проклѣ патріархѣ. Близкія отношенія къ подвижникамъ положили свою печать на характеръ Созомена, который былъ человѣкомъ благочестивымъ и склоннымъ къ аскетизму. Онъ написалъ исторію церкви, обнимающую событія отъ 324 по 439 гг. и состоящую изъ 9 книгъ. Но до насъ сохранились его историческія повѣствованія только до 423 года. Утраченная часть, впрочемъ, незначительна.

На вопросъ, что заставило Созомена взяться за перо, точный отвѣтъ дать трудно. Нужно замѣтить, что Созоменъ, какъ историкъ, находится въ тѣсной связи съ Сократомъ. Сравнивая исторіи Сократа и Созомена, ученые пришли къ тому заключенію, что послѣдній почти все заимствовалъ у перваго. Рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ не то, что обѣ эти исторіи сходны въ общемъ, но то, что и въ частностяхъ онѣ поразительно сходны. Такъ, нѣкоторые эпизоды, вставленные у Сократа, встрѣчаются тамъ же у Созомена, хотя въ нихъ ему не было никакой логической необходимости. У Сократа

есть разсказъ о новатіанскомъ соборѣ и о спорахъ относительно празднованія св. пасхи, и у Созомена тоже. О вопросѣ насчетъ празднованія пасхи Сократъ говоритъ два раза, и Созоменъ—тоже и въ той же связи. Однако же Созоменъ не упоминаетъ о Сократѣ, какъ руководителѣ въ своемъ трудѣ. Признаютъ, что самостоятельнымъ Созоменъ является единственно въ свѣдѣніяхъ о существованіи церкви въ Персіи и объ иночествѣ въ Палестинѣ и Сиріи. Здѣсь онъ писалъ на основаніи первоначальныхъ источниковъ, изустныхъ свѣдѣній и свидѣтельствъ, и является для насъ въ качествѣ первоисточника. Итакъ, Созоменъ пользовался Сократомъ и его исторія есть только передѣлка Сократовой. И другіе писатели въ Византіи пользовались трудами своихъ предшественниковъ, но они большею частію буквально списывали съ нихъ, а Созоменъ только разсказалъ своими словами и болѣе изящнымъ языкомъ то, что было написано и у Сократа.

Что побудило такъ писать Созомена? Вопросъ—трудный. Можно думать, что Созомену не понравилось направленіе Сократа за сочувствіе послѣдняго новатіанамъ, за постоянное порицаніе гоненій на неправомыслящихъ и за уваженіе къ авторитету Оригена. Но хотя эти (съ извѣстной точки зрѣнія) шероховатости Сократа сглажены у Созомена, но на этомъ пунктѣ не замѣчается существенной разницы между трудами ихъ. Невѣроятно и то, что Созоменъ такъ относился къ труду Сократа потому, что надѣялся, что его исторія будетъ извѣстна не далѣе Палестины. Изъ обращенія Созомена къ Ѳеодосію, которому онъ хотѣлъ посвятить свой трудъ, видно, что онъ предназначался къ распространенію и за предѣлами Палестины. Можно также подумать, что Созоменъ, писавшій прежде сокращеніе исторіи Евсевія въ двухъ книгахъ до 323 г., хотѣлъ сократить и трудъ Сократа для удобства въ употребленіи. Но это было излишне, такъ какъ исторія Сократа была довольно кратка и могла удовлетворять подобнымъ потребностямъ. Да и сокращаетъ-то Созоменъ не совсѣмъ удачно, такъ какъ онъ выпускаетъ собственныя имена многихъ лицъ и многія хронологическія даты, такъ что по Созомену нельзя дать точной хронологіи.

На дѣлѣ не только лишь въ упомянутыхъ выше пунктахъ Созоменъ является самостоятельнымъ, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ пользовался нетронутыми до него матеріалами, о чемъ и самъ упомянулъ съ удареніемъ: онъ прежде всего провѣ-

рялъ и справлялся лично съ тѣми источниками, которыми пользовался Сократъ. Такъ онъ пользовался собраніемъ Савина. Но онъ расширяетъ свой кругозоръ до запада, когда указываетъ на Мартина турскаго, Иларія пиктавійскаго. По отношенію къ исторіи патріархата александрійскаго Созоменъ пользовался греческимъ текстомъ изданной впервые Маффеи въ 1738 г. «Historia acephala», которой не было у Сократа. Благодаря этому обстоятельству мы можемъ пользоваться у Созомена и началомъ исторіи, тою частью, которая не дошла до насъ въ латинскомъ переводѣ. Здѣсь, впрочемъ, Созоменъ допускаетъ ошибочное отступленіе отъ подлинника, по которому патріаршествованіе Аѳанасія Великаго продолжалось 45 лѣтъ безъ 30 дней, тогда какъ по Созомену—46 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣло Созомена не такъ плохо, какъ представляется это у нѣкоторыхъ ученыхъ. Если говорятъ, что онъ писалъ исторію, имѣя слишкомъ мало новаго матеріала, то на это можно сказать, что и теперь пишутся разныя сочиненія даже безъ подобія новаго матеріала. Онъ не цитируетъ по имени Сократа, но онъ и никого не цитируетъ. Подобнымъ образомъ и Евсевій въ своей хроникѣ не цитируетъ Юлія Африкана, предполагая, что сочиненіе послѣдняго извѣстно читателямъ. Нужно затѣмъ обратить вниманіе на то, что Созоменъ посвятилъ свое сочиненіе императору Ѳеодосію, а это указываетъ, что, быть можетъ, Созоменъ писалъ свою исторію поневолѣ. Но и при всемъ томъ онъ сдѣлалъ все, что могъ [1]).

Собственно по ученой подготовкѣ Созоменъ стоялъ не выше Сократа. Онъ не могъ разобраться тамъ, гдѣ не могъ разобраться этотъ послѣдній. Но по большей полнотѣ цитатъ Созоменъ имѣетъ цѣну и трудъ его ни въ какомъ случаѣ лишнимъ признать нельзя. Созомену слѣдуетъ давать предпочтеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не сходится съ Сократомъ и поправляетъ его. При всемъ томъ это историкъ еще необработанный, и было бы хорошо, если бы кто принялъ на себя трудъ провѣрить этихъ синоптиковъ, особенно въ связи съ Ѳеодоритомъ, указалъ бы параллельныя мѣста и т. п.

Отличительною чертою труда Созомена является своеобразная церковность, доведенная до фальшивой апологетики, такъ

---

[1]) Ср. В. В. Болотовъ, Theodoretiana. Христ. Чт. 1892, II, 121.—Либерій, еп. римскій, и сирмійскіе соборы. Христ. Чт. 1891, I, 514—515 примѣч. (отд. оттискъ 58—59). *А. Б.*

какъ онъ старается придать нравственное оправданіе почти всѣмъ церковнымъ событіямъ. Такъ, относительно смерти императора Юліана Сократъ предполагалъ, что она произошла отъ покушенія на его жизнь одного христіанина, а Созоменъ, признавая эту мысль Сократа несомнѣнно истинною, добавляетъ, что въ этомъ заключается великій подвигъ со стороны христіанъ. Или еще примѣръ. Ѳеодосій Великій раздѣлилъ свою имперію двумъ сыновьямъ, Аркадію и Гонорію, а такъ какъ оба они были несовершеннолѣтніе (впрочемъ, не по лѣтамъ, а по характеру, при чемъ подобные люди бываютъ до самой старости несовершеннолѣтними по развитію своей воли), то онъ прибавилъ къ нимъ опекуновъ. При восточномъ императорѣ Аркадіи былъ опекуномъ Руфинъ, который возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны солдатъ и былъ убитъ послѣдними. Созоменъ и тутъ нашелся сказать, что это устроилось къ вящему преуспѣянію церкви Христовой.

Лучшее изданіе—Robert Hussey [закончено J. Barrow], Oxonii 1860 (по 5 кодексамъ, 6 свѣркамъ [выпискамъ] варіантовъ и 4 изданіямъ). Codex Baroccianus (B) ab Husseio collatus—самый важный для изданія [1]).

Нѣсколько позже писалъ свою исторію Ѳеодоритъ кирскій. Ѳеодориту вообще посчастливилось въ наукѣ: въ 1890 г. въ Россіи вышло выдающееся сочиненіе о немъ Н. Н. Глубоковскаго (Блаженный Ѳеодоритъ епископъ Киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. I—II. М. 1890 [2]). Церковная исторія его обнимаетъ собою въ 5 книгахъ время отъ паденія Ликинія въ 323 году до 428 года. Послѣднія главы посвящены Ѳеодору мопсуестійскому и списку епископовъ православной церкви. Время происхожденія съ точностію неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, оно колеблется между годами

---

[1]) Объ исторіяхъ Сократа и Созомена и ихъ изданіяхъ ср. G. Löschke въ Hauck's Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. 3 Aufl. B. XVIII (1906), 481—486, 541—547. Берлинская коммиссія по изданію отцовъ церкви (Kirchenväter-Kommission) подготовляетъ новое изданіе обоихъ историковъ. Объ источникахъ исторіи Сократа см. F. Geppert, Die Quellen des Kirchenhistorikers Socrates Scholasticus. Leipzig 1898. Ожидается его же изслѣдованіе и объ исторіи Созомена. *А. Б.*

[2]) Ср. отзывъ объ этомъ сочиненіи В. В. Болотова, Theodoretiana. Христ. Чт. 1892, II, 58—164 (также отдѣльный оттискъ). По вопросу о „Церковной исторіи" Ѳеодорита ср. 120—121, 147—148; о „Сокращеніи еретическихъ лжемудрованій" 105—113, 122—123, 154—159. *А. Б.*

441—449-мъ. Сужденія объ этомъ произведеніи довольно разнообразны и между собою расходятся.

Вопросъ прежде всего въ томъ, зналъ ли Ѳеодоритъ труды своихъ предшественниковъ, Сократа и Созомена, и даетъ ли что либо новое въ сравненіи съ ними. Въ сочиненіи г. Глубоковскаго доказывается, что нѣтъ данныхъ въ пользу того, что Ѳеодоритъ пользовался Сократомъ и Созоменомъ, и допускается лишь возможность знакомства его съ Филосторгіемъ. Но и это едва ли вѣроятно: разностей между Филосторгіемъ и Ѳеодоритомъ больше, чѣмъ сходства. Болѣе данныхъ въ пользу того мнѣнія, что Ѳеодоритъ пользовался Руфиномъ въ греческомъ переводѣ.

Каково достоинство исторіи Ѳеодорита? Германскій ученый Іеепъ (Ieep) отзывается о немъ такъ, что между всѣми церковными историками Ѳеодоритъ—самый незначительный и безполезный. Шаффъ, напротивъ, очень высоко цѣнитъ его трудъ; г. Глубоковскій также переоцѣниваетъ его значеніе. На самомъ дѣлѣ этотъ трудъ, какъ именно историческій, посредственный: хронологія иногда перепутана, фактическія подробности невѣрны. Ѳеодоритъ пользовался иногда документами не безспорной достовѣрности, вродѣ діалога римскаго епископа Либерія и Константія. Пользуясь твореніями Аѳанасія, Ѳеодоритъ не могъ разобраться въ исторіи бѣгствъ его. Цѣнность его исторіи въ особенности заключается въ томъ, что Ѳеодоритъ внесъ въ нее до 12 документовъ, которые сохранились только въ его произведеніи.

Но при оцѣнкѣ труда Ѳеодорита не должно упускать изъ виду того, что онъ опредѣляетъ свою исторію, какъ церковную, и ведетъ ее какъ церковную; а потому въ смыслѣ исторіи гражданской его исторія является крайне скудною. А Іеепъ только съ этой (гражданской) точки зрѣнія и разсматриваетъ ее. Какъ церковный историкъ, Ѳеодоритъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыя составляютъ его преимущество предъ Сократомъ и Созоменомъ. Сократъ и Созоменъ смотрятъ на церковныя событія изъ стѣнъ Константинополя. Ѳеодоритъ принадлежалъ востоку, а потому смотритъ на церковную исторію изъ предѣловъ этой мѣстности и, на основаніи мѣстныхъ данныхъ, которыми не располагали ни Сократъ, ни Созоменъ, описываетъ событія въ предѣлахъ востока, центромъ котораго была Антіохія. Какъ хорошій догматистъ, Ѳеодоритъ отлично понималъ, что можно принять и подъ чѣмъ нельзя подписы-

ваться. У него подъ руками были нѣкоторые документы, корыхъ не имѣли Сократъ и Созоменъ. Но самое важное и самое цѣнное въ исторіи Ѳеодорита то, что онъ научаетъ насъ понимать позднѣйшую эпоху аріанскихъ споровъ и правильно смотрѣть на лица и событія этой эпохи. Сократъ, какъ не богословъ, усвоилъ себѣ шаблонное воззрѣніе на лица и событія востока. Онъ клеймитъ названіемъ полуаріанъ тѣхъ епископовъ, которые не имѣютъ церковнаго общенія съ Аѳанасіемъ Великимъ. Но судить ихъ съ этой точки зрѣнія невозможно. Между тѣмъ, точка зрѣнія Ѳеодорита является точкою зрѣнія и Василія Великаго, Григорія Назіанзина и другихъ отцовъ. Ѳеодоритъ является представителемъ восточнаго православія, стоящимъ на другой исторической точкѣ зрѣнія, чѣмъ спеціально-александрійская точка зрѣнія Аѳанасія Великаго (въ ранніе годы его жизни). Лица, являющіеся подъ перомъ Сократа полуаріанами, у Ѳеодорита оказываются поборниками православія; точка его зрѣнія, очевидно, мелетіанская.

Какъ человѣкъ высшаго положенія и какъ характеръ выработавшійся, Ѳеодоритъ замѣтно сдержанъ въ сужденіяхъ; поэтому его исторія полна недомолвокъ. Однимъ изъ примѣровъ служитъ въ этомъ отношеніи изложеніе событій, повлекшихъ за собою паденіе Іоанна Златоуста, который для Ѳеодорита былъ свѣтиломъ. Тѣмъ не менѣе Ѳеодоритъ не повелъ о немъ рѣчи съ точки зрѣнія его сторонника. Въ V-й книгѣ онъ такъ выражается: «дойдя до этого пункта исторіи, я нахожусь въ затруднительномъ положеніи; приходится разсказывать о дерзкихъ оскорбленіяхъ Іоанну; но такъ какъ и противники его были лица, въ другихъ отношеніяхъ достойныя, то я скрою и самыя имена ихъ». Нисколько не скрывая правды, что притѣснители Златоуста были къ нему несправедливы, онъ не упоминаетъ именъ враговъ Іоанна Златоуста.

Судьба изданія церковной исторіи Ѳеодорита довольно странная. Въ печати она явилась ранѣе исторіи Евсевія. Греческій текстъ ея явился въ Базелѣ въ 1535 году. Въ 1544 году вышло парижское изданіе Роберта Стефана, въ основѣ котораго лежитъ парижская рукопись. Въ 1612 году она была напечатана въ Женевѣ Христофорсономъ. Потомъ исторія Ѳеодорита была въ 1642 году издана въ его «Opera» Сирмондомъ. Но для улучшенія текста, кромѣ исправленія орѳографическихъ ошибокъ, Сирмондъ не сдѣлалъ

ничего новаго. Вопросъ о рукописяхъ, какими пользовались эти издатели, очень темный. Уже Робертъ Стефанъ вслѣдъ за текстомъ помѣстилъ выписки различныхъ варіантовъ, собранныхъ непослѣдовательно. Въ изданіи женевскомъ 1612 года есть тоже всѣ эти варіанты. Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ парижское изданіе 1673 года Валуа, имѣвшаго подъ руками кодексы Льва Аллація и Савиліевскій. Уже послѣ смерти Валуа найдены были выписки изъ другого парижскаго кодекса, которыя и вошли въ изданія 1677 и 1695 гг. Изданіе Валуа воспроизвелъ затѣмъ въ Кэмбриджѣ въ 1720 г. Ридингъ (перепечатано въ Туринѣ въ 1748). Далѣе, значительный успѣхъ представляетъ изданіе Шульце-Нёсселъта, въ «Opera omnia Theodoreti» (1772). Къ 1854 году относится оксфордское изданіе Гэйсфорда (Gaisford), воспроизводящее въ общемъ рецензію Валуа. Въ Патрологіи Миня (т. 82) перепечатано изданіе Сирмонда.

Кромѣ церковной исторіи Θеодоритъ писалъ другія два сочиненія историческаго характера. Первое—это «Φιλόθεος ἱστορία (Historia religiosa)», «Боголюбезная исторія». Исторія трактуетъ о тридцати подвижникахъ и состоитъ изъ тридцати главъ, изъ которыхъ каждая рисуетъ намъ жизнь одного какого-либо изъ этихъ подвижниковъ. Это—самая важная для исторіи сирійскаго монашества исторія. Изданіе этой исторіи сдѣлано по единственной рукописи и потому не представляетъ никакихъ варіантовъ. Другое произведеніе надписывается слѣдующимъ заглавіемъ: «Αἱρετικῆς κακομυθίας ἐπιτομή (Haereticarum fabularum compendium)», «Сокращеніе еретическихъ лжемудрованій». Сочиненіе это состоитъ изъ четырехъ книгъ, излагающихъ лжеученія древнихъ еретиковъ. Спорный вопросъ представляетъ глава 12 послѣдней книги, гдѣ Θеодоритъ говоритъ о несторіанствѣ. Одни говорятъ, что эта глава вставлена другою рукою. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что Θеодоритъ послѣ того, какъ порвалъ всѣ связи съ несторіанствомъ на Халкидонскомъ соборѣ, могъ, разумѣется, рѣзко отзываться о Несторіи [1]). Это сочиненіе отдѣльныхъ изданій не имѣло, и даже въ Corpus haereseologicum Франца Ölера (Öhler) не было принято.

Послѣ Θеодорита, въ первой половинѣ VI вѣка, опять

---

[1]) Доказательство неподлинности этой главы см. въ Theodoretiana, 105—113. *А. Б.*

почти одновременно. выступаютъ въ качествѣ церковныхъ историковъ три лица: Θеодоръ Чтецъ, Василій, киликійскій пресвитеръ, и Іоаннъ Діакриноменъ. Всѣ они—утрачены. Лучше другихъ извѣстенъ первый изъ историковъ; о двухъ послѣднихъ мы знаемъ по немногимъ ссылкамъ на нихъ и изъ «Библіотеки» Фотія.

Θеодоръ Чтецъ жилъ при Юстинѣ или Юстиніанѣ. Онъ, слѣдуя Евсевію, Сократу, Созомену и Θеодориту, написалъ въ 3-хъ книгахъ сводъ церковной исторіи. Изъ свода было сдѣлано сокращеніе, сохранившееся въ оксфордскомъ кодексѣ Barocciaпus. Изъ этого сокращенія видно, что послѣдняя выдержка взята изъ 7 книги Сократа. Продолженіемъ этого свода была его собственная исторія, сохранившаяся лишь въ сокращенномъ сводѣ, также въ cod. Barocciaпus въ Оксфордѣ и въ cod. Regius въ Парижѣ. Это сокращеніе невѣрно приписывается въ первомъ кодексѣ Никифору Каллисту (ок. 1333 г.), оно существовало ранѣе, и имъ пользовался уже Θеофанъ. Сокращеніе разбито на 2 βιβλία (I—изъ 37 отрывковъ, II—изъ 65). I, 1—37 и II, 1—37 взяты изъ Θеодора (до воцаренія Юстина); II, 38—59 заимствована, вѣроятно, изъ утраченнаго труда Василія киликійскаго (антіохійская точка зрѣнія); II, 60—65 (о царствованіяхъ съ Константина до Льва)—можетъ быть изъ Θеодора Чтеца. Θеодоръ цитируется у Іоанна Дамаскина, въ актахъ VII вселенскаго собора, у Свиды. Труды его имѣли немаловажное значеніе.

Іоаннъ Діакриноменъ писалъ, по Фотію (Bibl. 41), исторію начиная отъ Θеодора мопсуестійскаго до императора Зинона и былъ севиріанинъ. Фотій отождествляетъ его съ Іоанномъ эгейскимъ.

Василій киликійскій, по Фотію, хитрый несторіанинъ; ему же принадлежитъ апологія противъ Іоанна скиѳопольскаго (Bibl. 42, ср. 107). На самомъ дѣлѣ онъ былъ просто представителемъ антіохійскаго направленія и ему, какъ сказано, принадлежатъ вѣроятно вставки въ извлеченіяхъ изъ Θеодора.

Послѣ этихъ продолжателей Сократа, Созомена и Θеодорита опять начинается перерывъ въ церковной исторіографіи. Въ концѣ VI вѣка выступаетъ въ качествѣ церковнаго историка антіохійскій схоластикъ Евагрій, который родился около 536 года, а умеръ послѣ 594 года. Занимая выдающееся общественное положеніе въ Антіохіи, онъ получилъ даже

почетный титулъ префекта, что упоминается и въ надписаніи его исторіи (ἀπὸ ἐπάρχων). Несмотря на свѣтскую карьеру, онъ былъ близокъ и къ церковной сферѣ, былъ близокъ къ Григорію, патріарху антіохійскому, и оказалъ ему важную услугу въ одномъ судебномъ процессѣ. Евагрій написалъ исторію въ 6 книгахъ, обнимающую время отъ перваго Ефесскаго собора (431 года) до двѣнадцатаго года царствованія императора Маврикія (594 года). Эта исторія своимъ содержаніемъ не такъ богата, какъ труды предшественниковъ Евагрія. Авторъ пользуется болѣе свѣтскими писателями, чѣмъ документами церковными. Однако и у него содержится много отрывковъ изъ переписки дѣйствующихъ лицъ, которая теперь потеряна для насъ. Евагрій былъ издаваемъ вмѣстѣ съ другими церковными историками. Изданіе Ридинга (1720) было перепечатано Гэйсфордомъ въ 1844 г. [Въ настоящее время имѣется критическое изданіе Bidez и Parmentier, London 1899]. Съ Евагріемъ сходитъ со сцены послѣдній продолжатель того направленія, которое получило начало отъ Евсевія кесарійскаго. Писателей въ этомъ направленіи не появляется до XIV вѣка—до Никифора Каллиста.

Византійскіе гражданскіе историки и хронисты.

Въ византійской исторіи событія политическія и церковныя перемѣшиваются между собою, такъ что лица, бравшіяся за церковную исторію, дѣлали много сообщеній и политическихъ. Интересъ къ церковнымъ дѣламъ потомъ настолько ослабѣлъ, что не дѣлается даже различенія между церковными и политическими событіями, а сообщаются всѣ они вмѣстѣ. Такимъ образомъ, церковная исторія теряется въ государственной исторіи, такъ что церковная исторія въ собственномъ смыслѣ почти исчезаетъ, остается лишь гражданская. Писанія гражданскихъ историковъ существовали и раньше, до Евагрія, и мы имѣемъ много трудовъ, характеризующихъ то или другое царствованіе, тотъ или другой періодъ жизни государства. Начало періода послѣ Константина В. характеризуется участіемъ въ литературныхъ трудахъ историковъ языческихъ (Зосимъ, Евнапій).

Наилучшее изданіе византійскихъ историковъ — боннское (Corpus scriptorum historiae Byzantinae) въ 49 томахъ 1828—1878 г., насколько оно не замѣнено еще отдѣльными вполнѣ научными изданіями (каковы напр. изданія де Боора). Боль-

шая часть боннскаго изданія перепечатана у Миня. Наилучшее изслѣдованіе объ этихъ произведеніяхъ [для періода отъ 813 до 963] принадлежитъ Гиршу, F. Hirsch, Byzantinische Studien. Leipzig 1876. О нѣкоторыхъ византійскихъ хроникахъ говоритъ Н. А. Скабалановичъ въ своемъ сочиненіи «Исторія Византійскаго государства и церкви въ X и XI вѣкахъ». Спб. 1884 [1]).

Въ эпоху Юстиніана выдается историкъ Прокопій кесарійскій, риторъ по образованію и секретарь при полководцѣ Велизаріѣ. Поэтому въ его трудахъ много мѣста удѣляется военнымъ событіямъ. Онъ написалъ 2 книги «De bello Persico», 2 книги «De bello Vandalico», 4 книги «De bello Gothico» [Opera omnia ed. Haury, vol. I—II, 1905], въ которыхъ описываются всѣ походы Юстиніана. Этотъ же риторъ выступаетъ, по собственному ли желанію, или по внѣшнему побужденію, какъ панегиристъ императора Юстиніана въ 6 книгахъ «De aedificiis», въ которыхъ разсматриваетъ все, что выстроено Юстиніаномъ замѣчательнаго. Здѣсь дается много свѣдѣній о церквахъ, построенныхъ Юстиніаномъ. Но если здѣсь Прокопій является какъ панегиристъ, то въ другомъ сочиненіи «Ἀνέκδοτα», или «Historia arcana» [изд. Крашенинникова 1899], напротивъ, онъ выставляетъ самого императора и императрицу, какъ чудовищъ въ человѣческомъ образѣ; Ѳеодору, между прочимъ, представляетъ и чудовищемъ разврата. Точка зрѣнія на постройки Юстиніана здѣсь проводится уже совсѣмъ другая; онъ говоритъ, что императоръ этими постройками подорвалъ рессурсы государства. Если въ первомъ сочиненіи постройки Юстиніана выставляются, какъ свидѣтели о его славѣ и могуществѣ, то здѣсь говорится о нихъ, что это была напрасная и пустая трата огромныхъ суммъ и что

[1]) K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München 1897, содержитъ очеркъ о византійской исторіографіи, обнимающій византійскихъ историковъ и хронистовъ начиная съ VI вѣка. По вопросу въ частности о византійскихъ хроникахъ см. H. Gelzer, Sextus Julius Africanus. I—II. Leipzig 1880—1898. О новѣйшихъ трудахъ въ этой области ср. очеркъ Les études d'histoire byzantine en 1905 въ Ch. Diehl, Études byzantines. Paris 1905. Безусловно необходимымъ въ данномъ случаѣ является обращеніе къ Byzantinische Zeitschrift и Византійскому Временнику, въ которыхъ сосредоточивается нынѣ главнымъ образомъ разработка византологіи и даются обстоятельныя библіографическія указанія вообще о новыхъ трудахъ въ этой области.

А. Б.

Юстиніанъ въ этомъ случаѣ является вполнѣ деспотомъ. Нельзя не замѣтить, что Прокопій является здѣсь пристрастнымъ съ другой стороны. Но это нужно сказать только о фактахъ, заимствованныхъ изъ скандальной хроники Константинополя. Въ другихъ же случаяхъ, когда оцѣниваются поступки Юстиніана, ему трудно не вѣрить, тѣмъ болѣе, что эти сообщенія сходны съ сообщеніями его въ другихъ историческихъ трудахъ.

Этого рода труды по гражданской или свѣтской исторіи по своей формѣ должны быть названы исторіей въ собственномъ смыслѣ и имѣютъ параллель въ церковной исторіи Евсевія. Но византійскій періодъ преимущественно характеризуется особою формою историческихъ трудовъ. Вмѣсто исторіи теперь преобладаетъ хроника, о которой можно судить по нашимъ лѣтописямъ, гдѣ сообщаются разсказы по царствамъ и по годамъ, такъ что на ряду съ политическими и военными событіями сообщаются и событія чисто-церковныя. Такимъ образомъ у грековъ произошла перемѣна исторіи на хронику. Эта перемѣна обыкновенно разсматривается, какъ показатель упадка греческой литературы и культуры. Извѣстныхъ сторонъ упадка отрицать невозможно, но эти стороны являются съ нашей точки зрѣнія положительно достоинствами. Греческій историкъ хорошъ бываетъ тогда, когда знаетъ много и говоритъ, какъ современникъ. Таковъ Прокопій, современникъ Юстиніана. Но если отрѣшиться отъ богатства содержанія, то едва ли можно отдать преимущество историческому изложенію грековъ предъ хроническимъ. Писатели историки старались обходить хронологическія данныя. Прокопій могъ бы, напримѣръ, передавать событія изъ недѣли въ недѣлю, но онъ знаетъ только четыре времени года. Въ хроникѣ каждое событіе пріурочивается къ опредѣленному году, хотя часто показываемому невѣрно. Но изъ невѣрныхъ показаній легче добраться до истины, чѣмъ тогда, когда ихъ совсѣмъ нѣтъ. Греческіе историки отличаются неисправимою наклонностью къ витійствованію. Всѣ они хотятъ быть продолжателями Геродотовъ и Ѳукидидовъ. Хронисты же повѣствуютъ сжато, сухо и только о дѣлѣ. Если они мало передаютъ прагматической связи, то ея нѣтъ и у историковъ. Но, по справедливости, въ ихъ сжатости часто болѣе жизни, чѣмъ въ произведеніяхъ историковъ. Гражданскій строй востока давно измѣнился: тамъ явились римскіе чиновники; но историки—витіи старались обозначать должности описательно. Такъ въ ихъ исторіяхъ можно встрѣтить са-

траповъ вмѣсто rectores, correctores и judices. Греческій языкъ своего времени историки презираютъ, какъ низкій, и пишутъ возвышеннымъ слогомъ. Только хронисты начали довольно свободно черпать прямо изъ бытовыхъ источниковъ и представляютъ народъ дѣйствительно такимъ, каковъ онъ есть, съ неправильными выраженіями рѣчи и его бытомъ. Текстуальныя выписки изъ протоколовъ, напримѣръ по случаю народнаго возмущенія въ Александріи или Антіохіи, яснѣе рисуютъ народную жизнь, чѣмъ витійствованія историковъ. И то обстоятельство, что хронисты были люди съ ограниченнымъ кругозоромъ, имѣетъ большое значеніе для историковъ настоящаго времени. Если бы хронисты по своему умственному развитію были людьми менѣе ограниченными, то они дѣлались бы проводниками точки зрѣнія своего времени. Они пренебрегали бы всѣми тѣми данными, которыя идутъ отъ источниковъ неправославныхъ, пренебрегали бы неправославной точкой зрѣнія на событія. Но по ограниченности умственнаго развитія хронисты не умѣли различать православные источники отъ неправославныхъ и, благодаря этому, сохранили отрывки изъ еретическихъ хроникъ.

На этомъ полѣ въ разсматриваемый періодъ мы встрѣчаемъ немало трудовъ. Первыми опытами являются труды египетскихъ ученыхъ Панодора и Анніана. О нихъ была рѣчь, когда разсматривался вопросъ объ эрахъ. Составитель хроники Панодоръ для насъ не такъ ясенъ, но относительно Анніана мы знаемъ, что его хроника возникла изъ пасхальныхъ записей (циклъ отъ сотворенія міра), и представляетъ собою канонъ, по которому должно было вычислять время пасхи. Такъ какъ Анніанъ укоряетъ Евсевія кесарійскаго за то, что онъ не внесъ въ хронику нѣкоторыхъ египетскихъ мучениковъ, то это показываетъ, что этотъ писатель обращаетъ вниманіе и на церковныя событія. Тамъ, вѣроятно, сообщено было немало о египетскихъ мученикахъ.

Форма эта нашла много подражателей. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся является антіохійскій хронистъ Іоаннъ Малала, который примыкаетъ къ предшествующимъ антіохійскимъ писателямъ—Тимоѳею и Ѳеофилу, и частію ссылается на другихъ неизвѣстныхъ хронографовъ. Трудъ его не сохранился до насъ въ подлинникѣ. То, что имѣется, представляетъ выдержки изъ его труда, произвольно сокращеннаго. Явился этотъ трудъ въ такомъ видѣ въ печати въ 1691 г. въ Оксфордѣ

(ed. Chilmead, съ пролегоменами Hody) и во второй разъ въ Венеціи въ 1733 г.; лучшее изданіе — Людвига Диндорфа 1831 г., перепечатанное и у Миня (т. 97). Въ основаніи изданій лежитъ codex Oxoniensis; Моммсеномъ сообщены въ 1872 г. excerpta изъ cod. Scorialensis. Указанная рукопись не имѣетъ ни начала ни конца; поэтому въ первомъ изданіи начало замѣнено отрывками изъ другихъ сборниковъ, что теперь и составляетъ первую книгу Іоанна Малалы; всѣхъ книгъ 18. Послѣдніе отрывки относятся къ декабрю 563 года; хроника оканчивалась царствованіемъ императора Юстиніана [или можетъ быть доведена была до 573 г.]. Вопросъ о времени жизни автора представляетъ много трудностей. Въ первомъ изданіи сочиненія Малалы, въ виду несовершенства греческаго слога, высказано мнѣніе, что онъ жилъ въ началѣ IX вѣка. Въ новое время ученые пришли къ заключенію, что Малала писалъ вскорѣ послѣ царствованія Юстиніана—на томъ основаніи, что греческій языкъ и этого времени имѣетъ недостатки и что послѣднія выдержки пріурочиваются къ этому времени. Самъ Малала не былъ грекомъ, но сирійцемъ, говорившимъ по-гречески. Самое слово «Малала»=ῥήτωρ—сирійское; въ IX в., когда на смѣну сирійскаго языка явился арабскій, авторъ не могъ бы называться Малалою. Относительно источниковъ Малалы можно сказать, что въ 1-й части онъ пользовался своими мѣстными (антіохійскими) данными,—свѣдѣнія полнѣе относительно Антіохіи. Въ послѣднихъ частяхъ направленіе измѣняется, авторъ пользовался уже другими источниками—оффиціальными записями городскихъ происшествій въ Константинополѣ; этотъ источникъ сопровождаетъ его до конца труда—чрезъ все царствованіе Юстиніана. Іоанна Малалу смѣшиваютъ нерѣдко, слѣдуя показаніямъ Іоанна Дамаскина, съ Іоанномъ антіохійскимъ, авторомъ «Археологіи» (исторія отъ Адама), сохранившейся въ отрывкахъ. Но Іоаннъ антіохійскій, по изслѣдованію Sotiriadis'a (1888) жилъ около времени Ираклія, писалъ въ манерѣ Евсевія—Прокопія и довелъ исторію до императора Фоки, а Іоаннъ Малала — хронистъ, жившій при императорѣ Юстинѣ. [Новое изданіе хроники Малалы готовитъ Gleye].

Одновременно съ Іоанномъ антіохійскимъ писалъ неизвѣстный авторъ «Пасхальной хроники», полный текстъ которой сохранился до нашего времени. Эта «Пасхальная хроника» имѣетъ довольно своеобразную литературную исторію.

Когда первыя извѣстія о ней дошли до Рима и принесенъ былъ кодексъ ея (отъ X в.) изъ Сициліи, то ее приняли за консульскую хронику (Fasti siculi). Первое изданіе «Пасхальной хроники» было сдѣлано въ Мюнхенѣ (1615 г.) Матѳеемъ Радеромъ. Въ основу этого изданія положенъ поздній мюнхенскій кодексъ. Рукопись была неособенно исправна и изданіе Радера не совсѣмъ удовлетворительное. Онъ назвалъ хронику «александрійскою», тогда какъ александрійскаго въ ней менѣе всего; названіе обязано случайному обстоятельству, именно тому, что хроника начинается выписками изъ Петра александрійскаго. Въ 1688-мъ году 2-е изданіе въ Парижѣ было выполнено знаменитымъ филологомъ Дю-Канжемъ, который очень много сдѣлалъ для «Пасхальной хроники». Оно повторено въ Венеціи въ 1729 г. Новѣйшее изданіе въ заключительной формѣ дано было Людвигомъ Диндорфомъ въ боннскомъ собраніи 1832 года и повторено въ Патрологіи Миня (т. 92). Здѣсь представляются существенныя улучшенія текста; издатель пользовался двумя рукописями (Vaticanus 1941 и Monacensis [olim Herdensis]). Ватиканская рукопись начинается сообщеніями изъ Филона о времени празднованія пасхи, Аполлинарія іерапольскаго и Петра александрійскаго изъ его пасхальнаго слова. Но это не есть начало хроники, а только введеніе, гдѣ высказана цѣль написанія хроники. Далѣе авторъ устанавливаетъ методъ вычисленія времени празднованія пасхи. Авторъ называетъ свое сочиненіе «Ἐπιτομὴ χρόνων», «Сокращеніе временъ», и ведетъ его отъ времени Адама до царствованія Ираклія (630 г.). На самомъ дѣлѣ ватиканская рукопись оказывается незаконченной. Она обрывается на срединѣ текста посланія императора Ираклія отъ 628 г., хотя незаконченнымъ остается очень немногое. Названіе «Пасхальной хроники» дано этому труду потому, что авторъ намѣренъ пользоваться пасхальными вычисленіями для установленія того или другого событія.

Авторъ ведетъ разсказъ годъ за годъ по своему счету отъ сотворенія міра, а когда являются олимпіады и консулы, то и по олимпіадамъ и по годамъ консуловъ. Первая часть обнимаетъ собою ветхозавѣтную исторію, при чемъ авторъ много заимствуетъ изъ Іоанна Малалы; пользуется также Юліемъ Африканомъ, Евсевіемъ. Свѣдѣнія изъ христіанскаго періода скудны, особенно съ 532 года; даются иногда только списки консуловъ. Но въ послѣднемъ отдѣлѣ хроника принимаетъ ха-

рактеръ документальный: такъ изъ царствованія императора Фоки имена казненныхъ записаны со всѣми чинами и должностями. Подробно касается авторъ времени императора Ираклія. Подробности относительно времени Ираклія подтверждаютъ то предположеніе, что авторъ былъ монахъ константинопольскаго Студійскаго монастыря. Относительно умственнаго развитія автора нужно сказать, что оно было на низкой ступени. Такой писатель не можетъ ни привнести отъ себя чего-либо, ни исказить чего-либо, а просто скопируетъ съ какихъ-либо источниковъ. Относительно времени Константія авторъ пользовался сочиненіями аріанскаго писателя, хотя не подозрѣвалъ этого, и видимо этотъ аріанскій писатель—не Филосторгій, а лицо намъ неизвѣстное. Авторъ сообщаетъ такого характера свѣдѣнія, что Мелетій за нечестіе былъ низложенъ, подъ 350 годомъ говорится о Леонтіи блаженномъ, что онъ мужъ вѣрный, ревнитель истинной вѣры; разсказывается о благотворительныхъ учрежденіяхъ аріанъ; передается разсказъ, что аріанскій пресвитеръ Евгеній съ тремя товарищами встрѣтилъ однажды жида, который думалъ посмѣяться надъ христіанами и предложилъ имъ съѣсть змѣю (Мрк. XVI, 18), что они и исполнили, и еврей обратился въ христіанскую вѣру. Этотъ разсказъ долженъ характеризовать аріанъ съ лестной стороны и его не позволилъ бы себѣ провести авторъ, если бы онъ понималъ, что онъ пользуется неправославными источниками. Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія подъ 362 годомъ о движеніяхъ язычниковъ противъ христіанъ, въ томъ числѣ и аріанъ. Съ православной точки зрѣнія это сообщеніе замѣчательно тѣмъ, что Георгія, патріарха александрійскаго, и по «Пасхальной хроникѣ», убили эллины, черезъ что опровергается мнѣніе историка Гиббона, что отвѣтъ за убійство падаетъ на православныхъ. Предположеніе, высказанное нѣкогда Гольстеномъ, что «Пасхальная хроника» состоитъ изъ двухъ частей, принадлежащихъ двумъ авторамъ, при чемъ первая простирается включительно до царствованія императора Константія, лишено основанія. Гельцеръ доказалъ неосновательность и неправильность этого предположенія, потому что заимствованія изъ аріанскихъ источниковъ относятся къ времени болѣе позднему, чѣмъ 354 годъ, равнымъ образомъ подробности, характеризующія время Ираклія, встрѣчаются ранѣе.

Послѣ «Пасхальной хроники» въ исторіографіи востока наступаетъ перерывъ, за которымъ слѣдуютъ произведенія патріарха

Никифора константинопольскаго. Время, которое обнимаетъ его «Ἱστορία σύντομος»—отъ 610 по 769 г. Никифоръ излагаетъ событія не отдѣльно по годамъ и не полагаетъ различія между церковными и гражданскими дѣлами. Кромѣ этого, Никифоръ написалъ «Χρονογραφικὸν σύντομον» — сочиненіе, заключающее списокъ патріарховъ и царей ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ съ обозначеніемъ годовъ ихъ служенія и правленія. Первое изданіе «исторіи» Никифора, Петавія, послѣдовало въ Парижѣ въ 1616 году. Лучшее дано въ Лейпцигѣ въ 1880 году Карломъ де Бооромъ (de Boor) на основаніи ватиканской рукописи; имъ же издано и другое произведеніе Никифора.

Одновременно съ произведеніями Никифора является историческій трудъ Ѳеофана Исповѣдника—игумена монастыря Τοῦ μεγάλου Ἀγροῦ. Онъ написалъ хронику — «Χρονογραφία», обнимающую 528 лѣтъ, съ перваго года царствованія Діоклетіана до второго года царствованія императора Михаила, или съ 285 года до 11 іюля 813 года. Ѳеофанъ Исповѣдникъ приступилъ къ своему труду по просьбѣ Георгія, синкелла константинопольскаго патр. Тарасія. Георгій написалъ хронику отъ начала міра до царствованія Діоклетіана. На смертномъ одрѣ онъ завѣщалъ Ѳеофану не оставлять начатаго имъ труда. Ѳеофанъ продолжалъ его примитивнымъ способомъ. Если произведеніе Синкелла представляетъ малый интересъ, то трудъ Ѳеофана не имѣлъ бы и того значенія, если бы не потеряны были источники, по которымъ онъ писалъ. Онъ писалъ свою исторію въ хронологическомъ порядкѣ и обыкновенно указывалъ годы отъ сотворенія міра по александрійскому счисленію, годы царствованія императоровъ и годы патріарховъ. Для контроля имѣются указанія по индиктамъ. Главнымъ источникомъ, послѣ времени Сократа — Ѳеодорита, для Ѳеофана служили выдержки изъ Ѳеодора Чтеца въ томъ объемѣ, въ какомъ онѣ сохранились до нашего времени. Эти источники могли служить до начала царствованія Юстиніана. Для времени царствованія Юстиніана онъ пользовался исторіей Прокопія и оффиціальными константинопольскими записями. Для того періода, гдѣ онъ сходенъ съ Никифоромъ, источники у нихъ—одни и тѣ же, но все-таки онъ вовсе не знаетъ о трудѣ своего предшественника. Ѳеофанъ — подробнѣе Никифора. У него эпоха иконоборчества излагается по современнымъ записямъ. Многое онъ могъ писать и какъ очевидецъ. Для сужденія о его возрастѣ

важенъ слѣдующій разсказъ: въ февралѣ 764 года, по попущенію Божію, была чрезвычайная стужа, такъ что Дунай и Босфоръ замерзли; люди переходили ихъ по суху, и онъ съ тридцатью однолѣтками вскакивалъ на выброшенныя къ берегу льдины. Въ это время Ѳеофану могло быть лѣтъ десять. Скончался онъ около 818 года исповѣдникомъ за иконопочитаніе. За отсутствіемъ другихъ хронографовъ хроника Ѳеофана является ничѣмъ незамѣнимымъ первоисточникомъ.

Первое изданіе хроники Ѳеофана появилось въ Парижѣ 1655 г. и сдѣлано Гоаромъ, который снабдилъ ее примѣчаніями. Въ отношеніи текста онъ стоялъ на слабой почвѣ, такъ какъ рукопись, которою онъ пользовался, была переполнена сокращеніями, для него невсегда понятными. Самое лучшее новѣйшее изданіе де Боора (Lipsiae 1883), который пользовался десятью рукописями. Изъ нихъ самъ онъ отдаетъ предпочтеніе ватиканской рукописи 154, доведенной, къ сожалѣнію, только до начала царствованія Юстиніана. Остальныя рукописи распадаются на три категоріи и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особенный характеръ, хотя нельзя отдать предпочтенія ни одной изъ нихъ,—всѣ онѣ испорчены, на поляхъ сдѣланы выноски, попадаются сокращенія. Для контроля и выбора между ними важенъ латинскій переводъ, сдѣланный чрезъ 60—70 лѣтъ библіотекаремъ римскимъ Анастасіемъ съ большой близостью къ греческому тексту, а потому весьма пригодный для его критики. Вслѣдствіе этого, начиная съ царствованія Юстиніана, исторія Анастасія имѣетъ нѣсколько большее значеніе, чѣмъ греческіе списки позднѣйшаго происхожденія, которые гораздо менѣе устойчивы. Переводъ Анастасія также изданъ де Бооромъ (1885).

Первымъ по времени продолжателемъ Ѳеофана выступилъ монахъ Георгій, извѣстный подъ именемъ Амартола (грѣшный). Эта хроника въ первый разъ издана была въ 1859 г. въ Запискахъ Спб. Академіи Наукъ Муральтомъ. Издатель имѣлъ подъ руками много рукописей; самъ онъ насчитываетъ ихъ до 27-ми, но изданіе его не было удовлетворительно. Въ сущности эта первая обработка сдѣлана на основаніи московскаго кодекса XII в., а этотъ послѣдній сходенъ съ парижскимъ спискомъ X в. [Въ настоящее время это изданіе замѣнено изданіемъ де Боора 1904—5 г.]. Георгій Амартолъ довелъ свою хронику отъ Адама до 842 года; древняя исторія въ ней изложена очень кратко. Мы имѣемъ нѣсколько

переработокъ этой хроники. Во многихъ рукописяхъ она является съ продолженіемъ Логоѳета, до 948 года. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ есть рядъ продолженій до 1071, до 1081 года, и даже въ московской рукописи до 1143 года.

Продолжателемъ (continuator) Ѳеофана—по преимуществу—былъ анонимный авторъ, несправедливо принимаемый за какого-то Леонтія. Онъ писалъ по порученію Константина Порфиророднаго, у котораго было собрано много историческаго матеріала. Но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ обработалъ свою хронику и, вѣроятно, вполнѣ закончилъ при императорѣ Іоаннѣ Цимисхіи (969—976) или даже при его преемникахъ. Хроника (813—961) состоитъ изъ 6 книгъ: 1—4 книги принадлежатъ автору, 5-я книга составляетъ собственное сочиненіе Константина Порфиророднаго, который пользовался хроникой Генесія; 6-я (886—961)—опять автору [или, можетъ быть, Ѳеодору Дафнопату]. Хроника анонимнаго автора—самая содержательная.

Продолжателемъ анонима былъ Симеонъ Магистръ и Логоѳетъ, который довелъ свою хронику отъ Адама до Романа II (959—963). Вопросъ объ авторѣ спорный. Предполагаютъ, что Симеонъ Магистръ—одно и то же лицо съ Симеономъ Метафрастомъ. Но Метафрастъ (по панегирику Михаила Пселла) жилъ ранѣе Магистра. Хроника Симеона Магистра изобилуетъ хронологическими датами. Неудобство только то, что у него своеобразная, колеблющаяся эра (отъ сотворенія міра) съ разностью отъ 1 до 7 лѣтъ отъ правильной.

Затѣмъ слѣдуетъ Левъ Грамматикъ; онъ, можетъ быть, занималъ высокую гражданскую должность и закончилъ свою хронику 8 іюля 1013 года. Пользовался онъ хроникой Георгія и трудами Логоѳета, и довелъ ее до смерти Романа I (948).

Изъ историковъ этого времени извѣстенъ Генесій. Авторъ писалъ при императорѣ Константинѣ VII Порфирородномъ (912 — 959). Имя автора въ рукописи было выскоблено. Два позднѣйшихъ лица, ad marginem, попытались угадать его. Одинъ поставилъ имя Γενέσιος, другой—имя Ἰωάννης ἐπίσκοπος Διοκαισαρείας τῆς Ἀναζάρβης. Правъ первый, какъ показываетъ сличеніе исторіи съ замѣткою Скилицы о тенденціозности («ψίλον ἐγκώμιον») писателя Іосифа Генесія. Іосифъ Генесій писалъ по порученію Константина Порфиророднаго; онъ былъ сынъ патриція Константина, который происходилъ изъ знатнаго армянскаго рода и отличался въ періодъ вре-

мени 842 — 867 гг. — при Михаилѣ III, о чемъ не разъ упоминаетъ Генесій. Это и наложило на его произведенія окраску тенденціозности. Въ хроникѣ отразились и отношенія Генесія къ Константину VII. Въ своихъ 4 книгахъ онъ обнимаетъ время со Льва Армянина до половины царствованія Василія Македонянина. Значеніе Генесія, какъ церковнаго историка, неопредѣленно, потому что онъ пользовался и неписьменными источниками, и трудами предшественниковъ, напр., хроникой Георгія, біографіями патріарха Никифора и Игнатія, вообще безъ критики, а тамъ, гдѣ этого требовали отношенія автора къ Константину VII,—и очень тенденціозно.

Въ концѣ X вѣка выступилъ Левъ діаконъ, описавшій въ 10 книгахъ исторію времени отъ 959 по 975 г. Михаилъ Пселлъ, кромѣ хронографіи (976—1059—1077), писалъ еще біографіи.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ съ своей хроникой историкъ Іоаннъ Скилица ѳракисійскій, жившій въ концѣ XI в. Онъ съ 812 довелъ хронику до 1081 года. Но судьба хроники Іоанна ѳракисійскаго довольно странна. Въ XII в. ею пользовался Георгій Кедринъ. Съ того мѣста, съ котораго Іоаннъ продолжалъ Ѳеофана, до конца своей хроники (1057), Кедринъ списалъ буквально. Когда было обнаружено сходство между хрониками, то заключили, что Іоаннъ ѳракисійскій списалъ свою хронику по 1057 г. съ хроники Кедрина и послѣдній сталъ фигурировать, а хронику Скилицы (Іоанна ѳракисійскаго) не удостоили даже изданія. Іоаннъ Скилица, какъ историкъ, имѣлъ подъ руками массу историческаго матеріала. Онъ не одобряетъ своихъ предшественниковъ за монографическій характеръ ихъ трудовъ и тенденціозность (симпатіи по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ). У него было много трудовъ разныхъ авторовъ, до насъ не сохранившихся, таковы: Сикеліотъ дидаскалъ, діаконъ Никифоръ фригійскій, епископъ Ѳеодоръ сидскій, его племянникъ Ѳеодоръ, еп. севастійскій, Димитрій кизикскій и монахъ Іоаннъ лидійскій. Изъ этого видно, что у Скилицы было много источниковъ, вышедшихъ изъ подъ пера духовныхъ лицъ и при томъ жившихъ не въ Константинополѣ, а въ провинціяхъ, а потому съ обиліемъ церковнаго и бытового историческаго матеріала; это не безъ выгоды отразилось и на трудѣ Скилицы. Но онъ не относился критически къ этимъ источникамъ, поэтому у него встрѣчается много анекдотическаго, что и Кедринъ выпустилъ.

Послѣ Кедрина слѣдуетъ Іоаннъ Зонара, жившій при императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ (1081—1118); онъ занималъ высокое положеніе друнгарія виглы и извѣстенъ въ богословской наукѣ, какъ толкователь каноновъ. Эта компетентность его въ рѣшеніи каноническихъ вопросовъ придаетъ немаловажное значеніе его «исторіи» [хроникѣ]; при томъ языкъ у него болѣе простъ, чѣмъ у его предшественниковъ и въ исторіи Зонары есть не мало свѣдѣній историческихъ и біографическихъ и лингвистическихъ поясненій. Исторія Зонары обнимаетъ 18 книгъ; 6 книгъ посвящены древней исторіи, а 12 римской и византійской исторіи. Источники въ первой части указаны обстоятельно Диндорфомъ, въ послѣдующей части не указаны, но это и не представляетъ особенной важности, такъ какъ Зонара пользовался историками, намъ извѣстными, и самостоятеленъ лишь въ 1081—1118 гг.

Относительно слѣдующей генераціи писателей слѣдуетъ упомянуть о двухъ чертахъ: 1) о страхѣ передъ бездной премудрости, заключавшейся въ трудахъ предшественниковъ, который выразился въ ихъ стремленіи сократить труды и безъ того краткіе (Михаилъ Глика XII в., Константинъ Манасси XII в., Іоиль XIII в., Ефремъ XIV в.), и 2) объ ихъ византійской слабости къ цвѣтословію, сказавшейся въ своеобразной формѣ трудовъ трехъ послѣднихъ историковъ, передававшихъ историческія событія въ политическихъ стихахъ (тоническаго размѣра). Несмотря однако на столь своеобразную форму ихъ трудовъ, они въ изложеніи содержанія замѣчательно строго держатся буквы трудовъ своихъ предшественниковъ и болѣе всего Зонары.

Послѣднимъ церковнымъ историкомъ въ Византіи былъ Никифоръ Каллистъ, константинопольскій монахъ (около 1333 г.), намѣревавшійся написать церковную исторію въ 23 книгахъ; но до насъ дошло только 18 книгъ (доведена исторія до 610 г.), а отъ слѣдующихъ книгъ сохранились только заглавія (до 911 г.). Его исторію издалъ по единственной вѣнской рукописи въ 1630 году Fronton le Duc. Съ этого изданія она перепечатана въ Патрологіи Миня (т. 145—147) [1]).

[1]) Высказывается предположеніе, что Никифоръ переработалъ лишь въ своей исторіи трудъ неизвѣстнаго автора X вѣка, доведенный до 920 г. Ср. C. de Boor, Zur kirchenhistorischen Litteratur. Byzant. Zeitschrift. B. V. 1896. S. 16 — 23. K. Krumbacher, Geschichte der byzant. Litteratur. 2 Aufl. München 1897. S. 291, 247. *А. Б.*

Латинская церковная историографія.

Латинская литература по церковной исторіи въ древній періодъ отражала на себѣ сильное вліяніе литературы греческой. Мы знаемъ, что крупные труды греческой литературы были почти всѣ переведены на латинскій языкъ. Такъ, напр., была переведена церковная исторія Евсевія, потомъ—труды трехъ его продолжателей—Сократа, Созомена и Θеодорита. Трудъ Евсевія былъ переведенъ Руфиномъ въ 410 году, а сочиненія Сократа, Созомена и Θеодорита—схоластикомъ Епифаніемъ (historia tripartita), который занялся этимъ дѣломъ по желанію сенатора Кассіодора († ок. 562 г.). Слѣдующая серія греческихъ трудовъ по нашему предмету ускользаетъ отъ вниманія латинскихъ ученыхъ, но труды Георгія Синкелла, Никифора и Θеофана были переведены (отчасти обработаны) на латинскій языкъ Анастасіемъ, римскимъ библіотекаремъ († ок. 886 г.). Хроника Евсевія, именно вторая часть—каноны, переведена, обработана и продолжена Іеронимомъ.

Нужно замѣтить, что и на мелкія сочиненія по церковной исторіи было обращено вниманіе латинскихъ переводчиковъ, и эти переводы для насъ цѣнны,—особенно потому, что греческіе оригиналы нѣкоторыхъ трудовъ съ теченіемъ времени были утрачены. Извѣстно, напр., что хроника Ипполита затерянная въ греческомъ текстѣ, уцѣлѣла въ латинскихъ переводахъ [въ двухъ такъ наз. «Libri generationis» и «Excerpta latina barbari»]. Часто эти переводы буквальны до послѣдней степени. Въ этомъ отношеніи любопытны «Excerpta latina barbari», «латинскія извлеченія варвара», т. е. вполнѣ сохранившійся латинскій переводъ (вѣроятно ок. 491—518 гг.) вполнѣ затерянной греческой хроники, писанной какимъ-то александрійцемъ ок. 400 г. [2]). «Excerpta barbari» названы такъ Скалигеромъ въ виду варварскаго перевода и грубой обработки. Доказательствомъ этого можетъ служить такое мѣсто: ille solis confixus est ab

[1]) Начало греческаго подлинника хроники Ипполита открылъ въ мадридской рукописи и издалъ A. Bauer, Die Chronik des Hippolytus im Matritensis Graecus 121. Leipzig 1905. (Texte und Untersuchungen von Gebhardt und Harnack. Neue Folge XIV, 1). *А. Б.*

[2]) Время происхожденія этой хроники иначе опредѣляется послѣ 412 г.; латинскій переводъ относятъ къ VII—VIII в. Ср. Bauer, l. с. 22, 169—170. *А. Б.*

acheis = τὸ Ἴλιον [ὁ Ἴλιος] ἥλῳ [принято за dativus отъ ἦλος гвоздь] ὑπὸ τῶν ἀχαίων; solis exterminatio=Ἰλίου ἐκπόρθησις; т. е. вышло, что солнце было прибито ко кресту гвоздями руками ахеянъ. Несообразность эта объясняется тѣмъ, что слово «Троя»—Ἴλιον—было принято за слово «солнце»—ἥλιος, которыя въ греческомъ языкѣ произносятся одинаково, а пишутся различно. Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о взятіи ахеянами города Трои, а вовсе не о солнцѣ, какъ это принялъ переводчикъ, не знавшій въ совершенствѣ греческаго языка. Хроника эта, не сохранившаяся на греческомъ языкѣ и дошедшая на латинскомъ, имѣетъ значеніе для установленія текста хроники Евсевія. [Libri generationis и Excerpta barbari вмѣстѣ съ греческой реконструкціей издалъ C. Frick, Chronica minora. Vol. I. Lipsiae 1892, также Th. Mommsen въ Monumenta Germaniae historica. Auctores antiqu. T. IX. Chronica minora. Vol. I. Berolini 1892]. Слѣдуетъ припомнить также сохранившуюся (невполнѣ) лишь въ латинскомъ текстѣ и сполна утраченную въ греческомъ «Historia acephala», писанную до 412 г., ed. Maffei 1738, Sievers въ Zeitschrift für historische Theologie 1868, Batiffol въ Mélanges Cabrières, t. I. Paris 1899].

Подъ греческимъ вліяніемъ начала развиваться и самостоятельная латинская исторіографія. Прежде всего выступаетъ историкомъ Лактанцій въ своемъ сочиненіи «De mortibus persecutorum». Задача этого сочиненія—показать, что всѣ императоры, которые преслѣдовали христіанъ, умерли неблагополучно. Лучшее прежнее изданіе этого труда—изданіе Bünemann'a, вышедшее въ 1739 году въ Лейпцигѣ. Въ настоящее время имѣется новое изданіе Вѣнской Академіи Наукъ, сдѣланное Брандтомъ (vol. XXVII, 1897) [1]).

Затѣмъ далѣе идетъ въ счетъ трудъ Руфина († 410), который не только обработалъ на латинскомъ языкѣ исторію Евсевія, но и довелъ ее до смерти Ѳеодосія (395), главнымъ образомъ на основаніи устныхъ сообщеній, полученныхъ имъ во время путешествія въ Александрію и вообще на востокъ. Этотъ самостоятельный его трудъ обнимаетъ двѣ книги. От-

[1]) Доказательства принадлежности этого сочиненія Лактанцію см. въ отзывѣ В. В. Болотова о сочиненіи проф. А. И. Садова, Древне-христіанскій церковный писатель Лактанцій. Спб. 1895, въ Журналахъ засѣданій Совѣта Спб. Дух. Академіи за 1895—96 г., 138—165 (отд. оттискъ, Спб. 1900, 42—69). *А. Б.*

носительно значенія труда Руфина нужно замѣтить, что онъ произвелъ вліяніе на греческую церковную литературу. О достоинствѣ труда Руфина ученые (Gwatkin) очень невысокаго мнѣнія, мотивируя это тѣмъ, что Руфинъ сообщаетъ много невѣроятнаго и умалчиваетъ о дѣйствительно бывшихъ историческихъ фактахъ; напр., говорятъ они, онъ, хотя и имѣлъ возможность сообщить очень много изъ жизни св. Аѳанасія, какъ человѣкъ знакомый съ друзьями этого святителя, ограничивается сообщеніемъ только двухъ анекдотовъ, да и то ненадежнаго свойства. Но заключеніе, что Руфинъ вообще недостовѣренъ въ своихъ сообщеніяхъ,—излишній пессимизмъ: нѣкоторыя сообщенія его очень важны, какъ напр., сообщенія о христіанахъ въ Эѳіопіи, Грузіи и христіанахъ—сарацинахъ, какъ заимствованныя имъ изъ разсказовъ лицъ, знавшихъ самихъ проповѣдниковъ Слова Божія въ этихъ странахъ лично,—надежны. Наконецъ, о позднѣйшихъ событіяхъ онъ разсказываетъ какъ очевидецъ, и потому разсказы достойны того, чтобы отнестись къ нимъ съ довѣріемъ. Руфинъ примыкаетъ къ тѣмъ историкамъ, которые взяли за образецъ трудъ Евсевія, и потому заслуживаетъ нашего сочувствія. Въ другомъ своемъ трудѣ, «Historia monachorum», онъ факты, сообщенные раньше его другимъ писателемъ, выдалъ за свои собственныя сообщенія, и тѣмъ, конечно, набросилъ тѣнь на свое сочиненіе. Эта продѣлка Руфина имѣла то слѣдствіе, что ученые начали подозрѣвать всѣ его историческія сообщенія, какъ недостовѣрныя.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о Павлѣ Орозіи, всеобщая исторія котораго, «Historiarum contra paganos libri septem», доведенная до 417 года, даетъ мало церковно-историческихъ сообщеній, потому что въ ней болѣе освѣщеній, нежели самыхъ фактовъ, что объясняется, впрочемъ, его апологетической задачей, которую онъ преслѣдовалъ въ своемъ трудѣ. Издана Zangeumeister'омъ въ вѣнскомъ корпусѣ (vol. V) въ 1882 г. и затѣмъ въ Лейпцигѣ въ 1889 г.

Сульпицій Северъ, какъ историкъ, заявилъ себя произведеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Chronicorum libri duo». Первая книга этой хроники содержитъ краткій очеркъ исторіи церкви, начиная съ Адама и до Даніила, вторая—съ Даніила и до времени самого (до 400 г.) автора. Насколько исторія его кратка, это можно видѣть изъ того, что исторію со времени апостоловъ онъ трактуетъ съ 29 гл.

по 51. Текстъ этого труда сохранился въ рукописи XI в., находящейся въ Ватиканѣ (Codex Palatinus). Другое произведеніе Севера въ этомъ же родѣ—«Жизнеописаніе Мартина турскаго», которое сохранилось въ 6 рукописяхъ. Самое лучшее изданіе сочиненій Сульпиція Севера—изданіе, сдѣланное въ Вѣнѣ (vol. I, ed. Halm 1866).

Затѣмъ слѣдуетъ назвать изъ историковъ того же направленія архидіакона карѳагенскаго Либерата, составившаго краткія сообщенія о несторіанахъ и евтихіанахъ, «Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum». Объ этомъ историкѣ извѣстно, что онъ былъ защитникомъ «трехъ главъ». Для первой части своего труда онъ пользовался трудами предъидущихъ историковъ (Сократа и др.), а въ послѣдній части выступаетъ какъ очевидецъ. Несмотря на его тенденціозность, ученые находятъ у него значительную объективность и цѣнятъ его трудъ за достовѣрность содержащихся въ немъ свѣдѣній.

Далѣе, латинская историографія въ этомъ направленіи имѣла представителя въ лицѣ Виктора, епископа витскаго, для котораго было задачей описать преслѣдованіе христіанъ аріанами—вандалами въ Африкѣ: «Historia persecutionis Wandalicae, ll. III (V). Accedunt: 1) Passio martyrum apud Carthaginem, 2) Notitia episcopatuum Africae». Исторія его состоитъ изъ 3, иначе (по прежнему счету) 5 книгъ, и сохранилась въ 6 кодексахъ. Изъ изданій этого труда хорошими считаются только два изъ которыхъ одно было дано въ вѣнскомъ корпусѣ (vol. VII, ed. Petschenig 1881), а другое въ берлинскихъ Monumenta Germaniae (Auctores antiquissimi III, I, ed. Halm 1879).

Въ послѣдующее время латинская церковная историографія утрачиваетъ свое вселенское теченіе и дѣлается мѣстною, національною, и получаетъ характеръ въ извѣстномъ родѣ—монографическій. Таковы: Gregorius Turonensis († 595), Historia (ecclesiasica) Francorum, ll. 10; Beda Venerabilis († 735), Historia ecclesiastica gentis Anglorum, ll. 5; Paulus Diaconus († post 773), Historia Langobardorum, ll. 6.

Нужно признать, что хроника Евсевія въ латинскомъ переводѣ Іеронима пришлась латинянамъ болѣе по вкусу, чѣмъ церковная исторія его. Это видно уже изъ того, что хроника Евсевія читалась очень часто, почему и сохранилась во мно-

гихъ рукописяхъ, издать которыя въ новѣйшее время выпало на долю Schöne. Интересъ къ этому труду Іеронима сдѣлалъ то, что многіе писатели пошли въ своихъ историческихъ трудахъ по этому направленію. Изъ нихъ замѣчателенъ Проспе́ръ, аквитанскій пресвитеръ, въ своемъ «Chronicon integrum» продолжившій трудъ Іеронима съ 379 до 455 года. На основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ замѣчаютъ, что при жизни его вышло три изданія его Chronicon въ 433, 445 и 455 годахъ. [Хроника издана Моммсеномъ въ Monum. Germ. Auct. antiqu. IX, 1892]. Продолжена хроника Проспера неизвѣстнымъ лицомъ съ 456 и до эпохи Юстиніана (гибели вандаловъ), при чемъ авторъ стоялъ на точкѣ зрѣнія чисто африканской.

Параллельно съ Просперомъ велъ дѣло продолженія хроники Евсевія другой писатель, жившій одновременно съ нимъ,— это былъ испанскій епископъ Идатій (Hydatius, Idacius) аквэфлавійскій († между 472—474 г.), произведеніе котораго начинается съ 375 года и оканчивается 469 г. Трудъ этотъ замѣчателенъ по точности мѣстныхъ датъ и характеризуетъ тогдашнія отношенія запада къ востоку. Читая такія произведенія можно придти къ тому заключенію, что западные христіане съ широкимъ интересомъ относились къ востоку, тогда какъ на востокѣ къ западнымъ были довольно равнодушны. Родился Идатій около 393 года et, quam infantulus et pupillus, имѣлъ случай совершить путешествіе въ Палестину, гдѣ видѣлъ Іеронима, Ѳеофила александрійскаго, Евлогія кесарійскаго и Іоанна іерусалимскаго; оттуда онъ возвратился въ Испанію до 412 года, и во все продолженіе своей жизни сохранилъ глубокое уваженіе къ этимъ великимъ мужамъ. Слухами съ востока онъ живо интересуется, хотя они доходили до него самымъ смутнымъ образомъ и иногда въ превратномъ видѣ, такъ, напр., онъ не знаетъ, что сдѣлалось съ этими лицами впослѣдствіи, когда умеръ Іеронимъ, а слухи объ изгнаніи св. Іоанна Златоуста онъ сообщаетъ подъ 404 годомъ и говоритъ: «Ioannes ob fidem catholicam Eudoxiam Arcadii uxorem infestissimam patitur arianam». Очевидно, что онъ смѣшалъ отношенія Евдоксіи къ св. Іоанну Златоусту съ отношеніями Юстины къ Амвросію медіоланскому. Затѣмъ первыя свѣдѣнія о соборѣ Ефесскомъ дошли до него совершенно случайно; отъ пресвитера arabicae regionis Германа, прибывшаго въ Галлецію въ 435 году, онъ узналъ, что епископомъ въ Іерусалимѣ былъ Ювеналій и что онъ вызванъ былъ въ столицу Ѳеодосіемъ II, чтобы разсуж-

дать о несторіанахъ, причемъ Несторія признаетъ продолжателемъ ереси евіонитовъ. Идатій оставилъ знаменитый списокъ консуловъ (fasti), къ которому по мѣстамъ сдѣланы прибавленія о событіяхъ, происходившихъ въ ихъ время. [Новое изданіе хроники Идатія и списка консуловъ сдѣлано Моммсеномъ въ Monumenta Germaniae, Auctores antiqu. XI, 1894; IX, 1892].

Къ этому типу продолжателей хроники Евсевія принадлежитъ комитъ Марцеллинъ; его трудъ обнимаетъ время отъ 379—534 г. Марцеллинъ вращался въ Константинополѣ и потому сообщенія его о событіяхъ западной церкви—скудны. Его хроника продолжена неизвѣстно кѣмъ до 548 года, а списокъ индиктовъ—до 566 года.

Съ другого пункта начинается хроника еп. нумидійскаго Виктора туннунскаго. Замѣшанный въ споръ о «трехъ главахъ», какъ защитникъ ихъ, онъ былъ сосланъ въ Египетъ, и, перемѣнивъ нѣсколько мѣстъ заключеній, умеръ послѣ 566 года, вѣроятно, въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей. Хроника его—съ 444 по 567 г. Хотя трудъ его тенденціозенъ, но все-таки нельзя отрицать важности и точности отдѣльныхъ фактическихъ показаній. [Хроники Марцеллина и Виктора изданы также Моммсеномъ въ Monumenta Germaniae, Auctores antiqu. XI, 1894].

Кромѣ этого рода исторіографіи на западѣ развивалась и спеціальная литература по нашему предмету монографическаго характера. Такъ мы знаемъ, что Іеронимъ пришелъ къ мысли составить такое произведеніе, котораго на востокѣ не было. Это именно монографическій трудъ его по исторіи христіанской литературы «De viris illustribus» (такъ наз. каталогъ церковныхъ писателей), составленный имъ на основаніи Евсевія и доведенный до 392 или 393 года [ed. Richardson 1896, вмѣстѣ съ продолженіемъ Геннадія, Texte und Untersuchungen XIV, 1]. Онъ былъ продолженъ до 460 года Геннадіемъ марсельскимъ († около 495), и далѣе Исидоромъ севильскимъ († 636) и Ильдефонсомъ толедскимъ († 667).

Затѣмъ на западѣ появилось сочиненіе подъ заглавіемъ «Liber Pontificalis»—сообщенія о жизни римскихъ епископовъ, неправильно усвояемое Анастасію библіотекарю. Такъ какъ въ основѣ его могли лежать данныя церковнаго римскаго архива, то показанія этого сочиненія могутъ быть очень важны.

Editio princeps: Busaeus, Moguntiae 1602. Лучшія изъ старинныхъ: Bianchini, Romae 1718 — 35, t. I — IV fol.: Vignoli, Romae 1724 — 55, t. I — III, in 4°. Научныя: abbé L. Duchesne, Paris 1886—1892, t. I—II, in 4°; Mommsen. Berolini 1898, pars prior (до 715), in 4°.

Вопросъ о разнообразныхъ источникахъ (рукописяхъ) «Liber Pontificalis» серьезно былъ поставленъ въ первый разъ въ 1869 году іенскимъ профессоромъ Липсіусомъ (R. Lipsius, Chronologie der römischen Bischöfe, Kiel 1869), который имѣлъ возможность пользоваться критическимъ аппаратомъ, предоставленнымъ въ его распоряженіе Dr. Pabst'омъ, назначеннымъ издателемъ «Liber Pontificalis» въ Monumenta Germaniae. Но судьба Liber Pontificalis въ Monumenta Germaniae вышла очень странная. Надъ рукописями работали ученые editores designati и умирали (Pabst, Waitz), не издавъ ни одной строки этого произведенія. Объясняется это трудностью разобраться въ многочисленныхъ наслоеніяхъ рукописнаго матеріала, разъяснить которыя взялся Липсіусъ.

Липсіусъ пришелъ къ такому заключенію, что въ римской церкви велся каталогъ епископовъ, къ которому обыкновенно прибавлялись краткія сообщенія о жизни каждаго изъ нихъ. Изъ этихъ прибавленій около 354 года составился Catalogus Liberianus, списокъ оканчивающійся Либеріемъ (352—366). Дальнѣйшее прибавленіе списковъ явилось при Львѣ Великомъ, Catalogus Leoninus, оканчивающійся Сикстомъ III (432—440). Слѣдующая затѣмъ (послѣ незасвидѣтельствованнаго твердо Catalogus Symmachianus) обработка списковъ римскихъ первосвященниковъ дана около 523 года въ видѣ F, Catalogus Felicianus (Felix III [IV], 526—530). Это—уже древнѣйшая рецензія самаго Liber Pontificalis. Позднѣйшую рецензію его составляетъ K, Catalogus Cononianus, до Конона (686—687) включительно. Въ этой, почти окончательной, редакціи Liber Pontificalis (LP) по частямъ продолженъ до Стефана V (885—891). Для этой послѣдней записи (Cononianus), по убѣжденію Липсіуса, имѣетъ особенное значеніе Codex Neapolitanus (B) конца VII вѣка.

За этотъ вопросъ взялся послѣ Липсіуса (и Дюшена) преемникъ Пабста въ качествѣ editor designatus, профессоръ берлинскаго университета Георгъ Вайтцъ. Особенность его взгляда сравнительно съ Липсіусомъ состоитъ въ слѣдующемъ: а) Catalogus Leoninus нужно оставить въ сторонѣ, какъ недо-

статочно засвидѣтельствованный въ рукописяхъ; б) F и K—не прецеденты LP, а независимыя одно отъ другого извлеченія изъ LP; в) въ исторіи LP мы не имѣемъ твердыхъ шансовъ подняться выше VII вѣка (cod. B и другіе позднѣйшіе).

Третьимъ изслѣдователемъ является французскій ученый Дюшенъ; онъ въ 1877 г. выпустилъ въ свѣтъ «Étude sur le Liber Pontificalis». Положенія Дюшена: α)=Waitz: F и K суть извлеченія изъ LP; β) противъ Lipsius и Waitz: cod. Lucensis (A) VIII в. представляетъ болѣе чистый текстъ LP, чѣмъ cod. B; γ) противъ Waitz: LP явилась около 530 г. Наконецъ въ 1879 въ особой статьѣ, съ нѣкоторою модификаціею αβ Дюшенъ доказывалъ, что δ) на основаніи сличенія F и K можно возстановить текстъ LP лучше чѣмъ на основаніи AB (взглядъ до извѣстной степени cum Lipsio contra Waitz).

Вайтцъ и Дюшенъ и послѣ печатныхъ объясненій остались каждый при своемъ взглядѣ [1]), и въ 1884—1885 Дюшенъ издалъ два выпуска своего изданія Liber Pontificalis, которое было закончено въ 1892 году. Высокія достоинства этого изданія были признаны и нѣмецкими учеными (Harnack). Вайцъ, оставаясь при своемъ взглядѣ, призналъ во всякомъ случаѣ, что допуская, что взглядъ Дюшена на исторію и источники LP (αβγδ) вѣренъ,—издавать научно Liber Pontificalis слѣдуетъ именно такъ, какъ издаетъ его Дюшенъ. Французскій ученый обнародовалъ немало неизданнаго рукописнаго матеріала и возстановилъ текстъ принимаемаго имъ editio prima anno 530 (лѣвая страница: F и K; правая страница: самая реконструкція) и наконецъ далъ позднѣйшій текстъ (Liber Pontificalis въ собственномъ смыслѣ) съ полнымъ критическимъ аппаратомъ и весьма содержательными примѣчаніями [2]).

---

[1]) Общее Вайтцу и Дюшену положеніе „F et K post LP“ составляетъ однако и пунктъ ихъ взаимнаго разногласія. По Вайтцу: FK изъ LP, которое не ранѣе половины VII в.; по Дюшену: FK изъ LP, которое въ 530 году.

[2]) Моммсенъ, издавшій въ 1898 г. Liber Pontificalis въ Monumenta Germaniae historica (Gestorum Pontificum Romanorum vol. I), подобно Вайтцу, держался мнѣнія о позднемъ, не ранѣе начала VII в., происхожденіи этого памятника. Дюшенъ, въ своей критикѣ на изданіе Моммсена въ томъ же году, остался при прежнемъ мнѣніи, что первоначальная редакція Liber Pontificalis явилась уже въ VI в. вскорѣ послѣ смерти

Церковная исторіографія на восточныхъ языкахъ [1].

Церковная исторіографія въ Сиріи.

Теперь переходимъ отъ исторіографіи западной къ исторіографіи восточной. Изъ всѣхъ христіанскихъ восточныхъ народовъ несомнѣнно самымъ древнимъ слѣдуетъ считать арамейскій или сирійскій, потому что языкъ самого Христа Спасителя былъ языкомъ арамейскимъ и христіанство распространилось прежде всего между лицами этого языка. Хотя греческая культура сдѣлала весьма значительные успѣхи на востокѣ, тѣмъ не менѣе приходится признать, что арійскій элементъ дѣйствовалъ слабо, когда сталкивался съ семитскимъ, и что греческая цивилизація привилась тамъ весьма поверх-

---

Феликса. В. В. Болотовъ въ 1899 г. выразилъ согласіе съ положеніемъ М. И. Орлова, высказаннымъ въ сочиненіи „Liber Pontificalis, какъ источникъ для исторіи римскаго папства и полемики противъ него“ (Спб. 1899), что Дюшену не удалось возстановить первое изданіе Liber Pontificalis. Но по его мнѣнію, Дюшенъ, равно какъ и Моммсенъ, не тамъ, гдѣ слѣдовало, ищутъ его. На самомъ дѣлѣ, на основаніи нѣкоторыхъ оплошностей писцовъ и происшедшихъ оттого недоразумѣній въ сохранившихся копіяхъ Liber Pontificalis, можно составить приблизительное понятіе о подлинной первоначальной рукописи, имѣвшейся въ архивѣ римской церкви (страница равнялась приблизительно 7 строкамъ изданія Дюшена) и пользоваться этимъ для выдѣленія въ извѣстныхъ случаяхъ позднѣйшихъ прибавокъ, находившихся сначала на поляхъ рукописи. Кодексъ A при этомъ едва ли можно ставить вмѣстѣ съ Дюшеномъ выше B: послѣдній ближе къ оригиналу. Ср. описаніе магистерскаго коллоквіума М. И. Орлова 15 марта 1899 г. въ Церковномъ Вѣстникѣ 1899, № 12, и замѣтку В. В. Болотова: „Трактаты“ Геласія, въ Христ. Чтеніи 1899, I, 812—817. Ср. также отзывъ В. В. Болотова о названномъ сочиненіи М. И. Орлова въ Журналахъ засѣданій Совѣта Спб. Духовной Академіи за 1898—99 г. Спб. 1907, 75—85. *А. Б.*

[1]) Предлагаемый очеркъ церковной исторіографіи на восточныхъ языкахъ, данный В. В. Болотовымъ еще въ 1887 г., въ особенности требуетъ дополненій и по мѣстамъ измѣненій въ виду позднѣйшей разработки этой области. Краткая исторія христіанскихъ восточныхъ литературъ сирійской и арабской, армянской, коптской и эѳіопской появилась въ послѣднее время въ серіи Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen. B. VII, 2: Geschichte der christlichen Litteraturen des Orients von C. Brockelmann (syrische und arabische), F. N. Finck (armenische), J. Leipoldt (koptische), E. Littmann (äthiopische). Lepzig 1907. См. также очерки въ Die Kultur der Gegenwart, herausg. v. P. Hinneberg. Th. I, 7: Die orientalische Literaturen (Th. Nöldeke, Die aramäische Lit., Die äthiopische Lit., F. N. Finck, Die arme-

ностно. Можно полагать, что греческій языкъ если и дѣлалъ успѣхи, то только въ высшемъ обществѣ, въ большихъ городахъ (Антіохія, Дамаскъ и др.), а народъ оставался арамейскимъ и населеніе около Антіохіи не понимало греческаго языка. Этимъ создалась необходимость самостоятельной сирійской литературы.

Сколько извѣстно, первые историческіе труды на сирійскомъ языкѣ были переводные. Довольно рано на сирійскій языкъ были переведены хроника Евсевія и его церковная исторія, сохранились также переводы и другихъ выдающихся трудовъ Евсевія, напр., о мученикахъ палестинскихъ и проч.

Первымъ изъ сирійскихъ историческихъ писателей является предъ нами епископъ Марута майферкатскій, написавшій исторію мучениковъ и Никейскаго собора. Послѣднее произведеніе написано не столько по собственному побужденію, сколько изъ послушанія волѣ высшаго іерарха, селевкійскаго католикоса Исаака († 416). Произведенія Маруты, какъ историческіе источники, были бы весьма цѣнны, но въ ихъ подлинномъ видѣ они давно уже затеряны. [Части перваго изданы Е. Ассеманіемъ въ Acta sanctorum martyrum. I. Romae 1748, и переизданы P. Bedjan'омъ въ Acta martyrum et sanctorum. II. Lipsiae 1891. Отрывки послѣдняго переведены на нѣмецкій языкъ Брауномъ, De Sancta Nicaena Synodo. Syrische Texte des Maruta von Maipherkat übersetzt von O. Braun. Münster in W. 1898].

Изъ существующихъ въ настоящее время сочиненій, сохра-

---

nische Lit.). Leipzig 1906. Спеціально посвящены христіанскому востоку въ широкомъ смыслѣ журналы Oriens Christianus и Bessarione въ Римѣ и Revue de l'Orient chrétien въ Парижѣ. Обстоятельные библіографическіе обзоры соотвѣтствующей литературы по нѣкоторымъ отдѣламъ стали появляться теперь въ Византійскомъ Временникѣ. — По исторіи сирійской литературы написанъ былъ очеркъ для 22 тома Encyclopädia Britannica (Edinbourgh 1887) Райтомъ. Трудъ Райта былъ изданъ затѣмъ послѣ его смерти отдѣльно съ значительными дополненіями Mac-Lean'омъ, A short History of syriac Literature by the late W. Wright. London 1894. Съ этого изданія сдѣланъ русскій переводъ съ весьма обширными библіографическими дополненіями проф. П. К. Коковцева: В. Райтъ, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы. Перев. съ англ. К. А. Тураевой. Подъ редакціей и съ дополненіемъ проф. П. К. Коковцева. Спб. 1902. Въ русскомъ изданіи приняты во вниманіе и данныя французскаго труда R. Duval, La litterature syriaque. 2 éd. Paris 1900 (3 éd. 1907). *А. Б.*

нившихся въ цѣломъ видѣ, первое мѣсто занимаетъ [такъ называемая] хроника Іисуса (йешу) Столпника. Авторъ подвижникъ, жившій въ первой половинѣ VI вѣка; онъ по просьбѣ архимандрита Сергія написалъ [ок. 518 г.] мемуары о своемъ времени, озаглавивъ свой трудъ такъ: «О бѣдствіяхъ, постигшихъ городъ мой Едессу и всю Месопотамію». Хроника распадается на двѣ части: первая содержитъ общій очеркъ исторіи предшествующихъ бѣдствій (политическихъ), вторая представляетъ описаніе частныхъ бѣдствій по годамъ, когда къ политическимъ бѣдствіямъ присоединились и физическія. Эта хроника обнимаетъ время съ 806 года по 818 г. эры Селевкидовъ, т. е. 494—506. Авторъ оказывается превосходно знакомымъ съ театромъ военныхъ дѣйствій и съ топографіей мѣсть. Кромѣ того, что хроника, какъ свѣтская исторія, имѣетъ важное значеніе, она еще болѣе важна потому, что авторъ ея отводитъ мѣсто и сообщеніямъ о внутренней жизни востока, такъ, напр., описываетъ голодъ, моръ, сообщаетъ объ епископахъ и ихъ дѣйствіяхъ и проч. [Хроника была издана Martin'омъ въ 1876 г. и Wright'омъ въ 1882] [1]).

Послѣ этого древнѣйшими произведеніями сирійской литературы опять являются переводныя творенія; древнѣйшее между ними—исторія Захаріи Ритора. Ассеманій, встрѣтивъ ея отрывки въ сирійскихъ рукописяхъ ватиканской библіотеки, предположилъ, что Захарія писалъ на сирійскомъ языкѣ. Но Ландъ представилъ вполнѣ вѣскія доказательства, что онъ писалъ свою исторію (монофиситскую) на греческомъ языкѣ. Впослѣдствіи въ немъ произошла перемѣна и мы встрѣчаемъ его на константинопольскомъ соборѣ 536 г. православнымъ епископомъ митилинскимъ (Μιτυλήνη на островѣ Лесбосѣ). Подлинный текстъ его творенія (Euagr. II, 2. 8. 10; III, 5. 6. 7. 18) не сохранился и даже сирійскій переводъ воспроизводитъ его только отчасти—съ частыми сокращеніями и произвольными измѣненіями. Значеніе его, несмотря на убогій видъ, въ которомъ оно сохранилось, нужно признать первостепеннымъ, потому что о ходѣ монофиситскихъ дѣлъ мы, кромѣ него, не имѣемъ болѣе удовлетворительныхъ источниковъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія и методъ веденія дѣла: онъ приводитъ докумен-

---

[1]) Аббатъ Nau показалъ въ 1897 г., что Іисусу Столпнику хроника приписывалась по недоразумѣнію; имя дѣйствительнаго автора неизвѣстно. Ср. Райтъ-Коковцевъ, 55. Duval[3], 178. *А. Б.*

ты, на основаніи которыхъ онъ пишетъ; но въ сирійскомъ текстѣ они представляютъ много сокращеній. Особенно важное значеніе имѣютъ сообщенія о положеніи церковныхъ дѣлъ въ Египтѣ послѣ Діоскора, такъ какъ въ этомъ отношеніи Захарія не имѣетъ себѣ равнаго. Въ сирійской обработкѣ исторія доведена до 569 года, Захарія же писалъ около 518 г. и его исторія обнимала время отъ 450 до 491 г. Сирійскій текстъ былъ изданъ Land'омъ въ Anecdota syriaca, t. III, Lugduni Batavorum 1870. [Нѣмецкій переводъ: K. Ahrens und G. Krüger, Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor. Leipzig 1899; англійскій: F. Hamilton and E. Brooks, The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London 1899] [1]).

Первый видный сирійскій историкъ церковный былъ епископъ ефесскій Іоаннъ (род. ок. 516), современникъ Юстиніана, освѣщающій очень оригинально своими монофиситскими сообщеніями его царствованіе. Монофиситскій востокъ знаетъ Юстиніана, какъ ревнителя православія и гонителя монофиситства; но по этому сочиненію выходитъ, что, при всемъ своемъ православіи, Юстиніанъ въ отношеніи къ монофиситамъ все-таки держался особенной политики. Онъ оказывается человѣкомъ настолько широкихъ воззрѣній, что лучше желаетъ видѣть въ своихъ подданныхъ монофиситство, чѣмъ язычество. Такимъ образомъ Іоаннъ ефесскій, не скрывавшій своихъ монофиситскихъ убѣжденій, былъ вызываемъ ко двору въ званіи монофиситскаго епископа ефесскаго и выполнялъ различныя порученія императора по отношенію къ язычникамъ въ Асіи: онъ, «иже надъ языки», «сокрушаяй идолы» (такъ Іоаннъ самъ себя называлъ), часто ѣздилъ туда, отыскивалъ язычниковъ и обращалъ въ монофиситство. Вотъ это-то лицо, принимавшее такое видное участіе въ дѣлахъ своего времени, и оставило намъ историческія свѣдѣнія о своей эпохѣ. Къ сожалѣнію, его сочиненіе дошло до насъ далеко невполнѣ: первыя двѣ части исторіи утрачены (отъ Юлія Цезаря до 570 г.), сохранилась въ довольно полномъ видѣ только третья часть, которая распадается на 6 книгъ, уцѣлѣвшихъ отчасти въ самомъ сирійскомъ

[1]) A. Kugener въ статьѣ La compilation historique de pseudo-Zacharie le Rhéteur, въ Revue de l'Orient chrétien 1900, отличаетъ Захарію Ритора, автора исторіи, отъ Захарія Схоластика, бывшаго потомъ епископомъ митиленскимъ. Duval,[2] 185. *А. Б.*

текстѣ, отчасти въ оглавленіи его; она обнимаетъ время 571—585, но съ отступленіями въ видѣ воспоминаній о предшествующихъ событіяхъ, до послѣднихъ дней жизни автора [1]). Ландъ отдаетъ справедливую дань историческому таланту Іоанна ефесскаго; заключается онъ не въ литературномъ достоинствѣ, а въ его замѣчательной правдивости. Такъ, несмотря на свою приверженность къ монофиситскому исповѣданію, Іоаннъ ефесскій все-таки, передавая разнаго рода слухи, непріятные для своихъ противниковъ-синодитовъ, почти всегда замѣчаетъ, что это онъ передаетъ по слухамъ, не ручаясь за ихъ достовѣрность. Съ другой стороны, Іоаннъ ефесскій не ослѣпленъ на счетъ слабыхъ сторонъ и лицъ своей собственной церкви, напр., въ исторіи Павла, патріарха антіохійскаго. Описывая, по его словамъ, «геройское стояніе» монофиситовъ за свое исповѣданіе, онъ даетъ понять, что это стояніе было безъ крови и что многіе готовы были пожертвовать своими убѣжденіями, если бы нѣкоторые епископы не обнаружили удивительной стойкости. Кромѣ того, Іоаннъ ефесскій былъ авторомъ нѣсколькихъ біографій нѣкоторыхъ выдающихся «исповѣдниковъ» своего времени, напр., Іакова Бурд'оно (такъ слѣдуетъ называть [по яковитскому произношенію, по несторіанскому «Бурд'ана»] вмѣсто неправильнаго Baradaeus) и др. Исторія Іоанна была издана W. Cureton'омъ, The third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Oxford 1853. Англійскій переводъ сдѣлалъ Payne-Smith, Oxford 1860, нѣмецкій—Schönfelder, München 1862. Другія Joannis episcopi Ephesi scripta historica въ Land, Anecdota syriaca t. II, Lugduni Batavorum 1868; [переведены на латинскій языкъ van-Dowen'омъ и Land'омъ: Commentarii de beatis orientalibus et historiae ecclesiasticae fragmenta. Amsterdam 1889]. Объ исторіи ср. J. Land, Joannes Bischof von Ephesos, der erste syriche Kirchenhistoriker. Leyden 1856.

Съ православной точки зрѣнія излагается исторія въ хроникѣ эдесской. Объ авторѣ ея нельзя сказать ничего, потому что самое сочиненіе анонимное, но нужно замѣтить, что авторъ его моложе Захаріи и старше Іоанна ефесскаго. Оно

[1]) Противъ мнѣнія Nau (1896), будто вторая часть исторіи Іоанна сохранилась буквально въ третьей части хроники Діонисія теллъ-махрскаго, ср. А. П. Дьяконовъ, Іоаннъ Ефесскій и хроника извѣстная съ именемъ Діонисія теллъ-махрскаго. Христ. Чт. 1903, II, 519—614, 818—835. *А. Б.*

состоитъ изъ 106 параграфовъ и обнимаетъ время отъ возникновенія эдесской церкви до 540 года—до 14 года царствованія Юстиніана. Разсказъ этотъ крайне кратокъ, но въ высшей степени важенъ по хронологической точности и важности тѣхъ памятниковъ, изъ которыхъ авторъ могъ черпать свои свѣдѣнія. Въ его распоряженіи могъ быть городской архивъ, послѣ безвозвратно погибшій. [Хроника издана была у Ассеманія въ Bibliotheca orientalis I (1719) и перепечатана Михаэлисомъ (1786). Затѣмъ ее издалъ и перевелъ на нѣмецкій языкъ L. Hallier въ Texte u. Untersuchungen v. Gebhardt u. Harnack IX, 1, 1892. Теперь она появилась въ изданіи J. Guidi съ латинскимъ переводомъ въ Corpus scriptorum orientalium, Scriptores syri, ser. III, tom. 4: Chronica minora. Pars I. Paris 1903].

Затѣмъ нужно назвать между сирійскими писателями, какъ замѣтнаго дѣятеля, Діонисія теллъ-махрскаго, XXII сирійскаго (яковитскаго) патріарха, скончавшагося въ 845 г. или 1157 г. эры Селевкидовъ. Онъ былъ хронографомъ, продолжавшимъ дѣло своихъ предшественниковъ; пріемы его были примитивнаго свойства, что вытекало изъ цѣли его сочиненія: на какую-либо оригинальность онъ не претендовалъ, онъ хотѣлъ только доставить своей паствѣ полезное чтеніе, а поэтому, если находилъ какое-либо назидательное сочиненіе, въ которомъ изложено то или другое событіе, онъ прямо и списывалъ, указывая источникъ. Такъ имъ сохранены хроника Евсевія, разсказъ Іисуса Столпника о бѣдствіяхъ, постигшихъ Месопотамію, сообщенія Захаріи. Кромѣ того, онъ пользовался Іоанномъ ефесскимъ и, несмотря на то, что третья его книга уже издана въ полномъ сирійскомъ текстѣ, его произведеніе не утрачиваетъ своей цѣны, потому что онъ заимствуетъ не только изъ его 3-ей книги, но и изъ предшествующихъ. Какъ продолжатель сирійской исторіографіи, доведшій исторію до своего времени, Діонисій теллъ-махрскій удерживаетъ значеніе первостепеннаго историка для своего времени, о которомъ разсказываетъ [1]).

---

[1]) По изслѣдованіямъ аббата Nau и Nöldeke (1896), Діонисію принадлежитъ лишь такъ называемая пространная редакція хроники отъ 582/3 по 835 или 842/3 гг., изъ которой былъ напечатанъ Ассеманіемъ единственный сохранившійся отрывокъ во II томѣ Bibliotheca orientalis (1721). Такъ называемая краткая редакція, до 775 г., по мнѣнію Nau, составлена около этого года Іисусомъ Столпникомъ. У Ассе-

Затѣмъ, продолжателемъ Діонисія теллъ-махрскаго въ дѣлѣ исторіографіи является одинъ изъ преемниковъ его въ санѣ патріарха—Михаилъ Великій (т. е. старшій, † 8 ноября 1199 года). Его сочиненіе извѣстно по упоминанію въ дальнѣйшихъ сирійскихъ трудахъ, сирійскій же подлинникъ [до послѣдняго времени былъ] неизвѣстенъ. Сохранился армянскій переводъ этой хроники, [издававшійся въ Іерусалимѣ въ 1870 и 1871 г.], и наука о ней знала благодаря трудамъ французскихъ арменистовъ Dulaurier, напечатавшаго выдержки изъ нея въ французскомъ переводѣ въ Journal asiatique 1848—1849 гг., и Langlois, издавшаго всю хронику на французскомъ языкѣ въ 1868 г. (Chronique de Michel le Grand, traduite par Victor Langlois. Venise 1868). Произведеніе это очень важно, такъ какъ въ распоряженіи автора было не мало не дошедшихъ до насъ памятниковъ, о которыхъ узнаемъ изъ предисловія; таковы произведенія Іоанна антіохійскаго для времени отъ Ѳеодосія II до Юстиніана, Гурія, обнимающаго эпоху отъ Юстиніана до Ираклія, Діонисія теллъ-махрскаго—отъ Маврикія до Ѳеофила, Игнатія, еп. мелитинскаго, пресвитера Іоанна кайсумскаго, Слибы, Діонисія баръ Салибія. На основаніи этихъ трудовъ и своихъ собственныхъ наблюденій авторъ доводитъ свою исторію до своего времени (съ армянскимъ продолженіемъ она доходитъ до 1224 года). Уже изъ обнародованной Дюлорье части, относящейся ко времени Ираклія, можно [было] видѣть, какое важное сокровище заключается въ этомъ текстѣ. Взаимныя отношенія монофиситовъ здѣсь представлены съ полнотою и подробностію, несмотря даже на сокращенія, сдѣланныя Дюлорье. Исторія возникновенія моноѳелитства, исторія попытокъ Ираклія пріобрѣсти содѣйствіе монофиситовъ, получаютъ своеобразное освѣщеніе; здѣсь выясняется, какъ Ираклій хотѣлъ обдѣлать соединеніе монофиситовъ съ православною церковью. Находясь въ Эдессѣ во время похода, онъ захотѣлъ пріобщиться у монофиситскихъ епископовъ, но монофиситы объявили, что если онъ желаетъ пріобщиться, то долженъ войти съ ними въ общеніе и отка-

---

манія, впервые приписавшаго эту хронику Діонисію, была дана въ извлеченіяхъ четвертая часть ея, отъ Юстина II до 775 г. Сполна издана и переведена на французскій языкъ эта часть Chabot въ 1895 г. Полное изданіе хроники псевдо-Діонисія готовитъ Guidi. Ср. Райтъ-Коковцевъ, 138—143. Duval³, 193—196. *Л. Б.*

заться отъ халкидонскаго собора, результатомъ чего было отобраніе ключей отъ церкви и передача ихъ немногимъ православнымъ (діофиситамъ), оставшимся въ этомъ городѣ [1]).

Послѣднимъ замѣчательнымъ историческимъ писателемъ изъ сирійцевъ-яковитовъ былъ Григорій Абу-ль-Фа́раджъ, сынъ еврейскаго врача Аарона (отсюда сирійское названіе Григорія בַּר־עִבְרָיָא, «Баръ-Эвро́йо» [«Баръ-Эврайя» по несторіанскому произношенію], «сынъ еврея», передѣланное въ варварское Barhebraeus), родившійся въ Мелитинѣ въ 1226 году. Едва 20 лѣтъ онъ сдѣлался епископомъ въ Gûbô, потому что, какъ сынъ выдающагося врача, онъ получилъ солидное по тому времени образованіе: былъ силенъ въ греческомъ, сирійскомъ и арабскомъ языкахъ, очень свѣдущъ въ философіи, медицинѣ и богословіи. Скоро его произвели въ «мафрьяна» (сир.: מַפְרְיָנָא = производящій плодъ). Для уразумѣнія этого званія нужно замѣтить, что сирійская церковь дѣлилась тогда на двѣ половины: западною управлялъ монофиситскій патріархъ антіохійскій, восточною же примасъ («мафрьянъ»), съ резиденціею въ Мосулѣ, которому принадлежало, между прочимъ, право «приносить плоды Духа», т. е. рукополагать епископовъ и самого патріарха. Въ 1286 году Григорій умеръ, глубоко уважаемый всѣми, сдѣлавшись жертвою своихъ научныхъ знаній и собственнаго односторонняго убѣжденія: онъ самъ предсказалъ свою смерть на основаніи ожидаемой конъюнкціи планетъ Сатурна и Юпитера, имѣвшей мѣсто и при его рожденіи, и при его поставленіи во епископа, и при его поставленіи въ мафрьяна, и такъ твердо повѣрилъ въ близость своей смерти, что впалъ въ болѣзнь и дѣйствительно умеръ. Григорій написалъ много и, между прочимъ, отчасти по архивнымъ матеріаламъ сирійскимъ, арабскимъ и персидскимъ, обширную хронику политическую и церковную на сирійскомъ языкѣ (отъ Адама до своего времени). Въ первой части разсматриваются событія до времени владычества монголовъ (Chronicon Syriacum, edd. P. J. Bruns et G. G. Kirsch. Lipsiae 1789, 2 voll. in 4° [новое лучшее изданіе P. Bedjan, Paris 1890]); во

[1]) Въ послѣднее время найдены рукописи сирійскаго оригинала лѣтописи Михаила. Большая часть его уже издана аббатомъ Шабо вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ: Chronique de Michel le Syrien patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199), éd. et trad. par J.-B. Chabot. I—III, 1. Paris 1899 sq. Извѣстенъ и арабскій переводъ хроники. Ср. Райтъ-Коковцевъ, 179—181. Duval[3], 196—198. *А. Б.*

второй представляется преемственный рядъ первосвященниковъ отъ Аарона до антіохійскихъ монофиситскихъ патріарховъ, и рядъ восточныхъ мафрьяновъ и несторіанскихъ католикосовъ (Chronicon Ecclesiasticum, edd. J. B. Abbeloos et T. J. Lamy, Lovanii 1872—1877, 3 voll. in 4°). Изъ первой части этой хроники по просьбѣ нѣкоторыхъ арабовъ самъ авторъ сдѣлалъ извлеченіе подъ заглавіемъ «Избранный разсказъ о государствахъ»—въ мѣсячный срокъ (арабская Historia dynastiarum, ed. Pocock, Oxonii 1663, 2 voll. in 4°) [вновь издана Сальханіемъ въ Бейрутѣ въ 1890 г.]). Позднѣйшіе анонимы продолжили списки епископовъ еще лѣтъ на двѣсти. Ассеманій называетъ этого сирійца послѣднимъ монофиситскимъ историографомъ.

У сирійцевъ-несторіанъ чаще другихъ упоминаются два лица, наиболѣе заявившія себя литературно на поприщѣ церковно-историческомъ произведеніями монографическаго характера: Эбед-Йе́шу [Авди́шо по несторіанскому произношенію] бар-Бриха, митрополитъ собскій (насивинскій) † 1318 г., и Ѳома (Таума), епископъ маргскій (около Мосуля) въ нач. IX вѣка.

Эбед-Йешу, Іеронимъ сирійской церковной литературы, составилъ стихотворный каталогъ, въ который вошли 197 писателей, и, въ заключеніе (№ 198), какъ и у Іеронима, самъ авторъ, исчислившій свои сочиненія. [Каталогъ былъ издаваемъ въ Римѣ Авраамомъ эккельскимъ (Ecchellensis) въ 1653 и Ассеманіемъ въ 1-ой половинѣ III тома Bibliotheca orientalis въ 1725; переведенъ на англійскій языкъ Бэджеромъ, Badger, The Nestorians and their Rituals. II. London 1852].

Ѳома маргскій, жившій въ началѣ IX в., написалъ «ktabâ d-rîšanê»—«Книгу начальниковъ», или «Книгу главъ» въ 6 отдѣлахъ, гдѣ онъ представилъ исторію несторіанскаго монастыря «Бетъ-Аве». Это сочиненіе содержитъ цѣнныя свѣдѣнія по исторіи монашества. [Издано Беджемъ съ англійскимъ переводомъ: The Book of Governers. The Historia Monastica of Thomas Bishop of Margâ. Ed. by E. W. Budge. I—II. London 1893].

Въ началѣ XII в. (ок. 1135 г.) несторіанинъ Мари-ибн-Сулейманъ [Марэ баръ Шлемонъ] оставилъ потомству очеркъ церковно-историческихъ событій на арабскомъ языкѣ, въ сочиненіи подъ названіемъ «Ма́ждаль» («Башня»). Около

1340 года другой несторіанинъ, по имени Амру-бну-Матта, написалъ церковно-историческій трудъ подъ тѣмъ же названіемъ. [Въ настоящее время эти труды имѣются въ изданіи Джисмонди, который перевелъ ихъ на латинскій языкъ. Maris Amri et Slibae de patriarchis Nestorianorum commentaria. Ed. et latine reddidit H. Gismondi. Romae 1890—1899].

Эти произведенія доставили Ассеманію (въ Bibliotheca orientalis t. III) возможность познакомить насъ съ исторіею несторіанства. Указанныя сочиненія страдаютъ неполнотою.

Церковная исторіографія въ Египтѣ [1]).

Христіанскій Египетъ не заявилъ себя на церковно-историческомъ полѣ ничѣмъ особеннымъ: писались тамъ житія святыхъ и монографіи, но цѣльной исторіи не было представлено. Объясненіе такого печальнаго факта нужно искать въ приниженномъ положеніи коптовъ. Что среди этой націи просвѣщеніе не процвѣтало, явствуетъ изъ того, что на епископскія каѳедры восходили лица, вовсе незнакомыя съ греческимъ языкомъ. Записи о минувшихъ и текущихъ событіяхъ, какія остались отъ коптовъ, носятъ четьи-минейный характеръ. Остатки коптской церковной письменности исторической и

---

[1]) Обзоръ коптской литературы данъ былъ L. Stern'омъ въ Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie, II, 39 (1886), но онъ требуетъ теперь дополненій въ виду новыхъ находокъ (O. v. Lemm, E. Crum); библіографическій обзоръ представленъ въ G. Steindorff, Koptische Grammatik. 2 Aufl. Berlin 1904; ср. упомянутый выше новѣйшій очеркъ Leipoldt'a. Объ отрывкахъ коптскаго перевода исторіи Евсевія упоминаетъ Crum въ Hauck's Real-Encyklopädie für protest. Theologie und Kirche. 3 Aufl. XII (1903). 814_{43}—44. Относящіеся къ церковной исторіи коптскіе тексты, доселѣ въ большей части не появлявшіеся въ печати, обѣщаются въ одномъ изъ имѣющихъ выйти выпусковъ Patrologia orientalis въ изданіи Crum'a.—Объ арабской христіанской литературѣ вообще (не одной лишь египетской) до конца XI в. ср. очеркъ G. Graf, Die christlich-arabische Literatur bis zur fränkischer Zeit (Ende des 11. Jahrhunderts). Freiburg im Br. 1905. Въ обстоятельномъ обзорѣ Графа совсѣмъ не упоминается неизданный доселѣ и почти неизвѣстный арабскій историкъ Агапій или Махбубъ, на котораго обратилъ недавно вниманіе юрьевскій профессоръ А. Васильевъ, Агапій манбиджскій, христіанскій арабскій историкъ X в. Визант. Временникъ, 1904. 574—587. Ожидается изданіе этимъ ученымъ арабскаго текста хроники Агапія съ французскимъ переводомъ въ Patrologia orientalis. *А. Б.*

патристической почти всѣ содержатся въ парѣ разбитыхъ четій-миней двухъ монастырей, одного—св. Макарія въ Скитѣ, другаго — неизвѣстнаго южно-египетскаго. Остались, между прочимъ, отрывки довольно фантастическаго сборника подъ названіемъ «церковной исторіи»; въ отрывкѣ содержатся легендарныя сообщенія объ александрійскихъ патріархахъ (отъ Александра до Кирилла [1]).

Этими данными коптской письменности воспользовался въ своей исторіи александрійскихъ патріарховъ (на арабскомъ языкѣ) одинъ изъ выдающихся коптскихъ писателей Севиръ ибну-ль-Мукâффа, епископъ ашмунайнскій (около 975 г.), основательно изучившій коптскую литературу. Этотъ трудъ Севира, продолженный другими, составляетъ главный источникъ для E. Renaudot, Historia patriarcharum alexandrinorum jacobitarum, Paris 1713. Изъ той же древней коптской четьи-минеи заимствовано и содержаніе арабскаго синаксаря, читаемаго при богослуженіи. [Въ настоящее время исторія Севира издается въ Corpus scriptorum orientalium, Scriptores arabici, ser. III, t. 9: Severus ben el-Moqaffa'. Historia patriarcharum alexandrinorum. Ed. Ch. F. Seybold. Beryti 1904 sq. Тамъ же начато изданіе и синаксаря, ser. III, t. 18: Synaxarium alexandrinum. Ed. J. Forget. Beryti 1905. Исторія Севира одновременно стала появляться съ англійскимъ переводомъ и въ Patrologia orientalis. T. I, 2, 4: History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. Ed. B. Evetts. Paris 1905.

На арабскомъ же языкѣ писалъ свою исторію Са'идъ ибну-ль-Батрикъ, врачъ и историкъ, и наконецъ съ 933 по 940 г. православный александрійскій патріархъ подъ именемъ Евтихія. Эта хроника носитъ заглавіе «Сочетаніе драгоцѣнныхъ жемчужинъ» (Contextio gemmarum) и обнимаетъ время отъ Адама до 937 года. Эта исторія—не высокой пробы: имѣетъ сильно легендарный характеръ. Императоръ Ѳеодосій Великій и патріархъ Ѳеофилъ александрійскій, по ея увѣреніямъ, были сначала дровосѣками. Ѳеодосій однажды увидѣлъ необыкновенный сонъ и сообщилъ его Ѳеофилу, который на основаніи этого сна предсказалъ Ѳеодосію восшествіе на

---

[1]) Ср. В. В. Болотовъ, Изъ церковной исторіи Египта. Вып. II. Житіе блаж. Афу епископа пемджескаго. Христ. Чт. 1886, I, 334—343 (отд. отт. 133—142)—о туринскихъ папирусахъ. *А. Б.*

престолъ императорскій, а себѣ патріаршество. Несмотря на эту и ей подобныя легенды, исторія Евтихія все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе для нашей науки (позднѣйшія сообщенія уже не легендарны; а и въ древнѣйшихъ могутъ заключаться крупицы данныхъ, взятыхъ изъ александрійскаго церковнаго архива). Издалъ хронику Евтихія R. Pocock, Contextio gemmarum s. Eutychii patriarchae Alexandrini Annales. I—II. Oxonii 1658—9; [перепечатана въ 111 томѣ греческой Патрологіи Миня].

Діаконъ каирской церкви Богоматери Абу-Шукръ Петръ ибн-ур-Рáхибъ (т. е. сынъ монаха), еще остававшійся въ живыхъ въ 1282 г., написалъ въ этомъ году одно богословское сочиненіе, автографъ котораго (Cod. Vatican. Assem. Arab. 31) сохранился и до настоящаго времени. Въ 1258 году онъ составилъ Chronicon orientale, хронику, въ которой содержится сначала сухой перечень ветхозавѣтныхъ событій и именъ царствовавшихъ государей. Хроника становится подробнѣе со времени завоеванія Египта арабами. Здѣсь сообщенія автора имѣютъ своего рода цѣнность, особенно тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ характеристикѣ того или другого государя. Во второй половинѣ этой хроники содержатся краткія свѣдѣнія относительно 76 патріарховъ до александрійскаго Аѳанасія III (1250—1261 г.) включительно. Особенную цѣнность этому труду придаетъ его полная хронологическая опредѣленность, зависящая отъ особенности его конструкціи. Счисленіе у него двойное: арабское и коптское, указаны годы и даже дни, когда тотъ или другой государь вступилъ на престолъ или скончался, такъ что, по его хроникѣ, историку нетрудно (ариѳметическимъ способомъ) возстановить нужныя даты, и при томъ такъ, какъ написалъ ихъ самъ авторъ. Ed. Abraham Ecchellensis, Parisiis 1651; J. S. Assemanus, Venetiis 1729. [Новое изданіе въ Corpus scriptorum orientalium, Scriptores arabici, ser. III, t. 1: Petrus Ibn Rahib. Chronicon orientale. Ed. L. Cheikho. Beryti 1904].

Далѣе слѣдуетъ Георгій бен-абу-ль-Ясиръ-'али-бен-абу-ль-Макâримъ-бен-абу-ль-Тайибъ-аль-Мáкинъ-ибну-ль-Амидъ, родомъ изъ Каира, сынъ военнаго секретаря. По навѣту враговъ, абу-ль-Ясиръ былъ заключенъ въ темницу, вмѣстѣ съ Георгіемъ, но, когда обнаружилась его невиновность, былъ освобожденъ и тотъ и другой. Абу-ль-Ясиръ тогда принялъ монашество. А Георгій занималъ

офицерскій постъ въ сирійской арміи, былъ, по навѣту враговъ, опять арестованъ, опять оправданъ и освобожденъ и умеръ въ Дамаскѣ въ 1273 году. Онъ написалъ хронику въ двухъ частяхъ подъ названіемъ «Сочиненіе благословенное» (Syntagma benedictum). Вторая часть издана съ латинскимъ переводомъ подъ названіемъ: Historia saracenica——a Georgio Elmacino exarata, ed. Erpenius, Lugduni Batavorum 1626. Первая часть обнимаетъ время отъ сотворенія міра до Магомета, вторая—отъ Магомета до 1260 г. Свѣдѣнія въ указанномъ сочиненіи кратки, но ихъ цѣнятъ за ихъ хронологическую точность. Аль-Макинъ пользовался Евтихіемъ и хроникою Петра.

Абу-ль-Аббасъ-Ахмадъ-Таки-эд-динъ аль-Макризи—высоко образованный мусульманинъ. Онъ занималъ постъ и. д. кади въ Каирѣ, потомъ былъ проповѣдникомъ при мечетяхъ, наконецъ, профессоромъ преданій въ мусульманскихъ академіяхъ въ Каирѣ и Дамаскѣ и умеръ въ 1442 году. Это былъ очень плодовитый писатель и «самый славный исторіографъ Египта». Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстна «Книга наставленій и размышленій касательно исторіи земель (al—hitat) и памятниковъ», или географія и исторія Египта. Восемь главъ III части этого «al—hitat» издаются отдѣльно подъ названіемъ «церковной исторіи коптовъ»; лучшее изданіе: Geschichte der Kopten v. F. Wüstenfeld, Göttingen 1845. Въ ней содержатся краткія свѣдѣнія объ египетской церкви, начиная отъ евангелиста Марка, перваго патріарха александрійскаго, и кончая гоненіемъ на коптовъ въ 1354 году. Здѣсь есть, между прочимъ, перечень выдающихся коптскихъ монастырей (86) и христіанскихъ церквей (72) съ краткими историческими и географическими свѣдѣніями о нихъ. Вообще интересъ мусульманъ къ церквамъ христіанскимъ былъ настолько великъ, что, напр., библіотекарь египетскаго халифа аль-'Азиса, аль-Шâбушти, умершій въ 1000 году, составилъ (не дошедшее до насъ, но бывшее подъ руками у Макризи) спеціальное описаніе: «Исторія монастырей въ 'Иракѣ, Мосулѣ, Месопотаміи и Египтѣ». Другимъ главнымъ пособіемъ для Макризи была хроника аль-Макина. Подъ конецъ своей жизни аль-Макризи задумалъ издать «Книгу хроникъ Египта великую», т. е. біографіи всѣхъ государей и знаменитыхъ мужей Египта; сочиненіе было расчитано на 80 томовъ, но авторъ успѣлъ написать только 16, и они изданы.

Эѳіопская исторіографія [1]).

Эѳіопская литература для церковной исторіи даетъ очень немного. Между сохранившимися переводными памятниками этой письменности самый замѣчательный—хроника Іоанна, епископа никіускаго. Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg, Paris 1883. Объ авторѣ извѣстно только слѣдующее: онъ былъ епископомъ Пшати (πшατι), въ нижнемъ Египтѣ (Дельтѣ),—погречески этотъ городъ называется Νικίου,—въ 690 году принималъ участіе въ хиротоніи Исаака, XLI монофиситскаго патріарха александрійскаго, и занималъ выдающееся положеніе между епископами, какъ ἀποτρίτης нижняго Египта (араб. «mudábbir» — постъ въ родѣ митрополита). Онъ славился какъ хорошій канонистъ и отличался строгостію жизни, въ виду чего XLII александрійскій патріархъ Симонъ поставилъ его надзирателемъ надъ египетскими монастырями. Въ своемъ управленіи Іоаннъ оказалъ такую ревность, что одинъ изъ подчиненныхъ ему скитскихъ монаховъ умеръ на 10-й день отъ наложеннаго на него наказанія («verbera»), за что въ 694 г. (или между 692—700 гг.). Іоаннъ и былъ лишенъ епископскаго сана. Вотъ все, что о немъ извѣстно. На какомъ языкѣ писалъ онъ—вопросъ весьма темный. Несомнѣнно, на эѳіопскій языкъ эта хроника въ 1602 г. была переведена съ арабскаго текста (тоже несохранившагося); нельзя сомнѣваться и въ томъ, что Іоаннъ писалъ *не* по-арабски. Но выборъ между греческимъ и коптскимъ очень затруднителенъ. Издатель «хроники» Зотанберъ высказывается («medio tutissimus ibis!») за то, что онъ писалъ на греческомъ языкѣ, но отдѣлы, относящіеся къ исторіи Египта, писаны, прямо по-коптски. Но такое *полосатое* сочи-

---

[1]) Объ эѳіопской литературѣ по исторіи церковной и гражданской см. особые параграфы въ упомянутомъ выше очеркѣ Littmann'a; по замѣчанію автора, „эѳіопская церковная исторія заключается почти только въ исторіи святыхъ эѳіопской церкви“ (S. 240). Спеціальный трудъ о памятникахъ эѳіопской агіологіи данъ проф. Б. А. Тураевымъ, Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Спб. 1902. Ср. его же статью „Абиссинія“ въ Православной богословской энциклопедіи, изд. подъ ред. А. П. Лопухина, т. I (Спб. 1900), 19—82 (25—27). *А. Б.*

неніе не имѣетъ за себя аналогій. Вѣроятнѣе, что хроника Іоанна была вся написана по-гречески [1]).

Сочиненіе Іоанна обнимаетъ періодъ отъ сотворенія міра до завоеванія Египта и состоитъ изъ 122 главъ. Оно не раздѣлено на книги; но въ немъ можно усмотрѣть три главные слоя: первый періодъ до воцаренія Константина Великаго, второй—до воцаренія императора Фоки и третій—до конца. Это произведеніе, особенно въ первомъ періодѣ, представляетъ изъ себя сколокъ съ Малалы. Дополненій въ немъ сдѣлано мало, причемъ они относятся къ сообщенію мѣстныхъ (еги-

---

[1]) Основанія для выбора между греческимъ (ε) и коптскимъ (κ) слѣдующія:

1. Іоаннъ несомнѣнно владѣлъ литературнымъ κατ᾽ἐξοχήν—греческимъ языкомъ, такъ какъ пользовался Малалою (+ε).

2. Невѣроятно, чтобы онъ не зналъ по-коптски (+κ).

3. Мина, непосредственный преемникъ Іоанна по каѳедрѣ въ Пшати, извѣстенъ какъ *коптскій* писатель (авторъ „Житія“ XLI патріарха александрійскаго Исаака) (+κ).

4. Враждебное отношеніе Іоанна къ діофиситской Византіи могло побудить его не писать по-гречески (+κ).

5. Но къ этому времени показали себя и арабы въ настоящемъ свѣтѣ, и копты поняли, что, промѣнявъ византійцевъ на арабовъ, они сдѣлали очень сомнительную аферу; это не могло не умѣрять ихъ антивизантійства (+ε).

6. На исторію, въ главномъ и цѣломъ *политическую*, между коптскою читающею публикою не было спроса (+ε).

7. Слѣды коптскаго текста въ эѳіопскомъ, указанные Зотанберомъ, сводятся къ парѣ словъ съ коптскимъ (а не греческимъ) членомъ, пі-Μογγος вм. ὁ Μόγγος, пі-Δρακων вм. ὁ Δράκων, да къ предполагаемому тожеству (непонятнаго на эѳіопскомъ) титула чиновника „адагышнь“ (ädagyšn) съ коптскимъ „эѳхиджнъ“ (ⲉⲑϩⲓϫⲛ), pp. 362. 423; впрочемъ „пі“ могло получиться и изъ арабскаго „bi“ („въ“), а послѣднее отождествленіе слишкомъ натянуто (+κ).

8. Но всѣ эти слѣды не перевѣшиваютъ, по значенію, одного факта: епископскій городъ Іоанна въ эѳіопскомъ всегда называется „Naqijus, Naqyjus, Накыюсъ“, и крайне рѣдко (3 раза?) къ этому слову прибавляется: „называемый Абшади (пшаті)“, или же говорится: „Абшади, т. е. Накыюсъ“. Это показываетъ, что хроника Іоанна, даже и въ спеціально египетскихъ ея отдѣлахъ (ср. гл. 31), писана *не* на томъ языкѣ, на которомъ этотъ городъ называется всегда „Пшати“, а на томъ, на которомъ онъ зовется „Νικίου“ (+ε).

Итакъ: + 4 ε *pro* = 4 κ *contra*:

Іоаннъ писалъ *по-гречески*, можетъ быть вставляя тамъ, гдѣ это необходимо, отдѣльныя коптскія (собственныя) имена въ родѣ пшаті, пі-Δρακων (названіе канала въ Александріи).

петскихъ) преданій. Болѣе самостоятеленъ второй періодъ. Проводимая здѣсь точка зрѣнія (монофиситская) на историческіе факты придаетъ сочиненію оригинальность; дополненій изъ мѣстныхъ исторій встрѣчается больше. Такъ, Іоаннъ сообщаетъ о происхожденіи Ѳеофила александрійскаго, передаетъ различныя пререканія между епископскими городами; въ своеобразномъ свѣтѣ является у него въ отношеніи къ Египту императоръ Анастасій. Въ послѣднемъ же отдѣлѣ своей исторіи Іоаннъ вполнѣ самостоятеленъ и сообщаетъ такіе подробности, которыхъ мы нигдѣ не находимъ. Такъ, напримѣръ, то, что такой грубый человѣкъ, какъ Фока, попалъ въ императоры, объясняется у него очень просто: заговорщики выбрали изъ своей среды царя по жребію. Здѣсь сообщаются также свѣдѣнія о смутѣ при Фокѣ на востокѣ (въ связи съ гоненіемъ на евреевъ?), и съ особенными подробностями описывается воцареніе Ираклія, о чемъ Іоаннъ могъ узнать отъ очевидцевъ. Но въ этомъ же отдѣлѣ—между 110 и 111 главами—находится значительный пробѣлъ, такъ что исторія большей части царствованія Ираклія утеряна (видимо въ арабскомъ или даже въ греческомъ текстѣ) и завоеваніе арабовъ представляется уже совершившимся. Въ третьей части прямо развертывается картина тѣхъ междоусобицъ, которыя облегчили арабамъ завоеваніе. Взаимная ненависть халкидонитовъ и монофиситовъ изображены яркими чертами, хорошо выяснено, что попытки Ираклія къ соединенію монофиситовъ съ моноѳелитами въ Египтѣ оказались неудачными. Въ виду всего этого значеніе послѣдняго отдѣла признано всѣми. Но если бы даже существовали сомнѣнія относительно этихъ сообщеній, то ихъ разбили бы сообщенія изъ папирусовъ эрцгерцога Райнера (въ Вѣнѣ), въ которыхъ есть оффиціальные документы, квитанціи финансовыхъ чиновниковъ податей, упоминаемыхъ въ исторіи Іоанна (απακυρε, Φιλόξενος δοὺξ).

Но этотъ важный трудъ есть только переводное достояніе эѳіопской литературы, которая питалась по преимуществу переводами съ коптскаго и арабскаго. Впрочемъ, были здѣсь и самостоятельныя попытки исторіографіи, излюбленная форма которыхъ—хроника. Изъ нѣкоторыхъ сохранившихся хроникъ мы узнаемъ о существованіи государственныхъ секретарей, на обязанности которыхъ лежало записывать всѣ выдающіеся событія. Но древнѣйшіе опыты этихъ хронистовъ не сохранились, уцѣлѣла только позднѣйшая (сокращенная) обработка

ихъ. Одна изъ этихъ позднѣйшихъ редакцій издана французскимъ оріенталистомъ—Рене Бассэ, René Basset, Etudes sur l'histoire l'Ethiopie. Paris 1882. Эта хроника начинается отъ Адама и кончается 1730 годомъ. Но сообщенія, здѣсь находящіяся, вообще незначительны, особенно до 1508 года; конспективная краткость дѣлаетъ ихъ нерѣдко непонятными; больше говорится о дѣлахъ государственныхъ, чѣмъ о церковныхъ.

Армянская исторіографія.

Армянскій языкъ относится къ такъ наз. иранской вѣтви, сроденъ съ персидскимъ и настолько далекъ отъ другихъ (семитскихъ) восточныхъ языковъ, что читается немногими. Нужно признать, что Россія въ этомъ отношеніи поставлена очень благопріятно, имѣя такихъ ученыхъ, какъ Броссѐ (Brosset), Паткановъ, Эминъ, [Марръ]. У французовъ можно указать на Дюлорье, а въ Италіи—монашескій орденъ (8 сент. 1712 г.) мехитаристовъ, унитовъ-армянъ, живущихъ въ монастырѣ св. Лазаря на островѣ въ Венеціи.

Для исторической литературы армянской церкви имѣется трудъ проф. Спб. университета К. П. Патканова, Библіографическій очеркъ армянской исторической литературы. Спб. 1879; Keropé Patkanian, Esquisse bibliographique de la littérature historique des Arméniens. S.-Petersbourg 1880. Ср. C. F. Neumann, Versuch einer Geschichte der armenischen Literatur. Leipzig 1836. F. Nève, L'Arménie chrétienne et sa litterature. Louvain 1886 [1]).

Сама по себѣ армянская историческая литература весьма

---

[1]) Объ армянской богословской и исторической литературѣ болѣе новыя свѣдѣнія съ библіографическими указаніями даются въ статьѣ (Petermann-) Gelzer „Armenien“ въ Hauck's Real-Encyklopädie für protest. Theologie und Kirche. 3 Aufl. B. II (1897), 67—92 (67—74). Для литературы древнѣйшаго времени см. указанія въ O. Bardenhewer, Patrologie. 2 Aufl. Freiburg im Br. 1901. 519—526. О книгѣ А. Аннинскаго, Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса 1899, ср. отзывъ проф. Н. Я. Марра въ Запискахъ восточнаго отдѣленія Императ. русскаго археолог. общества. Т. XV, 4, Спб. 1904. 0137—0140. Переводы армянскихъ историковъ на французскій языкъ: V. Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. I—II. Paris 1867—9. M. Brosset, Collection d'historiens Arméniens. I—II. St.-Pétersbourg 1874—6. *А. Б.*

многочисленна, но носитъ характеръ мѣстный. Извѣстно, что армянская литература распадается на два періода: добуквенный и послѣбуквенный съ 400 года. Почти всѣ сочиненія перваго періода забыты, хотя нѣкоторыя изъ нихъ какимъ-то чудомъ и сохранились [1]).

Первымъ уцѣлѣвшимъ историческимъ писателемъ добуквеннаго періода былъ Агаѳангелъ Римлянинъ, секретарь Тиридата великаго (Трдатъ, 286—342). Это былъ ученый, знакомый съ греческою и латинскою литературою. Онъ написалъ исторію царствованія Тиридата (главнымъ образомъ обращеніе въ христіанство), которая и сохранилась съ позднѣйшими интерполяціями. [Издана въ Венеціи 1862 и Тифлисѣ 1882; греческій текстъ ed. de Lagarde, Göttingen 1887] [2]).

Вторымъ писателемъ былъ Зиновій глакскій, епископъ малоазійскій, отказавшійся отъ епископства, послѣдовавшій за Григоріемъ Просвѣтителемъ и бывшій первымъ настоятелемъ монастыря св. Іоанна Предтечи въ Таронѣ. По порученію Григорія Просвѣтителя онъ написалъ исторію обращенія армянской области Тарона въ христіанство, гдѣ помѣстилъ переписку св. Григорія съ Леонтіемъ. Зиновій писалъ по-сирійски, но его исторія тогда же переведена на армянскій языкъ [издана въ Венеціи 1832]. Трудъ его имѣлъ продолжателей: самый замѣчательный изъ нихъ—Іоаннъ маминконскій, XXXV-й преемникъ Зиновія въ монастырѣ св. Предтечи, который и довелъ исторію до 640 года [3]).

---

[1]) Чтобы это и въ самомъ дѣлѣ не принять за сверхъестественное чудо, нужно замѣтить, что добуквенный періодъ есть тотъ, въ который и армяне писали, но только несродными ихъ языку сирійскими буквами,—выходило то же самое, какъ если бы кто попытался писать по-русски еврейскими буквами безъ точекъ (гласныхъ).

[2]) Сохранившуюся армянскую редакцію т. наз. исторіи Агаѳангела Н. Я. Марръ относитъ къ VIII в., греческій переводъ ея—ко времени патріарха Фотія. Болѣе древнюю редакцію (VII—VIII в.) входящаго въ „исторію“ сказанія о св. Григоріи Просвѣтителѣ представляетъ, по его заключенію, изданный имъ арабскій текстъ, переведенный съ греческаго подлинника. Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ. (Арабская версія). Записки восточнаго отдѣленія Императ. русскаго археолог. общества. Т. XVI, 2—3. Спб. 1905. 63—211. *А. Б.*

[3]) Усвояемыя обоимъ этимъ писателямъ сочиненія признаются не имѣющими съ исторической точки зрѣнія цѣнности легендарными произведеніями VIII—IX в. въ упоминаемомъ у Гельцера въ RE³ II 67₂₇ изслѣдованіи Г. Халатьянца о Зиновіи (Вѣна 1893). *А. Б.*

Фавстъ Византіецъ продолжалъ исторію Агаѳангела до 390 года. [Издана въ Венеціи 1832 и Паткановымъ въ Спб. 1883] [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ Моисей Хоренскій (род. ок. 370 г. ум. 489 г.). Онъ съ юныхъ лѣтъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ католикосомъ армянъ Сахакомъ Великимъ и Маштоцемъ Месропомъ, изобрѣтателемъ армянской азбуки, и представляетъ изъ себя величину первой степени изъ той плеяды ученыхъ, которые писали новоизобрѣтенными буквами (начало послѣбуквеннаго періода). Его исторія, въ трехъ книгахъ, начинается съ Хайка, миѳическаго родоначальника армянъ («армяне» по-армянски: «Hajk»), и доходитъ до 441 года († Сахака и Месропа). [Исторія издавалась вмѣстѣ съ другими произведеніями Моисея, главнѣйшими изъ которыхъ являются его географія и риторика, въ Венеціи въ 1843 и 1865 г., и весьма часто отдѣльно, напр., въ Тифлисѣ 1881; русскій переводъ Н. Эмина, Москва 1858 и 1893] [2]).

Послѣ него слѣдуетъ назвать ученика Сахака и Месропа—Егише (т. е. Елисея) † 480.; это былъ секретарь при князѣ Варданѣ, описавшій исторію борьбы (449—451) армянъ за вѣру съ персами противъ религіи Зороастра и войны армянъ противъ послѣднихъ, кончившейся для армянъ несчастно (битва при Араратѣ, въ которой Варданъ † въ іюнѣ 451 г.). [Издавалась въ общемъ собраніи сочиненій въ Венеціи 1839 и 1859 и часто отдѣльно, въ послѣдній разъ въ Москвѣ 1892; русскій переводъ въ Тифлисѣ 1853].

---

[1]) По вопросу о Фавстѣ (или Фаустѣ) ср. сближеніе его Н. Я. Марромъ съ авторомъ анонимнаго труда, сохранившагося въ рукописяхъ вмѣстѣ съ исторіей Себеоса о походахъ Ираклія и признаваемаго Марромъ за древнѣйшій дошедшій до насъ памятникъ на армянскомъ языкѣ по начальной исторіи Арменіи. Н. Марръ, О начальной исторіи Арменіи Анонима. Къ вопросу объ источникахъ исторіи Моисея Хоренскаго. По поводу критическихъ статей проф. А. Саггіѐге'а. Византійскій Временникъ, т. I. 1894. 263—306. *А. Б.*

[2]) Противъ крайне скептическаго отношенія къ извѣстной съ именемъ Моисея Хоренскаго исторіи со стороны Гутшмида (1876) и затѣмъ въ особенности со стороны французскаго арменіста А. Carrière'а (1891 и далѣе), приписывающихъ ее позднѣйшему автору VII—IX в. и на долю самого автора относящихъ разныя измышленія въ этомъ произведеніи, см. указанныя выше статьи Н. Я. Марра и его же: Къ критикѣ Исторіи Моисея Хоренскаго. Вив. Врем. 1898, 227—269.— Арабское извлеченіе изъ сирійской хроники Марибаса. Записки восточнаго отдѣленія Имп. русск.археол. общества. Т. XIV. Спб. 1902 *А. Б.*

Ученикъ Сахака и Месропа Коріунъ написалъ жизнь Месропа [Венеція 1894]. Лазарь фарпскій написалъ исторію съ 388—485 г., своего рода продолженіе исторіи Моисея Хоренскаго, которая Лазарю не была однако извѣстна [Венеція 1793, 1807, 1873].

Можно указать затѣмъ изъ позднѣйшаго времени на трудъ еп. Себеоса (т. е. Евсевія) VII в.—«Исторію Ираклія» [Константинополь 1851, Спб. 1879 изд. Патканова; его же русскій переводъ Спб. 1862].

[Отъ VIII в. извѣстна исторія нашествій арабовъ на Арменію и ихъ войнъ съ Византіею отъ 661 до 788 г., «Исторія халифовъ», вардапета Гевонда, т. е Леонтія (Парижъ 1857, Спб. 1887 изд. Езова; переводъ Патканова, Спб. 1862). Можетъ быть къ этому же времени, если не къ X в., относится и Моисей каганкатуйскій, написавшій «Исторію агванъ» или албанцевъ (Парижъ 1860, Москва 1860 изд. Эмина; переводъ Патканова, Спб. 1861)].

Въ X в. Ѳома Арцруни написалъ исторію въ 5 книгахъ отъ Ноя до 936 г. [Константинополь 1852, Спб. 1887 изд. Патканова]. [До болѣе ранняго пункта, именно до 925 г. довелъ въ тоже время свою исторію каѳоликосъ Іоаннъ VI (Іерусалимъ 1843, Москва 1853)].

Въ XI в. Стефанъ Асохикъ таронскій довелъ исторію до 1004 г. [Парижъ 1854, Спб. 1885; русск. переводъ 1864]. Въ XII в. пресвитеръ Самуилъ анійскій явился продолжателемъ хроники Евсевія кесарійскаго до 1179 г.]изд. Теръ-Микеліанъ, Вагаршапатъ 1893].

IV. Раздѣленіе церковной исторіи на періоды.

Церковная исторія обыкновено начинается указаніемъ тѣхъ отдѣловъ, на которые факты сами собой распадаются. Но въ указаніи самыхъ отдѣловъ между историками существуютъ разногласія. Собственно говоря, всякое дѣленіе на періоды является насильственнымъ въ ходѣ историческихъ событій и имѣетъ лишь дидактическое значеніе. Общественнзя жизнь есть такое сложное явленіе, что дѣленіе, удачное по отношенію къ одному порядку явленій, оказывается неудобнымъ по отношенію къ другому: событіе, составляющее эпоху въ одномъ порядкѣ явленій, имѣетъ весьма малое значеніе въ другомъ. Кромѣ того, дѣленіе осложняется еще тѣмъ, что для многихъ сторонъ церков-

ной жизни нельзя указать событій, ихъ опредѣляющихъ. Поэтому приходится не искать узловъ, захватывающихъ всѣ стороны церковной жизни, а взять какія-нибудь среднія величины. Такія величины могутъ быть находимы: 1) во внутренней сторонѣ жизни церкви, и 2) во внѣшней, въ исторіи взаимоотношеній между церковію и государствомъ. Если удастся показать удовлетворительные узлы по отношенію къ этимъ сторонамъ, то дѣленіе можетъ быть произведено съ успѣхомъ.

Если принять, что основою дѣленія на періоды должно служить событіе, вносящее въ жизнь новыя начала, то всю исторію можно раздѣлить лишь на два отдѣла: до реформаціи и послѣ реформаціи, на исторію древне-среднюю и новую. Единственнымъ событіемъ, которое, можно сказать, внесло новый принципъ въ церковно-историческую жизнь, должно считать появленіе протестантства. На мѣсто древняго церковнаго строя, полагавшаго въ основу подчиненіе вѣрующихъ церкви и спасавшаго посредствомъ церковныхъ учрежденій (таинствъ), реформація ставитъ вѣрующихъ въ непосредственное отношеніе ко Христу и вѣра здѣсь занимаетъ первое мѣсто; понятіе «церковь» отступаетъ на задній планъ, является возможность разсуждать о невидимой церкви; понятіе о церкви упрощается, іерархія совершенно уничтожается: протестантскихъ пасторовъ смѣшно сравнивать съ православными или католическими священниками, такъ какъ они ни болѣе ни менѣе, какъ богословски образованные міряне, избираемые приходомъ или общиной (Gemeinde) безъ всякихъ церковныхъ посвященій. Такимъ значеніемъ реформаціи воспользовался напр. Роте (Rothe) и согласно съ этимъ раздѣлилъ церковную исторію на а) каѳолическую до 1517 г. и б) протестантскую. Но реформація, имѣвшая такое громадное значеніе для запада, не является таковымъ событіемъ для востока. Кромѣ того, при такомъ дѣленіи получается чрезвычайно длинный первый періодъ и мы нуждаемся въ какомъ-либо пунктѣ для отдыха: требуется раздѣленіе на періоды исторіи самой каѳолической церкви.

Чтобы выбрать другіе отдѣлы, на которыхъ можно бы было остановить вниманіе, пользуются обычно дѣленіемъ исторіи на три періода: древній, средне-вѣковой и новый. Но относительно рубежей этихъ періодовъ и до сихъ поръ еще существуетъ споръ. Гдѣ кончается древняя исторія и начинается средняя,—указываютъ различные моменты.

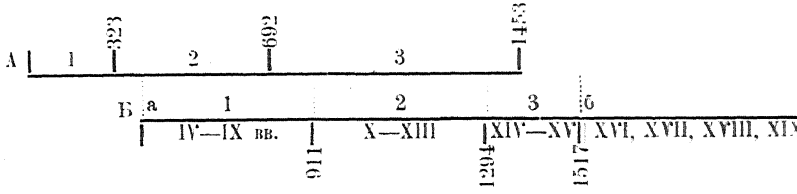
Гассе (Hasse) различаетъ періоды церковной жизни съ точки зрѣнія отношенія церкви къ государству и дѣлитъ исторію на а) до-константиновскій періодъ, когда церковь жила своею внутреннею жизнію, б) послѣ-константиновскій, когда церковь отчуждалась отъ себя самой и стала въ извѣстныя отношенія къ государству, и в) протестантскій періодъ, когда церковь опять возвращается къ себѣ. Но обыкновенно предѣлъ для перваго періода полагается дальше и константиновская эпоха считается лишь рубежемъ, раздѣляющимъ этотъ періодъ на двѣ половины. Нѣкоторые (Neander, Schaff, [Baur, Müller, Loofs, Kraus]) такимъ предѣломъ считаютъ правленіе Григорія В. римскаго отъ 590 до 604 г.; иные (Kurtz, Zöckler, [Alzog, Hergenröther, Funk])—трулльскій соборъ 692 г.; [Гизелеръ — начало иконоборческихъ споровъ (726)]; другіе въ качествѣ такого рубежа принимаютъ эпоху Карла В., останавливая здѣсь вниманіе или на 800 г. (коронованіе Карла, Hase) или на 814 († Guericke). Моллеръ (Möller) полагаетъ между древними и средними вѣками посредствующій періодъ между Григоріемъ В. и 800 г., годомъ коронованія Карла В.

Очень распространено дѣленіе по формамъ образованія христіанской жизни (Bildungsformen). Такъ католическій ученый Мёлеръ (Möhler) предлагаетъ слѣдующее дѣленіе: а) первый періодъ—церковь въ классической греко-римской формѣ—до Іоанна Дамаскина и Бонифація, просвѣтителя германскихъ племенъ; б) второй—въ германской формѣ съ VIII по XV в. и в) третій—съ конца XV вѣка и до настоящаго времени въ формѣ греко-римской и германской, въ формѣ, представляющей собою синтезъ (Verschmelzung).

Цёклеръ (Zöckler) также дѣлитъ исторію на три періода: а) древній, гдѣ жизнь проходитъ въ античной (греко-римской) формѣ, б) средній, гдѣ жизнь идетъ частію въ византійской, частію въ германо-романской формѣ, и в) новый—церковь въ современномъ строѣ жизни. При этомъ древній періодъ онъ дѣлитъ на два періода: 1) ecclesia pressa или время гоненій, періодъ мучениковъ (100—323), и 2) церковь государственная, время тріадологическихъ и христологическихъ споровъ, (323—692). Средніе вѣка дѣлитъ уже на три періода: 1) средневѣковое предобразованіе (Vorbildung) (692—1085), до смерти Гри-

горія VII, 2) расцвѣтъ среднихъ вѣковъ, (1085—1303), отъ Григорія VII до Бонифація VIII (Ausbildung, образованіе), и 3) періодъ упадка (1303—1517), съ Бонифація VIII до реформаціи, время разложенія средневѣковыхъ формъ и нарожденія новыхъ формъ (Durchbildung). Новый періодъ начинаетъ съ прибитія тезисовъ (1517 г.) и дѣлитъ на три періода: 1) до Вестфальскаго мира (1517—1648), основоположеніе (Grundlegung) реформаціи, 2) 1648—1814, время переходное, самоуглубленіе и одухотвореніе реформаціи, и 3) періодъ съ 1814—время борьбы съ внутреннимъ антихристіанствомъ и энергическаго (миссіонерскаго) дѣйствія на внѣшнее.

Куртцъ различаетъ два фазиса въ развитіи христіанства: А) развитіе церковной жизни въ антично-классической формѣ и Б) въ германской формѣ. Первый (А) доводится имъ до 1453 года и дѣлится на три періода: 1) до 323 года, 2) съ 323 по 692 и 3) съ 692 по 1453 годъ. Второй (Б), съ IV в. до настоящаго времени, раздѣляется на два отдѣла съ частнѣйшими подраздѣленіями: а) церковь въ средневѣково-германской формѣ, до 1517 г., и б) церковь въ современной германской формѣ. Схема Куртца можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:



Такимъ образомъ отдѣлы 1, 2, 3 Б здѣсь идутъ параллельно съ отдѣлами 2, 3 А. Такое дѣленіе, очевидно, не представляетъ дѣйствительнаго правильнаго дѣленія.

Такимъ образомъ вопросъ о началѣ средняго періода до такой степени споренъ, что Куртцъ склоняется признать два параллельныя одновременныя теченія: одно принадлежащее древнему періоду, другое — среднему (respective новому). Эта мысль—естественная и справедливая, но для архитектоники дѣленій крайне неудобная, отзывающаяся почти отреченіемъ отъ дѣленія по періодамъ.

Въ дѣйствительности, при указанномъ различеніи церкви въ формахъ классическаго быта и неклассическаго, т. е. быта

греко-римскаго и романо-германскаго, возникаетъ вопросъ, съ какого момента считать наступленіе новыхъ неклассическихъ формъ. Появленіе романо-германскихъ народовъ очень раннее: 378 годъ громко заявляетъ о бытіи германскихъ народностей—готовъ. Между тѣмъ. и этотъ моментъ нѣкоторые историки оспариваютъ, доказывая, что нужно вести первый періодъ въ формахъ классическихъ до паденія Римской имперіи, другіе—до Халкидонскаго собора. Но едва ли можно признать, что германская народность тогда уже создала особую форму, которая должна была смѣнить форму классическую. Дѣленіе до Халкидонскаго собора оказывается тоже неудачнымъ. IV вселенскій соборъ, какъ и Никейскій, имѣлъ свое продолженіе, послѣ него шли споры о его значеніи и самый вопросъ былъ окончательно рѣшенъ на VI вселенскомъ соборѣ, который можно поставить въ аналогію со II-мъ. Провести границу между двумя періодами на основаніи измѣненія классическихъ формъ на романо-германскія не легко и для запада. Нечего уже говорить о востокѣ, потому что имперія воображала, что она имперія ромеевъ. Съ точки зрѣнія западныхъ историковъ выдвигать обращеніе романо-германскихъ народовъ въ христіанство весьма понятно. Но должно указать такое событіе, которое имѣло бы значеніе какъ для востока, такъ и для запада, и составляло бы границу между I-мъ и II періодомъ.

Попытку разобраться въ вопросѣ о раздѣленіи церковной исторіи на періоды сдѣлалъ въ 1887 г. протестантскій пасторъ Wolff (Zur Zeittheilung der Kirchengeschichte въ Zeitschrift für kirchliche Wissenschaft und kirchliches Leben 1887). Онъ предъявляетъ по отношенію къ эпохамъ требованіе, чтобы онѣ, если и не представляли изъ себя новыхъ принциповъ, то по крайней мѣрѣ были взяты изъ самой внутренней жизни. не изъ внѣшней, и изображали собою ея прогрессивныя явленія, но отнюдь не регрессивныя; онѣ должны такимъ образомъ представлять величины положительныя, а не отрицательныя.

Но это положеніе, что принципомъ дѣленія долженъ служить не внѣшній для церкви фактъ, а событіе въ жизни самой церкви и при томъ такое, въ которомъ церковь вступаетъ въ новую ступень своего развитія (моментъ прогресса), сильно скорѣе отрицательною, какъ протестъ противъ фальшивыхъ рубрикъ, чѣмъ положительною стороною. Съ протестантской точки зрѣнія реформація, конечно, есть благо и прогрессъ;

очень крупное внутреннее событіе церковной жизни реформація будетъ и со всякой другой точки зрѣнія. Въ глазахъ протестанта положительный моментъ въ реформаціи (новая ступень) сильнѣе отрицательнаго (раздѣленіе, разрывъ западной церкви); естественно для протестанта представлять дѣло такъ, что римскокатолическая половина западнаго католическаго міра оказалась не въ состояніи прогрессировать, отстала и— отпала.

Но не такъ легко съ этой точки зрѣнія и для протестанта мотивировать начало средняго періода. Отвергнувъ такіе рубежи, какъ 800 или 813 (узко-политическій моментъ), какъ дѣятельность Бонифація (въ этотъ моментъ о германской формѣ образованія и говорить странно; да къ тому же Бонифацій, закрѣпощая германцевъ за Римомъ, былъ именно противъ этой особой формы), даже вообще какъ смѣна античной формы образованія германо-романскою (ибо а) Bildungsform есть по самой своей природѣ продуктъ *культуры*, а не фактъ *внутренней церковной* жизни, и б) въ средніе вѣка интеллигентные люди мнили себя истинными продолжателями именно классической формы образованія, смотрѣли на Аристотеля, какъ на praecursor Christi in naturalibus, и создавать новую форму образованія не имѣли намѣренія), Вольффъ принимаетъ такимъ рубежемъ 858 годъ, вступленіе на каѳедру папы Николая I, ибо «папство есть несомнѣнно господствующая въ средніе вѣка сила, опредѣляющая ходъ развитія», «средоточный пунктъ церковнаго развитія», а Николай I является съ сильно выраженными задатками средневѣковаго папы (его ссылки на лжеисидоровскія декреталіи). Такимъ образомъ дѣленіе основано на раздѣленіи церквей. Но это отрицательный моментъ, и, даже допуская, что восточная церковь не въ силахъ была снести «новаго принципа» (зародившагося средневѣковаго папизма), отстала и отпала, протестанту все же не легко указать *положительный* моментъ, истинно *прогрессивную* сторону факта, такъ какъ самая реформація состоитъ именно въ отрицательномъ отношеніи къ этому «новому принципу» и слѣдовательно оправдываетъ именно *восточную* церковь; однако, началомъ дальнѣйшихъ подраздѣленій берутся событія изъ жизни *западной* церкви и игнорируется церковь восточная [1]). Такимъ образомъ вмѣсто предъявлен-

[1]) Отдѣлы второго періода: 1) 858—1048, отъ Николая I до Льва IX;

наго логическаго начала дѣленія, получается простое торжество исключительно западной точки зрѣнія. А этимъ самымъ свидѣтельствуется, что попытка дать дѣйствительно церковно-вселенское дѣленіе не удалась.

Намъ приходится выставить начало дѣленія а) болѣе скромное (логически), но б) восточное по точкѣ зрѣнія. а) Въ основѣ дѣленія можетъ лежать фактъ и внѣшній (политическій) и отрицательный по своему смыслу, но фактъ несомнѣнной важности, послѣдствія котораго отозвались на послѣдующей жизни церкви. Поэтому раздѣленіе церквей—безъ всякаго размалевыванія его положительными, прогрессивными тонами — можетъ быть поставлено опредѣлителемъ средняго періода. б) Съ восточной точки зрѣнія выборъ предстоитъ сдѣлать между двумя отдѣленіями отъ церкви: аа) отпаденіемъ отъ восточной церкви монофиситовъ и бб) отпаденіемъ западной церкви отъ восточной.

Нельзя оспаривать серьезности этого второго факта (бб). 1) Отпавъ отъ каѳолическаго единства, монофиситы подготовили себѣ то убогое положеніе, въ которомъ они находятся нынѣ. 2) Это отпаденіе ослабило восточный христіанскій міръ, столь нуждавшійся въ сосредоточеніи силъ для отпора внѣшнему врагу (исламу). Но 3) по отпаденіи монофиситы не заявили себя особенною оригинальностью своей исторической жизни, и это ослабляетъ конечно значеніе самаго факта ихъ отдѣленія съ точки зрѣнія исторической науки. Напротивъ, 1) западная церковь именно по отпаденіи выразила со всей ясностію особенности своей исторической жизни. 2) Отпаденіе было очень важно по своимъ слѣдствіямъ для западной церкви: именно теперь латинскій патріархатъ, не умѣряемый въ своихъ стремленіяхъ авторитетомъ патріарховъ восточныхъ, развился въ церковную монархію—папство, и лучшіе представители западной церкви лишились той нравственной опоры, ка-

---

2) 1048—1378, отъ Льва IX, при которомъ окончательно состоялось раздѣленіе церквей, до начала великаго папскаго раскола, расцвѣтъ папства, и 3) 1378—1517, упадокъ папства. Отдѣлы третьяго періода: 1) 1517—1648, установка (Ausbildung) евангелической церкви до окончательнаго раздѣленія римской и евангелической церкви; 2) 1648—1817, отъ Вестфальскаго мира до прусской уніи, ослабленіе (Nachlassen) вѣроисповѣднаго сознанія; 3) 1818—х, возбужденіе (Wiedererwachung) церковной вѣры. А общая характеристика періодовъ: I—„періодъ единой церкви“, II—„періодъ папства“, III—„періодъ евангелической церкви“.

кую прежде они находили въ церковномъ общеніи съ единомысленными имъ членами восточной церкви (ср. общеніе Доминика, патріарха градскаго, съ Петромъ, патріархомъ антіохійскимъ въ 1054 году). 3) Очень важно по своимъ послѣдствіямъ отпаденіе западной церкви было и для церкви восточной. Это раздѣленіе тѣмъ болѣе печально, чѣмъ слабѣе оно было мотивировано. Монофиситскую церковь отъ насъ отдѣляетъ ересь, западную же только особый (папскій, до ватиканскаго собора) строй (поскольку сужденіе о Filioque колеблется). И однако уніональныя попытки Комниновъ и Палеологовъ остались безплодны, и такіе факты, какъ латинская имперія въ Константинополѣ съ 1204 года и турецкая съ 1453 г.,—этотъ плодъ и показатель равнодушія или вражды западнаго христіанскаго міра къ православному востоку, должны быть отнесены на счетъ послѣдствій 1054 года, и ясно говорятъ о тяжести этого событія для восточной церкви.

Итакъ, разрывъ западной церкви съ восточною (бб) есть событіе большей исторической значимости, чѣмъ отторженіе монофиситовъ (аа). Первое должно поставить рубежомъ между древнимъ и среднимъ періодомъ, а не второе.

Но признавъ на *этомъ* основаніи опредѣляющую важность раздѣленія церквей восточной и западной, мы не можемъ оспаривать того, что съ научной и восточной точки зрѣнія и фактъ отдѣленія монофиситовъ отъ каѳоличества, именно эпоху VI вселенскаго собора, съ успѣхомъ можно ставить эпохою между двумя періодами. Если первый рубежъ важенъ въ отношеніи къ будущему, то второй имѣетъ цѣнность съ точки зрѣнія прошедшаго, такъ какъ онъ замыкаетъ собою циклъ событій.

И прежде всего этотъ рубежъ составляетъ границу особой стадіи въ исторіи догматовъ. Между стадіями тріадологическою и христологическою существуетъ извѣстный историческій параллелизмъ. Первый вселенскій соборъ (325 г.) рѣшаетъ тріадологическій вопросъ, второй (381 г.) его завершаетъ послѣ долгаго ряда историческихъ колебаній въ теченіи промежуточнаго времени (между 325 и 381) и, установивъ безповоротно всеобдержное значеніе никейской вѣры, устраняетъ самый интересъ къ аріанскому вопросу. Исторически аріанство выяснилось какъ фракція, которой въ будущемъ предлежало исчезнуть въ лонѣ каѳоличества, и на смѣну тріадологическому спору выдвинулся уже назрѣвшій христологическій

(аполлинаріанство). Въ христологической стадіи IV вселенскій соборъ (451 г.)—тоже исторически, что въ тріадологической первый, и VI-й (680—681 г.)—тоже, что второй. Халкидонскій соборъ рѣшилъ христологическій вопросъ, константинопольскій III—завершилъ его, послѣ длиннаго ряда колебаній, компромиссовъ, уніональныхъ экспериментовъ съ монофиситами, и, установивъ неотмѣнимый авторитетъ халкидонскаго ὅρος'а и разъяснивъ его смыслъ противъ монофиситскихъ уловокъ, утвердилъ почву для послѣдующихъ отношеній къ монофиситамъ. Догматъ о Богочеловѣкѣ былъ уясненъ; реакція при Филиппикѣ (711—715) была явленіемъ вполнѣ эфемернымъ. На основѣ VI вселенскаго собора подведенъ итогъ опытамъ богословской мысли въ Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως св. Іоанна Дамаскина. Послѣдующій вселенскій соборъ (787) имѣлъ дѣло уже не съ христологическимъ вопросомъ. Монофиситскія церкви не прекратили своего существованія и донынѣ, но къ 681 году онѣ исторически выяснились—въ своей отвердѣвшей, устоявшейся отчужденности отъ каѳоличества; время наибольшей догматической энергіи онѣ уже прожили.

Но не въ догматической только области лежитъ этотъ рубежный характеръ VI вселенскаго собора: и въ другихъ отношеніяхъ церковь въ 681 году предстала съ опредѣленными чертами будущаго въ лицѣ своемъ.—Начать со внѣшняго ея распространенія. Если къ 451 году подъ напоромъ германской аріанизовавшейся силы была ограничена въ своемъ объемѣ и греко-римская имперія и каѳолическая церковь (подъ игомъ вандаловъ сломлена была мощь славной африканской церкви Кипріана и Августина), то этотъ 451 годъ, годъ Халкидонскаго собора, былъ вмѣстѣ и годомъ каталаунской битвы, когда полчища варваровъ отброшены были войсками имперіи; и соборъ состоялся *послѣ* этого политическаго успѣха, когда въ перспективѣ могло рисоваться даже расширеніе предѣловъ церкви. Напротивъ, на царствованіе Ираклія падаетъ начало и моноѳелитства, этого серьезнаго послѣдняго опыта уніи съ оторвавшимся монофиситскимъ краемъ, и 622 годъ, эпоха хиджры, первое зарево ислама,—предвѣстіе, что на мѣсто сломленнаго Иракліемъ персидскаго государства выступаетъ свѣжая народность арабская. Къ 681 году фактъ арабскихъ завоеваній достаточно выяснился: мухаммедане стали твердою ногой въ Египтѣ и Сиріи; подъ игомъ этихъ завоевателей подавлена была нормальная церковная жизнь въ этихъ древнѣйшихъ хри-

стіанскихъ территоріяхъ; на VI вселенскомъ соборѣ патріаршества александрійское и іерусалимское являются какъ sedes vacantes, т. е., какъ церкви, временно прекратившія свое нормальное историческое существованіе; а патріаршество антіохійское замѣщается искуственно (патріархъ антіохійскій и избирается, и рукополагается, и живетъ въ Константинополѣ), и собственно изъ Сиріи (за исключеніемъ Киликіи и Исавріи) не явилось ни одного епископа, равно какъ и изъ патріархатовъ александрійскаго и іерусалимскаго. Такимъ образомъ восточная церковь на VI вселенскомъ соборѣ является ограниченною предѣлами одного константинопольскаго патріархата,—фактъ, имѣющій важное значеніе и для внутренняго строя восточной церкви.

Съ другой стороны, западная церковь является здѣсь—въ значительной части—внѣ греко-римской имперіи, какъ церковь среди германскихъ народовъ, она тяготѣетъ къ своему центру—римскому папѣ и раздѣляетъ претенціозныя воззрѣнія этого послѣдняго, на соборѣ въ первый разъ вселенски заслушанныя (римская церковь «nunquam a via veritatis in qualibet erroris parte defluxa est») и получившія вселенскій отвѣтъ (въ видѣ анаѳемы папѣ Гонорію, какъ поборнику ереси). Это—тоже тѣни будущаго.—Впрочемъ, VI вселенскій соборъ также оказалъ (косвенное) содѣйствіе и римскому вліянію: на основѣ именно этого собора состоялось (700 г.) возсоединеніе съ Римомъ церквей сѣверной Италіи, порвавшихъ общеніе во время спора «о трехъ главахъ».

Слѣдовательно, и 681 годъ могъ бы служить эпохою для начала средневѣковаго періода. Однако вступленіе на константинопольскую каѳедру Фотія (857) и послѣдовавшее затѣмъ раздѣленіе церквей восточной и западной еще прямѣе ставитъ насъ предъ силою, задававшею тонъ въ средніе вѣка,—предъ утратою еще болѣе тяжкою, чѣмъ отложеніе монофиситовъ.

Здѣсь предстоитъ выборъ между раздѣленіемъ церквей при Фотіѣ и Керулларіѣ. Послѣдней даты, какъ извѣстно, держится учебникъ Смирнова. Но нельзя сказать, чтобы она была вѣрна. Раздѣленія церквей въ XI в. не хотѣлъ византійскій императоръ и тогдашніе христіане, а если оно произошло, то только потому, что назрѣло заранѣе. Не только на востокѣ, но и на западѣ не хотѣли признавать этого раздѣленія: западные богословы, объясняя присутствіе словъ: «χόριε

ἐλεήσον, Χριστὲ ἐλέησον» въ ихъ чинослѣдованіяхъ, доказывали, что греки и латиняне держатся одной и той же православной вѣры. Если, между тѣмъ, посмотрѣть на предшествующій періодъ, то окажется, что общеніе между церковію западною и восточною не было прочнымъ. Имя папы при Керулларіѣ не поминалось во время богослуженія, и если состоялось общеніе, то оно было вызвано эгоизмомъ императора Константина IX Мономаха. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, онъ грозилъ апеллировать къ папѣ. Но никто не хотѣлъ на востокѣ признавать авторитетъ этого послѣдняго: да и самъ Римъ, находившійся въ то время подъ владычествомъ такъ называемой порнократіи, не могъ вмѣшиваться въ дѣла востока: ему было не до него. Если говорятъ, что западная церковь, не сдерживаемая союзомъ съ востокомъ, пошла быстро по пути уклоненій, то здѣсь есть значительная доля перетолкованія. Пока въ Римѣ продолжалось господство порнократіи, папамъ было не до реформы, и только со времени Льва IX начинается рядъ папъ настолько энергичныхъ, что они, заручившись согласіемъ германскихъ владѣтелей, а потомъ, когда это сдѣлалось неудобнымъ, вступивъ въ борьбу съ ними, предпринимаютъ рядъ реформъ въ церковной жизни. Достаточно, наконецъ, сказать, что винъ за латинской церковью при Керулларіѣ было найдено много, но главное обвиненіе—ученіе о св. Духѣ, было пропущено, и эта сторона является неудобною для признанія за временемъ Михаила Керулларія значенія эпохи.

Иное дѣло, если мы поставимъ вопросъ о раздѣленіи церквей при патріархѣ Фотіѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ эпохой въ собственномъ смыслѣ. Тутъ вносится новое, твердое начало, опредѣляющее характеръ отношеній между востокомъ и западомъ.

Во всѣхъ бывшихъ до Фотія столкновеніяхъ западная церковь проявляла задоръ, а восточная церковь не всегда отвѣчала «безумному по безумію его», или даже вовсе не отвѣчала. Правда, еще Василій Великій думалъ дать надлежащій отвѣтъ западу въ лицѣ папы Дамаса на его нелѣпыя притязанія, но изъ христіанскаго миролюбія не выполнилъ своего намѣренія. Съ латинской стороны были требованія и властительный тонъ, а съ греческой поклоны. Думали изъ ложно понятаго братолюбія соблюсти и истину и миръ. Истину-то соблюдали, но миръ былъ фальшивый. Дѣло всегда выходило такъ, что правда

была на римской сторонѣ. Если смотрѣть не на факты, а на слова, то дѣло кажется такимъ, какъ будто папы были неограниченными владыками въ церкви и власть ихъ надъ востокомъ была подавляющая. Этимъ духомъ уклончивости характеризуются въ общемъ отношенія востока и къ папѣ Дамасу. Неподобающій тонъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ бралъ Целестинъ, но получилъ вѣжливый отпоръ.

Халкидонскій соборъ представляетъ явленіе болѣе характерное. Уже назрѣлъ вопросъ о предоставленіи константинопольскому патріарху извѣстныхъ правъ. Хотя эти права были предоставлены вторымъ вселенскимъ соборомъ, но папы раньше это игнорировали. Когда былъ возбужденъ этотъ вопросъ, легаты разыграли цѣлый парадъ съ хлопаньемъ дверей, выходомъ вонъ и проч. Должны были прочитать инструкцію папы. Эта инструкція была твердая, но нелѣпая. Будь отцы собора не трость, вѣтромъ колеблемая, а похожи на отцовъ африканскихъ, дѣло кончилось бы къ торжеству истины. Они дали бы отпоръ, который остался бы въ памяти папъ на долгое время. Въ концѣ концовъ, востокъ поставилъ на своемъ, но въ посланіяхъ на западъ не было выставлено, что дѣло о правахъ Константинополя было дѣло собственно восточное, а папы нимало не касается. Напротивъ, было написано, что легаты допустили ошибку, протестуя на соборѣ противъ 28 правила, такъ какъ апостольская каѳедра, конечно, будетъ рада возвышенію константинопольской, и дѣло, вообще, предоставлялось на усмотрѣніе папы, а усмотрѣніе папы въ томъ и состояло, чтобы константинопольскій патріархъ не былъ возвышенъ.

Дальнѣйшая исторія отношеній между Римомъ и Константинополемъ отличается тѣмъ же характеромъ. Здѣсь выступаетъ на сцену акакіанская схизма. Исторія этой схизмы окончилась, какъ извѣстно, тѣмъ, что восточная церковь осудила ересь безъ вмѣшательства римской церкви и послѣдняя возстановила съ востокомъ общеніе. Торжество православія уже состоялось, когда пріѣхали торжествовать это православіе римскіе легаты (519 г.). Чего же они достигли?—униженія Константинополя. Они потребовали, чтобы были вычеркнуты изъ диптиховъ православные борцы, Евфимій и др., на томъ основаніи, что они преемствовали Акакію, и греки согласились, но опять по своему. Отцы были вычеркнуты изъ диптиховъ, но были занесены въ мартирологи, въ святцы, и теперь чествуются, какъ святые. И всегда было такъ. Когда

съ запада дѣлались какія-либо требованія, греки не думали объ отпорѣ, а шли на компромиссъ. Адріанъ на VII вселенскомъ соборѣ тоже отличился. Онъ поднялъ крики, требуя возвращенія патримоній, отнятыхъ у Рима императоромъ, а также возбудилъ старый вопросъ относительно титула οἰκουμενικός, но греки и здѣсь не сдѣлали возраженій, а пропустили въ греческомъ переводѣ посланій Адріана мѣста съ неудобными для прочтенія на соборѣ требованіями.

Фотій доказалъ, что онъ созданъ изъ другого металла. Онъ былъ бы болѣе правъ передъ исторіей, если бы сразу взялъ вѣрный тонъ, но онъ сначала тоже держался традиціонной политики. Но когда папа Николай занялъ твердое положеніе и при томъ, съ его точки зрѣнія, вѣрное, когда онъ назвалъ Фотія λαϊκός и νεόφυτος, Фотій понялъ, что теперь не время думать о компромиссахъ, а пора подумать о борьбѣ. Правда Фотій вступилъ на престолъ при жизни Игнатія. Но это обстоятельство не могло служить препятствіемъ. Игнатій заднимъ числомъ могъ заявить о добровольномъ отказѣ. Но другой вопросъ, когда Фотія называли міряниномъ и новообращеннымъ. Еще на седьмомъ вселенскомъ соборѣ противъ Тарасія римскіе легаты имѣли храбрость возражать, что онъ изъ мірянъ сразу былъ возведенъ въ патріарха. Исторія восточной церкви сложилась такъ, что подобные факты у нея встрѣчались чаще, чѣмъ на западѣ, и она должна была отстаивать эту практику, но восточные уступили и, по настоянію запада, было постановлено правило, чтобы не ставить патріарховъ изъ мірянъ. Но это правило обходилось. Такъ, напримѣръ, Никифоръ былъ изъ мірянъ. При Фотіѣ же этотъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Съ канонической точки зрѣнія Фотій ничего не могъ отвѣтить папѣ; тогда онъ самъ перешелъ въ наступленіе и возбудилъ вопросъ о неправильности римскаго ученія о Св. Духѣ. Смѣлая манера Фотія и вообще его правленіе и попытка раздѣленія церквей характерны принципіальной постановкой вопроса,—именно, греческая церковь переходитъ въ наступленіе, отвѣчаетъ не поклонами, а ударами, и на западѣ это произвело сильное впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, эпоха Фотія должна считаться поворотнымъ пунктомъ въ характерѣ отношеній между востокомъ и западомъ. Право усматривать именно здѣсь начало средневѣковаго періода заключается въ томъ, что перемѣна позиціи восточной церкви въ отношеніи западной прежде оборонитель-

ной, съ этого времени наступательной, совершилась при Фотіѣ (867), причемъ догматическая разность (Filioque), какъ мотивъ для раздѣленія, указана именно Фотіемъ. Правда, самаго раздѣленія съ западомъ въ это время еще не состоялось, но уже опредѣлились стороны, по которымъ можно заключать, что церковная жизнь теперь потечетъ въ новыхъ границахъ. Что вскорѣ затѣмъ полемическій тонъ измѣнился,—дѣло отъ этого нисколько не измѣнилось: послѣ папы Іоанна VIII на престолъ папскій вступали разныя ничтожества, а когда вступило лицо достойное—Левъ IX, произошелъ окончательный разрывъ между церквами.

Если ставить вопросъ о внѣшнихъ границахъ церквей, то этотъ вопросъ уже былъ разъясненъ. Объемъ восточной церкви ко времени Фотія окончательно опредѣлился границами константинопольскаго патріархата. Но въ то же время характернымъ обстоятельствомъ является то, что это время было временемъ развитія миссіонерской дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, которая представляетъ собою какъ бы выходъ восточной церкви изъ стѣсненнаго положенія греческаго патріархата.

На догматической почвѣ, какъ было уже сказано, шестымъ вселенскимъ соборомъ заканчивается длинный споръ христологическій,—опредѣленъ былъ догматъ о двухъ воляхъ. Затѣмъ наступаетъ эпоха иконоборческая, которая, повидимому, не имѣетъ связи съ предшествующей эпохой, и возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли шестой вселенскій соборъ считать заканчивающимъ древнюю эпоху. Однако, седьмой вселенскій соборъ долженъ принадлежать еще древней эпохѣ. Но ко времени Фотія вопросъ объ иконопочитаніи должно считать законченнымъ, и съ этой стороны церковная жизнь ко времени Фотія получила совершенно опредѣленную физіономію. Затѣмъ, пято-шестой Трулльскій соборъ въ правилахъ о дисциплинѣ и обрядахъ имѣлъ огромное значеніе въ исторіи греческой церкви; въ нихъ замѣтно является тенденція обособиться отъ отъ другихъ церквей и по обряду, и смотрѣть на чужіе обряды, какъ на нѣчто предосудительное. Здѣсь, на Трулльскомъ соборѣ, нанесено было нѣсколько ударовъ обрядамъ армянской церкви и задѣта римская церковь; была попытка возбудить вопросъ о целибатѣ. Такимъ образомъ, ко времени VII вселенскаго собора отношенія между греческою церковію и западомъ и въ этомъ отношеніи достаточно опредѣлились.

Дѣло Фотія само по себѣ, однако, не такъ радикально, чтобы считать его революціоннымъ. Если мы примемъ во вниманіе, какъ жила древняя церковь въ общеніи съ западомъ, то увидимъ, что это общеніе было довольно фиктивное; были частые перерывы въ мирѣ и общенія было мало. Такимъ образомъ, чего-нибудь новаго, радикальнаго, раздѣленіе церквей не принесло; греческая церковь продолжала жить, какъ и жила прежде, совершенно своеобразною жизнію; только теперь она получила нравственное право всѣ притязанія папъ совершенно игнорировать.

Кромѣ разногласія о началѣ второго (средневѣковаго) періода ученые не сходятся между собою и въ годѣ, съ какого начинается второй отдѣлъ перваго періода. Въ сущности раздѣленіе перваго періода на полупериоды ясно. Чтобы не замѣтить, что правленіе Константина В. составляетъ эпоху въ церковной исторіи, нужно родиться слѣпымъ. Вопросъ можетъ касаться лишь болѣе точнаго указанія года въ предѣлахъ времени Константина В. Выборъ приходится дѣлать между гг. 311, 313, 323 и 325. Обычно останавливаются на 313 г., времени изданія миланскаго эдикта. 323 г., годъ побѣды Константина надъ Ликиніемъ и утвержденія единодержавія Константина, указывается (Kurtz, Zöckler) потому, что только теперь церковь фактически перестала быть ecclesia pressa, какою она оставалась на востокѣ подъ режимомъ Ликинія. Но при Юліанѣ она опять была ecclesia pressa; слѣдовательно 323-й годъ съ этой точки зрѣнія не конецъ. 311 г., когда изданъ эдиктъ Галерія о вѣротерпимости, это, конечно, начало конца, но вѣротерпимость была дана довольно лукаво, de invita voluntate, и могла быть взята назадъ безъ отмѣны эдикта 311 г. 313 г., время изданія миланскаго эдикта, есть истинный принципіальный конецъ для положенія ecclesia pressa, и слѣдовательно надлежащее начало для второй половины перваго періода.

Противъ такого дѣленія возвышаютъ однако голоса, не лишенные теоретическихъ основаній. Во всякомъ случаѣ миланскій эдиктъ лежитъ на периферіи церковной жизни, касаясь только отношеній церкви къ государству и имѣя лишь преходящее значеніе. Въ послѣдніе годы своего царствованія Константинъ В. въ своихъ отношеніяхъ къ церкви стоялъ не на почвѣ миланскаго эдикта. Послѣдній предоставлялъ лишь свободу вѣроисповѣданія, но не объявлялъ христіанства госу-

дарственною религіею. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Константинъ В. оставилъ своимъ дѣтямъ имперію съ христіанствомъ, какъ господствующею религіею. Поэтому нѣкоторые полагаютъ гранью перваго полупериода 325 годъ, годъ перваго вселенскаго собора (Wolff). 325-й годъ — дата строго-церковная, однако по содержанію догматическаго спора— она приходится по срединѣ тріадологической стадіи, а разсматриваемая съ внѣшней стороны (*первый вселенскій* соборъ) ама зависитъ отъ одной изъ предшествующихъ дать (политическихъ). Первый вселенскій соборъ имѣетъ значеніе не только церковное, но и государственное: церковь знаетъ о себѣ только какъ ἐκκλησία καθολική, а не какъ οἰκουμένη (orbis terrarum). Онъ, первый изъ вселенскихъ соборовъ, начинаетъ эпоху, но если имѣть въ виду его рѣшенія, то онъ только продолжаетъ то, что дано предшествующимъ временемъ. Догматическое ученіе о Св. Троицѣ разсматривалось еще въ періодъ до Константина В., а соборъ 325 года сказалъ свое слово по этому догматическому вопросу такъ, что никейскаго отвѣта нельзя считать окончательнымъ. То обстоятельство, что наша церковь имѣетъ не Никейскій, а такъ называемый Никео-Цареградскій символъ, показываетъ, что потребовалась новая редакція того же изложенія, чтобы этотъ самый вопросъ получилъ свою окончательную догматическую обрисовку. Такимъ образомъ предлагаемая дата нисколько не удобнѣе, чѣмъ дата 313 года.

Апостольскій періодъ я не считаю относящимся къ церковной исторіи. О немъ можно говорить или очень много, чтобы освѣтить надлежаще каждую сторону и каждый вопросъ въ этомъ періодѣ христіанской исторіи, или же очень мало. Въ первомъ случаѣ нарушена будетъ равномѣрность и пропорціональность въ изложеніи исторіи; во второмъ—получится вообще неудовлетворительное и неясное изложеніе важнѣйшихъ событій нашей исторіи. При томъ надо признаться, что Св. Писаніе иногда весьма мало освѣщаетъ историческую обстановку: для того, напримѣръ, чтобы узнать положеніе такихъ мелкихъ единицъ, какъ колоссяне, нѣтъ въ Св. Писаніи достаточныхъ данныхъ; довольствоваться же одними общими выводами значило бы дать слишкомъ сжатое и безцвѣтное изложеніе.

Митрополитъ Филаретъ относитъ этотъ періодъ къ библейской исторіи и это справедливо по многимъ основаніямъ. Церковная исторія и безъ того имѣетъ много своего матеріала. Кромѣ того, библейская исторія имѣетъ своимъ источникомъ

богодухновенныя книги, въ содержаніе которыхъ мы вѣруемъ; вслѣдствіе этого мы лишаемся права ставить критическое изслѣдованіе источниковъ библейской исторіи съ такою же свободою, какъ изслѣдованіе источниковъ позднѣйшей исторіи. Предметъ библейской исторіи совершенно особый и имѣетъ особое значеніе. Апостольскій періодъ въ особенности отличается отъ тѣхъ, которыми занимается церковная исторія, тѣмъ, что вопросы, которыми занимались въ этотъ періодъ, имѣли принципіальное значеніе, и рѣшеніе ихъ было безповоротно. Мы такъ привыкли принимать результатъ этихъ рѣшеній, какъ данное, что коренная важность самыхъ вопросовъ ускользаетъ отъ нашего вниманія. Напр., рѣшеніе апостольскаго собора по вопросу о томъ, обязательны или нѣтъ іудейскіе обряды въ приложеніи къ христіанамъ изъ язычниковъ, отвѣчаетъ на поставленный исторіею вопросъ о томъ, быть ли христіанству самостоятельною всемірною религіею, или присоединиться къ іудейскимъ сектамъ. Съ другой стороны, тѣ пункты, которыми апостольскій періодъ примыкаетъ къ другимъ церковнымъ періодамъ, могутъ быть поняты лишь при освѣщеніи церковной исторіи. Напримѣръ, какъ бы мы ни старались на основаніи только Св. Писанія возстановить образъ іерархическаго устройства апостольской церкви, мы непремѣнно должны принять во вниманіе тѣ результаты, которые представляетъ послѣдующая церковная исторія, и при свѣтѣ ея созерцать его. Такимъ образомъ канву для этой работы мы беремъ изъ церковной исторіи, а не наоборотъ. Протестантскіе ученые, которые не желаютъ дѣлать этого заимствованія, представляютъ административный іерархическій строй апостольскаго времени по собственному произволу. Отсюда понятно, почему новозавѣтная исторія занимаетъ треть курса въ протестанскихъ учебникахъ по церковной исторіи.

Такимъ образомъ, апостольскій періодъ представляется очень важнымъ, такъ что если заниматься имъ, то пришлось бы заниматься очень долго. Затѣмъ, апостольскій періодъ тѣсно связанъ съ библейской исторіей, ибо пользуется однимъ источникомъ, исключающимъ какую-либо корректуру, такъ какъ здѣсь мы сталкиваемся съ такими вопросами, съ которыми сами апостолы покончили навсегда. Вотъ почему при изложеніи церковной исторіи мы считаемъ своею задачею изложеніе только такихъ событій, которыя не имѣютъ мѣста въ Библіи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Ааронъ врачъ 200.
Abbeloos 201.
Абу-ль-Ясиръ 204.
Августинъ 28. 119. 123.
Августъ импер. 80. 85. 95. 96. 97.
Аверкій іерополькій 109.
Авкерьянъ 145–6.
Авксанонъ 161—2.
Авраамъ (эра) 96. 143. 144. 148.
Авраамъ эккельскій 201. 204.
Аврелій (имя) 116—117.
Аганій (Махбубъ) 202.
АгаѳангелъРимлянинъ210.
Адамантій 126.
Адельфій 79.
Адріанъ папа 224.
Ahrens 196.
Азарія (эра) 100.
Азиній Полліонъ 88.
Акакій патр. 223.
Алафіонъ 165.
Александръ алекс. 161. 203.
Александръ В. 83.
Александръ IV макед. 83.
Алексѣй Комнинъ 184.
Allais 67.
Алляцій 171.
Аль-Азисъ 205.
Аль-Макинъ 204—5.
Аль Макризи 205.
Альцогъ 214.
Амвросій медіол. 189.
Амміанъ Марцеллинъ 152.
Аммоній 161.
Амру-бну-Матта 202.
Амфилохій икон. 51.
Анастасій библіот. 181. 185. 190.
Анастасій имп. 208.
Андрей (пасхал. канонъ) 99—100.
Аннинскій 209.
Анніанъ 94—5. 97. 98. 176.
Антіохъ 78.
Аполлинарій іерапол. 178.
Аристотель 217.
Аркадій импер. 168.
Арсеній архим. (еписк.) 67.
Ассеманій 153. 194. 195. 198. 201. 202. 204.
Афу пемджескій 203.
Аѳанасій В. 55. 140. 141. 161. 162. 164. 167. 169. 170. 187.
Аѳанасій III александр. 204.
Аѳанасій игум. 100.

Badger 201.
Bährens 110.
Баллерини 133.
Baluze 131. 135 136.
Bardenhewer 107. 209.
Бароній 67.
Basset 209.
Batiffol 186.
Bauer 185.
Бауръ 214.
Беджанъ (Bedjan) 158. 194. 200.
Below 41.
Бенедиктинцы 120—121.
Bernheim 39.
Бестужевъ-Рюминъ 8.
Bethmann-Hollweg 65.
Bianchini 191.
Bidez 173.
Bigne, Marguerin de la 118.
Биній 129.
Blass 40. 56.
Болландисты 136—9.
Болландъ 136.
Болотовъ 10. 49. 84. 87. 99. 101. 136. 164. 167. 168. 186. 193. 203.
Бонифацій VIII папа 215.
Бонифацій 214. 217.
Бооръ (de Boor) 53. 125. 173. 180. 181. 184.
Borghesi 81.
Brandenburg 106.
Брандтъ 186.
Bratke 107.
Браунъ 194.
Bresslau 43.
Bright 156. 165.
Brockelmann 193.
Brosset 71. 209.
Brugmann 40.
Bruns C. G. 42.
Bruns H. T. 136.
Bruns P. J. 200.
Budge 201.
Büttemann 186.
Burton 156.
Busaeus 191.
Бузескулъ 106.
Бэда 188.

Вайтцъ 106. 191—2.
Валентиніанъ I 165.
Валентиніанъ III 78.
Валеріи (имя) 116. 117.
Валуа (Valesius) 155. 165. 171.
Варданъ 211.
Варронъ 82. 96.
Ваксмутъ (Wachsmuth) 106.
Василій В. 51. 123. 125. 161. 170. 222.
Василій II Болгаробойца 10.
Василій киликійскій 172.
Василій Македонянинъ 183.
Васильевскій 107.
Васильевъ 202.
Вассъ 78.
Ваттенбахъ 54. 106.
Вейнгартенъ 67.
Велисарій 174.
Вельтэ (Welter) 133.

Веселый (Wessely) 103.
Веспасіанъ 116.
Вигилій папа 130.
Виньоли (Vignoli) 191.
Висперъ (Wiesner) 46.
Викторъ витскій 124. 188.
Викторъ капуйскій 112.
Викторъ туннунскій 190.
Вильчъ (Wiltsch) 59.
Винеръ (Winer) 56.
Віоле (Violet) 155.
Виспицепусъ 76.
Вольффъ 216. 217. 227.
Вюстенфельдъ 101. 205.

Gaisford 171. 173.
Галерій 226.
Галланди 118.
Гамрекеловъ 99.
Гамсъ 61—62.
Гардтгаузенъ 42. 54.
Gebhardt 127. 139.
Гевондъ 212.
Геласій 129.
Гельцеръ 60. 143. 150. 174. 179. 209. 210.
Геминъ Рубеллій 79. 97.
Геминъ Фуфій 79. 97.
Генесій 182. 182—3.
Геннадій марсельскій 190.
Георгій алекс. 164. 179.
Георгій Амартолъ 181. 182. 183.
Георгій Кедринъ 145. 183.
Георгій Синкеллъ 145. 180. 185.
Geppert 168.
Gercke 41.
Германъ пресв. 189.
Гиббонъ 179.
Гизелеръ 214.
Ginzel 71. 75.
Gleditsch 40.
Gleye 177.
Глубоковскій 168. 169.
Гоаръ 181.
Гонорій имп. 79. 168.
Гонорій папа 221.
Горскій 27.
Готофредъ 62.
Grapin 159.
Graf 202.
Graffin 127.
Gross 106.
Гротефендъ 71—2. 114.
Григорій алекс. 164.
Григорій антіох. 173.
Григорій Баръ - Эврайо 200 - 1.
Григорій В. 133. 214.
Григорій VII папа 215.
Григорій Назіанзинъ 125. 161. 170.
Григорій Просвѣтитель 210.
Григорій турскій 188.
Guidi 128. 198. 199.
Гурій 199.
Гутшмидъ 17. 18. 147—151. 211.
Gwatkin 187.
Гэрике (Guericke) 214.

Hallier 198.
Halm 188.
Hamilton 196.
Hammer 40.
Hansen 75.
Hardouin 62. 131—2. 136.
Harnack 60. 107. 125. 126. 127. 139. 151—2. 155.
Hartel 123.
Hase 214.
Hasse 214.
Haury 174.
Headlam 159.
Heerdegen 40.
Hefele 134.
Heikel 160.
Heineccius 114.
Heinichen 156.
Henschel 57.
Henschen 137.
Hergenröther 214.
Heussi 60.
Hirsch 174.
Hirschfeld 65.
Hody 177.
Holsten 179.
Hübner 40. 113.
Hultsch 65.
Hussey 165. 168.
Hydatius 189—190.
Hyvernat 128.

Dahlmann 106.
Дамасъ папа 111. 163. 222. 223.
Дебольскій 3.
Декій 115. 116.
Delehaye 139.
Dessau 63. 110.
Джари (Djarian) 158.
Джисмонди (Gismondi) 202.
Дильманъ 98.
Димитрій кизикскій 183.
Димитрій Полiоркетъ 83.
Диндорфъ 53. 157. 177. 178. 184.
Diehl 127. 174.
Діоклетіанъ 85—6. 116. 140. 180.
Діонисій баръ-Салибій 194.
Діонисій Малый 86—7.
Діонисій теллъ - махрскій 150. 197. 198. 199.
Діонъ Кассій 16.
Діоскоръ 196.
Доминикъ градскій 219.
Домиціанъ 116.
Доминій Кальвинъ 88.
Dowen van, 197.
Дьяконовъ 197.
Дюбнеръ 123.
Дюканжъ (Ducange) 53. 56. 57. 178.
Dulaurier 71. 199. 209.
Duval 194. 199. 200.
Durand 66.
Дюшенъ (Duchesne) 133. 191—3.

Евагрій 84. 172—3. 195.
Евгеній аріан. 179.
Евдокія 189.
Evetts 203.
Евнапій 173.
Евлогій кесар. 189.
Евномій 161.
Евсевій кесар. 22—26. 91. 93. 94. 97. 98. 126. 139—160. 162. 166. 167. 172. 173. 175. 176. 177. 185. 186. 187. 188. 190. 194. 198. 202. 212.
Евсевій никомид. 25. 26.
Евсевій папа 111—112.
Евтихій алекс. 203—4. 205.
Евфимій патр. 223.
Егише 211.
Езовъ 212.
Eckhel 117.
Елладій 161.
Енохъ (книга) 126.
Епифаній кипрскій 79. 95. 97
Епифаній схоластикъ 185
Erpenius 205.
Ефремъ 184.

Жири (Giry) 43.

Захарія Риторъ 195—6. 197. 198.
Захарія Схоластикъ 196.
Зенонъ маюмскій 165.
Зейбольдъ (Seybold) 203.
Зиверсъ (Sievers) 186.
Зигфридъ 150.
Зикель (Sickel) 42.
Зиновій глинскій 210.
Зограбьянъ 145.
Зосимъ 173.
Зотанберъ (Zotenberg) 206. 207.

Игнатій мелитинскій 199.
Игнатій патр. 138. 183. 224.
Идатій (Hydatius) 189—190.
Иделеръ 70—1.
Иларій пиктав. 167.
Илія прор. 138.
Ильдефонсъ толедскій 190.
Ипполитъ 91. 93. 97. 108. 126. 185.
Ираклій антипапа 111—112.
Ираклій имп. 19. 41. 117. 177. 178. 179. 199. 208. 220.
Ириней 91. 95. 97.
Иродъ 88—9.
Исаакъ алекс. 206. 207.
Исаакъ каѳоликосъ 194.
Исидоръ севильскій 190.
Исихій 161.

Іаковъ Бурд'оно 197.
Іеер 169.
Іероклъ 60.
Іеронимъ 144—151 (passim). 185. 188. 189. 190. 201.
Іисусъ Столпникъ 195. 198.
Іоаннъ антіох. патр. 134.
Іоаннъ антіох. истор. 177.
Іоаннъ антіох. истор. 199.
Іоаннъ Богословъ 91.
Іоаннъ Дамаскинъ 172. 177. 214. 220.
Іоаннъ Діакриноменъ 172.
Іоаннъ діокесар. 182.
Іоаннъ ефесскій 196—7. 198.
Іоаннъ Златоустъ 119. 123. 125. 163. 170. 189.
Іоаннъ Зонара 16. 184.
Іоаннъ іерусалим. 189.
Іоаннъ кайсумскій 149.
Іоаннъ Кассіанъ 124.
Іоаннъ VI каѳоликосъ 212.
Іоаннъ Ксифилинъ 16.
Іоаннъ лидійскій 183.
Іоаннъ Малала 16. 84. 176—7. 178. 207.
Іоаннъ мамиконскій 210.
Іоаннъ никіускій 206—8.
Іоаннъ Скилица 182. 183—4.
Іоаннъ скиѳопольскій 172.
Іоаннъ Цимисхій 182.
Іоаннъ VIII папа 225.
Іоиль 184.
Іосифъ Флавій 88. 90.
Іустинъ мучен. 108.

Каброль (Cabrol) 106.
Каведони 112.
Кантэнъ (Quentin) 133.
Карлъ В. 214.
Кармелиты 138.
Карра де Во (Carra de Vaux) 128.
Карріеръ (Carrière) 211.
Кассіодоръ 185.
Катонъ 82.
Кинъ (Kihn) 63.
Кипертъ 59.
Кипріанъ 123. 124.
Кириллъ алекс. 86. 128. 134. 162. 203.
Кириллъ первоуч. слав. 10. 225.
Kirsch 200.
Клавдіанъ консулъ 80.
Клавдій Северъ конс. 80.
Клавдій импер. 82.
Klebs 63.
Klein 81.
Клемансэ (Clemencet 66.
Клеопатра 96. 97.
Климентъ алекс. 95. 97. 126.
Клинтонъ (Clinton) 67—8. 74.
Knopf 139.
Cohen 117.
Коковцевъ 194. 199. 200.
Колети 132.
Коммодъ 81.
Кондіанъ консулъ 80.
Кононъ папа 191.
Константинъ В. 22—26. 58. 103. 117. 141—2. 159—160. 172. 207. 226. 227.
Константинъ Манасси 184.
Константинъ патрицій 182.
Константинъ Порфирородный 182. 183.
Константинъ IX Мономахъ 222.
Константій Хлоръ 116. 117.
Константій 26. 169. 179.
Конъ (Cohn) 40.
Коріунъ 212.
Косолаповъ 72.
Коссаръ (Cossart) 130. 136.
Koffmane 57.
Krabbe 129.
Краусъ 106. 214.
Крашенинниковъ 174.
Криспъ сынъ Конст. В. 141.
Crum 202.
Крумбахеръ 40. 107. 127. 174. 184.
Krüger 107. 196.
Kugener 196.
Kuhn 65.
Kühn 110.
Куртцъ 214. 215. 226.
Кутанъ (Constant) 133.
Кэвъ (Cave) 62.
Кюртонъ (Cureton) 155. 164. 197.

Labbe 130. 131. 136.
де Лагардъ 48. 123. 210.
Лазарь фарпскій 212.
Лактанцій 186.
Lämmer 156. 157.
Lamy 201.
Ландъ 195. 196. 197.
Langlois V. 41.
Langlois V. 199. 209.
Larfeld 40.
Larsow 164.
Лаухертъ 136.
Лебедевъ 107. 160.
Le Blant 113. 139.
Левъ Армянинъ 183.
Левъ В. папа 133. 191.
Левъ IX папа 217. 218. 222. 225.
Левъ Грамматикъ 182.
Левъ Діаконъ 183.
Левъ I импер. 172.
Левъ VI импер. 82.
Lehmann 74.
Leipoldt 193. 202.
Leist 43.
Лекіенъ 61.
Lemm 202.
Леонтій аріанинъ 179.
Леонтій кесар. 210.
Леонтій продолж. Ѳеофана 182.
Лже-Исидоръ 81.
Либератъ 129. 188.
Либерій 167. 169. 191.
Ликиній 152. 168. 226.
Липсіусъ 112. 191—2.
Littmann 193. 206.
Логоѳетъ 182.
Лоофсъ 214.
Löschke 168.
Лукіанъ 28.
Лукій алекс. 164.
Лютеръ 33.

Mabillon 42.
Маврикій имп. 173. 199.
Мавръ св. 122.
Магометъ 101.
Madden 115.
Ман (Mai) 118—9. 145—6.
Макарій алекс. 120.
Макарій егип. 120.
Македоній 164.
Мас-Lean 158. 194.

Максимъ Испов. 64. 105.
Mansi 132—4. 135. 136.
Manso 65.
Марибасъ 211.
Марн-ибн-Сулейманъ 201.
Маркеллинъ папа 11.
Маркеллъ папа 111—112.
Маркіанъ импер. 78.
Marquardt 64.
Маркъ Аврелій 81.
Маркъ еванг. 205.
Марръ 209. 210. 211.
Martin 195.
Мартинъ папа 135.
Мартинъ турскій 167. 188.
Марута майферкатскій 194.
Марцеллинъ комитъ 190.
Маффеи 167. 186.
Махбубъ (Агапій) 202.
Meinecke 41.
Meister 41.
Мелетій антіох. 179.
Менделѣевъ 1.
Merlin 128.
Месропъ 158. 211. 212.
Мехитаристы 209.
Меѳодій первоуч. слав. 10. 225.
Miller 59.
Мина никіускій 207.
Мина патр. 129. 135.
Минуцій Феликсъ 109.
Минь 119—121. 124. 126—7. 155. 171. 174. 177. 178. 184. 204.
Михаилъ Великій 199—200.
Михаилъ Глика 184.
Михаилъ III имп. 180. 183.
Михаилъ Керулларій патр. 221. 222.
Михаилъ Пселлъ 183.
Михаэлисъ 198.
Моисей кагакантуйскій 212.
Моисей II католикосъ 100.
Моисей Хоренскій 211. 212.
Мёлеръ (Möhler) 214.
Мёллеръ (Möller) 214.
Molinier 106.
Моммсенъ 65. 103. 126. 142. 159. 177. 186. 190. 191. 192. 193.
Moulton 56.
Mulert 60.
Муральтъ 68—9. 74. 181.
Müller 214.
Müller Iwan 40.

Набонассаръ (эра) 85.
Nau 127. 195. 197. 198.
Неандеръ 214.
Nève 209.
Нерва имп. 115.
Nestle 158.
Несторій 162. 171. 190.
Neumann 209.
Niese 40.
Никифоръ діаконъ 183.
Никифоръ Каллистъ 157—8. 172. 173. 184.
Никифоръ патр. 53. 125. 180. 183. 185. 224.
Николай I папа 217. 224.
Николини 129.
Nirschl 41. 107.
Nissen 40.
Новатіанъ 163.
Nöldeke 193. 198.
Nösselt 171.
Norden 41.

Oberhummer 40.
Öhler 171.
Октавій 109.
Оппольцеръ 74—5.
Оригенъ 125. 126. 140. 163. 166.
Орловъ 193.
Орозій 124. 125. 187.
Осій кордубскій 161.

Пабстъ 191.
Павелъ антіох. 197.
Павелъ ап. 6. 11. 12.
Павелъ Діаконъ 188.
Павлинъ тирскій 152.
Паджи (Pagi) 67.
Palmé 132—3.
Панодоръ 94. 95. 97. 99. 176.
Памфилъ 140. 155.
Papebroch 137.
Parmentier 173.
Parthey 59.
Патрановъ 209. 211. 212.
Payne-Smith 197.
Петавій 66. 180.
Петерманнъ 146. 150. 209.
Петръ алекс. 178.
Петръ антіох. 219.
Петръ ап. 7.
Петръ ибн-ур-Рахибъ 204. 205.
Petschenig 188.
Пилатъ 90. 95. 98.
Pinder 59.
Питра 121—2. 135.
Плиній 59.
Pöhlmann 40.
Поликарпъ смирнскій 109.
Pocock 201. 204.
Potthast 106.
Praesens консулъ 80.
Preuschen 107. 158.
Проклъ патр. 165.
Прокопій кесарійскій 64. 174—5. 177. 180.
Просперъ аквитанскій 189.
Prou 54.
Птолемей Клавдій 59. 75. 83. 95. 97.

Радеръ 178.
Райнеръ 208.
Райтъ (Wright) 158. 194. 195. 199. 200.
Ramsay 59.
Reading 155. 165. 171. 173.
Renaudot 203.
Renier 80.
Reusens 54.
Rigollot 63.
Richardson 190.
Richter 40.
Robinson 81.
Рёдигеръ 150.
Rohden 63.
Романъ I импер. 182.
Росвейдъ 136.
Росси 111. 113.
Rote 213.
Рустикъ 129. 131. 135.
Руфинъ аквил. 17. 126. 158. 162. 169. 185. 186—7.
Руфинъ 168.
Rühl 71.
Ruinart 139.

Sabatier 117.
Савеллій 154.
Савинъ ираклійскій 164. 167.
Савиньи 103.
Сальханій 201.
Самуилъ анійскій 146. 212.
Сатурнинъ проконсулъ 80.
Сахакъ В. 211. 212.
Свида 172.
Себеосъ 211. 212.
Севиръ ашмунайнскій 303.
Селевкъ Никаторъ (эра) 83.
Сергій архіеп. 63.
Сергій архим. 195.
Сикеліотъ дидаскалъ 183.
Сикстъ III папа 134. 191.
Сильвестръ папа 23. 26.
Симеонъ Метафрастъ 109. 182.
Симеонъ Магистръ 182.
Симонъ александр. 206.
Симонъ Магъ 108.
Sionnet 123.
Сирмондъ 129. 170.
Скабалановичъ 65. 174.

Скалигеръ 66. 145. 185.
Слиба 199.
Smedt 107.
Смирновъ 39. 221.
Смитъ 63. 106.
Соборы 127—136.
апостольскій 228.
I всел. 129. 160—1. 162. 163. 194. 216. 219. 220. 227.
II 216. 219. 220.
III 78. 104—5. 129. 189. 223.
IV 78. 112. 129. 131. 216. 220. 223.
V 129. 130.
VI 216. 219. 220. 221. 225.
VII 172. 220. 224. 225.
аримин. 359 г. 131.
въ Двинѣ 100.
карѳаг. конфер. 411 г. 131.
карѳаг. 419 г. 79.
латер. 649 г. 135.
медіол. 355 г. 131.
селевк. 164.
сердик. 164.
трулл. 114. 214. 225.
Созоменъ 165—8. 169. 170. 172. 185.
Сократъ 17. 22. 26. 161—5. 166. 167. 168. 169. 170. 172. 180. 185. 188.
Солонъ 11.
Sophocles 56.
Sotiriadis 177.
Стефанъ Г. 56.
Стефанъ Р. 155. 165. 170. 171.
Стефанъ V папа 191.
Стефанъ таронскій 212.
Сульпицій Северъ 124. 187—8.
Сурій 129. 137.
Suicerus 56.
Сцилитанскіе мученики 80.

Тарасій патр. 180.
Тертулліанъ 95. 97. 110.
Теръ-Микеліанъ 212.
Тиберій 90. 97. 98.
Тилльмонъ 67. 105. 153.
Тиль (Thiel) 133.
Тимоѳей писатель антіох. 176.
Тиридатъ 210.
Титъ импер. 116.
Томпсонъ (Thompson) 54.
Траллiанъ Филиппъ асіархъ 109.
Тульбергъ 150.
Тураевъ 128. 206.
Turner 136.

Унгеръ 40. 71. 83.
Ураній еп. иворнскій 114.
Usener 80.
Уэсъ (Wace) 63.

Фавстъ Византіецъ 211.
Favre 57.
Феликсъ III (IV) папа 191.
Ficker 42.
Филаретъ митр. 9. 227.
Филиппикъ имп. 220.
Филиппъ (эра) 85. 96. 97.
Филиппъ сидскій 161.
Филоксенъ (ὁσούξ) 208.
Филонъ 178.
Филосторгій 160—1. 169. 179.
Finck 193.
Finke 133.
Флавій Василій Меньшій 81.
Флавіи (имя) 116—7.
Флоссъ (Floss) 120.
Фока имп. 177. 179. 207. 208.
Фолькманнъ(Volkmann)40.
Forbiger 59.
Forget 203.
Фотій иворнскій 113—4.
Фотій патр. 160. 161. 172. 210. 221. 222. 224. 225. 226.
Frick 186.
Fronton le Duc 184.
Фульгенцій Феррандъ 63—4.
Функъ 214.

Халатьянцъ 210.
Хвольсонъ 90.
Христофорсонъ 165. 170.
Христосъ 7. 11. 12. 13. 34. 87—92.

Цангенмейстеръ 124. 187.
Целларій (Cellarius, Келлеръ) 59.
Целестинъ папа 134. 223.
Цецилій Наталій 109.
Циммерманнъ 156.
Цицеронъ 29.
Цöклеръ 214. 226.

Ченей (Chaney) 1.
Чильмидъ (Chilmead) 177.

Шабо (Chabot) 128. 199. 200.
Шабушти 205.
Шаффъ 99. 169. 214.
Schwartz 59.
Shwartz E. 159.
Schwegler 156.
Шевалье (Chevalier) 63.
Шейхо (Cheikho) 204.
Schegg 87.
Schlumberger 114.
Schmalz 40.
Schmiedel 56.
Schöne 146—7. 150—1. 189.
Schönfelder 197.
Шрамъ (Schram) 72—3. 76. 81.
Штангъ (Stang) 107.
Штейндорфъ (Steindorf) 202.
Штернъ (Stern) 202.
Штольцъ (Stolz) 40.
Штротъ (Stroth) 156.
Шульце 171.

Эбед-Йешу 201.
Эбертъ 110.
Эминъ 209. 211. 212.
Эратосѳенъ 82.
Эѳерихъ смирнскій 112.

Ювеналій іерусал. 189.
Judeich 40.
Юліанъ импер. 162. 168. 226.
Юлій Африканъ 93. 95. 97. 143. 167. 178.
Юлій Цезарь 97. 196.
Jung 40.
Юнилій 63—64.
Юстина 189.
Юстиніанъ 58. 81. 117. 174. 177. 180. 181. 189. 196. 198. 199.
Юстинъ I 41. 172. 177.
Юстинъ II 199.

Янъ (Jahn) 123.

Ѳекла 48.
Ѳеодора импер. 174.
Ѳеодоритъ 17. 22. 25. 26. 167. 168—171. 172. 180. 185.
Ѳеодоръ Дафнопатъ 182.
Ѳеодоръ мопсуэст. 161. 168.
Ѳеодоръ севастійскій 183.
Ѳеодоръ сидскій 183.
Ѳеодоръ Чтецъ 172. 180.
Ѳеодосій I 117. 168. 186. 203.

Θеодосій II 78. 79. 117. 166. 167. 189. 199.
Θеофанъ Исповѣдникъ 23. 24. 73. 125. 126. 172. 180. 183. 185.
Θеофилъ алекс. 163. 189. 203. 208.
Θеофилъ имп. 199.
Θеофилъ писатель антіох. 176.
Θома Арцруни 212.
Θома маргскій 201.

СЛѢДУЕТЪ ИСПРАВИТЬ:

Стран.	Строка.		
70	18 снизу	Quasimodo	Quasi modo
86	12 сверху	—	пропущено заглавіе: Лѣтосчисленіе отъ Р. Х.
162	11 „	Константира	Константина
163	1 снизу	встрѣченно	встрѣчено
—	3 „	Оригина	Оригена
211	3 сверху	Моисея Хоренскаго	Моисея Хоренскаго. І. Г. Халатьянцъ, Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго.

Цѣна 2 р. 25 к., съ пересылкой 2 р. 50 к.